Сочинения

Э. ОРЖЕШКО

И ~~А8820~~
О-65 Г 1864 Х 5566.
~~6586~~

Оржешко, Э.
Собр. сочин. т. 11.
Эли Маковер (оконч.)
1896 г. 3. Рассказы 25 р.

21425/I
4895/III
5776/I
64250/IV
86210/I
685 16/IV
336 27/XII

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач

з. 1081

О-65

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Съ портретомъ автора, автографомъ, біографіей и вступительной статьей.

Томъ одиннадцатый.

Эли Маковеръ

(окончаніе).

Разсказы.

ДМИТРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА Московской области

БИБЛИОТЕКА Инв. №

Библиотека завкома Катуаровского з-да кислотоупоров МПСА СССР Инвентарный №

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“.

Забалканскій просп., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Г. А. Мачтета, съ критико-біографич. очеркомъ и портр. автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Оглавленіе.

	Стр.
Эли Маковеръ (окончаніе)	1—232
Сильный Сампсонъ.	233
Гедали.	303
Дай цвѣтокъ	345

Эли Маковеръ.

(Окончаніе.)

Часть третья.

I

Была хорошая, слегка морозная декабрьская ночь. Надъ ренчинской усадьбой плылъ по подернутой серебристымъ туманомъ синевѣ неба полный мѣсяцъ и освѣщалъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ этого края. Раскидистыя величественныя деревья старыхъ громадныхъ садовъ, облѣпленныя инеемъ, сверкали алмазами; нѣсколько ниже переплеталась чаща кустовъ и молодой поросли, образуя въ тѣни фантастическій, причудливый узоръ. Скалистые берега Нѣмана, гладкіе и высокіе, блистали своей безукоризненной алебастровой бѣлизной; у подножія ихъ, глубоко внизу лежала неподвижно широкая лента льда и слышенъ былъ тихій, но буйный шумъ водъ, которыя волновались и бурлили подъ своимъ блестящимъ хрустальнымъ покровомъ. Въ величественномъ спокойствіи стоялъ неподвижно, словно окаменѣлый, громадный лѣсъ, тянувшійся невдалекѣ длинной темной стѣной; на бѣлыхъ холмахъ тихо шумѣли одиноко растущія сосны.

Вдали, среди широкихъ полей, среди раскидистыхъ вербъ, росшихъ по краямъ извилистой дороги, въ оврагахъ, выдолбленныхъ вѣковой работой весеннихъ розливовъ, въ долинахъ, гдѣ чернѣли рас-

кинутыя тамъ деревни и села, тяжело проносился время отъ времени низко надъ землей и гудѣлъ глухой протяжной гаммой вѣтеръ.

Въ усадьбѣ было одно мѣсто, откуда можно было однимъ взглядомъ окинуть всю окрестность. Оно находилось тутъ же за дворцомъ, на краю пригорка, по склонамъ котораго длинными и широкими рядами сбѣгали садовыя аллеи, и у подошвы котораго тянулись скалистыя или обросшія дикимъ кустарникомъ стѣны граничащаго съ Нѣманомъ оврага. Это мѣсто было слегка огорожено деревянной оградой, чтобы оберечь приходящихъ сюда отъ опасности поскользнуться и сорваться съ крутизны.

Теперь здѣсь стоялъ, опершись на ограду, Конрадъ Ренчицъ, закутанный въ теплую шубу. Это была послѣдняя ночь, которую сынъ пани Мальвины проводилъ въ своемъ родномъ гнѣздѣ. Нѣсколько недѣль назадъ Ренчинъ былъ проданъ графу К... и завтра сюда имѣлъ прибыть кто-то съ дальней стороны, чтобы отъ имени новаго владѣльца принять его владѣніе. Всего часъ тому назадъ Конрадъ былъ весьма спокоенъ и вполнѣ доволенъ. Ему казалось, что теперь онъ разъ навсегда скинулъ съ плечъ всѣ безпокойства и непріятности, которыя въ послѣднее время особенно сильно давали себя чувствовать. Притомъ же у себя въ карманѣ онъ осязалъ довольно значительную сумму денегъ, а на другую, еще болѣе крупную, было ему выдано въ присутствіи его уполномоченнаго, Августина Шилло, официальное обязательство. Ко всему этому ему было обѣщано, что вскорѣ онъ станетъ владѣльцемъ другого прекраснаго имѣнія въ сосѣдней области, свободнаго отъ долговъ, со множествомъ луговъ, на которыхъ могутъ пастись громадные табуны лошадей. Внима-

тельное обдумываніе и вычисленіе шансовъ будущаго никогда не лежало ни въ мысляхъ, ни въ характерѣ сына пани Мальвины. Порыцкій, Эли и Эфроимъ доказывали ему, что продажа Ренчина очень выгодное для него дѣло, его уполномоченный не противорѣчилъ этому, и Конрадъ вѣрилъ, радовался сдѣлкѣ и полными надежды глазами глядѣлъ на будущее.

Но на этомъ ясномъ небѣ была, однако, тучка хоть и маленькая, но темная. Конрадъ зналъ, что нѣкоторые изъ его кредиторовъ, не обезпечившіе своихъ интересовъ соблюденіемъ при выдачѣ ему ссуды необходимыхъ формальностей, ничего не получили, что все дѣло продажи имѣнія велось Эли и Ильдефонсомъ такъ тихо, такъ шито-крыто, что многіе изъ кредиторовъ до настоящей минуты ничего о ней не знали. Плутовство это было учинено изъза разсчетливости и скупости графа К..., который въ противоположность щедрому и не обращающему вниманія на расходы барону Р..., обѣщалъ дать своимъ агентамъ тѣмъ большее вознагражденіе, чѣмъ въ меньшую сумму ему придется пріобрѣтеніе Ренчина. Сумма же эта могла быть сокращена двумя путями: отклоненіемъ и непризнаніемъ всѣхъ тѣхъ долговъ, лежащихъ на Ренчинѣ, которые не были въ достаточной степени оформлены, и выдачей Конраду и его матери документовъ, въ которыхъ были бы опущены какія-либо важныя формальности, что лишало бы ихъ силы и значенія въ глазахъ закона. Оба эти способа были пущены въ ходъ. О второмъ Конрадъ, естественно, ничего не зналъ. О первомъ же онъ не могъ не знать, но его совѣсть, не позволявшая ему допустить такую вопіющую несправедливость, была побѣждена доводами

Эли, софизмами Порыцкаго, а больше всего совѣтами и рѣчами его довѣреннаго и любимца Эфроима, да еще тѣмъ соображеніемъ, что, въ концѣ концовъ, онъ, если только захочетъ, можетъ уплатить скрытые при актѣ продажи и не упомянутые въ купчей долги изъ вырученной суммы.

— Конечно, заплачу ихъ! — думалъ Конрадъ, пряча въ бумажникъ деньги, врученныя ему Порыцкимъ въ счетъ покупки.

Часъ спустя послѣ полученія денегъ онъ даже сказалъ Эфроиму:

— Какъ ты думаешь, Эфроимъ? Послать, можетъ быть, за Павломъ Шилло и за всѣми другими? Пусть пріѣдутъ и получатъ свои деньги!

Но Эфроимъ сталъ доказывать, что въ этомъ ничего экстреннаго нѣтъ, и на отдачу денегъ всегда время будетъ. Порыцкій тоже твердилъ, что всѣ эти люди, безъ сомнѣнія, скоро узнаютъ о продажѣ, и сами явятся за полученіемъ слѣдуемаго имъ. Строя эти предположенія, Порыцкій многозначительно глядѣлъ на Эфроима, который, въ свою очередь, отвѣчалъ ему выражавшимъ полную солидарность взглядомъ. Видно было, что главный агентъ и арендаторъ Ренчина хорошо знаютъ, когда должны прибыть потерпѣвшіе къ своему должнику.

Конрадъ, занятый планами открывающагося передъ нимъ новаго будущаго, развлекаемый никогда не прекращающимися, полюбившимися ему разговорами съ Эфроимомъ, совершенно забылъ обо всей этой исторіи; минутами, однако, въ немъ заговаривало что-то вродѣ угрызеній совѣсти. Тогда онъ успокаивалъ себя мыслью, что ничего вѣдь не потеряно, что онъ каждую минуту можетъ уплатить свои долги и загладить свою вину.

Теперь, однако, когда сынъ пани Мальвины, опершись на деревянный заборъ, стоялъ на самомъ высокомъ пунктѣ своихъ прежнихъ владѣній и окидывалъ взглядомъ восхитительныя окрестности, разстилавш'яся кругомъ, изъ мыслей и памяти его ушли всѣ финансовыя соображенія, а изъ сердца ушелъ блаженный покой, который онъ испытывалъ до настоящаго времени. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Онъ самъ этого не понималъ, какъ никогда не зналъ ни о чемъ, что когда-либо дѣлалъ. Каковы именно были тѣ чувства, которыя его привели сюда и которыми онъ теперь былъ охваченъ? Какъ назывались они и откуда проистекали? Онъ не задавалъ себѣ этого вопроса и даже не пытался задавать его себѣ. Онъ только чувствовалъ, что ему грустно, что грудь его точили угрызенія совѣсти, что сердце его почему-то мучительно тянуло и рвало на части. Какая-то сила, невѣдомая ему самому, увлекала его въ этотъ вечеръ за стѣны дворца, къ этимъ садамъ, пригоркамъ и долинамъ, которыя онъ могъ видѣть во всемъ ихъ протяженіи съ края обрыва. Пришелъ, сталъ, оперся о заборъ и глядѣлъ. Воспоминанія вернули его къ далекому прошлому, почти къ первымъ годамъ жизни. Онъ видалъ себя малымъ ребенкомъ, играющимъ подъ тѣнистыми сводами старыхъ садовыхъ аллей; потомъ — мальчикомъ-подросткомъ, гарцующимъ верхомъ, во главѣ сверстниковъ по тѣмъ извилистымъ дорогамъ, надъ которыми теперь слегка шевелятъ своими верхушками раскидистыя вербы. Тамъ была дикая груша, подъ тѣнью которой онъ любилъ отдыхать, измученный утомительно долгой охотничьей травлей; а тамъ опять чернѣли громадные лѣса и рощи, на которыхъ онъ машинально останавливалъ ежедневно свой взглядъ.

Въ мозгу его, дремлющемъ и обезсиленномъ пустой безцѣльной жизнью, работала, однако, въ данную минуту какая-то тайная сила; она побуждала его искать взглядомъ любимыя мѣста, будила его воображеніе, которое вызывало въ воспоминаніяхъ, связанныхъ со всѣми этими мѣстами, очарованіе и прелесть весны и молодости, красило и золотило ихъ и рисовало ихъ передъ его глазами, словно картины изъ потеряннаго рая.

Сила эта была не что иное, какъ инстинктивное, присущее человѣческой природѣ чувство привязанности, спаивающей человѣка съ тѣми внѣшними картинами и элементами, среди которыхъ росло и воспитывалось его физическое и нравственное существо.

Конрадъ не былъ испорченнымъ человѣкомъ. Онъ былъ скорѣе взрослымъ ребенкомъ, лишеннымъ знаній, благоразумія и воли. Теперь въ немъ, рядомъ съ инстинктивнымъ чувствомъ, что между нимъ и его роднымъ краемъ до болѣзненности осязательно рвется какой-то соединявшій ихъ узелъ, и сильнѣе этого чувства заговорило горе иного рода. Ему пришло на мысль, что черезъ день-другой по этимъ прелестнымъ аллеямъ, холмамъ и долинамъ будутъ ходить чужіе люди, что въ стѣнахъ его дома зазвучатъ чужіе голоса, и что этихъ людей и эти голоса онъ самъ привелъ сюда. Что-то неясное, неопредѣленное, о чемъ онъ не разъ слышалъ, что самъ чувствовалъ иногда, мимолетными мгновеніями, поднялось теперь изъ глубины его существа и мучительно заныло въ его груди. Какіе-то звуки, хорошо знакомые, но давно забытые, коснулись теперь его слуха; какія-то чувства, заложенныя, быть можетъ, въ крови, дремавшія въ скрытыхъ отъ него самого тайникахъ его сердца, пробудились и заговорили...

Имъ овладѣли въ этотъ моментъ даже чуждыя ему до настоящей минуты чувства стыда и скорби. Онъ подперъ руками вспыхнувшее румянцемъ лицо, вздохнулъ и пробормоталъ про себя:

— А вѣдь, ей Богу, кто бы могъ предполагать, что я сдѣлаю подобную вещь!

Говоря это, онъ поднесъ руку къ глазамъ, увлажнившимся горячими слезами.

Но въ ту же минуту онъ быстро поднялъ голову и, казалось, внимательно и съ безпокойствомъ сталъ прислушиваться къ чему-то. За дворцомъ и усадебнымъ дворомъ, гдѣ-то возлѣ фольварочныхъ построекъ, раздался среди ночной тишины глухой шумъ колесъ, катящихся по мерзлой землѣ, покрытой лишь легкой пеленой снѣга, и когда эти звуки замолкли, ихъ смѣнили другіе, такіе же.

— Кто бы это былъ? Кто могъ пріѣхать въ такую пору? — проговорилъ про себя Конрадъ.

Непріятно встревоженный, онъ отошелъ отъ забора, у котораго стоялъ до сихъ поръ, и быстрыми шагами поспѣшилъ ко дворцу.

— Кто бы это могъ прибыть въ такой поздній часъ? — спрашивалъ въ эту самую минуту въ глубинѣ дворца нѣжный голосъ Лили.

Она сидѣла, закутавшись въ темную шаль, у топившагося камина, полузаслоненная экраномъ отъ пышащаго оттуда жара. Противъ нея сидѣлъ, держа въ рукахъ книжку и читая оттуда вслухъ, Ильдефонсъ Порыцкій. Вокругъ этой пары царили глубокая тишина и полное уединеніе. За комнатой, гдѣ они находились, освѣщенной слабымъ свѣтомъ прикрученной лампы и блескомъ огня въ каминѣ, шелъ рядъ темныхъ залъ и салоновъ, гдѣ царилъ безпорядокъ, какой обыкновенно бываетъ въ жи-

лишахъ людей передъ тѣмъ, какъ ихъ покидаютъ. Красивая мебель, украшавшая ихъ, отчасти исчезла, отчасти уступила мѣсто многочисленнымъ сундукамъ и узламъ съ приготовленными для завтрашней перевозки вещами. У выхода на балконъ стояла нагруженная коляска, вполнѣ готовая въ путь. Оставалось только запрячь завтра съ утра лошадей, чтобы отвезти ее.

Лиля глядѣла уже около часа изъ окружавшей ее полутьмы на лицо своего собесѣдника, но была далека отъ того, чтобы замѣтить выраженіе ожиданія и безпокойства, которое лежало на этомъ лицѣ. Порыцкій, небрежно читая вслухъ, часто прерывалъ свое чтеніе, то и дѣло охватывая горячимъ и краснорѣчивымъ взглядомъ сидѣвшую противъ него красивую женскую фигуру, и почти тотчасъ же послѣ этого кидалъ быстрый, тревожный взглядъ на окна и, казалось, напрягалъ слухъ, чтобы услышать какой-то ожидаемый имъ звукъ. Вообще агентъ посреднической конторы былъ сегодня блѣднѣе обыкновеннаго, и глаза его сверкали сильнѣе, чѣмъ всегда, подъ синими стеклами очковъ; онъ имѣлъ видъ человѣка, ожидающаго приближенія неизмѣримо важнаго для него момента, послѣдняго момента, рѣшающаго судьбу различныхъ хитроумно составленныхъ плановъ, дорогихъ ему по многимъ причинамъ и соображеніямъ.

Когда шумъ двухъ подъѣхавшихъ одна за другой колясокъ раздался на дворѣ, Порыцкій поднялся съ мѣста, а за нимъ поднялась Лиля, едва успѣвшая выговорить свой вопросъ, такъ какъ онъ, пробормотавъ ей въ отвѣтъ что-то невнятное, поспѣшно оставилъ комнату. Онъ вышелъ на балконъ и окинулъ взглядомъ ровный широкій дворъ, побѣлѣвшій теперь

отъ снѣга и облитый лучами луннаго свѣта. Среди этой свѣтлой равнины быстро двигалась по направленію отъ фольварка къ дворцу высокая черная фигура. Порыцкій сбѣжалъ съ балкона и у самой стѣны дворца встрѣтилъ подошедшаго къ нему Эфроима.

— Что? — шепнулъ онъ очень тихо, — пріѣхали?

— Двое уже прибыло, — шепнулъ тотъ въ отвѣтъ, — скоро ихъ будетъ больше.

— А гдѣ Рычъ?

— Ужъ я знаю, гдѣ онъ. Я его хорошо берегу.

— А ты увѣренъ, что онъ удеретъ?

— Ну, что тамъ толковать — увѣренъ, разъ я говорилъ пану.

— А они туда придутъ? — спросилъ снова Ильдефонсъ, указывая рукой на дворецъ.

— Почему же имъ не прійти, если тамъ еще находится ясная пани? — прозвучалъ въ отвѣтъ иронический шепотъ Эфроима.

Съ этими словами высокая черная фигура Эфроима исчезла за выступомъ стѣны. Порыцкій поспѣшно возвратился во дворецъ.

За поворотомъ стѣны Конрадъ съ глазу на глазъ встрѣтился съ Эфроимомъ.

— Это ты тутъ, Эфроимъ?

— Я! Ищу яснаго пана.

— Кто тамъ такой пріѣхалъ?

— Ну! Ясный панъ развѣ не догадался? Это они пріѣхали! Я пришелъ предупредить яснаго пана.

— Кто это они?

— Ну, они, эти кредиторы! Первой пріѣхала жена Павла Шилло, затѣмъ прибылъ этотъ шляхтичъ изъ Кушелина, тотъ, у котораго ясная пани, мать яснаго пана, когда-то одолжила три тысячи рублей.

— Чертъ возьми! — прервалъ его глухимъ сдавленнымъ голосомъ прежній владѣлецъ Ренчина.

— А съ этимъ шляхтичемъ, — продолжалъ тянуть Эфроимъ, — пріѣхалъ Николай, бывшій камердинеръ яснаго пана, которому тоже слѣдуетъ...

— Что это за наказаніе, что они сегодня всѣ сюда съѣхались, словно званые. Право, можно было бы подумать, что ихъ всѣхъ кто-то сюда нарочно привелъ.

Если бы Эфроимъ не стоялъ въ тѣни, отбрасываемой стѣной дворца, Конрадъ, какъ ни мало онъ былъ наблюдателенъ и чутокъ, невольно уловилъ бы пробѣжавшее по темному лицу его выраженіе насмѣшки.

— Что тутъ дѣлать? — спросилъ, опустивъ низко голову, сынъ пани Мальвины.

— А что дѣлать! Ихъ тамъ моя жена и мой сынъ задерживаютъ всѣми средствами на фольваркѣ, но они скоро ворвутся во дворецъ и поднимутъ крикъ.

Конрадъ схватился обѣими руками за голову.

— Отъ этого, ей Богу, съ ума сойти можно! Человѣкъ думалъ, что, продавъ этотъ кусокъ земли, избавился уже отъ всякихъ хлопотъ и непріятностей, а тутъ снова просьбы, крики, отъ которыхъ и больно, и стыдно! Знаешь что, Эфроимъ, позови ты ихъ всѣхъ ко дворецъ... Заплачу имъ все — конецъ!

Эфроимъ не тронулся съ мѣста.

— Прошу извиненія у яснаго пана. Меня очень удивляетъ, что ясный панъ такъ говоритъ. Развѣ у яснаго пана милліоны въ карманѣ? Если у яснаго пана милліонъ, то пусть отдастъ имъ тѣ десять тысячъ, что имъ долженъ. Но у кого только десять тысячъ, тотъ долженъ держаться за нихъ руками и ногами, потому что, если ихъ не будетъ, то и хлѣба не будетъ.

Лицо Конрада, облитое луннымъ свѣтомъ, сильно поблѣднѣло. Слова еврея нарисовали его воображенію картину нищеты, возможности которой онъ не допускалъ, которой никогда не предвидѣлъ.

— Что же дѣлать? — снова прошепталъ онъ. — Не могу же я ихъ отпустить съ пустыми руками. Люди эти бѣдные... вѣрили намъ...

— Знаете, что? — посовѣтовалъ Эфроимъ: — если вы ужъ непремѣнно хотите, то заплатите имъ черезъ годъ изъ тѣхъ денегъ, на которыя имѣете обязательство отъ графа и которыя вамъ графъ обѣщалъ уплатить черезъ годъ.

Конрадъ поднялъ обѣ руки и радостнымъ фамильярнымъ жестомъ опустилъ ихъ на широкія плечи еврея.

— Знаешь, Эфроимъ! — воскликнулъ онъ, — ты, ей Богу, разумный человѣкъ. Ты правъ! Заплачу имъ изъ тѣхъ денегъ, что графъ отдастъ мнѣ черезъ годъ. Такимъ образомъ будутъ, какъ говорится, и волки сыты, и овцы цѣлы, потому что, конечно... если бы я теперь отдалъ имъ свои наличныя, то чѣмъ бы я жилъ?

— Чѣмъ бы жилъ ясный панъ! — повторилъ за нимъ еврей. — Не сталъ бы вѣдь грызть камни.

— И на какія деньги купилъ бы я то имѣніе въ Польшѣ, которое мнѣ предложилъ Эли?

— Его даромъ не дадутъ!—усмѣхнулся Эфроимъ.

— Ну, тогда только поговорю съ ними и скажу чтобы подождали еще годъ.

Съ этими словами онъ хотѣлъ двинуться впередъ, но Эфроимъ загородилъ ему дорогу.

— Пусть ясный панъ этого не дѣлаетъ — вотъ мой совѣтъ. Эти люди очень злы и разсержены тѣмъ, что отъ нихъ скрывали продажу Ренчина. Они

готовы наговорить ясному пану всякихъ дерзостей или силой забрать имѣющіяся при васъ деньги.

— Развѣ же они могутъ сдѣлать нѣчто подобное?

— А почему не могутъ? Если человѣкъ озлобленъ, онъ все можетъ сдѣлать. А тамъ не одинъ человѣкъ, а нѣсколько.

Въ эту минуту съ фольварочнаго двора донесся снова до слуха разговаривавшихъ шумъ колесъ брички или воза.

— Вотъ еще одинъ ѣдетъ! — тихо воскликнулъ Эфроимъ, — это вѣрно тотъ экономъ изъ Бѣловоли, у котораго вы одолжили тысячу рублей въ прошломъ году, когда ясная пани ѣздила въ Варшаву.

Конрадъ снова схватился за голову.

— Наказанье Божіе! Прямо не придумаю, что съ ними сдѣлать. А наличныя отдать я вѣдь не могу, потому что...

— Вотъ, подите, ясный панъ, въ конюшню и прикажите заложить въ тотъ венгерскій возокъ, что знаете, пару лошадей... онѣ уже тамъ стоятъ наготовѣ...

— А, ей Богу, Эфроимка, ты правъ... Удеру... Но кто же это приказалъ приготовить лошадей?

— Съ вашего позволенія это я самъ сдѣлалъ. Я всегда боялся, какъ бы они не слетѣлись сюда, на яснаго пана, въ послѣднюю минуту, словно вороны... я желаю добра ясному пану...

— Удеру! — воскликнулъ Конрадъ послѣ минутнаго размышленія съ большей, чѣмъ прежде, выразительностью.

— Идите же поскорѣе, потому что они могутъ скоро подойти. Ихъ тамъ удерживаетъ моя жена разговоромъ, а мой сынъ — водкой и закусками... но ...

Конрадъ сдѣлалъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ, но вдругъ остановился въ нерѣшительности.

— А моя жена?—проговорилъ онъ тономъ вопроса.

— Ну, что станется здѣсь ясной пани? Ее утромъ панъ агентъ отвезетъ въ N.

— А правда! Тамъ Ильдефонсъ! Онъ такой благородный! все для насъ сдѣлаетъ!

— Панъ агентъ большой другъ ясному пану!

— Скажи же, Эфроимка, моей женѣ, что я тѣмъ временемъ сниму въ N квартиру въ гостиницѣ. Пусть туда пріѣзжаетъ.

Послѣдними словами они обмѣнялись уже на ходу, идучи большими и быстрыми шагами вдоль забора сада, старательно обходя фольварочный флигель, откуда доносились къ нимъ громкіе голоса разговаривовавшихъ тамъ женщинъ и мужчинъ, и направляясь къ каменнымъ конюшнямъ, находящимся въ сторонѣ.

Въ то время, какъ все это происходило на дворѣ, внутри дворца, въ комнатѣ съ плотно закрытыми окнами и дверями сидѣли попрежнему вдвоемъ у жаркаго камина Лиля и Ильдефонсъ. Нѣсколькими минутами раньше, когда Ильдефонсъ поспѣшно выбѣжалъ, чтобы узнать о причинѣ необычнаго въ такой часъ шума раздававшихся на дворѣ голосовъ, Лиля опустила лицо на руки и глубоко задумалась. Первый разъ въ своей жизни размышляла она о вещахъ, не имѣющихъ прямого соприкосновенія съ ея личными интересами. Съ нею творилось что-то странное. Книга, которую читалъ въ этотъ вечеръ Ильдефонсъ, не была романтическаго содержанія, а между тѣмъ возбудила въ ней живѣйшій интересъ и горячую любознательность. Написанная общедоступнымъ языкомъ, книга эта содержала въ себѣ мысли, взгляды и теоріи, чуждые краю, куда привезъ ее Порыцкій,

и была тѣмъ интереснѣе для Лили, что говорила о совершенно незнакомыхъ ей до сихъ поръ вопросахъ. Когда Порыцкій возвратился въ комнату, молодая женщина подняла голову и устремила на него безпокойный вопросительный взглядъ:

— Ильдефонсъ! — прошептала она въ глубокомъ раздумьи, — ты никогда еще не говорилъ и не читалъ мнѣ, что станется потомъ, когда всѣ законы, обычаи, понятія людей, существующіе въ настоящій моментъ, будутъ ниспровергнуты новыми идеями и новыми людьми. Что тогда создадутъ люди? Что тогда будетъ на землѣ?

Она была такъ занята предметомъ своихъ размышленій, что забыла о необычныхъ для ночной поры звукахъ, доносившихся со двора, и о причинѣ, побудившей ея друга нѣсколько минутъ тому назадъ выйти изъ комнаты.

По лицу Порыцкаго пробѣжало выраженіе глубокаго удовлетворенія. Изъ неожиданно заданнаго Лилей вопроса онъ понялъ, что ея мысль работала и шла впередъ въ томъ направленіи, какое онъ далъ ей, была занята разрѣшеніемъ навѣянныхъ имъ задачъ и вопросовъ. Однако, онъ молчалъ и, усмѣхаясь, приблизился къ креслу, въ которомъ сидѣла молодая женщина, и осторожно, заботливо укуталъ ее поплотнѣе въ теплую шаль, которую она въ задумчивости спустила съ плечъ. Молодая женщина поблагодарила его улыбкой, полной сдерживаемаго еще, но видимо проникающаго ее насквозь нѣжнаго чувства. Глаза ихъ встрѣтились, и руки соединились въ быстромъ пожатьи.

Порыцкій вернулся на прежнее свое мѣсто, но вмѣсто того, чтобы сѣсть, остановился у камина, слегка опершись плечомъ о рѣзной его карнизъ.

Искрящееся пламя камина освѣщало и рельефно обрисовывало его красивую, стройную фигуру и бросало на его лицо мерцающій розовый отблескъ. Очертанія фигуры Лили тонули въ темнотѣ. Только бюстъ ея, выступавшій изъ-за экрана, сверкалъ подъ снопами свѣта пылающаго въ каминѣ огня золотыми украшеніями, которыми была убрана также и голова Лили съ шелковистыми блестящими волосами цвѣта воронова крыла, да сіяли яркимъ блескомъ большіе черные глаза ея, воспламененные какой-то неспокойной грезой, одновременно и заманчивой, и мучительной.

— Ильдефонсъ, — повторила она, я никогда еще въ своей жизни не размышляла о такихъ важныхъ и сложныхъ вопросахъ... Мнѣ любопытно знать... что будетъ на свѣтѣ, когда свершится все, о чемъ ты читалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, когда не будетъ уже на землѣ ни богатыхъ ни бѣдныхъ, ни отечества, ни семьи, ни законовъ, ни обязанностей, ни страха предъ общественнымъ мнѣніемъ?.. Что тогда будетъ?..

— Тогда, — отвѣтилъ Порыцкій, — тогда люди будутъ свободны, равны одинъ другому и счастливы. Богатства земли будутъ ровно принадлежать всѣмъ живущимъ на ней. Всѣ люди возсядутъ за общую трапезу, которую имъ уготовитъ щедрая природа, и всѣ въ одинаковой мѣрѣ будутъ пользоваться дарами ея. Конечно, каждый изъ членовъ такой громадной общины обязанъ будетъ внести въ общую житницу плодъ своихъ трудовъ; но зато онъ будетъ вправѣ черпать изъ нея полной горстью, независимо отъ своихъ трудовъ и способностей, а лишь согласно личнымъ потребностямъ и желаніямъ. Разумѣется, чѣмъ больше кто-либо будетъ обиженъ и

Библиотека завкома № 91
Катеринославского з-да кислот. Уголь
Библиотека
Инвентарный №

обдѣленъ самой природой, тѣмъ щедрѣе будутъ къ нему его собратья. Сгинетъ съ лица земли вопіющая несправедливость, во имя которой теперь осыпаютъ богатствами и славой такъ называемыхъ геніевъ и таланты, а скромныхъ тружениковъ сталкиваютъ на самую низкую ступень общественной лѣстницы.

Онъ умолкъ на мгновеніе и глядѣлъ на свою собесѣдницу. На слегка вспыхнувшемъ лицѣ его отражалась упорная и дѣятельная работа мысли.

— Такъ, — тихо проговорила Лиля спустя мгновеніе. — Дѣйствительно, почему это тѣ, кому сама природа дала много, берутъ еще и у людей наибольшую долю благъ? По какому праву одни утопаютъ въ довольствѣ, тогда какъ другіе должны терпѣть нищету?

— Но на этомъ еще не кончатся всѣ измѣненія, — тянулъ дальше Порыцкій свою пѣсню. — Подобно хлѣбу и золоту освободится отъ закрѣпощающихъ его узъ еще одно благо жизни человѣка, отрываемое теперь отъ алчущихъ устъ различными препятствіями и преградами. Въ этомъ новомъ мірѣ, который возродится на развалинахъ стараго, будетъ свободной и любовь. Никакіе законы, никакое общественное мнѣніе не будутъ указывать ей пути, не будутъ мѣрить ея продолжительности. Единственнымъ договоромъ, связывающимъ двухъ полюбившихъ другъ друга людей, будетъ слово взаимнаго соглашенія, высказанное ими самими; единственный законъ, опредѣляющій срокъ продолжительности ихъ связи, будетъ лежать въ ихъ собственной волѣ. Человѣкъ обладаетъ отъ природы важнымъ свойствомъ, теперь заглушеннымъ и подавленнымъ множествомъ людскихъ предразсудковъ. Свойство это — инстинктъ,

первобытная и слѣпая сила, ведущая человѣка туда, гдѣ открыты для него наиболѣе обильные источники наслажденій и радостей. Вооруженнымъ этой силой, увеличившейся и усовершенствовавшейся послѣ освобожденія отъ сковывающихъ ее теперь узъ, людямъ легко будетъ находить себѣ родственныя души, и заключать съ ними союзы, основанные на любви и имѣющіе своею цѣлью счастье, а продолжительность этихъ союзовъ будетъ зависѣть отъ того, какъ долго будетъ жить въ нихъ самихъ любовь и счастье.

Лиля слушала, низко опустивъ лицо и не двигая сплетенными кистями рукъ.

— И не будетъ больше на свѣтѣ того, что теперь называется семьей?

Слова эти она проговорила скорѣе про себя, чѣмъ обращаясь къ своему другу. Но ихъ подхватило на ея устахъ чуткое ухо Порыцкаго.

— Разумѣется, — промолвилъ онъ, — семья будетъ существовать, но въ великомъ, широкомъ, могучемъ значеніи этого слова. Членами ея будутъ всѣ народы земли и всѣ единицы, изъ которыхъ народы же слагаются. Границы, отдѣляющія теперь государство отъ государства, будутъ безслѣдно стерты съ лица земли. Узкое понятіе объ изолированномъ отъ остальнаго міра отечествѣ исчезнетъ изъ разумѣнія людей и уступитъ мѣсто широкой и освобождающей идеѣ космополитизма. Отчизной человѣка будетъ уже не тотъ уголокъ свѣта, гдѣ ему игрой случая суждено было родиться и вырасти, а тотъ край земли, который будетъ наиболѣе соотвѣтствовать природѣ его наклонностей и потребностей. Равнымъ образомъ путеводителями и ближайшими друзьями человѣка будутъ не тѣ единицы, которыхъ случай далъ ему

въ отцы, сестры, братья, а тѣ, которыхъ онъ самъ, по собственному выбору, найдетъ достойными уваженія и привязанности. Отношенія отцовъ и дѣтей, братьевъ и сестеръ примутъ характеръ обыкновенныхъ отношеній постороннихъ другъ другу людей. Мѣсто семейнаго очага займутъ громадныя общественныя зданія, гдѣ будутъ воспитываться молодыя поколѣнія отъ самаго дня рожденія до возмужалости. Это общественное воспитаніе разъ навсегда освободитъ его еще отъ чего-то, во сто кратъ болѣе важнаго и страшнаго, — отъ тяжелыхъ цѣпей долга.

Онъ снова замолчалъ на мгновеніе. Сверкающіе глаза его встрѣтились со взглядомъ широко раскрытыхъ, напряженно внимательныхъ глазъ Лили, горящихъ почти страстью.

— Да, — повторилъ онъ съ твердой и почти торжественной рѣшительностью въ голосѣ. — Съ исчезновеніемъ понятій о собственности, отчизнѣ и семьѣ, съ паденіемъ всякихъ авторитетовъ сразу исчезнетъ понятіе, которое вселяетъ въ грудь человѣка ту грызущую сердце змѣю, что называется теперь у людей совѣстью и, строя цѣлыя шеренги всякихъ ужасовъ, гранитной стѣною становится между человѣкомъ и его счастьемъ.

При этихъ словахъ лицо и глаза его сразу вспыхнули искренней страстью пылкаго чувства. Видно было, что въ памяти его пробудились въ это мгновеніе воспоминанія о давно минувшихъ дняхъ, когда совѣсть жила еще въ его груди и вела болѣзненную и мучительную борьбу съ его инстинктами. Онъ вспомнилъ теперь всю ту борьбу и тѣ муки, и жаждалъ бы собрать всю людскую совѣсть со всего міра и растоптать и уничтожить ее навсегда въ по-

рывѣ мщенія. И вспоминалъ онъ еще тѣ минуты, когда видъ человѣка чистаго и гордаго своей чистотой, видъ почестей, воздаваемыхъ ему и принимаемыхъ имъ, наполнялъ его сердце ядомъ зависти и увлажнялъ его уста желчью униженія. Онъ припоминалъ все это, и въ немъ загоралась жажда собрать вокругъ себя всѣхъ: негодяевъ и благородныхъ людей, предателей и честныхъ, грязныхъ авантюристовъ и чистыхъ тружениковъ человѣчества, чтобы смѣшать ихъ всѣхъ въ одну не различающуюся ничѣмъ толпу и сразу погасить надъ ними солнце долга и добродѣтели, которое освѣщаетъ отпечатлѣнныя на ихъ лицахъ доблести или позоръ.

Жаркимъ темнымъ пламенемъ горѣли глаза его, а губы, обыкновенно блѣдныя, налились темно пурпуровой кровью, и лобъ, изборожденный нѣсколькими складками, заволокло грозное и мрачное выраженіе, когда онъ снова повторилъ:

— Да, Лиля, наступитъ время, когда не будетъ на землѣ ни собственности, ни отчизны, ни семьи, ни долга, ни эгоизма, ни самопожертвованія, ни добродѣтелей, ни преступленій, ни благородства, ни подлости. Человѣчество разобьется на единицы, равныя во всемъ другъ другу, и единицы эти будутъ сплачиваться воедино лишь передъ одной великой святыней, и молиться лишь передъ однимъ алтаремъ — предъ святыней и алтаремъ личнаго счастья.

Онъ умолкъ и глядѣлъ на красивую фигуру женщины, которая склонялась къ нему съ выраженіемъ глубокой и пламенной задумчивости на блѣдномъ лицѣ, и нервное дыханіе которой все чаще вздымало ея сверкающую золотыми и жемчужными украшеніями грудь.

Въ Лилѣ завершался теперь странный психическій

актъ, несмотря на свою странность, вполнѣ естественный, логически неизбѣжный. Умственныя способности этой женщины не были ни ограничены по природѣ, ни абсолютно ничтожны и безсильны. Ее лишь дѣлали ограниченной глубокая неосвѣдомленность во всемъ, ограниченность самой окружающей ее среды, пустота и ненужность всего, съ чѣмъ она сжилась. Мысль ея, съ самой колыбели закованная въ слишкомъ жесткій и стѣсняющій ее панцырь пустыхъ формальностей и правилъ, усыпляемая праздностью рукъ и головы, ослѣпляемая и отравляемая мишурой роскоши медоточивой лестью, но отъ природы достаточно живая и кипучая, безпробудно спала до настоящаго времени. Теперь же явился человѣкъ, который, словно сказочный рыцарь заколдованную царевну, пробудилъ ее изъ этого оцѣпенѣнія и вывелъ изъ ея на половину темнаго, на половину раскрашеннаго въ радужные цвѣта дворца. Онъ вывелъ ее изъ четырехъ стѣнъ салона и гардеробной на широкій свѣтъ, наполненный безчисленнымъ множествомъ явленій, хаотически скрещивающихся одно съ другимъ. Онъ первый сдѣлалъ это. За его словомъ и его мыслью шла ея мысль, покорная и любопытная, какъ дитя, пристыженная своимъ убожествомъ и пожелавшая новыхъ игрушекъ. Къ встрѣчающимся по дорогѣ явленіямъ она присматривалась съ радостью тосковавшаго до сихъ поръ существа, которое видитъ, что и его, наконецъ, что-то занимаетъ, будитъ его любопытство, увлекаетъ, съ надеждой существа, неудовлетвореннаго свѣтомъ и своею собственной жизнью и вдругъ спохватившагося, что есть на землѣ еще иные пути, кромѣ тѣхъ, которыми оно шло до сихъ поръ, и что на этихъ путяхъ оно сможетъ найти то, чего страстно желало, но чѣмъ не смѣло овладѣть его

деспотичная и одновременно безсильная, страстная, но боязливая воля. Никто никогда не несъ передъ этой женщиной путеводнаго факела знанія, никто никогда не влагалъ въ нее сокровищъ великихъ чувствъ, никто ея не вооружилъ могучимъ оружіемъ воли и вѣры. Душа ея, оставленная безъ призора съ младенчества, блуждала по безграничной пустынѣ, пока не нашла своего путеводителя. Искусной кистью, тѣмъ болѣе искусной, что въ эти минуты она была и искренна, рисовалъ онъ предъ нею явленія жизни въ томъ видѣ, въ какомъ ему самому было желательно ихъ видѣть, укладывая ихъ въ образъ, сильные тоны и привлекательныя очертанія котораго манили его собственное воображеніе.

Она глядѣла и восторгалась, слушала и вѣрила.

Въ нарисованной предъ нею картинѣ бился пульсъ, звенѣли звуки, огненными буквами вспыхивали разрѣшенія, совѣты, чуть ли не повелѣнія, которыя такъ хорошо отвѣчали ея тайнымъ мечтамъ и стремленіямъ, ея тоскѣ и надеждамъ. Какъ же ей было не увѣровать? Какъ могла она не обратиться въ вѣру всеотрицанія, такую свободную, освобождающую, такую мрачную и холодную въ своей основѣ, но такую заманчивую и пламенно-возбуждающую по внѣшней своей формѣ? Могла ли она понять, какого свойства было то пламя, что пылало на днѣ этой бездны? Могла ли она постигнуть, что это омутъ, когда искушающій голосъ ея наставника и ея собственныхъ желаній говорилъ ей, что это рай? Обладала ли она знаніемъ, волей и любовью? Оберегали ли ея душу эти три ангела-хранителя дѣяній и помышленій человѣческихъ? Не была ли она, наконецъ, еще до того, какъ ея коснулось мрачное и пламенное слово ея наставника — не была ли она, безсознательно

для самой себя, нигилисткой? Нигилизмъ ея, пассивный и неосмысленный, основывающійся на отсутствіи уваженія и любви къ кому-либо, отсутствіи какого-либо хорошаго дѣла или высокаго чувства, измѣнилъ теперь только свою форму, получилъ основу, облекся въ плоть слова и теоріи. Отсутствіе вѣры во что бы то ни было смѣнилось вѣрой во всеотрицаніе.

Бѣдная Лиля!

Теперь за кресломъ, въ которомъ она сидѣла, стоялъ ея наставникъ и искуситель. Опираясь плечомъ о спинку кресла, къ которой откинулась и Лиля, онъ перегнулся къ ней и долгій, упорный, пламенный взглядъ его словно потонулъ въ ея глазахъ, устремленныхъ на него

— Что жъ, моя прелестная пани? — тихо промолвилъ онъ съ усмѣшкой, — нравится тебѣ этотъ будущій міръ, въ которомъ люди будутъ гулять, какъ въ раю, свободные и счастливые? Мы сами, я и ты, Лиля, если бы намъ было суждено жить въ такомъ мірѣ, неужели мы, взаимно любя другъ друга, оставались бы другъ другу чужими? Неужели же дѣтскіе страхи и сомнѣнія отворачивали бы отъ меня твое чудное лицо? А я, неужели я долженъ былъ бы, стоя здѣсь рядомъ съ тобою, одновременно тосковать по тебѣ и тщетно умолять тебя, чтобы, согласившись сдѣлать меня счастливымъ, ты согласилась на свое собственное счастье! Нѣтъ, нѣтъ! Въ мірѣ, о которомъ мы говорили, ты была бы не безвольнымъ, полнымъ предразсудковъ, пугливымъ ребенкомъ, не считала бы нужнымъ подражать чужимъ примѣрамъ, а была бы смѣлымъ и разумнымъ человѣкомъ, была бы сама собой.

— Ильдефонсъ! — шептала женщина, — я уже больше не дитя съ той поры, какъ ты открылъ мнѣ глаза на истину.

Онъ, держа въ обѣихъ своихъ рукахъ ея тонкую бѣлую, изящную ручку, нагнулся еще ниже надъ ея хорошенькой головкой.

— Значитъ, ты пошла бы со мной въ тотъ желанный нами міръ, если бы онъ существовалъ?

— Этотъ міръ такъ прекрасенъ, Ильдефонсъ! Такъ чуденъ!.. безъ борьбы и тревоги!.. безъ цѣпей и разлуки!..

— Такъ пойдемъ, единственная моя, пойдемъ вмѣстѣ въ этотъ волшебный міръ!.. Хочешь? дай мнѣ руку! я поведу тебя туда!

Онъ проговорилъ эти слова горячимъ шепотомъ, между тѣмъ какъ губы его почти прикасались къ ея волосамъ.

Женщина, опьяненная его словами, вздохнула въ упоеніи и прикрыла рукой глаза.

— Ахъ, гдѣ же теперь такой міръ? Его создадутъ, быть можетъ, когда-нибудь такіе люди, какъ ты!

Порыцкій выпрямился и проговорилъ почти торжественнымъ голосомъ.

— Для людей отважныхъ и разумныхъ этотъ міръ существуетъ и нынѣ. Они сами, собственными силами, создаютъ его себѣ, наперекоръ всему, что ихъ окружаетъ. Такіе люди, какъ я и ты, Лиля, пренебрегаютъ мнѣніемъ и негодованіемъ толпы, прокладаютъ себѣ новые пути, опережаютъ событія грядущихъ вѣковъ. Подумай только, что за честь и что за счастье выдѣлить себя изъ состава толпы, подняться высоко надъ нею! Правда, для достиженія этихъ высотъ нужна отвага, но вѣдь ты будешь отважна, Лиля, не правда ли?

— Что я должна дѣлать? — спросила женщина, въ лицѣ и фигурѣ которой отражалась готовность рѣшительно на все.

Порыцкій снова нагнулся надъ ней.

— Оставь этотъ домъ... — шепнулъ онъ, — не съ нимъ а... со мною!..

Она вздрогнула. Онъ замѣтилъ это. Брови его сдвинулись и уста дрогнули.

— Боишься, бѣдное дитя?

Она снова выпрямилась. Въ рѣчи его снова прозвучали тѣ самыя слова, которыя хлестали ея самолюбіе и чувство любви къ нему бичемъ упрека и недовольства.

— Не боюсь, Ильдефонсъ, не боюсь ничего.

— О, благодарю тебя, благодарю! Впрочемъ... послушай. Я не хочу подвергнуть тебя нареканіямъ и презрѣнію толпы. Ради любви къ тебѣ склоняюсь передъ глупыми требованіями свѣта. Я свободенъ... разведу тебя съ этимъ глупцомъ... сдѣлаю тебя своей женой, согласно съ ихъ нелѣпыми постановленіями, и...

Вдругъ онъ умолкъ и, казалось, сталъ напряженно прислушиваться къ какимъ-то звукамъ. Это былъ стукъ колесъ экипажа, нѣкоторое время доносившійся откуда-то съ фольварочнаго двора и постепенно смолкшій вдали. Но Лиля ничего не слышала. Послѣднія слова Ильдефонса освѣтили лицо ея радостью.

— Ты сдѣлаешь это? Ильдефонсъ! — воскликнула она.

Онъ снова повернулся къ ней и собирался ей что-то отвѣтить, но въ сосѣдней залѣ, пустой до настоящей минуты, раздались шаги и голоса нѣсколькихъ человѣкъ, двери съ трескомъ раскрылись, и въ комнату, громко разговаривая, вошло нѣсколько мужчинъ и одна женщина.

Женщина была въ черномъ шерстяномъ платьѣ

и бѣломъ кисейномъ платочкѣ на головѣ. Ея маленькое худенькое личико желтаго цвѣта оживляла пара небольшихъ очень подвижныхъ черныхъ глазъ. Она шла впереди всѣхъ, и видно было, что она разыгрывала роль предводительницы въ этомъ странномъ наступательномъ кортежѣ. За ней протиснулось въ двери и стало у порога нѣсколько мужчинъ въ сѣрыхъ одеждахъ, въ какихъ обыкновенно ходятъ пригородные шляхтичи и зажиточные крестьяне.

Лиля, изумленная и испуганная этимъ неожиданнымъ и шумнымъ вторженіемъ, непріятно пораженная контрастомъ этого шума съ предыдущей тихой бесѣдой вдвоемъ, сорвалась съ кресла и, кинувъ взглядъ на своего друга, воскликнула съ выраженіемъ сильнѣйшей досады:

— Пане Ильдефонсъ! Что все это означаетъ?

— Что означаетъ то, что вы ворвались сюда толпой, господа? — спросилъ главный агентъ, нахмуривъ брови и повернувшись къ прибывшей гурьбѣ людей.

Женщина въ кисейномъ платочкѣ на головѣ вышла на середину комнаты и заговорила первая. По звуку ея голоса и выраженію ея лица легко было понять, что она съ трудомъ умѣряла охватившее ее гнѣвное раздраженіе.

— Пани меня не узнаетъ? — заговорила она, поворотивъ голову къ Лилѣ и такъ быстро сыпя слова, что они, казалось, тонули на ея устахъ еще раньше, чѣмъ она успѣвала произнести ихъ; — пани меня не узнаетъ? А я васъ, пани, видала не разъ, когда вы не были еще замужемъ и пріѣзжали съ пани Ренчицъ въ Лозовое. Я Антонина Шилло, урожденная Лойвичъ. Вашъ мужъ одолжилъ у моего мужа

19 лѣтъ тому назадъ деньги и до сихъ поръ еще не отдалъ ихъ. А теперь онъ продалъ свое имѣніе, и добрые люди предупредили меня, что завтра вы отсюда уѣзжаете. Поэтому я пріѣхала потребовать свою собственность. Всю жизнь свою я была приживалкой и никогда никакой собственности не имѣла и поэтому знаю, какъ она дорога, и ни на шагъ не отступлю отсюда, пока вы мнѣ не уплотите все до послѣдняго гроша. Будьте любезны, скажите, гдѣ вашъ мужъ, или распорядитесь позвать его сюда...

Она проговорила все это безъ передышки, съ каждой минутой все болѣе и болѣе возвышая голосъ, и говорила бы еще Богъ знаетъ, какъ долго, если бы за нею не раздались еще голоса:

— Я тоже пріѣхалъ сюда за своей собственностью!

— И я тоже!

— И я!

— Я служилъ у пана Ренчица нѣсколько лѣтъ, жалованья мнѣ не платили, а когда я уходилъ, мнѣ вмѣсто денегъ дана была только простая росписка... Я былъ терпѣливъ, не налоѣдалъ черезъ мѣру, но теперь...

— И я, видно, не очень-то налоѣдалъ, если вотъ ужъ восемь лѣтъ, какъ пани Ренчицъ забрала у меня послѣдніе гроши и дала мнѣ свою росписку, а теперь я узнаю, что росписка эта ничего не стоитъ, потому что имѣніе принадлежало не ей, а ея сыну...

— Я экономъ изъ Бѣловоли. Въ прошломъ году панъ Конрадъ взялъ у меня тысячу рублей, когда пани надо было ѣхать въ Варшаву...

И всѣ они съ каждой минутой сдвигались плотнѣе въ кучу, съ помятыми и пожелтѣвшими отъ времени расписками въ рукахъ, и все ближе подходили

къ камину, у котораго сидѣла Лиля, блѣдная, съ оцѣпенѣлымъ взглядомъ, повисши на плечѣ у Ильдефонса, какъ бы ища его покровительства и защиты. Пани Антонина стала тутъ же почти рядомъ съ нею и, блестя черными глазками, неумолчно повторяла:

— Гдѣ же панъ Ренчицъ? Прячется онъ отъ насъ что ли? Да, да, навѣрное! Дворецъ великъ!.. Но отъ меня онъ не спрячется, нѣтъ!.. Найду его подъ землей.

Мужчины, вообще болѣе сдержанные, тѣмъ не менѣе были неспокойны и гнѣвны; они тоже заявили хоромъ свое требованіе свиданія съ бывшимъ владѣльцемъ Ренчина.

— Гдѣ же Конрадъ? — тихо, окончательно растерявшись, шептала Лиля.

Порыцкій оглянулся кругомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и громко, какъ бы съ глубокимъ изумленіемъ, спросилъ:

— Гдѣ панъ Ренчицъ? Гей, слуга, — крикнулъ онъ, оборотясь къ внутреннимъ комнатамъ, — гдѣ панъ Ренчицъ? Поискать пана Ренчица!

Слугъ въ опустѣломъ дворцѣ совершенно и не было, за исключеніемъ двухъ — трехъ женщинъ, еще не отправленныхъ. Но на окликъ Ильдефонса, словно вызванная тайнымъ заклинаніемъ, высунулась изъ угла высокая плечистая фигура Эфроима. Онъ вышелъ на середину комнаты и, выпрямившись, коварно усмѣхаясь и поглаживая рукой бороду, проговорилъ протяжно и громко:

— Ясный панъ Ренчицъ не хотѣлъ видѣться со своими кредиторами и полчаса тому назадъ уѣхалъ въ N и приказалъ мнѣ просить вельможнаго пана агента привезти ясную пани завтра утромъ въ N.

Слова эти вызвали на лицѣ Лили пунцовый румянецъ стыда и негодованія, а въ толпѣ обманутыхъ кредиторовъ общій крикъ удивленія, испуга и гнѣва. Надъ всѣми этими голосами возвышался и царилъ тонкій, пронзительный голосокъ пани Антонины.

— Вотъ какъ! — говорила, или скорѣе, кричала ех-приживалка лозовской усадьбы, — убѣжалъ! Убѣжалъ отъ насъ! Увезъ съ собою наше добро! Имѣніе продалъ, деньги взялъ, а насъ надулъ, обокралъ!

Она заломила руки и залилась обильными слезами. Но скоро перестала плакать и повернула сухіе уже глаза и разгорѣвшееся лицо къ Лилѣ.

— Стыдитесь! — крикнула она, — стыдитесь! упадите на колѣни и просите Бога о прощеніи, потому что великій грѣхъ палъ на вашу совѣсть и великій стыдъ на ваши головы! Мужъ вашъ держалъ табунъ лошадей въ своихъ конюшняхъ, его мать жила въ городѣ, какъ королева, вы сами ходите въ золотѣ, жемчугѣ и атласѣ, прямо обвѣшаны драгоцѣнностями, а бѣдные люди, вѣрившіе вамъ, отдавшіе въ ваши руки свой послѣдній кусокъ хлѣба. .

— Кусокъ хлѣба свой и своихъ дѣтей, — прервалъ ее шляхтичъ въ сермягѣ и лаптяхъ, который до сихъ поръ шумѣлъ меньше всѣхъ, но теперь вытиралъ мозолистой ладонью слезы изъ глазъ, устремленныхъ съ выраженіемъ горькаго упрека на лицо Лили.

— О! о! Какое это имѣетъ значеніе для этихъ господъ? — воскликнулъ одновременно съ нимъ экономъ изъ Бѣловоли. — Пани очень весело развлекалась въ Варшавѣ на мои деньги. Зато теперь грустно, да и стыдно возвратиться къ женѣ и дѣтямъ съ пустыми руками.

— Поѣдемъ къ нему! — крикнулъ крестьянинъ, прибывшій изъ сосѣдней деревни.

— Ищи вѣтра въ полѣ!

— Подадимъ жалобу въ судъ.

— И ничего не взыщемъ! Деньги наши были даны подъ имѣніе, котораго уже нѣтъ.

На фонѣ этихъ грубыхъ мужскихъ голосовъ все еще выдѣлялся звонкимъ дискантомъ голосъ жены Павла Шилло.

— Совѣсть! — вопила разъяренная женщина. — Они не только сами совѣсти не имѣютъ, но еще убиваютъ ее въ другихъ. Гдѣ теперь будетъ совѣсть моя и Павла, когда мы станемъ съ пустыми руками передъ паномъ Фабіаномъ, благодѣтелемъ нашимъ? Стыдъ вамъ, стыдъ и проклятіе! Своего собственнаго добра не умѣете беречь и у другихъ изъ сердца кровь высасываете. Сами нечестны и другимъ мѣшаете быть честными!

Лиля стояла теперь, закрывъ лицо обѣими руками. Вся унизительность этой сцены обрушилась на женщину, которая до настоящаго дня обыкновенно начинала страдать мигренью при самыхъ пустяшныхъ непріятностяхъ.

Ильдефонсъ стоялъ тутъ же, молча, опустивъ глаза и тѣсно сжавъ губы, не вдаваясь ни въ какіе уговоры, не беря на себя роли посредника, словно ему такъ и надлежало поступать въ его положеніи. Только теперь, когда буря дошла до крайнихъ предѣловъ и почти грозила опасностью для Лили, такъ какъ къ ней одной обращались всѣ эти гнѣвные голоса, сильные жесты и разъяренные взгляды, главный агентъ поднялъ вѣки, выступилъ впередъ, заслоняя собою Лилю, и заговорилъ — кратко, связно, разсудительно, холодно, но все же привѣтли-

во, учтиво и наставительно. Окончивъ, онъ мигнулъ Эфроиму, который стоялъ молча до этой минуты, и только теперь, по данному знаку, вмѣшался въ шумящую толпу, съ тономъ и жестами человѣка, сознающаго свое значеніе. Самъ же Порыцкій взялъ опустившую голову и прятавшую лицо Лилю за руку и, тихо нашептывая ей то строгія, то нѣжные слова, повелъ ее въ прилегающую къ этому салону комнату. Тамъ со свѣчой въ рукѣ стояла Бригита, блѣдная, испуганная и заплаканная.

— Шубу и шляпу для пани, панна Бригита! Поскорѣе! — сказалъ ей тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ Порыцкій.

Нѣсколько секундъ спустя всѣ трое были въ комнатѣ Лили, почти пустой, полутемной, освѣщенной лишь одной свѣчей, которую поставила на столъ Бригита.

Лиля стояла, какъ статуя испуга, задумчивости, стыда, съ румянцемъ на лицѣ, ломая въ отчаяніи руки.

Порыцкій, который вышелъ было на мгновеніе сдѣлать кой какія распоряженія, теперь приблизился къ ней.

— Лиля! — промолвилъ онъ сурово, — гдѣ же твоя отвага, гдѣ сила твоего характера? Долго ли ты будешь еще недвижимо стоять, какъ дитя, лишенное мысли и силъ?

Она подняла на него затуманенный слезами взоръ:

— О, какъ я тебѣ благодарна, Ильдефонсъ! Ты меня защитилъ! Ты оборонилъ меня отъ всѣхъ этихъ странныхъ людей! О, этотъ Конрадъ! Какой онъ недобрый! Оставилъ меня, когда... когда...

Лицо Порыцкаго прояснилось.

— Оставь въ покоѣ Конрада, — проговорилъ онъ, — это глупецъ, который самъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

— О, Ильдефонсъ, ты совсѣмъ, совсѣмъ другой человѣкъ!

— Льщу себя надеждой, что это дѣйствительно такъ. Но не будемъ тратить понапрасну времени! Ѣдемъ!

— Куда? — тревожно и тихо прошептала женщина.

— Въ твою квартиру, въ N. Я предвидѣлъ многое, Лиля, и устроилъ въ N двѣ квартиры, одну для себя, другую для тебя. Моя на второмъ этажѣ, твоя на первомъ, обѣ въ одномъ домѣ. Теперь ты больше, чѣмъ когда-либо нуждаешься въ уходѣ и защитѣ, бѣдное дитя! Надо, чтобы я былъ подлѣ тебя.

Лиля снова закрыла лицо руками и разразилась плачемъ.

Ильдефонсъ, нахмурившись, глядѣлъ на нее.

— Плачешь? — сказалъ онъ, — трепещешь? Ничего удивительнаго. Ты не доросла еще до тѣхъ высотъ, на которыхъ я мечталъ тебя видѣть.

— О, дорогой мой! — прошептала она сквозь слезы и рыданія. — Что же скажетъ обо мнѣ свѣтъ?.. Люди будутъ презирать меня!

— Такъ! — протяжно вымолвилъ Ильдефонсъ, — значитъ, пани угодно сѣсть въ экипажъ съ горничной и ѣхать къ своему мужу... Я удалюсь, чтобы не быть причиной того страшнаго бѣдствія, во избѣжаніе котораго ты готова растоптать и свое, и мое счастье.

Проговоривъ это, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ бы съ цѣлью уйти. Но Лиля подняла голову,

вскрикнула и въ мгновеніе ока, охвативъ руками его плечи, прильнула къ его груди.

— Нѣтъ, Ильдефонсъ! — заговорила она порывистымъ шепотомъ, а глаза ея засверкали тѣмъ самымъ страстнымъ пламенемъ, какимъ они горѣли, когда ее еще почти ребенкомъ разлучали съ горячо любимой ею панной Юліей, — нѣтъ! ты меня не бросишь, и я не брошу тебя, ни за что! Одного тебя я люблю на землѣ; ничего и никого больше. Люблю тебя на жизнь и смерть! Ѣду... иду съ тобой, когда захочешь, куда захочешь!

И уже безъ слезъ, выпрямившись, охваченная лихорадочнымъ подъемомъ силъ, она закуталась въ шубу, поданную ей Бригитой, свидѣтельницей всей этой сцены. Бригита глядѣла на нее взглядомъ, полнымъ привязанности и жалости. Застегивая крючки крытой бархатомъ шубы, она шепнула своей госпожѣ нѣсколько словъ. Лиля снова безпомощно опустила руки, какъ бы охваченная новой тревогой.

— Правда! — сказала она, — а Конрадекъ?

— Какой Конрадекъ? — нетерпѣливо спросилъ Порыцкій.

Видно было, что отъ одного тона его голоса Лиля оробѣла.

Тревожно глядя на него, она едва слышно прошептала:

— Мой сынъ!

— Гдѣ же онъ?

— Тамъ на верху, съ няней и бонной, — отвѣтила за свою госпожу Бригита.

— Такъ пусть тамъ, значитъ, и остается: бонна отвезетъ его къ отцу.

— Пусть остается?.. — воскликнула Лиля.

Восклицаніе это вырвалось изъ ея груди, но оборвалось на полуфразѣ, потому что глаза ея встрѣтились со взглядомъ Ильдефонса, полнымъ суроваго ироническаго упрека.

— Если не изъ боязни общественнаго мнѣнія, то, можетъ быть, ради этого ребенка ты отречешься отъ меня? — шепнулъ онъ, нагнувшись надъ нею.

Слова его были язвительны, но голосъ, которымъ онъ ихъ промолвилъ, звучалъ глубокой, страстной скорбью. О, это былъ искусный мастеръ! А она... развѣ имѣла она какой-либо оплотъ противъ него? Вмѣсто отвѣта она положила на его плечи свою руку и пошла вмѣстѣ съ нимъ къ двери. У самаго порога оба, однако, остановились. Лиля повернулась къ своей старой служанкѣ.

— Поѣдешь со мною, Бригита? — спросила она робко, какъ бы чувствуя, что эта минута создаетъ пропасть, которая отдѣлитъ ее отъ всѣхъ остальныхъ.

— А развѣ пани не видитъ, что я уже одѣлась въ дорогу? — простодушно возразила служанка.

Порыцкій обратился къ Лилѣ съ вопросомъ:

— Взяла ли ты съ собой свои бумаги?

Она взглянула на него большими глазами.

— Развѣ я забочусь теперь объ этихъ лоскутахъ? — промолвила она удивленно и усмѣхнулась сквозь не вполнѣ еще высохшія слезы.

Слово: „бумаги“ привело ей на память всякія пустяшныя бумажки, помѣченныя разными числами и запертыя въ ея шкатулкѣ съ разными сувенирами. Но онъ спрашивалъ не объ этихъ бумажкахъ.

— Я тебѣ говорилъ не разъ, Лиля, — сказалъ онъ авторитетно, — что человѣкъ въ здравомъ умѣ

долженъ заботиться обо всемъ, что ему можетъ быть полезно. Взяла ли ты съ собой вексель, выданный тебѣ братомъ на сумму твоего наслѣдства.

Глаза Лили раскрылись еще шире прежняго.

— Ильдефонсъ!—прошептала она съ упрекомъ,—какъ ты можешь въ такую минуту думать о подобныхъ вещахъ!

— Когда-нибудь, — возразилъ Порыцкій, — я научу тебя, дорогая моя, самой думать о подобныхъ вещахъ, теперь же я забочусь за тебя о нихъ. Съ тобой ли вексель?

Лиля, оробѣвшая и пристыженная, кинула вопросительный взглядъ на свою служанку.

— Та бумага со штемпелями, которую панъ Конрадъ отдалъ недавно пани? — проговорила Бригита. — Она тутъ, вотъ въ этой шкатулкѣ, что я несу съ собой.

Порыцкій взялъ изъ рукъ служанки шкатулку и самъ уложилъ ее въ стоявшій предъ крыльцомъ возокъ, запряженный его лошадьми и съ его же кучеромъ на козлахъ.

Когда Лиля поставила ногу на подножку возка, охватившая ея станъ рука Порыцкаго почувствовала, какъ по всему ея тѣлу снова пробѣжала дрожь. Понявъ причину этого сильнаго волненія, онъ тотчасъ нагнулся къ ней и шепнулъ ей на ухо:

— Черезъ три мѣсяца, самое большое, ты получишь разводъ, бѣдное, дорогое дитя, и станешь моей женой согласно съ требованіями свѣта, котораго ты такъ боишься

* * *

Тутъ, читатели, я прерываю на короткое мгновенье теченіе своего разсказа и остановлюсь на пун-

ктѣ, на которомъ остановили, вѣроятно, и вы свое вниманіе. Не одинъ изъ васъ, должно быть, читая предыдущія страницы, полный недовѣрія и негодованія, воскликнулъ: „Какъ это? Мать бросила свое дитя? Оставила его на попеченіе чужихъ рукъ и сердецъ? Но это невозможно, противно природѣ и истинѣ. Львицѣ и медвѣдицѣ — и тѣмъ присущъ инстинктъ материнства, а женщина... неужели она лишена его“?

Здѣсь, мои читатели, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ сказывается вся рискованность слишкомъ абсолютно проводимыхъ параллелей и сравненій, которыя, хоть и идутъ изъ глубокой древности, бываютъ, однако, неразъ совершенно неправильны. Да, львицы и медвѣдицы дѣйствительно обладаютъ инстинктомъ материнства и часто совершаютъ благодаря ему незаурядные и трогательные подвиги; но надо взвѣсить и то, что эти обитательницы лѣсовъ и пустынь не одѣваются въ шелка, не увѣшиваютъ свои тѣла золотомъ и жемчугами, не встрѣчаютъ на своемъ пути такихъ львовъ и медвѣдей, которые вселяли бы въ ихъ сердца властное всепожирающее пламя страсти. Инстинктъ ихъ не заглушенъ никакой суетностью, не тонетъ ни въ какихъ мечтаніяхъ, его не убиваетъ никакая страсть, направленная въ иную сторону. Вотъ почему львицы и медвѣдицы сильно и преданно любятъ свое потомство. Такъ же сильно и преданно любятъ свое потомство женщины, когда онѣ — люди, и материнскій ихъ инстинктъ уже не есть инстинктъ, а сознательное чувство.

Была ли Лиля человѣкомъ и могъ ли врожденный инстинктъ материнства развиться въ ней до той высоты чувства, для поднятія на которую требуются

моральные элементы и факторы, одно перечисленіе которыхъ — слишкомъ трудная и долгая задача? На это вы, вѣроятно, сами отвѣтили себѣ. Посмотрите вокругъ себя, нѣтъ ли на свѣтѣ матерей, которыхъ суетность, зависть, мелкія или великія страсти, не лишили даже того свойства, которымъ могутъ гордиться львицы и медвѣдицы. Вы найдете ихъ, увы, найдете, и уже не сочтете неправдивымъ мой разсказъ.

А теперь пойдемъ дальше — или, лучше сказать, пойдемъ въ другую сторону.

II.

Войдемъ въ орховскую усадьбу, въ эту почтенную старинную усадьбу, жилище любящей пары, которая мужественнымъ и упорнымъ трудомъ постепенно выводитъ ее изъ запустѣнія, длившагося десятки лѣтъ.

Теперь надъ высокой, недавно покрытой новымъ гонтомъ крышей продолговатаго низкаго дома, тихо шумятъ раскидистыя верхушки старыхъ липъ и каштановъ, опушенныя снѣгомъ. Обширный дворъ усадьбы тонетъ въ сумеркахъ зимняго вечера; на меньшемъ фольварочномъ дворѣ постепенно смолкаетъ шумъ дневныхъ работъ, запираются ворота гуменъ и хлѣвовъ, прячутся подъ кровли темныхъ амбаровъ хозяйственныя орудія, и черезъ окна сѣраго флигеля видно яркое пламя въ очагѣ, вокругъ котораго сидитъ уставшая отъ работы дворовая челядь.

Въ комнатѣ, гдѣ когда-то жилъ панъ Каетанъ, тоже пылаетъ въ старинномъ каминѣ яркое пламя и отражается, какъ когда то, въ былое время, красными и золотистыми снопами искръ въ стеклянныхъ дверцахъ шкаповъ, наполненныхъ книгами.

У большого круглаго стола сидитъ съ работой въ рукахъ старая мать Михалины, и бѣлый свѣтъ небольшой лампы ложится мягкими тонами на ея увядшее лицо, все въ морщинахъ, но озаренное свѣтлой, почти веселой улыбкой. Съ этой улыбкой на блѣдныхъ губахъ слушаетъ она шумное щебетанье двухъ малютокъ, которыя полу-сидя, полу-стоя на колѣняхъ, опираются на столъ своими крохотными пухлыми ручонками и, перегибаясь впередъ подъ падающимъ изъ камина на ихъ златоволосыя головки розовымъ отблескомъ, силятся заглянуть своими шаловливыми глазками въ любимое лицо старой бабушки.

Въ комнату, дышавшую тишиной и спокойствіемъ, но оживленную звенящими въ ней веселыми голосами дѣтворы, вошла минуту спустя женщина въ большомъ тепломъ платкѣ, накинутомъ на голову и плечи, съ большой связкой ключей въ маленькой ручкѣ. Дѣти соскочили съ креселъ и съ радостными восклицаніями кинулись ей навстрѣчу. Женщина сняла съ головы платокъ и подошла къ столу.

— Не простудилась ли ты, Михася? сегодня такой морозъ на дворѣ, — спросила старая женщина, заботливо поглядывая на зарумянившееся отъ зимняго холода лицо дочери.

— Развѣ я когда-либо простуживалась, мамочка? Развѣ я не привыкла жить въ полномъ согласіи съ нашей суровой, но прекрасной природой? — весело улыбаясь, возразила Михалина. — Сегодня холодно, но какъ хорошо на дворѣ! Солнце заходило за огненныя облака, отъ которыхъ порозовѣлъ снѣгъ на нашемъ дворѣ, а теперь небо прозрачно, какъ синій кристаллъ, и за каштановой алллей всходитъ мѣсяцъ. Ночь будетъ морозная, но тихая и ясная.

Она сѣла и, оглянувшись просвѣтленнымъ взглядомъ вокругъ, воскликнула:

— Какъ хорошъ нашъ Орховъ, мамочка! Какой милый, тихій, веселый и славный нашъ старый домъ!

— Благословенъ домъ, въ которомъ живутъ любовь и согласіе! — прошептала старая мать.

— Въ которомъ родились и щебечутъ, какъ пташки, эти маленькіе ангелочки, — смѣясь, докончила Михалина и запечатлѣла два долгихъ поцѣлуя на бѣлыхъ лобикахъ своихъ дѣтей, которыя, охвативъ своими крохотными ручонками ея шею и не обращая никакого вниманія на то, что мать бесѣдуетъ, неумолчно щебетали, задавая вопросы, и сами же отвѣчая себѣ на нихъ. Вскорѣ, однако, радостное выраженіе лица Михалины исчезло. Она тревожно подняла глаза на мать.

— Мечиславъ не возвращается! — промолвила она. — Онъ долженъ былъ еще вчера вернуться изъ N, а между тѣмъ его нѣтъ и сегодня.

— Развѣ ты не знаешь, съ какой массой дѣлъ ему тамъ надо было справиться! Всего труднѣе ему, вѣроятно...

Теперь печаль уже ясно отразилась въ глазахъ Михалины.

— Знаю, знаю, — прервала она тихо, какъ бы имѣя говорить о какой-то горестной тайнѣ, — съ Лилей! О, Боже! Если бы Мечиславъ привезъ ее сюда! Если бы онъ вырвалъ ее изъ этой пропасти! спасъ бы ее!

Морщинистый лобъ старой женщины омрачился совершенно несвойственнымъ ему выраженіемъ суровости.

— Ты полагаешь, — спросила она послѣ ми-

нутнаго молчанія свою дочь, — ты полагаешь, что она возвратилась бы къ своему мужу?

— Сомнѣваюсь, — отвѣтила, подумавши, Михалина, — и даже не знаю, должны ли я и Мечиславъ совѣтовать ей это... Ты знаешь, мамочка, пана Конрада, знаешь Лилю и знаешь также, что такое бракъ, въ которомъ нѣтъ взаимнаго уваженія, нѣтъ ни крупинки хоть бы пріязни, не говоря уже о любви.

— Что же вы будете дѣлать тутъ съ этой женщиной?

Михалина, уже не задумываясь ни минуты, стала отвѣчать съ увлеченіемъ:

— Мы постарались бы, мама, тепломъ нашего домашняго очага, тишиной и покоемъ нашей жизни хоть нѣсколько утѣшить волненіе ея постоянно возбужденнаго неспокойнаго сердца. Мы постарались бы постепенно внести въ ея понятія хоть нѣкоторыя здоровыя и добрыя начала и хоть отчасти закрѣпить узелъ чувства ея къ ребенку, о которомъ она никогда не заботилась, и котораго теперь совершенно покинула... Затѣмъ мы открыли бы предъ ней какую-нибудь прямую и свѣтлую дорогу, на которой она, можетъ быть, и не нашла бы полнаго счастья, но за то сохранила бы свою честь и обезпечила себѣ спокойное и свободное отъ треволненій будущее.

Старая женщина грустно покачала головой. Она, очевидно, собиралась возразить на полныя увлеченія слова дочери выраженіемъ глубокаго сомнѣнія, какъ вдругъ на дворѣ раздался скрипъ саней, быстро скользящихъ по снѣгу, и голосъ покрикивающаго на лошадь кучера.

— Мечиславъ! — радостно воскликнула Михалина и бросилась къ дверямъ.

Съ шумными восклицаніями кинулись къ нимъ и дѣти, и старая мать тоже встала съ мѣста, чтобы встрѣтить у порога милаго мужа своей дочери.

Мечиславъ вошелъ въ комнату въ дорожной одеждѣ, почтительно поцѣловалъ руку матери, но, противъ обыкновенія, только мимолетной лаской привѣтствовалъ рвущихся къ нему дѣтей. Зато онъ долго, дольше обыкновеннаго, удержалъ въ своихъ объятіяхъ Михалину, а она, молча поднявъ къ его лицу свое, долго и пристально вглядывалась въ его глаза. Въ этихъ глазахъ она прочла бушующую въ немъ бурю мучительныхъ ощущеній, на блѣдномъ и нахмуренномъ лицѣ его она подмѣтила отраженіе грызущей его скорби и горя.

Нѣсколько минутъ спустя старуха хлопотала на другомъ концѣ комнаты, приготовляя чай; дѣти пробѣжали во внутреннія комнаты, чтобы привести къ отцу спавшую до того времени младшую сестренку, а супруги усѣлись рядомъ у теплаго камина. Жена первая прервала молчаніе.

— Что же, дорогой мой, — шепнула она, — видѣлъ ли ты „ее“?

Рука Мечислава сжала ея руку дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія пожатіемъ.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ онъ, какъ человѣкъ, изо всѣхъ силъ удерживающійся отъ вспышки чувствъ и слишкомъ громкой рѣчи, — я не видалъ этой...

Съ языка его чуть не сорвалось какое-то ужасное слово, но его во время остановилъ молящій о состраданіи и прощеніи взглядъ Михалины.

— Этой... несчастной! — докончилъ Мечиславъ, изо всѣхъ силъ борясь со своимъ чувствомъ и сдерживая свои выраженія, и продолжалъ:

— Двери ея квартиры наглухо закрыты для всѣхъ, особенно же для меня. Повидаться съ нею я могъ бы, лишь прибѣгнувъ къ насилію, а это было бы безумiемъ и въ концѣ концовъ ни къ чему не привело бы... Человѣкъ этотъ держитъ ее въ желѣзныхъ когтяхъ, стережетъ, какъ невольницу, всѣми извѣстными ему способами отдѣляетъ ее отъ людей, отъ небольшой горсти людей, которые еще хотѣли бы имѣть съ нею общеніе.

— А его ты видѣлъ? — съ чувствомъ отвращенія и боязни спросила Михалина.

— И онъ также скрывался отъ меня. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я напрасно искалъ возможности увидѣть его и поговорить съ нимъ. Когда же я, наконецъ, добился этого, меня охватили безумный гнѣвъ и скорбь. Я сталъ кидать ему въ глаза всѣ тѣ слова, которыя просились на языкъ еще тогда, когда я его долженъ былъ принимать въ своемъ домѣ, и которыхъ теперь, имѣя передъ глазами образъ обезчещенной сестры, я не могъ уже удержать. Я сказалъ ему, что онъ отступникъ, обманщикъ, обольститель...

— А! — съ невольнымъ испугомъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ воскликнула Михалина, — вѣдь это смертельное оскорбленіе... Дорогой мой... ты что-то скрываешь отъ меня. Онъ тебя вызвалъ...

Мечиславъ съ горечью усмѣхнулся:

— Успокойся, Михася, и прости меня. На мгновенье я, въ первый разъ съ того дня, какъ полюбилъ тебя, забылъ о тебѣ, забылъ о нашихъ дѣтяхъ и о своихъ убѣжденіяхъ, которыя повелѣваютъ мнѣ разсматривать какъ нелѣпый пережитокъ эпохи варварства эти дуэли, на которыхъ честные люди нерѣдко подставляютъ свою грудь подъ пули глуп-

цовъ или негодяевъ. Около минуты я горячо желалъ вызвать его или быть имъ вызваннымъ. Но слова мои ударялись объ его мѣдный лобъ безъ всякаго отзвука, съ виду совершенно на него не дѣйствуя... но это только съ виду... потому что я хорошо видѣлъ, какъ бушевали внутри этого человѣка гнѣвъ и ненависть, но онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не выдалъ своихъ внутреннихъ чувствъ, обузлывая и сдерживая ихъ въ силу инстинкта самосохраненія. Онъ отвѣчалъ мнѣ насмѣшливыми улыбками, софизмами и циничными фразами, нагло и холодно.

— Однако, — подхватила Михалина, — тебѣ казалось, что онъ не былъ на самомъ дѣлѣ такъ холоденъ и равнодушенъ, какъ хотѣлъ казаться?

— Я увѣренъ въ томъ. Въ этомъ человѣкѣ рядомъ съ холоднымъ разсчетомъ живутъ бурныя страсти.

— Мечиславъ! — прошептала Михалина глухимъ голосомъ, будучи не въ состояніи подавить тревогу, — человѣкъ этотъ будетъ мстить тебѣ, будетъ мстить намъ...

— Безусловно, — мрачно отвѣтилъ мужъ. — И денежные разсчеты, и ненависть дѣлаютъ его моимъ врагомъ. Сперва онъ мѣтитъ только на наше имущество, чтобы извлечь изъ него просто денежную выгоду; теперь же онъ будетъ стремиться не только къ наживѣ, но и къ мести. Онъ будетъ жаждать моего разоренія и гибели моего хозяйства, какъ всѣ негодяи и опозоренные люди жаждутъ разоренія и гибели людей честныхъ и чистыхъ. Это его желаніе погубить насъ — не пустое желаніе. У него много агентовъ и помощниковъ, которые, если и не раздѣляютъ всѣхъ его цѣлей, то все

же влагаютъ въ его руки сильное оружіе противъ насъ.

— Одинъ изъ этихъ помощниковъ, — сказала Михалина, — Маковеръ, не правда ли?

— Несомнѣнно.

Тутъ Мечиславъ еще сильнѣе прежняго сжалъ руку жены и тихо прибавилъ!

— О, дорогая моя! И подумать только, что однимъ изъ орудій, находящихся въ этихъ гнусныхъ рукахъ и направленныхъ на насъ съ цѣлью погубить насъ, является моя родная сестра!..

Михалина подняла голову и обвила руками шею мужа, словно хотѣла поднять его голову, поникшую подъ бременемъ скорби и стыда.

— Не будемъ дѣлать такихъ грустныхъ и страшныхъ предположеній, — промолвила она, — будемъ лучше вѣрить въ доброту Лили, вѣдь она можетъ существовать въ ней при всѣхъ ея недостаткахъ и уклоненіяхъ отъ добрыхъ правилъ: чувство родственной привязанности можетъ пробудиться и заговорить въ сердцѣ женщины иной разъ тогда, когда всего меньше ожидаешь этого. Скажи мнѣ теперь, — прибавила она, видимо желая перемѣнить предметъ разговора, — нашелъ ли ты покупателя на нашъ лѣсъ?

Мечиславъ отрицательно покачалъ головой.

— Видался я со многими, — сказалъ онъ, — но ни съ однимъ не могъ столковаться. Ужъ нѣсколько мѣсяцевъ никто изъ евреевъ въ N ничего у меня не покупаетъ и не беретъ въ аренду. Правда, они мнѣ не говорятъ открыто, что не желаютъ имѣть со мной дѣла, и съ виду даже охотно принимаютъ мои предложенія, но послѣ ссылаются на различныя трудности, препятствія, менѣе всего предвидѣнныя, а потому и не устраненныя во время,

колеблются, обдумываютъ, и... расторгаютъ почти заключенныя сдѣлки. Гдѣ я ни появлюсь, съ кѣмъ ни заговорю, я вижу себя окруженнымъ цѣлымъ роемъ факторовъ, которые о чемъ-то шепчутся, бѣгаютъ, совѣтуютъ, отсовѣтываютъ, и я знаю, что это они выполняютъ чьи-то приказанія, что они на службѣ у кого-то, кто имѣетъ надъ ними вліяніе и власть. Всѣ сдѣлки рвутся у меня въ рукахъ, какъ паутина; всѣ самые точные разсчеты разсыпаются въ пухъ и прахъ. Это чья-то подпольная работа, руководимая искусной и сильной рукой. Каковы будутъ ея послѣдствія? до чего она насъ доведетъ? Кто знаетъ? Я борюсь съ нею, но не вижу предъ собою никакого исхода, не нахожу средствъ обороны; нужды наши громадны, ужасающи, а средствъ нѣтъ никакихъ. У меня отнимаютъ ихъ властныя постановленія людей, которые посягаютъ на мое добро, на спокойствіе и счастье моей жизни.

Между супругами воцарилось продолжительное молчаніе. Давно уже поставила передъ ними старая мать горячую пищу и питье и, видя, что они заняты интимной бесѣдой, удалилась съ дѣтьми въ сосѣднюю комнату. Мужъ съ женою сидѣли попрежнему рука объ руку съ опущенными внизъ глазами; погруженные въ задумчивость, они сидѣли въ молчаніи, не двигаясь съ мѣста.

Михалина снова первая подняла голову.

— Мечись, — проговорила она тихо и нерѣшительно, — можетъ быть, мы на этотъ разъ, въ страшной нуждѣ, могли бы найти спасеніе въ какомъ-нибудь займѣ?.. Орховъ уже почти чистъ отъ долговъ... за исключеніемъ этого одного... притомъ же всѣ хорошо знаютъ твою правдивость и честность...

Мечиславъ отрицательно покачалъ головой.

— Я уже думалъ объ этомъ, но куда же обратиться за помощью, о которой ты говоришь? Въ общественное кредитное учрежденіе? такого у насъ совершенно нѣтъ. Къ частному кредиту, но онъ цѣликомъ въ рукахъ тѣхъ же людей, которые стремятся насъ опутать и опутываютъ насъ сѣтью самыхъ разнообразныхъ путъ и препятствій. Вѣдь это они покупаютъ, берутъ въ аренду и... даютъ взаймы. На иные же общественные слои нечего разсчитывать. Они малосостоятельны и послѣ ряда опытовъ и разочарованій стали вполнѣ справедливо недовѣрчивы...

Они снова умолкли; но царившее вокругъ нихъ молчаніе было черезъ нѣсколько минутъ нарушено зазвенѣвшими на дворѣ почтовыми колокольчиками и легкимъ стукомъ саней, въѣхавшихъ на мощеную площадку передъ главнымъ крыльцомъ. При тихой трудовой жизни, которую вели обитатели Орхова, гости не были частымъ явленіемъ. Поэтому супруги съ тревогой людей, которые ждутъ каждое мгновеніе недобрыхъ вѣстей и напастей, повернули головы къ двери. Дверь открылась, и въ ней появился гость, котораго хозяева, вѣроятно, меньше всего ожидали увидѣть въ эту минуту.

— Конрадъ! — воскликнулъ Мечиславъ, срываясь съ кресла.

— Пане Конрадъ! — повторила Михалина, тоже вставая.

Это былъ дѣйствительно Конрадъ Ренчицъ, который остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ порога, въ нерѣшительной, робкой и очень неуклюжей позѣ, въ самой своей неуклюжести заключающей словно просьбу о состраданіи. Лицо его за послѣднее время сильно исхудало, лобъ покрылся морщинами, въ глазахъ отражались тревога и глубокое страданіе.

Мечиславъ быстро подошелъ къ шурину, протягивая ему руку. Это движеніе и этотъ жестъ произвели, очевидно, сильное впечатлѣніе на прибывшаго, потому что онъ, не произнося ни слова, охватилъ руками шею Мечислава и громко разрыдался. Въ этомъ громкомъ и судорожномъ рыданіи взрослаго мужчины было что-то дѣтское, что въ сущности не вызывало ни сочувствія, ни уваженія, а будило лишь жалость къ его горю и вмѣстѣ съ тѣмъ къ его слабости.

— Пане Конрадъ! успокойтесь, ради Бога! — говорила, подходя къ разрыдавшемуся гостю, Михалина.

Гость молча поцѣловалъ обѣ ея руки.

— Я пріѣхалъ, — заговорилъ онъ, наконецъ, выпрямляясь и отирая слезы, — Я пріѣхалъ просить у васъ пріюта... для моего ребенка!

Говоря это, онъ протянулъ руку по направленію къ двери.

Теперь только Мечиславъ и Михалина замѣтили что въ комнату вошла и остановилась у порога женщина, имѣвшая видъ няньки и державшая на рукахъ трехлѣтняго ребенка. Михалина, испустивъ крикъ, въ которомъ слышались и горе, и радость, подбѣжала и взяла дитя изъ рукъ принесшей его женщины.

— Бѣдное, бѣдное, невинное созданіе! — шептала она, неся ребенка къ теплому камину и стараясь развязать платокъ, который закрывалъ ему личико.

Конрадъ стоялъ между тѣмъ посереди̇нѣ комнаты и продолжалъ говорить:

— Бросила его родная мать... покинула и меня, и дитя... Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Я думалъ, что

его возьметъ моя мать, но теперь и у нея нѣтъ крова надъ головой... Я ее самое отвезь сегодня въ Бѣловолю, а дитя отдаю вамъ. Сжальтесь надъ нимъ, приголубьте его, пріютите, пока я не пріищу чего-нибудь для себя, не поселюсь снова гдѣ-нибудь осѣдло. Я теперь самъ не знаю, куда дѣваться и что дѣлать съ собою. Провели меня эти негодяи, выгнали изъ родного гнѣзда... и пустили въ свѣтъ съ нѣсколькими жалкими грошами.

— Какъ это? — съ изумленіемъ спросилъ Мечиславъ. Но Михалина даже и не слыхала послѣднихъ словъ Конрада; она была уже въ теплой, чистой комнатѣ, въ которой стояли постельки двухъ старшихъ ея дѣтей и колыбелька самаго младшаго. У колыбельки сидѣла теперь ея мать, а старшія дѣти играли при свѣтѣ лампы, развлекаясь разсматриваніемъ книжки съ картинками. Жена Мечислава медленно вошла въ эту комнату, задумчиво устремивъ внимательный взглядъ на маленькое личико ребенка, который, лежа въ ея объятіяхъ, вперилъ въ нее свои большіе удивленные и испуганные глазки.

— Мамочка, — проговорила Михалина, подходя къ матери, погляди, вотъ еще одно наше дитя...

Мать вопросительнымъ взглядомъ взглянула на нее и на дитя.

— Дитя Лили! — шепнула женщина.

Старуха поняла все. Лицо ея, изборожденное годами и лишеніями, озарилось выраженіемъ доброты и безграничнаго сожалѣнія.

— Хорошо, Михася! — сказала она, — уложимъ его сегодня въ постельку Полинки, а завтра устроимъ для него другую кроватку въ этой же самой комнатѣ. А теперь я пойду принесу ему теплаго молочка.

Но она не уходила и, мягко положивъ на темноволосую голову ребенка свою морщинистую руку, промолвила тихо:

— Бѣдняжка!

— Бѣдняжка! — шепнула и Михалина, приникнувъ долгимъ поцѣлуемъ къ этимъ большимъ чернымъ глазамъ, которые гладѣли на нее съ нѣмою скорбью слабаго испуганнаго заброшеннаго существа.

— Бѣдняжка! — повторили даже дѣти, которыя изъ любопытства подбѣжали къ матери, чтобы увидѣть, что она держала на рукахъ; теперь они стояли задумчивыя, серьезныя, внезапно охваченныя какимъ-то безсознательнымъ пониманіемъ незнакомаго имъ чувства сиротства.

Спустя минуту дитя Лили лежало раздѣтое въ бѣлоснѣжной постелькѣ, укрытое теплымъ одѣяльцемъ, а Михалина брала изъ рукъ матери стаканъ съ теплымъ напиткомъ и медленно вливала его въ озябшія, молчащія и самымъ своимъ молчаніемъ словно жалующіяся губки.

Она стояла на колѣняхъ у постели до тѣхъ поръ, пока утомленные глазки ребенка не закрылись. Изъ-подъ рѣсницъ его скатилось нѣсколько крупныхъ и тихихъ слезъ. Михалина поцѣлуями осушила эти слезы на блѣдномъ худенькомъ личикѣ и, глядя на засыпающее дитя задумчивыми глазами, шептала:

— Бѣдный! бѣдное созданіе! Если бы твоей матери никогда не разлучали со мною, то ты, быть можетъ, не было бы покинуто, не было бы здѣсь...

Встрѣчаются на свѣтѣ тихіе и свѣтлые дома, полные любви, мира, труда и милосердія, благословенные дома, куда направляютъ свои шаги всѣ, кто ищетъ утѣшенія и добраго совѣта, дома, всегда готовые пріютить подъ своимъ кровомъ покинутыхъ си-

ротъ, всегда готовые открыть свои двери передъ заблуждающимся, лишь бы онъ скорбѣлъ о своемъ заблужденіи, и даже передъ опозореннымъ, лишь бы онъ жаждалъ очиститься... Однимъ изъ такихъ убѣжищъ былъ домъ Мечислава и Михалины. Онъ принялъ въ свои стѣны дитя Лили, какъ принялъ бы и ее, если бы она постучалась въ него. Фундаментъ этого дома былъ подрытъ, надъ нимъ въ угрюмомъ мракѣ кружились угрозы и опасности... алчныя и мстительныя руки вели сюда гибель, и она подползала къ нему все ближе и ближе. Но онъ все еще твердо стоялъ среди окружающаго его моря легкомыслія, спокойный среди общей сумятицы, высясь среди рушащихся кругомъ него другихъ домовъ. Опорой ему служили: свѣтлый и теплый семейный очагъ, горячія сердца и благородныя мысли его обитателей и заложенные въ немъ задатки лучшей, разумнѣйшей и достойнѣйшей жизни общества и отдѣльныхъ его единицъ.

Тѣмъ временемъ Конрадъ, попивая горячій чай и попеременно то разражаясь гнѣвомъ, то отирая набѣгающія на глаза слезы, описывалъ Мечиславу свое горе.

— Да, — говорилъ онъ, — меня обманули самымъ гнуснымъ образомъ, ей Богу, обманули! Я случайно узналъ это. У знакомыхъ въ N я встрѣтилъ юриста, того Дзерковскаго, про котораго, знаешь, намъ говорили, что онъ такой честный и умный человѣкъ.

— Знаю, знаю, — прервалъ Мечиславъ съ безпокойствомъ и любопытствомъ.

— Вотъ, разговаривая съ нимъ о продажѣ Ренчина, я показалъ ему тѣ обязательства, что мнѣ выдалъ тотъ... негодяй Порыцкій отъ имени барона.

Дзерковскій глядѣлъ и качалъ головой, но, наконецъ, сказалъ мнѣ, что эти обязательства трехъ грошей не стоятъ, потому что...

— Да не можетъ быть!.. — воскликнулъ Мечиславъ. — Дзерковскій, вѣрно, ошибся...

— Ошибся? — безнадежнымъ тономъ воскликнулъ Конрадъ. — И я такъ думалъ сначала, но потомъ меня охватило безпокойство. Цѣлый день ходилъ я ко всѣмъ юристамъ, какіе только есть въ N, и въ судѣ былъ... разспрашивалъ чиновниковъ... Одни говорили, что обязательства эти никакой цѣны не имѣютъ, другіе совѣтовали немедленно начать процессъ...

Мечиславъ слушалъ вначалѣ словно въ столбнякѣ. Но вскорѣ онъ сдѣлалъ рукой жестъ, выражавшій, что отъ человѣка, учинившаго это послѣднее плутовство, можно было ожидать всего.

— А тетя Мальвина? — спросилъ онъ, спустя мгновеніе.

— Мать, моя бѣдная мать! — воскликнулъ Конрадъ, опустивъ внизъ глаза, омрачившіеся и удрученные еще больше прежняго.

Это было вполнѣ яснымъ отвѣтомъ. Пани Мальвина была, очевидно, также пущена по міру, оставлена безъ всякихъ средствъ къ существованію, какъ и ея сынъ.

— Но какъ же это могло случиться, Конрадъ? — послѣ минутной задумчивости проговорилъ Мечиславъ. — Вѣдь тутъ же все время былъ Августинъ Шилло. Не думаю, чтобы онъ былъ настолько неопытенъ въ своей профессіи.

Въ эту минуту въ комнату вошла Михалина; Мечиславъ умолкъ, а Конрадъ шепнулъ ему на ухо:

— Люди говорятъ, что Шилло взялъ у нихъ

деньги... Не знаю, правда ли это, и даже сомнѣваюсь... А впрочемъ, если онъ и покривилъ противъ меня душой, то пусть ему Богъ не поминаетъ этого лихомъ. Вотъ, ей Богу, и у меня по отношенію къ этому человѣку совѣсть нечиста... Ему слѣдовали съ насъ деньги, давно слѣдовали; онъ просилъ, напоминалъ... я все тянулъ, откладывалъ... можетъ быть, онъ и заплатилъ себѣ самъ... Что дѣлать? Теперь онъ обѣщаетъ, что выиграетъ процессъ...

При послѣднихъ словахъ Конрадъ сорвался съ кресла, какъ бы припомнивъ что-то.

— Гдѣ моя голова? — воскликнулъ онъ, — сижу здѣсь у васъ, между тѣмъ какъ завтра мнѣ надо подавать въ судъ прошеніе, которое мнѣ уже написалъ панъ Августинъ.

— Такъ, значитъ, ты таки серьезно думаешь о процессѣ? — спросилъ Мечиславъ.

— Что? Думаю ли я о процессѣ? Но это вѣдь, ей Богу, смѣшной вопросъ, Мечись! Я съ ними со всѣми заведу тяжбу, и съ барономъ, и съ Маковеромъ и съ Порыцкимъ. Если бы мнѣ даже пришлось истратить на это до послѣдняго гроша тѣ деньги, что еще есть у меня въ карманѣ, если бы пришлось пѣшкомъ идти ради этого въ столицу, я буду судиться съ ними и... выиграю. Вотъ увидите, продажу признаютъ недѣйствительной, и я возвращусь въ Ренчинъ...

Когда Конрадъ, расхаживая широкими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ или скорѣе выкрикивалъ эти слова, лицо его покрылось темнымъ румянцемъ, а въ глазахъ сверкало выраженіе настойчиваго упрямства. Напрасны были всѣ рѣчи Мечислава, силившагося доказать ему, что онъ лучше по-

ступитъ, если на оставшіяся у него деньги сниметъ въ аренду какое-нибудь имѣніе и трудомъ и бережливостью скопитъ себѣ вновь состояніе; напрасно Михалина со всяческимъ радушіемъ и привѣтливостью упрашивала его переночевать у нихъ. Конрадъ сжималъ шурина въ объятіяхъ, цѣловалъ руки его женѣ, благодарилъ, плакалъ, поручалъ имъ свое дитя, клялся, ударяя себя кулакомъ въ грудь, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, но оставался при своемъ твердомъ убѣжденіи, что дѣло еще поправимо, что онъ выиграетъ процессъ и либо возвратитъ себѣ имѣніе, либо взыщетъ потерянный капиталъ. Говоря все это, жестикулируя, произнося клятвы и отирая слезы, онъ оставилъ Орховъ.

Часа два спустя послѣ отъѣзда несчастнаго сына пани Мальвины Мечиславъ сидѣлъ за большимъ столомъ у камина, въ которомъ догоралъ огонь, и, сдвинувъ брови, просматривалъ накопившіяся за время его отсутствія бумаги. Это были повѣстки объ уплатѣ податей и иныхъ государственныхъ налоговъ, реестры и перечни разныхъ хозяйственныхъ нуждъ, требующихъ удовлетворенія, необходимыхъ починокъ, и неизбѣжныхъ расходовъ. Мечиславъ просмотрѣлъ каждую изъ этихъ бумагъ, напоминавшихъ ему о его опасномъ и полномъ хлопотъ положеніи, лицо его при этомъ сохраняло мрачное и сосредоточенное выраженіе; однако первое слово, произнесенное имъ по прочтеніи всего, совершенно не касалось содержанія этихъ бумагъ. Отодвигая ихъ отъ себя, Мечиславъ приподнялся съ кресла и проговорилъ:

— Завтра ѣду въ Бѣловолю.

Михалина сидѣла у стола съ работой въ рукахъ, но взглядъ ея то и дѣло съ любовью и безпокойствомъ останавливался на омраченномъ лицѣ мужа.

— Въ Бѣловолю! — повторила она — да, я понимаю тебя...

— Можетъ быть, — говорилъ Мечиславъ, проводя рукой по лбу, — можетъ быть, двери, закрытыя передъ братомъ, раскроются передъ матерью... Можетъ быть, увѣщанія и просьбы матери подѣйствуютъ тамъ, гдѣ умолкли женскій стыдъ, совѣсть и разумъ...

— Да, — сказала Михадина, — но захочетъ ли твоя мать?

— Захочетъ ли поѣхать? — прервалъ Мечиславъ,— повидаться со своимъ сбившимся съ пути ребенкомъ?.. потолковать съ нею во имя материнскаго чувства и материнской власти? Э, да не знаю, ручаться за это не могу! Все же на мнѣ лежитъ долгъ испробовать еще и это средство для ея спасенія. Кто знаетъ? попробую! поѣду!..

* * *

Бѣловольская усадьба, небольшая, но очень красиво построенная, когда-то бѣлѣвшая такъ отрадно для глаза среди темной зелени, приняла со времени переселенія туда пани Леонтины сѣрый и запущенный видъ снаружи и поражала страннымъ мрачнымъ характеромъ своего убранства внутри. Каждая изъ небольшихъ комнатъ этого дома глядѣла, словно гробъ. Низкіе, покрытые пылью потолки давили и, казалось, вдавливали въ землю потемнѣвшія отъ куреній стѣны. Вдоль стѣнъ стояла мебель изъ темнаго дерева, обитая толстымъ небѣленымъ холстомъ съ черной траурной каймой. На окнахъ висѣли такія же занавѣси, пропускавшія желтоватый тусклый свѣтъ въ комнаты, въ которыхъ царила удушливая и сырая атмосфера, свойственная постоянно запертымъ, за-

брошеннымъ, почти пустымъ помѣщеніямъ. Это фантастическое убранство дома было придумано и введено пани Леонтиной еще тогда, когда она послѣ смерти своего мужа переселилась изъ Орхова въ Бѣловолю, отданную ей ея сыновьями въ полную собственность.

Пани Мальвина, какъ легко можно догадаться, совершенно расходилась со своей родственницей и воспитанницей во взглядахъ на обстановку дома и образъ жизни.

Она ей совѣтовала сбросить съ себя меланхолію при помощи свѣтскихъ развлеченій.

Пани Леонтина слушала эти совѣты съ горькой улыбкой на устахъ и, какъ бы въ отвѣтъ на нихъ, устроивъ свой домъ соотвѣтственно своимъ давнимъ планамъ, герметически закрыла передъ свѣтомъ его двери. Съ тѣхъ поръ пани Мальвина пуще огня боялась бѣловольской усадьбы и никогда въ нее не пріѣзжала, ограничивая свои сношенія съ тоскующей родственницей очень рѣдкими письмами.

Теперь же мать Конрада прибыла въ Бѣловолю, какъ въ единственную оставшуюся ей на свѣтѣ гавань, гдѣ она могла бы найти утѣшеніе. Она прибыла въ сопровожденіи одной только изъ своихъ дочерей, блѣдной и печальной Флоры, но вмѣстѣ съ нею поселились въ мрачныхъ комнатахъ отданнаго одному только безпрерывному покаянію дома, шумныя восклицанія, безпрестанная бѣготня, шелестъ и шуршаніе пестрыхъ и пышныхъ платьевъ.

Пани Леонтина послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, при которыхъ она не выказала ни радости, ни недовольства, а лишь странный испугъ и оцѣпенѣніе, вошла съ теткой въ одну изъ комнатъ, попросила ее тихимъ голосомъ и кроткими словами

жить и распоряжаться въ ея домѣ, какъ ей хочется, и тотчасъ послѣ этого ушла въ свое убѣжище и заперла за собою дверь на ключъ.

Пани Мальвина усѣлась на диванѣ въ гостиной, опустила руки на колѣни, закрыла глаза и въ этой позѣ оставалась всю ночь. Напрасно Флора, которая хлопотала, распаковывая чемоданы и приготовляя чай, всячески упрашивала мать раздѣться и лечь въ постель. Пораженная всѣмъ, что ее здѣсь окружало, пани Мальвина отрицательно трясла головой и, не раскрывая глазъ, говорила:

— Я боюсь спать въ этомъ гробу, потому что мнѣ кажется, что я заснула бы въ немъ навѣки... Не отходи отъ меня, Флора! Я вздремну немного... Ахъ, эти занавѣси, эти занавѣси! Погляди ка, душа моя, нѣтъ ли тамъ за ними чего-нибудь ...

Раннимъ утромъ, когда изъ-за желтовато-траурныхъ занавѣсей проникло въ комнату нѣсколько слабыхъ лучей зимняго солнца, пани Мальвина раскрыла глаза, выпила чай, приготовленный Флорой оправила на головѣ локоны и ленты, но не двинулась съ занимаемаго ею мѣста и, невыспавшаяся, поблѣднѣвшая, дрожа отъ холода и непріятныхъ мыслей, вся съежившись, сидѣла между диванными подушками въ траурныхъ чехлахъ и жаловалась на опрометчивость сына, потерявшаго свое имѣніе, на причуды пани Леонтины, которая завела въ своемъ домѣ такіе странные и дикіе порядки, и на глупость своихъ дочекъ, которыя не вышли замужъ и теперь не могутъ предложить своей матери болѣе пріятнаго убѣжища.

Въ такомъ положеніи нашелъ ее и Мечиславъ, когда чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ послѣ полудня въ Бѣловолю. Увидя его, пани Мальвина,

обрадовавшаяся родственнику, протянула къ нему навстрѣчу обѣ руки, восклицая:

— Дай же тебѣ Богъ здоровья, мой голубчикъ, за то, что ты сегодня пріѣхалъ сюда! По крайней мѣрѣ, услышу человѣческій голосъ и увижу хоть чье-нибудь лицо въ этомъ гробу. Пріѣхалъ сюда, правда, съ полчаса тому назадъ братъ твой Камиллъ, но я не могла его дозваться. Пошелъ толковать съ Флорой... Ахъ, скверно жить на свѣтѣ, голубчикъ, очень скверно! Но и ты, дружокъ, что-то очень блѣденъ и осунулся. Знаешь, мнѣ, право, начинаетъ казаться, что весь свѣтъ какъ-то осунулся и сталъ меланхоличенъ... Придется и мнѣ, какъ и твоей матери, ждать развлеченій развѣ отъ царства небеснаго...

Мечиславъ, на лицѣ котораго отражались рѣшимость и вмѣстѣ съ тѣмъ печаль, послѣ нѣсколькихъ равнодушныхъ словъ привѣтствія оглянулся кругомъ и спросилъ:

— Гдѣ же моя мать? Я пріѣхалъ сюда поговорить съ нею объ очень важномъ дѣлѣ.

— Ахъ! эти ваши важныя дѣла! — воскликнула пани Мальвина. — Никогда я не имѣла къ нимъ ни малѣйшей склонности, и вотъ, представь себѣ, душа моя, какое это было вѣрное предчувствіе... всѣ мои несчастья начались съ этихъ самыхъ важныхъ дѣлъ. Твоя мать, дружокъ, очень странная особа. Сидитъ запершись вотъ въ той комнатѣ.

Тутъ она понизила голосъ и спросила шепотомъ:

— А ты, кузенъ, входилъ когда-либо въ ту комнату?

Но Мечислава уже не было подлѣ нея. Онъ остановился у запертыхъ дверей комнаты своей матери и слегка постучалъ въ нее.

— Кто тамъ? — отозвался изнутри глухой и слабый голосъ.

Мечиславъ отвѣтилъ.

— Нельзя ли бы повидаться позднѣе? — спросилъ снова голосъ изъ запертой комнаты.

— Я чрезвычайно желалъ бы, мама, повидаться съ тобою сегодня, сейчасъ.

Голосъ за дверьми уныло и съ глубокимъ смиреніемъ прошепталъ:

— Да будетъ воля Твоя, Господи, яко на небеси и на земли! — и послѣ этого медленно и безшумно раскрылись двери, и въ нихъ показалась мать Лили.

Она имѣла странный видъ, до того странный, что если бы встрѣтить ее въ иномъ мѣстѣ и въ иную пору, то легко было бы принять ее за какой-то легендарный призракъ. Всегда выглядѣвшая высокой, пани Леонтина выглядѣла теперь еще выше, благодаря чрезвычайной исхудалости и узкому черному одѣянію, охватывавшему ея фигуру. Волосы ея, большей частью посѣдѣвшіе и ничѣмъ не покрытые, падали безпорядочными густыми прядями на ея плечи, на длинную исхудалую шею, и слегка прикрывали ея желтый лобъ, изображенный множествомъ морщинъ. Подъ этимъ лбомъ свѣтились впалые глаза съ большими черными зрачками. Вѣки были красноваты. Щеки были впалыя, съ лихорадочно горящими, словно выжженными на нихъ пятнами румянца, блѣдныя губы были плотно сжаты, руки, болѣзненно-худыя и прозрачно-бѣлыя, безсильно повисли вдоль чернаго одѣянія. Это было живое воплощеніе духовнаго жара и аскетизма.

Сухъ и жестокъ былъ взглядъ, который она устремила на склонившуюся надъ ея рукой голову

сына, сухъ и холоденъ былъ звукъ ея голоса, когда она спрашивала сына, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Мама! — съ мягкой настойчивостью началъ Мечиславъ, — печаленъ будетъ предметъ моей сегодняшней бесѣды съ тобой . . .

Губы пани Леонтины медленно раздвинулись.

— Скорбь наша и радость наша — въ рукѣ Божіей! — проговорила она медленнымъ и монотоннымъ голосомъ.

Мечиславъ кивнулъ головой.

— Это такъ, мама, — промолвилъ онъ. — Но бываютъ, однако, случаи, когда долгъ и сердце приказываютъ намъ спѣшить на помощь несчастнымъ и падшимъ. Ты знаешь, мама, о томъ, какому несчастью подверглась, какъ низко пала Лиля.

При одномъ звукѣ этого имени лицо пани Леонтины дрогнуло, румянецъ ярче вспыхнулъ на ея щекахъ, глаза загорѣлись сильнѣе прежняго.

— Грѣшница! — выговорила она.

Она не сказала ничего, кромѣ одного этого слова, но оно прозвучало въ ея устахъ такъ рѣзко, что ясно обнаружило ея неумолимое негодованіе.

— Увы! — возразилъ сынъ, — имя, которое ты дала бѣдной заблудшей сестрѣ моей, вѣрно. Я, однако же, мысленно прибавляю къ нему еще одно слово: несчастная!

Едва замѣтная тѣнь горькой улыбки промелькнула на губахъ пани Леонтины.

— Несчастная? — повторила она и повернула къ лицу сына свой взглядъ, устремленный раньше въ высь и сверкающій пронзительнымъ блескомъ. — Она несчастна? Ахъ! Развѣ я была когда-либо счастлива? развѣ въ моей жизни не было заблужде-

ній, страданій, разочарованій? Кто же сжалился надо мной въ черные часы моей жизни? Кто приходилъ ко мнѣ на помощь?.. Никто! Никто меня не любилъ, свѣтъ и люди покинули меня. Теперь я въ глубинѣ сердца приношу имъ свою благодарность за это, потому что мое одиночество научило меня смиренію и презрѣнію къ низменнымъ интересамъ этой унылой, жалкой земли.

Мечиславъ слушалъ, опустивъ голову. Послѣ минуты молчанія онъ снова началъ говорить:

— Печаль и огорченія, мама, бываютъ въ жизни и сохраняются въ памяти каждаго человѣка. Но бури, подобныя той, которая сокрушила добродѣтель, а, можетъ быть, и счастье всей жизни Лили...

— Бури? — прервала мать, — а въ моей жизни развѣ не было тяжелыхъ и мучительныхъ бурь?

— Если онѣ и были, — возразилъ сынъ, — ты, мама, выдержала ихъ успѣшнѣе, чѣмъ эта бѣдная жертва собственныхъ страстей и человѣческой низости...

— Стезя моя была въ рукахъ Господа Бога; Онъ велъ меня по ней по своей святой волѣ.

Это постоянное возвращеніе пани Леонтины къ своей персонѣ отдавалось, очевидно, непріятнымъ эхомъ въ сердцѣ ея сына, потому что лобъ его становился съ каждой минутой все болѣе хмурымъ, а глаза невольно опускались внизъ.

Снова водворилось на минуту молчаніе. Мечиславъ прервалъ его первый, и голосъ его звучалъ нѣсколько глухо отъ глубоко охватившаго его возбужденія.

— Лиля летитъ въ страшную пропасть. Если никто не сумѣетъ ее удержать во время, она падетъ на самое дно, погубитъ счастье и спокойствіе

всей своей жизни, какъ погубила уже свое доброе имя. Я пытался подать ей братскую руку и, не взирая на все происшедшее, открыть для нея убѣжище въ своемъ сердцѣ и своемъ домѣ. Она не приняла моей жертвы, не хотѣла даже видѣть меня. Тогда я подумалъ, что если бы къ ней обратился твой голосъ, мама, голосъ, который напомнилъ бы ей наилучшіе, чистые годы дѣтства, значеніе и святость домашняго очага, то, можетъ быть, она кинулась бы въ твои объятія, и ты бы вывела ее изъ унизительнаго положенія и отдала бы въ мои руки, всегда протянутыя къ ней съ прощеніемъ и помощью. Я думалъ, мама . . .

Голосъ его слегка дрожалъ, но вѣки поднялись и открыли глаза, озаренные свѣтомъ горячаго чувства. На лицѣ его была сердечная мольба, въ позѣ его чувствовалась сильная, глубокая скорбь.

Его рѣчь прервалъ жестъ пани Леонтины, болѣе живой и рѣзкій, чѣмъ всѣ прежніе. Она подняла руки, словно приказывая сыну замолчать, и, блуждая снова взоромъ въ невѣдомыхъ высотахъ, заговорила:

— Знаю! о, знаю, какъ легко для васъ дарить прощеніе, испорченныя дѣти свѣта и мірской суеты! Вы прощаете все, потому что ваши собственныя сердца заключили тайный союзъ съ духомъ зла и мрака, потому что въ васъ нѣтъ святого страха Божія, потому что сопротивленіе велѣніямъ божіимъ уже ничто для васъ. Вы прощаете! прощаете богохульникамъ, отступникамъ отъ вѣры, отъявленнымъ грѣшникамъ! Такъ потоните же вмѣстѣ съ ними въ безднѣ зла и невѣрія, когда всемогущая десница Божья пошлетъ на васъ громы свои, когда потонетъ и испепелится подъ сѣрнымъ дождемъ

вашъ родъ, какъ нѣкогда испеплены были Содомъ и Гомора!

Она говорила эти слова сначала тихимъ слабымъ голосомъ, но съ каждой минутой онъ становился сильнѣе, и въ немъ слышались все болѣе рѣзкіе шипящіе звуки. Одновременно съ этимъ она подняла вверхъ обѣ свои руки жестомъ угрозы и проклятія; глаза ея сверкали молніями, а все лицо зажглось мрачнымъ огнемъ фанатизма.

Мечиславъ стоялъ неподвижно, словно окаменѣлый отъ скорби и изумленія. Лишь минуту спустя онъ тихо промолвилъ, не глядя на мать:

— Мама! Я всегда уважалъ твои религіозныя чувства и не противорѣчилъ имъ никогда ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ. Но вспомни теперь, когда дѣло идетъ о спасеніи твоего ребенка, слова Христа, который запретилъ бросать камнями въ грѣшницу и повелѣлъ относиться къ ней съ состраданіемъ.

— Не пріемли имени Господа Бога своего всуе! — прервала пани Леонтина громкимъ голосомъ и сдѣлала движеніе, словно хотѣла уйти.

Но Мечиславъ поднялъ умоляюще руку, и въ глазахъ его впервые за все время, что онъ говорилъ съ матерью, пробѣжала молнія горестнаго упрека.

— Мать! — воскликнулъ онъ, — вспомни Лилю, вызови въ своей памяти ея образъ, ея лицо, лицо твоего ребенка! Воспоминаніе это, можетъ быть, смягчитъ тебя и побудитъ тебя поспѣшить къ ней на помощь.

— Не становись на стезѣ Господней и не пререкословь святой волѣ Его! — прозвучалъ снова отвѣтъ, произнесенный тихимъ и торжественнымъ голосомъ.

— Лиля находится въ рукахъ злого человѣка, лишеннаго всякой совѣсти и порядочности. Онъ готовитъ ей полную гибель и вовлечетъ ее въ самыя тяжкія несчастья.

— Неисповѣдимы пути, коими Господь Богъ приводитъ къ себѣ души заблудшихъ! Лиля была всегда своенравнымъ и эгоистичнымъ ребенкомъ, равнодушнымъ къ святой вѣрѣ, рвущимся къ суетнымъ мірскимъ радостямъ, какъ мотылекъ къ огню. Такъ пусть же коснется ея огонь гнѣва Господня и очиститъ ея душу, пусть понесетъ она на своихъ грѣшныхъ плечахъ крестъ кары Божіей, и пусть онъ сдѣлаетъ ее покорной и приведетъ ея душу къ спасительному покаянію! Я ничего для нея не могу сдѣлать, могу только въ покаянные часы мои, посыпавъ голову пепломъ, молить Бога, чтобы онъ, простивъ раскаявшейся ея вину, соединилъ ее со мною во царствіи небесномъ.

Говоря послѣднія слова, она кивнула сыну головой и снова повернулась къ двери. Но въ эту минуту блѣдное раньше лицо Мечислава все облилось густымъ румянцемъ. Терпѣніе его, наконецъ, исчерпалось. Въ немъ заговорили горькія воспоминанія, въ душѣ его поднялся рой обвиненій.

— Мать! — заговорилъ онъ, изо всей силы сдерживая бурную вспышку чувствъ и рвущійся изъ груди громкій голосъ, — прости мнѣ то, что я скажу тебѣ. Ты въ долгу передъ Лилей. Дѣтство и юность ея проходили не такъ, какъ должно. Она не знала серьезныхъ и благородныхъ чувствъ, умъ ея не воспринималъ великихъ и охраняющихъ душу мыслей, она не была должнымъ образомъ подготовлена къ труду и испытаніямъ, которыми усѣянъ путь

жизни; поэтому не все происшедшее съ нею можно ставить въ вину ей одной.

Пани Леонтина стояла передъ сыномъ въ позѣ, полной глубокаго изумленія, и съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ.

— Кто же здѣсь виноватъ, кромѣ нея? — спросила она. — Я, можетъ быть?.. Я...

Тихій смѣхъ, горькій, насмѣшливый, всколыхнулъ ея впалую грудь.

— Значитъ, ты меня обвиняешь, Мечиславъ, въ грѣхахъ и несчастіяхъ этого вѣтреннаго, порочнаго существа? Я не удивляюсь этому, и, видитъ Богъ, въ моемъ сердцѣ не является и тѣни обиды. Издавна научили меня смиренію свѣтъ и люди. Если бы ты былъ справедливъ, ты бы вспомнилъ, какъ заботливо, какъ старательно прививала я Лилѣ смиреніе, набожность и презрѣніе ко всему земному, къ мірской суетѣ. Но сыновья мои никогда не понимали меня, сердца и мысли ихъ оставались всегда вдали отъ меня... Камиллъ не любилъ никого; ты, Мечиславъ, очень любилъ отца, — я знаю это... но не меня! не меня! Кто же меня, въ сущности, любилъ на землѣ?.. никто! Что я значила на свѣтѣ и кому я была нужна? — ничего и никому. А потому я отошла отъ васъ въ молчаніи и смиреніи, заперлась въ этомъ гробу, тѣло свое одѣла въ одежды отшельницы и стала жить наединѣ со своимъ Богомъ. Но вы и здѣсь не даете мнѣ покоя, вы и здѣсь пытаетесь вторгнуться въ мою жизнь, въ мое одиночество, въ мою тишину, вы силитесь наводнить ее омерзительными для моего уха отзвуками мірского шума и страстей. О! прочь, прочь отъ меня, омерзительныя химеры мірской суеты, напоминающія мнѣ мое грѣшное и жалкое прошлое. Прочь отъ меня,

вы, навожденія духовъ тьмы, желающія совлечь меня со стезей Господнихъ и уединенныхъ бесѣдъ съ Нимъ, прочь вы, принимающіе образъ дѣтей моихъ! Не хочу васъ слушать! Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко... на небеси...

Рѣчь ея постепенно стихала и, наконецъ, окончательно умолкла за дверьми, безшумно замкнувшимися за матерью Лили и Мечислава. Нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что женщина эта, съ бурнымъ и на взглядъ многихъ не безупречнымъ прошлымъ, съ себялюбивымъ сердцемъ, охваченнымъ угрызеніями совѣсти, съ пламеннымъ воображеніемъ, — была уже наполовину помѣшана. По звукамъ ея голоса, то слабымъ, то рѣзкимъ, по постоянно обращенному въ высь взору, по лихорадочному румянцу и нервнымъ вздрагиваніямъ, которыя сотрясали ея тѣло каждый разъ, когда она говорила объ адѣ и духахъ тьмы, легко можно было отгадать всѣ суевѣрные ужасы, всѣ тѣ частью чудныя, частью страшныя видѣнья, которыя посѣщали ее и окружали ее въ ея уединенномъ покоѣ; легко можно было отгадать непостижимую тоску ея по земному счастью, покинувшему ее, и полные экстаза порывы, влекущіе ее къ неземнымъ сферамъ. Болѣзнь духа, дурно и неправильно воспитаннаго, страданія сердца, лишеннаго единственно прочныхъ земныхъ радостей, — тѣхъ, которыя исходятъ изъ благородныхъ чувствъ и свѣтлой мысли, вызвали въ ней болѣзнь тѣла, первые признаки которой увидѣли пораженные глаза Мечислава.

Съ блѣднымъ и нахмуреннымъ лицомъ и опущеннымъ взоромъ вошелъ онъ въ комнату, гдѣ среди траурныхъ диванныхъ подушекъ свѣтлѣло

и шелестѣло пестрое шелковое платье пани Мальвины.

У стола стоялъ Камиллъ, а Флора, блѣдная отъ усталости, сидѣла, кутаясь въ толстый платокъ, въ тѣни траурныхъ занавѣсей и скрывала за ними свое лицо, по которому катились тихія слезы.

Братья привѣтствовали другъ друга довольно равнодушнымъ пожатіемъ рукъ.

— Давно мы не видались съ тобою, Камиллъ, — проговорилъ Мечиславъ, но видно было, что слова эти были имъ сказаны совершенно машинально, потому что мозгъ его не стряхнулъ еще съ себя впечатлѣнія видѣнной имъ нѣсколько мгновеній назадъ страшной картины, поразившей его и повергшей его въ болѣзненное оцѣпенѣніе.

— Да, — возразилъ Камиллъ непринужденнымъ и равнодушнымъ тономъ. — Ты тамъ въ Орховѣ возишься со своимъ хозяйствомъ, словно наемникъ, и не имѣешь времени на визиты. Я тоже былъ послѣднія недѣли очень занятъ. Я продавалъ Рыдловку.

Послѣднія слова пробудили Мечислава отъ задумчивости.

Онъ быстро поднялъ глаза и взглянулъ на брата.

— Я слышалъ объ этомъ, — сказалъ онъ, — но я предполагалъ и теперь еще предполагаю, что ты одумаешься и воздержишься отъ послѣдняго шага.

— А произошло обратное, — отвѣтилъ, смѣясь, Камиллъ, — шагъ этотъ уже сдѣланъ. Рыдловка, продана.

— Ты уже продалъ ее, Камиллъ, и окончательно?

Въ голосѣ, которымъ Мечиславъ задавалъ этотъ вопросъ, чувствовалась легкая дрожь. Камиллъ взглянулъ на него глазами, въ которыхъ свѣтилась холодная иронія.

— Вполнѣ и окончательно, — отвѣтилъ онъ. — Развѣ я не могъ этого сдѣлать? Развѣ Рыдловка не была моею собственностью!

— Не стану говорить о томъ, что ты самъ понимаешь наравнѣ со мною, — сказалъ Мечиславъ. — Я знаю только, что тебя къ этому не принуждала никакая гнетущая необходимость, ни малѣйшая нужда.

— Наоборотъ, — возразилъ Камиллъ, — меня принудили къ этому мои духовныя потребности и требованія моего вкуса. Живя въ деревнѣ, я долженъ былъ отказываться отъ многихъ удовольствій, которыя теперь, располагая приличной суммой денегъ, я легко могу себѣ доставить. Я не созданъ для деревенской жизни. Я люблю городъ, — конечно, большой городъ, свободу, общество, изящныя развлеченія, которыя оно можетъ доставить. Черезъ недѣлю я оставляю Рыдловку. Весной я уѣзжаю заграницу, посѣщу Италію, Швейцарію и прирейнскія страны, а потомъ поселюсь въ Варшавѣ, гдѣ найду пріятное общество, концерты, оперу...

— Слѣдовательно, ты продалъ Рыдловку ради общества тамошнихъ милыхъ дамъ и для слушанія оперы? — прервалъ его Мечиславъ.

— Я это сдѣлалъ еще и для того, — продолжалъ Камиллъ, чтобы не заключать свой умъ въ слишкомъ тѣсныя рамки провинціальной жизни. Человѣкъ долженъ всегда быть хозяиномъ своего положенія, умѣть измѣнять его соотвѣтственно своей волѣ, не прирастать, какъ грибъ, къ одному мѣсту,

а искать себѣ на свѣтѣ новыхъ путей, такихъ, на которыхъ наилучшимъ и наипросторнѣйшимъ образомъ могли бы развиваться его собственные способности, таланты и вкусы. Продавая Рыдловку, — прибавилъ Камиллъ съ улыбкой глубокаго удовлетворенія, — я только провелъ въ жизнь ту житейскую философію, которую исповѣдую. По какому же другому поводу я могъ это сдѣлать? Въ войну съ вѣтряными мельницами я не вступалъ, долговъ не имѣю.

Въ послѣднихъ словахъ была уже ясно выраженная иронія по адресу Мечислава. Но Мечиславъ не опустилъ глазъ передъ этимъ натискомъ.

— Но ты имѣлъ обязанности, — сказалъ онъ коротко и сильно.

Камиллъ пожалъ плечами и громко расхохотался.

— Какія? — воскликнулъ онъ, — гдѣ? Я ничего о нихъ не знаю. Я никогда не слыхалъ и не читалъ, чтобы были времена, гдѣ и когда законъ запрещалъ бы кому-либо распоряжаться своимъ имуществомъ согласно своей волѣ и своимъ желаніямъ. Земля — такой же капиталъ, какъ и всякая иная собственность, а постоянное теченіе капиталовъ, постоянный переходъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія — одинъ изъ законовъ существованія и условій развитія общественнаго хозяйства. Всякаго рода монополія вредно отзывается на общественномъ богатствѣ и промышленности, а упорное храненіе земзевладѣльцами унаслѣдованныхъ ими земель въ своемъ исключительномъ пользованіи создаетъ монополію, наглядн ѣйшій примѣръ которой представляетъ собою Англія...

Всѣ эти тирады, изобилующія громкими названіями и напыщенными фразами, долго еще лились бы

изъ устъ Камилла, но, Мечиславъ давно уже бросилъ слушать его, подошелъ къ Флорѣ и вполголоса сталъ разговаривать съ нею.

— Гдѣ Роза? — спросилъ онъ.

— Она осталась въ N.

— Такъ, значитъ, она привела въ исполненіе свое намѣреніе?

— О, да! она выполнила его... счастливая...

— Моя жена давно уже не получала отъ нея писемъ.

— Роза теперь такъ усердно работаетъ, всегда такъ занята.

— Вы говорите о Розѣ? — отозвалась съ ди-вана пани Мальвина, — представь себѣ, кузенъ, вѣдь эта дѣвушка прямо помѣшалась: она стала гувернанткой!.. Роза Ренчицъ — гувернантка! Даетъ уроки въ какихъ-то пансіонахъ, и возится съ этимъ цѣлые дни съ утра до вечера. Странная, дѣйствительно, моя судьба, что мнѣ теперь приходится смотрѣть на несчастье этой дѣвушки.

Мечиславъ, слушая эти слова, странно улыбался. Проблескъ пріятнаго, почти радостнаго чувства прояснилъ его хмурое до сихъ поръ лицо.

— Тетя! — сказалъ онъ, — то, что вы называете несчастьемъ Розы, является для нея, наоборотъ, великимъ счастьемъ.

— Хорошее счастье, голубчикъ! Это уже пропавшая дѣвушка!.. Если бы я знала, кто это вбилъ ей въ голову всѣ эти глупости, то ужъ хорошо бы поблагодарила его.

— Я надѣюсь, — сказалъ Мечиславъ, — что когда-нибудь Роза принесетъ своей матери честь своей репутаціей и своимъ трудомъ станетъ ея опорой. За полученіемъ обѣщанной благодарности явится

моя жена, которая, никогда не видясь съ нею, но очень часто переписываясь, возбудила въ ней интересъ къ наукѣ, пріохотила къ упорному труду, открыла въ ней литературныя способности, а теперь пріискала ей мѣсто учительницы въ пансіонѣ, съ начальницей котораго связана давними добрыми отношеніями. Сегодня моя жена поручила мнѣ просить васъ, тетя, быть нѣкоторое время терпѣливой и не препятствовать намѣреніямъ Розы... Гнѣвъ вашъ, тетя, причиняетъ Розѣ страданія, но не можетъ заставить ее свернуть съ пути, который она себѣ избрала.

— А пусть себѣ идетъ, голубчикъ, своимъ путемъ, пусть себѣ идетъ! — возразила пани Мальвина, и щеки ея вспыхнули ярче прежняго, а голосъ задрожалъ. — Я ей не мѣшаю, но совершенно не хочу знать ее.

Она повернулась къ Камиллу и продолжала:

— Представь только себѣ: ходитъ въ черномъ платьѣ, какъ монахиня, бѣгаетъ на уроки по пансіонамъ, возится съ какой-то чепухой и поселилась гдѣ-то подъ крышей вдвоемъ съ какой-то швейкой. Посуди самъ, дружокъ, развѣ могу я считать ее своей дочкой?

— Панна Роза имѣла всегда влеченіе къ книгамъ, — съ оттѣнкомъ иронiи замѣтилъ Камиллъ и слегка, но холодно дотронулся до руки брата, который, не будучи никѣмъ удерживаемъ, прощался съ присутствующими.

Лишь только двери передней закрылись за уѣзжающимъ, Камиллъ тоже взялъ шапку и съ прощальнымъ поклономъ подошелъ къ теткѣ. Но пани Мальвина не дала ему руки и, глядя на него какъ бы шутливо, но на самомъ дѣлѣ со скрытымъ безпокойствомъ, воскликнула:

— Какъ, кузенъ, уже уѣзжаешь?

— Пора, — отвѣтилъ Камиллъ. — У меня осталась всего недѣля до отъѣзда изъ Рыдловки, и я долженъ за это время успѣть сдѣлать все необходимое, чтобы не нести лишнихъ тратъ и потерь.

— И ты не имѣешь мнѣ ничего сказать, дружокъ? — спросила снова пани Мальвина, быстро перебирая дрожащими руками складки своей шали, и глядя съ возрастающимъ безпокойствомъ въ лицо родственника.

Камиллъ учтиво поклонился и съ улыбкой отвѣтилъ:

— Мнѣ остается только пожелать уважаемой тетѣ добраго здоровья и поручить себя ея памяти.

— А Флоркѣ, голубчикъ? Для нея у тебя нѣтъ никакихъ пожеланій?

Задавая этотъ вопросъ, пани Мальвина силилась улыбнуться, шутливо и легкомысленно, какъ всегда, но губы ея дрогнули, а покраснѣвшія отъ безсонной ночи вѣки нѣсколько разъ нервно моргнули.

Камиллъ поклонился вторично и, обращаясь частью къ теткѣ, частью къ ея дочери, проговорилъ:

— Кузинѣ Флорѣ я желаю всяческихъ успѣховъ и блестящей партіи.

При этихъ словахъ Флора быстрымъ движеніемъ отодвинула скрывавшія ее до этой минуты траурныя занавѣсы и, приложивъ платокъ къ лицу, не глядя ни на кого, выбѣжала въ смежную комнату. Пани Мальвина выпрямилась, какъ струна, изумленно развела руками и воскликнула:

— Но сообрази вѣдь, душа моя, что она теперь уже не можетъ выйти замужъ... никоимъ образомъ не можетъ. Весь свѣтъ знаетъ о томъ, что вы столько лѣтъ водились. Правда, она еще молода...

очень молода, дѣйствительно... но это ужъ не то, что было... Бѣдное дитя слишкомъ часто горевало и плакало, и отъ этого преждевременно постарѣло.

При послѣднихъ словахъ голосъ пани Мальвины, всегда такой звучный и чистый, стихъ и ослабѣлъ; въ сердцѣ этой легкомысленной женщины и матери что-то защемило и застонало.

Камиллъ стоялъ, держа шапку въ рукахъ, опустивъ внизъ глаза, но все съ тою же не сходящей съ губъ улыбкой. Минуту спустя онъ отозвался медленно и холодно:

— Я самъ замѣтилъ, что кузина Флора съ нѣкотораго времени сильно измѣнилась и осунулась. Я полагаю, что наилучшимъ лѣкарствомъ для нея были бы въ этомъ случаѣ развлеченія.

Въ словахъ этихъ сквозила ѣдкая и безжалостная пародія на совѣты, которые пани Мальвина рекомендовала для излеченія всевозможныхъ болѣзней тѣла и духа, отчасти по убѣжденію, отчасти по привычкѣ. Теперь она почувствовала, насколько этотъ совѣтъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ неумѣстенъ, и сколько можетъ иногда заключаться въ немъ злой насмѣшки... Она подняла на лицо кузена свои глаза съ такимъ выраженіемъ, словно не вѣрила собственнымъ ушамъ и проговорила, выпрямляясь еще больше прежняго:

— Ты шутишь, кузенъ, но поговоримъ серьезно.

Послѣднія слова звучали особенно странно въ устахъ этой вѣчно смѣявшейся и ни о чемъ не заботившейся шестидесятилѣтней вѣтренницы.

— Поговоримъ серьезно, — повторила она. — Очень можетъ быть, конечно, что мнѣ не прилично говорить объ этомъ, съ тобою, и я дѣйствительно не стала бы говорить, будь я въ прежнемъ положе-

ніи. Но теперь положеніе мое совершенно измѣнилось... Что мнѣ дѣлать?.. куда дѣться?.. Я думала, что по крайней мѣрѣ одна изъ моихъ дочерей будетъ имѣть свой домъ и подѣлится имъ со мной!.. Посуди самъ, развѣ я могу всю жизнь провести въ этомъ гробу? Вѣдь это ужасно, не правда ли? А съ Флорой что будетъ? Она замужъ ни за кого, кромѣ тебя, не пойдетъ! Это романтическая особа! отвергла нѣсколько вполнѣ хорошихъ партій... Я просила ее, уговаривала, сердилась, но ничто не помогало. Столько лѣтъ, вообрази только, голубчикъ, столько лѣтъ! что за постоянство! И какую ты будешь имѣть въ ней жену... совершенство!

Камиллъ все время стоялъ передъ говорившей такъ женщиной въ прежней позѣ, онъ только оперся рукой о столъ и опустилъ внизъ глаза. Одно мгновеніе могло казаться, что въ глазахъ этихъ мелькнуло безпокойство или какое-то иное чувство, но это длилось только мгновеніе. Камиллъ поднялъ голову и медленно, холодно, взвѣшивая каждое слово, сказалъ:

— Мнѣ очень непріятно, тетя, что приходится обмануть возложенныя вами на меня надежды. Но я не думаю и не могу жениться...

— Не можешь, голубчикъ?! почему не можешь? — воскликнула пани Мальвина, судорожно сплетая свои пухлыя руки.

— Потому, что я знаю, — монотонно цѣдилъ Камиллъ свою рѣчь, — что это противорѣчило бы всѣмъ моимъ вкусамъ и всѣмъ моимъ планамъ, какіе я себѣ составилъ на будущее. Я достаточно состоятеленъ для того, чтобы обезпечить свое собственное существованіе и оградить его отъ непріятныхъ

невзгодъ, нужды и несчастій, но недостаточно состоятеленъ, для того, чтобы брать на себя тяжелыя обязанности и заботы о содержаніи семьи. Семейная жизнь, въ концѣ концовъ, не отвѣчаетъ моему представленію объ образѣ жизни человѣка, который стремится быть при всѣхъ обстоятельствахъ хозяиномъ своей судьбы. Мнѣ кажется, что я навсегда останусь холостякомъ.

Когда Камиллъ проговорилъ это, съ лица Мальвины безслѣдно сбѣжалъ румянецъ, и его замѣнила матовая блѣдность. Покраснѣвшія вѣки ея быстро и нервно мигали. Въ мозгу не было словъ, а въ груди голоса, которыми она могла бы отвѣтить. Только губы ея безпомощно зашевелились и зашептали что-то безсвязное, въ чемъ едва можно было разобрать слова:

— Столько лѣтъ! вообрази только, столько лѣтъ!

Камиллъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ и вышелъ. Тогда изъ противоположныхъ дверей, ведущихъ въ сосѣднюю комнату, появилась Флора, очень блѣдная, съ распухшими отъ слезъ глазами и дрожащей отъ сдерживаемыхъ рыданій грудью.

— Напрасно, мама, — заговорила она. — Я говорила съ нимъ объ этомъ... Я знала... Онъ мнѣ самъ сказалъ...

Она снова замолчала и осталась стоять въ дверяхъ, уже не плача больше, неподвижная, словно статуя стыда и отчаянія. Пани Мальвина вглядывалась въ нее изумленными глазами, и вдругъ, не произнося ни слова, протянула къ ней обѣ руки. Флора стремительно бросилась къ матери и, опустившись на полъ подлѣ нея, спрятала лицо на ея колѣняхъ. Глаза пани Мальвины все моргали и съ какой-то не-

обычайной быстротой бѣгали по комнатѣ, пока не наполнились слезами. Въ этой женщинѣ, можетъ быть, въ первый разъ въ ея жизни, заговорили серьезныя и горестныя чувства, въ первый разъ грудь ея вздымалась отъ громкаго и сильнаго плача. Она охватила трясущимися руками шею склонившейся у ея колѣнъ дочери и прерываемымъ рыданьями голосомъ воскликнула:

— Полумай, душа моя... что всѣ... всѣ дѣти мои... погибшія!

* * *

Близился вечеръ, когда Мечиславъ вернулся домой. Михалина, по обыкновенію, вышла на крыльцо встрѣчать его. Мечиславъ поспѣшно приблизился къ ней и, беря ее за руку, съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что это, Михася? Не случилось ли въ домѣ чего?

Вопросъ этотъ былъ вызванъ необычнымъ выраженіемъ лица молодой женщины, которая, совершенно не умѣя притворяться, невольно выдавала тяжелое безпокойство, одолѣвавшее ею.

— Ничего не случилось, — съ колебаніемъ въ голосѣ отвѣтила Михалина, — впрочемъ, я тебѣ позднѣе скажу, — прибавила она, невольно краснѣя, какъ человѣкъ, которому тяжело произнести ложь, хоть бы въ самыхъ лучшихъ цѣляхъ. — Ступай теперь въ нашу комнату... тамъ ждетъ тебя Маковеръ, онъ пріѣхалъ около часа тому назадъ.

Проговоривъ это, она быстро повернулась и исчезла въ глубинѣ дома. Уходя, она дотронулась рукой до лифа платья, за которымъ зашуршала какая-то спрятанная тамъ бумага; минуту спустя, когда

она была уже совершенно одна, она прошептала сама себѣ, сплетая руки и въ отчаяніи поднимая ихъ надъ головой:

— Какъ я скажу ему это? Какъ хватитъ у меня силы нанести ему этотъ ударъ! О! если бы забили въ моемъ сердцѣ въ эту минуту родники утѣшенія, при помощи которыхъ я могла бы сдѣлать эту минуту менѣе горькой для него! Если бъ нашлось въ моей рѣчи достаточно словъ любви и мужества, въ которыхъ онъ почерпнулъ бы бодрость и крѣпость!

Медленно и опустивъ задумчиво голову, пошла она въ комнату, гдѣ сидѣла ея мать, окруженная дѣтворой. Она подсѣла близко къ матери и долго вполголоса разговаривала съ ней о чемъ-то.

Старуха, сложивъ руки, какъ для молитвы, и, съ молитвеннымъ выраженіемъ на лицѣ поднявъ глаза къ небу, слушала слова дочери. Долго разговаривали такъ обѣ женщины, и по тѣсно сдвинутымъ лицамъ ихъ, блѣднымъ и грустнымъ, катились слезы, которыя онѣ торопливо вытирали.

Между тѣмъ, Мечиславъ, войдя въ комнату, бывшую обычнымъ мѣстомъ семейныхъ бесѣдъ, нашелъ тамъ сидящаго недалеко отъ двери Эли Маковера. При видѣ входящаго хозяина дома еврей всталъ и отвѣсилъ ему учтивый поклонъ. Мечиславъ привѣтствовалъ его также учтиво, но холодно, и указалъ ему мѣсто въ глубинѣ комнаты, у стола, стоявшаго предъ каминомъ.

Онъ слишкомъ хорошо зналъ, какія цѣли и намѣренія привели сюда этого гостя. Это были тѣ самыя цѣли и намѣренія, которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ побудили и главнаго агента Посредническаго Товарищества сдѣлать ему визитъ. Однако,

не смотря на общность цѣлей, которая связывала этихъ двухъ людей, Мечиславъ принялъ Маковера несравненно менѣе пасмурно и холодно, нежели тогда Порыцкаго. Наоборотъ, въ обхожденіи его съ евреемъ чувствовался, рядомъ съ холодностью и важностью, извѣстный оттѣнокъ привѣтливости. И обратно, всякій, кто зналъ хорошо Маковера, легко могъ замѣтить, что въ данную минуту онъ былъ не совсѣмъ такимъ, какъ обыкновенно. Въ позѣ и движеніяхъ его проявлялась какая-то совершено несвойственная ему нерѣшительность, почти робость; въ глазахъ его то и дѣло свѣтился мягкій блескъ чувства теплой симпатіи. Сразу видно было, что въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей не было непримиримой вражды, взаимнаго презрѣнія и стремленія вредить другъ другу, что только слѣпой случай и то обстоятельство, что и племенная, и личная исторія жизни этихъ двухъ людей шла созершенно различными путями, поставили ихъ въ непріязненныя отношенія другъ къ другу.

Эли сидѣлъ въ креслѣ, положивъ обѣ руки на колѣни; и на его атласномъ жилетѣ блестѣла толстая золотая цѣпочка отъ часовъ. Онъ заговорилъ первый:

— Мнѣ кажется, — сказалъ онъ, — мнѣ незачѣмъ объяснять вамъ, по какому поводу я сюда пріѣхалъ. Вы сами догадываетесь.

— Дѣйствительно, — отвѣтилъ Мечиславъ, — мнѣ легко догадаться о цѣли вашего пріѣзда. Но не обижайтесь, пане Маковеръ, если я вамъ скажу, что вы напрасно трудились. Я своего рѣшенія не измѣнилъ, и Орховъ продавать не думаю.

Отвѣтъ этотъ нѣсколько удивилъ Эли. Послѣ столькихъ затрудненій и опасностей, которыми онъ

окружилъ этого человѣка, онъ надѣялся услышать иной отвѣтъ, по крайней мѣрѣ, менѣе спокойный и рѣшительный.

— Прошу васъ, — сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, — не обижаться, что я буду говорить съ вами такъ, словно совершенно не слышалъ вашего отвѣта. Прошу васъ также не предполагать, что я съ вами буду говорить такъ, какъ говорю съ иными людьми. Я знаю, что вы сразу различите, что правда и что неправда, что вамъ не нужно ничьего ума, чтобы разобраться во всемъ и разсчитать, что для васъ выгоднѣе. Но у васъ много разныхъ мыслей въ головѣ, и онѣ зачастую мѣшаютъ вамъ правильно считать. Если вы позволите, я отстраню эти ваши мысли, словно бы ихъ не было, и представлю на ваше разсмотрѣніе однѣ голыя цифры.

Мечиславъ невольно усмѣхнулся.

— Зачѣмъ вамъ, пане Маковеръ, брать на себя столько труда, — спросилъ онъ, — разъ вы напередъ знаете, что онъ не приведетъ васъ къ цѣли?

— Можетъ быть, приведетъ, а можетъ быть, и не приведетъ — отвѣтилъ еврей. — У насъ есть поговорка: „купить, не купить, а поторговаться можно“. И я скажу вамъ еще одну вещь...

Тутъ онъ остановился въ нерѣшительности. Въ глазахъ его, устремленныхъ въ лицо Мечислава, блеснулъ въ эту минуту слабый лучъ чувства симпатіи.

— Ну! — проговорилъ онъ, — почему бы мнѣ не сказать вамъ объ этомъ? развѣ въ этомъ есть что-нибудь дурное? Мнѣ жаль васъ!

— Я очень благодаренъ вамъ, пане Маковеръ, за доброжелательное отношеніе ко мнѣ, — отвѣтилъ серьезно Мечиславъ, — но не обижайтесь также,

если я вамъ скажу, что не вижу никакихъ доказательствъ этому. Напротивъ того, вы поступаете со мною, какъ врагъ, опутывающій своего противника коварнѣйшими сѣтями.

Слова эти, видимо, произвели на Эли впечатлѣніе.

— Не понимаю, о чемъ вы говорите, — сказалъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ въ голосѣ.

— Вы сами сказали нѣсколько минутъ тому назадъ, что я въ состояніи различить правду отъ неправды. И вы не ошибаетесь, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ. Я хорошо знаю, что большая часть затрудненій и неудачъ, которыя всюду встрѣчали меня въ послѣднее время, — дѣло вашихъ рукъ. Вы располагаете многочисленными и послушными вашей волѣ орудіями; но позвольте сказать, что вы употребляете ихъ во зло, и что человѣкъ, одаренный такими, какъ вы, умственными способностями, могъ бы играть совершенно иную, гораздо болѣе достойную роль.

Слова эти были сказаны съ откровенностью, присущей характеру человѣка, который ихъ произнесъ. Эли они, очевидно, непріятно задѣли. Нѣсколько минутъ онъ имѣлъ видъ человѣка, чувствующаго себя въ разладѣ съ самимъ собою. Нѣсколько минутъ умные и блестящіе глаза его пристально вглядывались въ спокойные, лишь слегка затуманенные печалью, глаза Мечислава. Но потомъ онъ стряхнулъ съ себя смущеніе и рѣшительнымъ голосомъ проговорилъ:

— Прошу извиненія: вы ошибаетесь. Я врагомъ вашимъ никогда не былъ.

Онъ замолчалъ, опустилъ глаза и, казалось, мыс-

ленно спрашивалъ себя о чемъ-то, хотѣлъ примирить въ себѣ какія-то начала, никоимъ образомъ не примиримыя. Наконецъ онъ поднялъ голову и заговорилъ снова:

— Вы сказали, что я причинилъ вамъ много зла. Да, это правда. А почему я такъ дѣлалъ? потому что мнѣ это могло принести большія выгоды, а человѣкъ всегда желаетъ добра самому себѣ. Но я и вамъ не желаю зла; и чтобы убѣдить васъ въ томъ, я выну изъ кармана карандашъ и бумагу и докажу вамъ наглядно, цифрами, какъ вы можете быть счастливы и богаты, если поступите, какъ я вамъ совѣтую.

Говоря эти слова, онъ досталъ изъ кармана толстую записную книжку, вырвалъ изъ нея чистый листокъ бумаги и, нагнувшись надъ столомъ, началъ наносить на него карандашемъ цифры. Онъ представилъ Мечиславу цѣнность Орхова, который превосходно зналъ, и сумму немногочисленныхъ долговъ, лежащихъ на немъ; онъ высчиталъ, какой капиталъ остался бы въ рукахъ Мечислава послѣ продажи имѣнія и какую сумму процентовъ онъ приносилъ бы. Въ своемъ исчисленіи онъ не отступалъ ни на іоту отъ дѣйствительнаго положенія вещей, не ошибался ни на грошъ, не дѣлалъ ни одного предположенія, которое пахло бы ложью или пустымъ самообманомъ. Онъ держался даннаго слова, говорилъ съ Мечиславомъ совершенно иначе, чѣмъ привыкъ говорить съ другими землевладѣльцами, говорилъ ему только чистую правду. По этой правдѣ выходило, что если бы Мечиславъ согласился сбыть свое имѣніе въ чужія руки, то не только освободился бы отъ всякаго риска, отъ всякихъ трудовъ и хлопотъ, наполнявшихъ до сихъ поръ его жизнь, но

и располагалъ бы значительнымъ и вполнѣ свободнымъ отъ обязательствъ капиталомъ. Погрузившись въ свои вычисленія, Эли освободился отъ прежняго своего замѣшательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ глазъ его исчезъ теплый лучъ человѣколюбиваго чувства, который четверть часа тому назадъ свѣтился въ нихъ. Онъ сталъ снова купцомъ, спекулянтомъ, частью холоднымъ и рѣшительнымъ, частью страстнымъ и жаднымъ. Видно было, что въ эту минуту онъ ничего не желалъ такъ сильно, какъ склонить владѣльца Орхова къ продажѣ имѣнія, ни о чемъ не думалъ, кромѣ барышей, которые достались бы на его долю, если бы затѣянное дѣло было доведено до конца.

Подведя на бумагѣ послѣдніе итоги и объявивъ послѣдніе результаты своихъ выкладокъ, Эли поднялъ голову и съ тріумфомъ въ глазахъ проговорилъ:

— Ну! Что вы на это скажете?

Мечиславъ улыбнулся.

— Развѣ вы думаете, пане Эли, — отвѣтилъ онъ, — что все, что вы здѣсь писали и говорили, является новостью для меня? Я уже не разъ составлялъ самъ такія же смѣты.

— Ну, а когда вы ихъ составляли, то что вы думали?

— Что не продамъ Орхова.

Послѣ этого отвѣта еврей опустилъ глаза внизъ. Но минуту спустя онъ поднялъ ихъ и медленно, серьезно спросилъ:

— Вы, можетъ быть, разсердитесь на меня... но я все же спрошу: почему вы такъ упрямы? почему вы не ловите счастья, когда оно само просится къ вамъ въ руки? почему вы, обладая такимъ

проницательнымъ умомъ и такими ясными глазами, какъ слѣпецъ, идете навстрѣчу своей гибели.

Мечиславъ всталъ и, подойдя къ еврею, положилъ руку на его плечо:

— Вы плохо думали обо мнѣ, пане Маковеръ, — заговорилъ онъ дружелюбно, но рѣшительно, — если могли предполагать, что вашъ вопросъ разсердитъ меня. Если бы его задалъ мнѣ вашъ единомышленникъ, панъ Ильдефонсъ Порыцкій, я бы ему не отвѣтилъ, но вамъ отвѣчу. Я хорошо и давно знаю, что, продавъ Орховъ, я сталъ бы человѣкомъ независимымъ, состоятельнымъ, свободнымъ отъ всякихъ заботъ, спокойнымъ за благосостояніе и достатокъ своей семьи. Но все же эта перспектива не поколебала моего рѣшенія. Причина же моей твердости и непоколебимости очень проста. Она лежитъ въ моемъ глубокомъ убѣжденіи, что хотя матеріальная независимость вещь очень цѣнная и желательная, хотя спокойствіе и обезпеченность могутъ быть очень пріятны, но что гораздо выше всѣхъ этихъ благъ стоитъ принципъ, отступая отъ котораго, человѣкъ не можетъ остаться ни честнымъ, ни счастливымъ.

— Простите, — прервалъ Эли, — а что это за принципъ?

— Этотъ принципъ, — отвѣтилъ Мечиславъ, — стойкость въ преслѣдованіи того, что человѣкъ всѣмъ сердцемъ и умомъ своимъ считаетъ правильнымъ и нужнымъ.

— Ну, — воскликнулъ Эли, — а развѣ нужно вамъ надсаживаться и работать, какъ батраку, на этомъ кускѣ земли, когда въ другомъ мѣстѣ вы можете быть богаты и свободны, какъ птица?

— Это нужно не для меня, а для кого-то или

чего-то, о чемъ я забочусь столько же или, пожалуй, еще больше, чѣмъ о самомъ себѣ.

Въ глазахъ Эли отражалось напряженіе мысли. Въ первый разъ въ жизни велъ онъ разговоръ о предметахъ, далекихъ отъ матеріальныхъ интересовъ и будничныхъ заботъ. Однако, видно было, что своимъ сообразительнымъ умомъ онъ вникалъ въ значеніе словъ, которыя ловилъ любопытнымъ ухомъ.

— А кто велитъ вамъ держаться этого принципа, который можетъ привести васъ и вашихъ дѣтей къ нищенской сумѣ.

— Долгъ, — коротко отвѣтилъ Мечиславъ.

— А откуда исходитъ этотъ долгъ? — съ каждой минутой все больше воспламеняясь, воскликнулъ Эли.

— Изъ сердца, которое любитъ, и изъ совѣсти, которая умѣетъ различать добро и зло.

Тутъ Эли сразу поднялся и всталъ противъ Мечислава.

— Я понялъ васъ, — сказалъ онъ. — Я всегда отчасти зналъ, какого вы образа мыслей, а теперь знаю это вполнѣ. Но простите, если я вамъ скажу: ваши мысли прекрасны, благородны, но непрактичны. Если бы это было въ прежнее время... да; но теперь наступило такое время, когда люди перестали воевать съ вѣтромъ, потому что поняли, что вѣтеръ великая сила... тѣхъ, кто ему противятся, онъ валитъ на землю, а самъ неудержимо несется дальше. А когда люди додумались до этого, то признали, что противъ вѣтра идти не надо, что надо быть съ нимъ въ ладу и уступать ему дорогу. И скажите сами, развѣ неправда, что теперь наступило такое время?

Мечиславъ сильно тряхнулъ головой въ знакъ отрицанія.

— Нѣтъ, пане Эли, — сказалъ онъ, — такое время не наступило и не наступитъ никогда. Борьба со зломъ, какъ бы оно ни было сильно, не перестанетъ быть долгомъ и потребностью честныхъ, смѣлыхъ и разумныхъ людей; разница лишь въ томъ, что каждое время даетъ имъ различныя орудія и оружіе для борьбы. Въ былое время люди сражались мечами, громко, грозно, бурно; теперь же они могутъ и должны сражаться только трудомъ, трудомъ своихъ сердецъ, головъ и рукъ, тихо, скромно и непритязательно. Теперь мы знаемъ, что каждый, кто охраняетъ свою собственную жизнь отъ всякихъ пятенъ и пороковъ, кто разумно и достойно воспитываетъ своихъ дѣтей, сѣетъ среди людей благородныя мысли, подаетъ собою хорошій примѣръ, оживляетъ безплодную землю, будитъ хоть какую-нибудь жизнь и создаетъ богатство тамъ, гдѣ раньше были запустѣніе, разореніе и нищета, — тотъ является добрымъ рыцаремъ, стоящимъ на стражѣ интересовъ человѣчества, тотъ исполняетъ свой долгъ по мѣрѣ силъ своихъ.

— Поэтому-то, — послѣ минутнаго молчанія добавилъ Мечиславъ, — поэтому-то и я не хочу сойти съ поста, на которомъ чувствую себя нужнымъ и полезнымъ, не хочу бросить задачу, которую полюбило мое сердце и которую призналъ достойной труда и усилій мой разумъ. Я смолоду приспособился къ образу жизни землепашца и располагаю достаточными знаніями въ этой области. Ни на какомъ иномъ поприщѣ, ни въ какомъ иномъ занятіи я не могъ бы съ такой пользой приложить свои силы и способности. Лишь тяжелая, неотвратимая необходимость могла бы выбить меня изъ моей колеи; добровольно я не уступлю.

Мечиславъ давно уже пересталъ говорить, а Эли все еще стоялъ передъ нимъ и страннымъ взглядомъ смотрѣлъ въ его лицо. Въ этомъ взлядѣ ярче, горячѣе, чѣмъ когда-либо свѣтились лучи пріязненнаго чувства; но, кромѣ этого выраженія, было еще въ этихъ глазахъ не то какое-то недоумѣніе, не то какое-то глухое и неопредѣленное страданіе. Онъ раскрылъ губы, какъ бы желая что-то сказать, но смутился и не сказалъ ничего. Опустивъ глаза, онъ думалъ, долго думалъ. На лбу его углубились бороздившія его морщины. Наконецъ онъ выпрямился, сдѣлалъ шагъ впередъ и, не глядя на Мечислава, сказалъ:

— Спасибо вамъ за то, что вы со мною говорили, какъ съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о такихъ вещахъ. Я простой неученый еврей и только собственнымъ умомъ, даннымъ мнѣ Господомъ Богомъ, выбился изъ ничтожества и непроглядной тьмы. Но я понялъ васъ и прошу васъ не считать меня своимъ врагомъ...

Съ послѣдними словами онъ снова поднялъ взглядъ на Мечислава и, казалось, хотѣлъ протянуть ему руку. Однако, онъ не сдѣлалъ этого. Въ его позѣ отразилось что-то вродѣ робости, что-то вродѣ чувства невольнаго почтенія заставило его низко склонить свою голову при поклонѣ. Онъ взялъ съ кресла свою шапку и, не говоря уже больше ни слова, вышелъ изъ комнаты.

Мечиславъ недолго оставался одинъ. Старая уютная комната вскорѣ наполнилась веселыми голосами дѣтей и шагами женщинъ, которыя хлопотали надъ приготовленіемъ вечерней пищи. Однако вечеръ этотъ протекалъ у обитателей Орхова далеко не

такъ, какъ прежніе вечера. Очевидно, умы и сердца ихъ были подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей. Бесѣда, всегда такая искренняя и свободная, теперь то и дѣло обрывалась и смѣнялась тяжелымъ молчаніемъ. Мечиславъ нѣсколько разъ раскрывалъ свои хозяйственныя и счетныя книги, но, едва заглянувъ въ ихъ страницы, захлопывалъ ихъ, словно охваченный непобѣдимымъ чувствомъ отвращенія. Даже дѣти, на долю которыхъ выпало въ этотъ вечеръ меньше ласкъ и попеченій, пріуныли и притихли. Одна только Михалина оживленно хлопотала вокругъ семейнаго стола, поддерживала обрывавшуюся бесѣду и помѣшивала огонь въ каминѣ, словно желая звукомъ своего голоса заглушить мрачный шепотъ какого-то несчастья, нависшаго надъ головами дорогихъ ей людей, и свѣтомъ домашняго очага отогнать хоть на мгновеніе надвигающійся мракъ. Чаще обыкновеннаго брала она на руки маленькаго сына Лили и, держа его въ своихъ объятіяхъ, прижималась губами къ бѣлому лбу ребенка, словно боялась, чтобы онъ не потерпѣлъ какой-нибудь обиды въ ея домѣ или пуще того въ ея сердцѣ, чтобы проявленіе негодованія не коснулось его невинной головки. Когда, наконецъ, наступилъ поздній часъ, и старая бабушка, окруженная дѣтьми, исчезла въ глубинѣ дома, удалившись на покой, Михалина остановилась противъ мужа, съ которымъ осталась наединѣ, неподвижная, съ опущенными глазами. Потомъ она дотронулась рукою до лифа платья, за которымъ зашелестѣла спрятанная тамъ бумага, и усѣвшись поближе къ Мечиславу, слегка охватила рукой его шею.

— Дорогой мой! — заговорила она, — мнѣ надо кое о чемъ поговорить съ тобой.

Мечиславъ, который сидѣлъ въ задумчивости, подперши голову руками, и машинально глядѣлъ на длинный рядъ цифръ въ раскрытой передъ нимъ счетной книгѣ, при этомъ прикосновеніи поднялъ голову и взглянулъ на жену. Она придвинулась еще ближе къ нему и тихо заговорила:

— Ты помнишь, дорогой мой, что эти вечерніе часы, когда мы остаемся обыкновенно наединѣ, были для насъ всегда часами самыхъ искреннихъ изліяній, самыхъ сердечныхъ бесѣдъ. Въ эти часы мы всегда вычисляли результаты нашихъ совмѣстныхъ трудовъ, говорили о веденіи нашего общаго дѣла, создавали прекраснѣйшіе планы, свободно дѣлились сокровенными своими чувствами и мыслями. Вызови въ своей памяти всѣ эти хорошія, тихія, милыя минуты, охвати мыслью всю мою любовь къ тебѣ . . .

Теперь она обняла и второй рукой его шею и, прильнувъ грудью къ его груди, проговорила еще тише прежняго:

— Сегодня, мой ненаглядный, въ этотъ любимый нашъ часъ, я должна сообщить тебѣ грустную, горькую вѣсть . . .

Мечиславъ слегка поблѣднѣлъ; въ мозгу его промелькнула страшная догадка. Но преданная, безмѣрная любовь дорогой женщины окружала его нѣжнымъ кольцомъ попеченія и заботы; у груди своей онъ чувствовалъ ускоренное біеніе ея сердца, глаза ея глубоко погружались въ его глаза и, казалось, вливали своими лучами спокойствіе и силу въ его мозгъ. Онъ невольно наклонилъ свою голову къ ея головѣ и, запечатлѣвъ на ея горячемъ чистомъ лбу долгій поцѣлуй, сказалъ:

— Говори, Михася! Я не могу считать себя окончательно несчастнымъ, имѣя тебя.

Тогда она вынула изъ-подъ лифа платья толстую желтую бумагу, сложенную вчетверо и покрытую казенными надписями и печатями. Мечиславъ взялъ изъ ея рукъ эту бумату. Когда онъ придвинулъ лампу и началъ читать ее, она прижалась своимъ лицомъ къ его лицу и своимъ станомъ къ его груди, словно хотѣла, чтобы онъ ни на минуту не переставалъ сознавать ея близость, ни на минуту не счелъ себя одинокимъ.

Лицо мужа попеременно то блѣднѣло, то краснѣло при чтеніи, глаза его то горѣли гнѣвомъ и негодованіемъ, то темнѣли отъ чувства страданія и тяжелой муки. Онъ кончилъ читать и, поднося ко лбу свою руку, проговорилъ тихимъ, но проникающимъ въ душу голосомъ:

— И это моя сестра... сестра!...

Въ своемъ безграничномъ негодованіи онъ не могъ выговорить ни слова больше и, закрывъ лицо руками, остался недвижимъ... Но Михалина опять склонила къ нему свою голову.

— Взгляни на меня, мой ненаглядный! — шептала она умоляюще и вмѣстѣ настойчиво, — взгляни на меня!

Онъ поднялъ голову и, встрѣтившись взглядомъ съ ея глазами, увидѣлъ, какъ набѣгаютъ въ нихъ тщетно сдерживаемыя слезы, въ то время, какъ губы, дрожащія отъ внутреннихъ рыданій, складываются въ улыбку безграничной любви, улыбку, которая словно цвѣтокъ, распускающійся въ вихрь и непогоду, сіяла утѣшеніемъ и надеждой среди муки и тревоги этой минуты.

Они долго глядѣли въ молчаньи другъ на друга, пока медленно, исподволь, подъ вліяніемъ ея улыбки, объятія ея теплыхъ, мягкихъ рукъ и даже слезъ ея

его взволнованная грудь не наполнилась словно вновь пробудившимися чувствами отрады и надежды. Онъ поднялся и, положивъ руку на зловѣщую бумагу, проговорилъ съ силой:

— Нѣтъ, не уступлю и теперь. Поѣду, буду обращаться ко всѣмъ, приложу всѣ свои силы, чтобы отразить этотъ послѣдній, рѣшительный ударъ. Вѣдь разныя формальности, требуемыя закономъ, должны будутъ занять у нихъ два-три мѣсяца. За это время я сыщу, быть можетъ, гдѣ-нибудь кредитъ, а можетъ случиться и такъ, что съ моего пути исчезнутъ интриги и происки того человѣка, въ которомъ я сегодня увидѣлъ, какъ мнѣ кажется, что-то вродѣ человѣчныхъ и добрыхъ чувствъ... Кто знаетъ?...

Съ послѣдними словами онъ снова повернулся къ женѣ.

— Спасибо тебѣ, милая! — тихо проговорилъ онъ, — спасибо тебѣ!

Онъ хотѣлъ говорить дальше, но голосъ его задрожалъ и перешелъ въ тихій шепотъ:

— О, ты мой добрый чистый ангелъ! ты мой ангелъ утѣшенія, любви и мужества!

Долго, далеко за полночь красный свѣтъ догорающаго огня освѣщалъ ихъ фигуры, слившіяся въ сердечномъ объятьи, ихъ лица, прильнувшія одно къ другому, а дружеская серьезная бесѣда часто прерывалась поцѣлуями любви.

* * *

Бумага, лежавшая на столѣ и освѣщаемая догоравшей лампой, была повѣсткой, приглашающей Мечислава немедленно уплатить 20,000 рублей. Лиля

съ соблюденіемъ всѣхъ нужныхъ формальностей перевела на имя Порыцкаго свое право на полученіе этой суммы, и теперь онъ взыскивалъ ее съ Орхова на законномъ основаніи, какъ свое личное имущество.

III.

Ильдефонсъ Порыцкій прохаживался взадъ и впередъ по небольшой но хорошо убранной комнатѣ. Комната эта находилась во второмъ этажѣ каменнаго дома, который, стоя въ пустынномъ мѣстѣ среди дворовъ и огородовъ, представлялъ собою убѣжище, удаленное отъ шума улицъ и любопытныхъ взглядовъ мѣстнаго населенія.

Лицо главнаго агента выражало живѣйшее безпокойство. За нѣсколько дней до того онъ послалъ въ Орховъ черезъ посредство мѣстныхъ властей судебную повѣстку объ уплатѣ ему суммы приданаго Лили. Но это его еще далеко не успокоило. Молодой хозяинъ Орхова, котораго до сихъ поръ не удавалось ничѣмъ ни соблазнить, ни прижать, могъ и теперь предотвратить грозящую ему катастрофу при помощи тѣхъ или иныхъ финансовыхъ оборотовъ. Порыцкій чувствовалъ, какъ при одномъ предположеніи объ этомъ вся кровь приливала ему въ голову. Тутъ играла роль еще и ожесточенная ненависть его къ этому человѣку, который всѣмъ складомъ своей жизни, своими принципами, поступками, рѣчами, смертельно оскорблялъ его самолюбіе. Для удачнаго выполненія плановъ, имѣющихъ своею цѣлью окончательную гибель ненавистнаго ему человѣка, Порыцкій нуждался, конечно, въ помощи и соучастіи Эли. Между тѣмъ прошло уже нѣсколько дней, какъ Эли послѣ ихъ совмѣстнаго совѣща-

нія уѣхалъ въ Орховъ для полученія на мѣстѣ точныхъ свѣдѣній о положеніи и теперешнемъ настроеніи Мечислава, и Порыцкій хорошо зналъ, что эта поѣздка продолжалась очень мало времени, что Эли давно уже возвратился, что въ настоящее время онъ въ городѣ и со своей обычной спокойной неторопливостью ведетъ разныя большія и малыя дѣла, многочисленныя нити которыхъ находились въ его рукахъ; за это время онъ могъ уже десять разъ побывать у своего сообщника, а между тѣмъ не заходилъ ни разу. Что означала эта проволочка? Почему дѣятельный и ловкій еврей, усердно хаживавшій къ нему каждый разъ, когда та или другая сдѣлка подходила къ концу, теперь такъ замѣшкался? Былъ ли тутъ какой-либо разсчетъ съ его стороны, или же необъяснимое охлажденіе къ такъ удачно шедшему и обѣщающему такіе крупные барыши дѣлу? Или, можетъ быть, онъ встрѣтился съ какими-нибудь препятствіями, которыя пытается устранить и побѣдить собственными усиліями, безъ помощи своего сообщника! Эти вопросы и сомнѣнія сильно безпокоили главнаго агента; прохаживаясь по своей небольшой гостиной, онъ раздумывалъ теперь надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли ему самому отправиться къ нему или же дожидаться его прихода. Присущая его характеру нетерпѣливость и порывистость начинала брать перевѣсъ надъ разсчетливостью и хитрой осторожностью; онъ хватался уже за шапку, чтобы идти въ городъ, когда дверь изъ передней отворилась, и въ гостиную вошелъ Эли Маковеръ.

Какъ и всегда, онъ имѣлъ равнодушный и спокойный видъ. Встрѣченный главнымъ агентомъ съ необычайной и торопливой привѣтливостью, онъ началъ разговоръ о разныхъ общихъ дѣлахъ. Онъ

говорилъ медленно и обстоятельно и такимъ рѣшительнымъ тономъ, что въ теченіе цѣлой четверти часа Порыцкій не могъ ни перемѣнить направленіе разговора, ни задаватъ какіе-либо вопросы. О поѣздкѣ своей въ Орховъ и полученныхъ тамъ свѣдѣніяхъ Эли не упомянулъ ни слова. Онъ упорно держался въ своемъ разговорѣ вдали отъ этого предмета, будто совершенно забылъ о немъ, будто этотъ предметъ совершенно не существовалъ для него. Порыцкій понялъ тактику еврея, но не могъ отгадать причины ея. Онъ почувствовалъ, что Эли не хочетъ съ нимъ говорить о дѣлѣ, которое теперь одно занимало его умъ, страстно захватывало его и... внутренно вздрогнулъ. Онъ долго сдерживался; но все же, когда Маковеръ поднялся и собрался уходить, онъ вспыхнулъ гнѣвомъ на этого человѣка, который не понималъ или не хотѣлъ понимать терзающихъ его чувствъ, и, можетъ быть, живѣе, чѣмъ самъ желалъ, спросилъ:

— А что же вы сдѣлали въ Орховѣ? Какъ поживаетъ тамъ нашъ непреклонный рыцарь? Очень ли ему понравилось то посланіе, которое мы отправили ему нѣсколько дней назадъ? Остается ли онъ все еще при твердомъ убѣжденіи, что прокормитъ себя и дѣтей своихъ добродѣтелью, одѣнетъ и обуетъ ихъ идеалами?

Онъ долго еще толковалъ бы въ этомъ тонѣ, потому что безгранично злобныя чувства, которыя онъ давно таилъ въ себѣ, бурной волной поднялись въ его сердцѣ, бризжа потокомъ ядовитыхъ фразъ. Но Эли прервалъ его рѣчь.

— Знаете, что? — сказалъ онъ обычнымъ равнодушнымъ тономъ, — я отказываюсь отъ этого дѣла и не хочу въ него вмѣшиваться.

— Это почему? — вскричалъ главный агентъ, краснѣя и впиваясь острымъ взглядомъ въ еврея.

— Позвольте не сообщать вамъ, почему я то или иное хочу или не хочу дѣлать.

Говоря это, онъ взялъ шапку и снова собрался уходить. Но Порыцкій удержалъ его жестомъ и взглядомъ, въ которомъ подъ гнѣвнымъ возбужденіемъ уже виднѣлся хитрый разсчетъ.

— Пане Эли, — заговорилъ онъ прерывающимся голосомъ, силясь подавить свое волненіе и казаться холоднымъ и спокойнымъ. — Не дѣлайте этого, не бросайте этого дѣла. Вы знаете, какое положеніе я занимаю въ посредническомъ обществѣ. Я близкій пріятель барона фонъ Р.; стоитъ мнѣ написать одно слово ему, какъ предсѣдателю нашего общества, и вы перестаете быть его агентомъ.

Угроза эта, которая въ сущности была очень серьезной для Эли, не произвела, однако, на него никакого впечатлѣнія. Онъ слегка улыбнулся и отвѣтилъ:

— Если бы вы сдѣлали то, что говорите, то я много потерялъ бы, это правда. Но вы этого не сдѣлаете.

— Почему не сдѣлаю? — воскликнулъ Порыцкій, — если только захочу, то и сдѣлаю...

— А я говорю, что вы не сдѣлаете, потому что и я могъ бы сдѣлать кое-что такое, что вамъ было бы весьма непріятно... Я бы только пошелъ къ одному чиновнику, котораго знаю, — онъ, кажется, прокуроръ, — и сказалъ бы ему...

— Довольно, довольно! — вполголоса воскликнулъ главный агентъ, сильно поблѣднѣвъ, и сталъ снова ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потупя глаза.

Еврей глядѣлъ на него равнодушнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ну, — сказалъ онъ спустя минуту, — спокойной ночи. Не забудьте о томъ имѣніи, про которое я вамъ говорилъ. Это новая щука, которую я нашелъ и теперь веду въ свой прудокъ... Спокойной ночи.

Порыцкій быстро подошелъ къ уходившему компаньону.

— Пане Маковеръ, — сказалъ онъ, — оставимъ шутки. Баронъ непреклонно желаетъ, чтобы Орховъ во что бы то ни стало былъ пріобрѣтенъ для него... Я не хочу навлечь на себя его недовольство, да и вамъ не совѣтую. Не знаю, какія причины побуждаютъ васъ бросить это дѣло, знаю лишь то, что если вы отойдете въ сторону, то Орховскій продастъ свой лѣсъ или сдѣлаетъ какой-нибудь заемъ и сможетъ уплатить долгъ сестры, который теперь переведенъ на меня...

— Такъ что же, что уплатитъ долгъ? — равнодушно спросилъ еврей. — Пусть себѣ уплатитъ.

— А если онъ уплатитъ, — цѣдилъ дальше главный агентъ, — то уже никакія силы не заставятъ его продать имѣніе.

— Если онъ и не продастъ своего имѣнія, то что за бѣда? Развѣ его имѣніе одно на свѣтѣ?

— Бѣда та, что вы, пане Эли, потеряете на этомъ шесть тысячъ рублей.

Эли въ первый разъ за весь разговоръ взглянулъ на своего единомышленника съ вниманіемъ и даже съ изумленіемъ.

— Какъ это, шесть тысячъ? Вѣдь я долженъ былъ получить за это дѣло только двѣ тысячи.

— Да, но другія двѣ должны были достаться

мнѣ. И вотъ, пане Эли, если на Орховскій лѣсъ не найдется охотниковъ, если никто не одолжитъ Орховскому никакой суммы, однимъ словомъ, если никто ему не поможетъ въ финансовыхъ операціяхъ, я вамъ уступлю свою часть прибыли и кромѣ того, обяжусь выхлопотать у барона, какимъ бы то ни было способомъ, еще двѣ тысячи, которыя тоже придутся на вашу долю... Вы хорошо знаете, что обмануть васъ, не сдержать даннаго вамъ слова я не могу... Лучшее ручательство — моя собственная персона, которая до извѣстной степени въ вашей власти.

Сначала еврей слушалъ эту рѣчь съ напускнымъ равнодушіемъ, которое, однако, онъ сохранялъ съ трудомъ. Но глаза его впивались въ лицо главнаго агента и съ каждой минутой все болѣе и болѣе разгорались. Морщины на лбу стали глубже обыкновеннаго, какъ бывало всегда, когда онъ глубоко задумывался надъ чѣмъ-либо или чувствовалъ себя сильно взволнованнымъ. Наконецъ, онъ опустилъ голову и оставался въ теченіе нѣсколькихъ минутъ недвижимъ, только пальцы быстрымъ и нервнымъ движеніемъ ударяли о спинку кресла, у котораго онъ стоялъ. Порыцкій смотрѣлъ на него взглядомъ, въ которомъ сверкали тріумфъ и радость. По губамъ его то и дѣло пробѣгала улыбка, отчасти насмѣшливая, отчасти же выражавшая глубокое удовольствіе.

— Спокойный ночи, — проговорилъ, наконецъ, Эли, поднимая голову и берясь снова за шапку. — Я подумаю о томъ, что вы мнѣ сказали... посмотрю, какъ это выходитъ, и скажу вамъ завтра. Спокойной ночи.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Миновавъ нѣсколько дворовъ, отдѣлявшихъ уеди-

ненное зданіе отъ улицы, Эли едва успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ по тротуару, какъ столкнулся лицомъ къ лицу со своимъ младшимъ братомъ Менделемъ, быстро бѣжавшимъ ему навстрѣчу. „Большой факторъ“ до того быстро бѣжалъ, что весь запыхался, махалъ руками и громко сопѣлъ. Наткнувшись на брата, онъ остановился и схватилъ его за рукавъ.

— Я тебя, Эли, со второго часу пополудни ищу по всему городу, — сказалъ онъ, еле дыша, — а теперь бѣжалъ къ главному агенту, сообразивъ, что ты пошелъ къ нему.

— Ну! а что у тебя такое? чего ты отъ меня хочешь? — съ оттѣнкомъ злого раздраженія въ голосѣ спросилъ старшій братъ.

Мендель повернулъ обратно, въ сторону, куда шелъ Эли, и, замедляя шагъ, проговорилъ тише и съ нѣкоторой таинственностью:

— Орховскій пріѣхалъ въ N.

Выговоривъ это, онъ вопросительно посмотрѣлъ на брата, но не получилъ никакого отвѣта. Эли шелъ медленно, съ заложенными за спину руками, и упорно глядѣлъ въ землю. Мендель продолжалъ:

— Какъ только онъ пріѣхалъ, сейчасъ же отправился къ Розенблюму: Розенблюмъ уже два года говоритъ, что хотѣлъ бы купить его лѣсъ. Если они теперь начнутъ объ этомъ толковать съ глазу на глазъ, то что-нибудь и выйдетъ. По моему, мнѣ надо идти сейчасъ же къ Розенблюму и сказать ему, чтобы онъ не особенно торопился, потому что, когда Орховъ будетъ купленъ барономъ, лѣсъ продадутъ куда дешевле.

Онъ пересталъ говорить и снова вопросительно взглянулъ на своего брата, наставника и благодѣтеля.

Эли шелъ попрежнему медленнымъ, ровнымъ шагомъ, глядѣлъ внизъ и молчалъ.

Мендель снова заговорилъ:

— Когда онъ возвратился отъ Розенблюма, лицо у него было очень грустное, потому что Розенблюмъ большой и умный купецъ, ничего безъ совѣта факторовъ не дѣлаетъ и, вѣроятно, не далъ ему положительнаго отвѣта. Онъ пообѣдалъ и пошелъ къ Шварцу. А зачѣмъ ему было ходить къ Шварцу? Развѣ неизвѣстно, кто такой Шварцъ и чѣмъ онъ занимается? Онъ богачъ и даетъ панамъ деньги подъ большіе проценты. А ты знаешь, Эли, что, если Орховскій дастъ нашему Шварцу большіе проценты, то тотъ ему одолжитъ. Мнѣ кажется, нужно тебѣ самому сходить къ Шварцу и поговорить съ нимъ, какъ ты умѣешь, а если онъ упрется, то надо повести его къ раввину и наложить на него „херимъ“.

Онъ замолчалъ и взглянулъ съ безпокойствомъ блестящими глазами въ лицо брату. Но и на этотъ разъ не получилъ отвѣта.

Мендель нетерпѣливо передернулъ плечами, съ которыхъ соскользнула бывшая на немъ накидка.

— Ну! — воскликнулъ онъ, — что съ тобой приключилось, Эли? Чего ты молчишь? Или тебѣ кто-нибудь печать на уста наложилъ?

Въ эту минуту на городской башнѣ громко и медленно стали бить часы. Время было позднее.

Мендель схватился за голову.

— Гевалтъ! — воскликнулъ онъ. — Сейчасъ ночь наступаетъ. Розенблюмъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался богачемъ, вечеромъ никого не хочетъ видѣть, и ни о какихъ дѣлахъ не говоритъ, а только сидитъ со своей хозяйкой и съ гостями въ парад-

ныхъ комнатахъ... И у Шварца запираютъ ворота, лишь только стемнѣетъ. Ну, Эли, идти ли мнѣ къ Розенблюму и къ Шварцу, вѣдь если я не схожу къ нимъ сегодня; то завтра рано утромъ явится къ нимъ Орховскій, и наше большое дѣло пойдетъ прахомъ. Они остановились на углу улицы, дойдя до площади. На противоположной сторонѣ площади, во второмъ этажѣ виднаго каменнаго дома купца Розенблюма, богатаго еврея, торгующаго лѣсомъ, зажглись въ окнахъ огни. Мендель кидалъ на эти окна безпокойные взгляды. Эли все еще молчалъ и глядѣлъ внизъ.

— Ну, Эли, я иду! — будучи, очевидно, не въ состояніи стоять на мѣстѣ, воскликнулъ „большой факторъ“.

Тогда Эли въ первый разъ за весь разговоръ оторвалъ свой взглядъ отъ земли и задумчивыми глазами повелъ кругомъ себя. Онъ уже открылъ было ротъ, чтобы отвѣтить на настойчивые вопросы брата, но и на этотъ разъ ничего не сказалъ ему. По площади проходилъ какой-то высокій и стройный мужчина. Въ наступавшихъ сумеркахъ трудно было различить его лицо, но ростомъ, фигурой и движеніями онъ напоминалъ Мечислава. Эли провожалъ взглядомъ прохожаго, пока онъ не исчезъ за тѣмъ самымъ каменнымъ домомъ, въ которомъ жилъ Розенблюмъ, а потомъ повернулся къ брату и медленно проговорилъ: — Можетъ быть, ты пойдешь къ Розенблюму завтра, Мендель?

Факторъ, который тоже замѣтилъ проходящаго, гнѣвно вспыхнулъ:

— Что съ тобой, Эли? Ты сегодня совсѣмъ не такой, какъ всегда... Смотри, — прибавилъ онъ, протягивая руку по направленію къ высокой стѣнѣ, за

которой исчезъ прохожій, — мнѣ кажется, это шелъ Орховскій. А куда онъ пошелъ? онъ пошелъ кончать сдѣлку съ Розенблюмомъ. А ты говоришь, чтобы я туда шелъ завтра? Пфу! Завтра тамъ уже будетъ кончено!

Эли поглядывалъ на освѣщенныя окна каменнаго дома и шепталъ что-то едва слышно, какъ бы высчитывая какую-то сумму, потому что въ его шепотѣ время отъ времени звучали слова: „шесть тысячъ и сорокъ“, „шесть и сорокъ“, выговариваемыя громче остальныхъ словъ.

— Шесть тысячъ, — проговорилъ онъ наконецъ совсѣмъ громко, поднялъ голову, погладилъ небольшую бородку, а глаза его быстро и рѣзко замигали.

— Иди къ Розенблюму, — быстро проговорилъ онъ какимъ-то необычайно суровымъ голосомъ и, отвернувшись отъ брата, поспѣшно зашагалъ въ противоположную сторону. Но Мендель догналъ его.

— А что же со Шварцемъ будетъ? — спросилъ онъ.

— Глупое ты созданіе, что тебѣ до этого? — чуть ли не крикнулъ Эли. — Я тебѣ говорю, чтобы ты шелъ къ Розенблюму, такъ, значитъ, иди. Со Шварцемъ ужъ я самъ улажу дѣло.

Никогда въ жизни Мендель не слыхалъ, чтобы братъ его говорилъ такъ сурово и гнѣвно, какъ теперь. Обыкновенно онъ былъ привѣтливъ, ласковъ и мягокъ не только по отношенію къ роднымъ, но и ко всѣмъ своимъ единовѣрцамъ. „Ахъ, ахъ, какой онъ деликатный!“ говорили о немъ евреи. А тутъ вдругъ не хватило этой деликатности для роднаго брата, изъ котораго онъ самъ своими благодѣ-

яніями и совѣтами сдѣлалъ „большого фактора“, и это какъ разъ въ минуту, когда этотъ братъ оказывалъ ему важную существенную для него услугу. Но Менлель совершенно не останавливался надъ психологіей причинъ, которыя произвели въ обхожденіи его брата такую перемѣну. Онъ пустился быстрымъ шагомъ черезъ безлюдною площадь и исчезъ въ воротахъ каменнаго дома, обитаемаго богатымъ купцомъ Розенблюмомъ.

* * *

Въ то время, какъ братья вели на улицѣ вышеприведенный разговоръ, Ильдефонсъ Порыцкій, по уходѣ Эли, сбѣжавъ легкимъ шагомъ по лѣстницѣ, входилъ съ вполнѣ спокойнымъ уже лицомъ въ квартиру, расположенную однимъ этажемъ ниже его помѣщенія.

Здѣсь, въ комнатѣ, убранной съ изяществомъ и комфортомъ, стояла у окна, уже подернутаго сѣрымъ сумракомъ, высокая худощавая женщина, закутанная въ толстую шаль, въ шелковомъ платьѣ, широкія складки котораго обвивали ея ноги. Красиво убранная голова ея, съ пышнымъ узломъ вьющихся волосъ, со вплетенными въ косы нитками коралловъ, склонилась къ оконной рамѣ, а нѣсколько впавшіе глаза скучающимъ взглядомъ водили по довольно обширному, но некрасивому и пустынному двору. Услышавъ стукъ отворяющейся двери, Лиля повернула голову, и, увидѣвъ входящаго Ильдефонса, съ легкимъ крикомъ отскочила отъ окна. Въ этомъ крикѣ была несомнѣнная радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣчто вродѣ замѣшательства, почти испуга.

Порыцкій взялъ обѣ руки женщины и долго прижималъ ихъ къ своимъ губамъ.

— Моя пани, — началъ онъ, — снова выглядывала изъ окна на свѣтъ Божій?

Въ этихъ словахъ звучалъ легкій иронический упрекъ.

— Боже мой! — проговорила женщина, склоняя голову, какъ бы подъ тяжестью этого выговора, — я услышала на дворѣ чьи-то шаги и выглянула въ окно ... такъ ... почти невольно.

— Скучаешь, Лиля, тоскуешь безъ людей ... — цѣдилъ Порыцкій, садясь рядомъ съ ней на диванъ и удерживая въ своихъ рукахъ ея руку, которую она не отнимала.

Въ голосѣ его звучала грусть. Женщина почувствовала себя задѣтой этимъ, потому что быстро повернула къ нему лицо и воскликнула съ поспѣшностью:

— О, нѣтъ, нѣтъ, Ильдефонсъ, я вовсе не скучаю! Я не тоскую по людямъ, между которыми не нашлось никого, никого подобнаго тебѣ! Наоборотъ, я очень счастлива, такъ счастлива, какъ никогда еще!

— Въ голосѣ ея звучала при послѣднихъ словахъ какая-то фальшь, но не такая, чтобы выдавала преднамѣренную неискренность этихъ словъ. Женщина эта видимо силилась уговорить самое себя, что счастлива, и повторяла это настойчиво, съ необычайной пылкостью, какъ будто жаждала звукомъ этого слова заглушить какія-то сомнѣнія, страданія, тревоги, которыя наполняли ее противъ ея воли и вѣдома.

Но ухо Порыцкаго было слишкомъ опытное и чуткое, чтобы не уловить фальшь въ голосѣ Лили.

— Почему же ты въ такомъ случаѣ, — говорилъ онъ, — такъ часто глядишь, въ окно, словно уз-

никъ? Почему жъ ты такимъ чуткимъ ухомъ ловишь малѣйшій шорохъ въ домѣ или внѣ дома? Значитъ, въ головѣ твоей бродятъ какія-то мысли, не относящіяся ко мнѣ, въ сердцѣ живутъ стремленія, которыхъ я не могу удовлетворить! Но я не желаю этого, Лиля, я не хочу, чтобы ты хоть на одно мгновеніе ока переводила свою мысль или свой взглядъ съ меня на что-либо иное или на кого-либо иного. Я жажду обладать тобою, твоимъ тѣломъ и твоей душой, твоими мыслями и чувствами всецѣло, безраздѣльно!

Онъ говорилъ все это порывисто и съ выраженіемъ страстной ревности въ глазахъ и на лицѣ. О! какъ противорѣчила эта жажда исключительнаго обладанія женщиной, которой красота и, быть можетъ, самая покорность, безграничная дѣтски-наивная преданность ему, возбуждала въ немъ дѣйствительно сильныя и дурныя чувства, какъ противорѣчила она принципамъ, которые онъ самъ исповѣдывалъ и которые внушалъ Лилѣ, принципамъ свободной любви, единомыслія и совмѣстнаго владѣнія всякими благами! Но она даже и не уловила противорѣчія между его идеями и чувствами. Ее захватывала, опьяняла эта страстная рѣчь.

Она отрицательно тряхнула своей изящной головкой и прошептала ему тихо и нѣжно.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ильдефонсъ! Я ни о комъ не тоскую, ни о чемъ не жалѣю, во мнѣ нѣтъ никакихъ чувствъ, никакихъ мыслей, которыя не принадлежали бы тебѣ! Къ одной только вещи, къ одной единственной, стремлюсь я сильно, всѣмъ своимъ существомъ .... ты знаешь, Ильдефонсъ, къ чему!

Послѣднія слова она проговорила съ увлеченіемъ,

всматриваясь съ мольбой и тревогой въ лицо возлюбленнаго. Онъ улыбнулся:

— Я знаю, — сказалъ онъ, — ты стремишься скорѣе стать признанной свѣтомъ женой моей ... Ты страшишься, ты всегда страшишься, Лиля, свѣта и его глупаго ропота.

Для нея не было ничего ужаснѣе его укоризны, его насмѣшки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ильдефонсъ, я не боюсь ничего! Я смѣла, отважна, я такая ... какой должна быть женщина въ настоящее время, о которомъ мы съ тобою столько говорили ... А однако ...

Она замолчала въ нерѣшительности и только минуту спустя добавила неувѣреннымъ голосомъ:

— А однако ... я хотѣла бы, чтобы ты мнѣ сказалъ, сдѣлалъ ли ты уже какіе-нибудь шаги въ этомъ направленіи.

— Въ какомъ направленіи? — спросилъ Порыцкій, какъ бы не понимая ея словъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы имѣть время обдумать, какъ отвѣтить ей на ея вопросъ.

— Относительно моего развода, — прошептала женщина.

Онъ охватилъ рукой ея станъ.

— Терпѣніе, моя дорогая, — сказалъ онъ, — терпѣніе и мужество! Съ теченіемъ времени все будетъ сдѣлано. Пусть только твой братъ уплатитъ намъ слѣдуемыя тебѣ деньги, и мы будемъ имѣть нужныя средства ...

— ! Мечись отдастъ, сейчасъ же отдастъ эту пустяшную сумму! Вѣдь ему все равно, когда отдать, — теперь, или позже ...

Когда она говорила это, лицо ея было вполнѣ ясно, а голосъ звучалъ легко и непринужденно. Ей

и въ мысль не приходило, что всего нѣсколько дней назадъ ея маленькая ручка подписала приговоръ брату... можетъ быть, роковой приговоръ. Деньги... но развѣ она понимала важность и значеніе этого слова? Братъ... Развѣ она могла понимать его мысли и наклонности? И развѣ человѣкъ, ставшій ея руководителемъ, не училъ ее пренебрегать идеей семьи и налагаемыми ею обязанностями? Теперь она склонила голову на руку и мечтательно шелнула:

— О, Ильдефонсъ! если бы это устроилось поскорѣе! если бы поскорѣе!

Порыцкій всталъ и, улыбаясь, вынулъ изъ кармана довольно большую продолговатую коробочку.

— Я принесъ это сегодня моей пани въ качествѣ утѣшенія. Это очень хорошенькая вещица, а ты любишь красивыя вещи.

Когда Лиля открывала коробочку, Бригися внесла на подносѣ двѣ зажженныя свѣчи. Изъ футляра сверкнула уложенная на бархатномъ фонѣ пара серегъ, дѣйствительно очень красивыхъ, мастерской работы и моднаго фасона.

— Ахъ! какія красивыя! — воскликнула женщина, безъ слѣда того смущенія, съ которымъ принимала въ первое время подарки Порыцкаго, и совершенно стряхнула съ себя задумчивую мечтательность, въ которую была погружена за минуту до этого.

Она стала передъ зеркаломъ и вдѣла въ уши продолговатыя, украшенныя жемчугомъ серьги. Онѣ засверкали по обѣимъ сторонамъ ея блѣднаго, значительно исхудавшаго лица, носившаго на себѣ видимые признаки болѣзни, прогрессирующей съ каждымъ днемъ.

Порыцкій съ улыбкой смотрѣлъ на занятую новымъ украшеніемъ женщину и страстнымъ взглядомъ

обнималъ ея нѣжную, хрупкую, но удивительно спокойную и привлекательную фигуру. Но внезапно прояснившееся было лицо его нахмурилось, и въ глазахъ блеснулъ мрачный огонекъ. Взглядъ его упалъ на письмо, съ почтовымъ штемпелемъ, лежавшее на томъ же подносикѣ, на которомъ стояли принесенныя прислугой свѣчи. Привычный глазъ его тотчасъ узналъ отъ кого оно. Стремительнымъ движеніемъ онъ схватилъ съ подноса это письмо, смялъ его въ ладони и такъ быстро оставилъ комнату, что Лиля, отвернувшись отъ зеркала, удивленно вскрикнула, замѣтивъ, что она одна.

Находясь уже въ своей квартирѣ, на второмъ этажѣ, Порыцкій приблизился къ зажженной лампѣ, которую внесъ за нимъ слуга, и, разорвавши конвертъ, пробѣжалъ вынутое изъ него письмо, послѣ чего тотчасъ же разорвалъ его на мелкіе клочки, которые для большей безопасности бросилъ на догорающія въ печи уголья. Продѣлавъ это, онъ тотчасъ усѣлся за столъ и сталъ быстро писать на четвертушкѣ бумаги широкимъ размашистымъ почеркомъ, выдававшимъ его сильное душевное волненіе, слѣдующія слова:

„Моя дорогая! Твой гнѣвъ и нетерпѣливость возбуждаютъ во мнѣ тоже чувство гнѣва и нетерпѣливаго раздраженія. Не знаю, по правдѣ сказать, чего ты хочешь отъ меня? Развѣ я милліонеръ, чтобы высылать тебѣ то и дѣло баснословно крупныя суммы, или же сидѣть съ тобой, сложа руки, и развлекаться заглядываніемъ въ твои глаза, которые должны же были научиться за такое долгое время болѣе благоразумному и холодному взгляду на жизнь и на наши взаимныя отношенія. Намѣреніе твое, о которомъ ты мнѣ сообщаешь въ своемъ

послѣднемъ письмѣ, я считаю безумiемъ и дѣйствительно опасался бы его, если бы не былъ увѣренъ, что у тебя нѣтъ ни нужныхъ для выполненiя его денежныхъ средствъ, ни рѣшимости. Я не разъ уже писалъ тебѣ о томъ, что дѣлаю здѣсь блестящiя дѣла и стою на пути къ пріобрѣтенiю большого богатства. Эти свѣдѣнiя должны тебя удовлетворить до той поры, когда я самъ найду нужнымъ и возможнымъ вызвать тебя къ себѣ. Прошу тебя быть терпѣливой, разсудительной и не мѣшать мнѣ, потому что ты хорошо знаешь, что твое существованiе, и не только твое, но и еще кой-кого, кѣмъ ты дорожишь и о комъ заботишься, въ моихъ рукахъ. Берегись же, Юлiя, и не серди меня чрезмѣрно, потому что, если я захочу, я смогу причинить тебѣ гораздо большее зло, чѣмъ тѣ мелкiя непрiятности, за которыя ты мнѣ кидаешь такiе горькiе упреки въ своихъ письмахъ. Желаю тебѣ хорошей памяти, которая безпрестанно напоминала бы тебѣ мои слова и предостереженiя; тогда я буду увѣренъ, что ты въ своихъ собственныхъ интересахъ будешь слушаться моихъ указанiй".

Онъ подписался подъ этимъ письмомъ, надписалъ адресъ, и, вложивъ его въ карманъ мѣхового пальто, которое поспѣшно надѣлъ, оставилъ квартиру.

Лѣстница уединеннаго дома была слабо освѣщена горѣвшимъ внизу газовымъ рожкомъ. Едва Порыцкiй, сходя внизъ, минулъ первый этажъ, какъ онъ различилъ въ этомъ слабомъ освѣщенiи медленно подымавшуюся ему навстрѣчу мужскую фигуру. Разойдясь съ Порыцкимъ, мужчина въ потертомъ плащѣ приподнялъ шапку и обнаружилъ большую лысину, окруженную сильно сѣдѣющими волосами. Это былъ Фабiанъ Лозовичъ. Порыцкiй

отвѣтилъ ему поклономъ и, спустясь на нѣсколько ступеней ниже, бросилъ вслѣдъ ему подозрительный и недовольный взглядъ.

— Откуда онъ взялся? — шепнулъ онъ, — и зачѣмъ онъ идетъ къ Лилѣ? Неужели она его сама позвала? Во всякомъ случаѣ, — прибавилъ онъ, выходя на дворъ, — это не опасный для меня человѣкъ. Глупецъ и простофиля.

Лиля сидѣла между тѣмъ у стола, облокотившись на руку. На столѣ въ открытомъ футлярѣ сверкали при свѣтѣ лампы красивыя серьги, такъ обрадовавшія и утѣшившія ее нѣсколько минутъ назадъ; но теперь она и не глядѣла на нихъ. На ея блѣдное лицо снова легло выраженіе тоскливой задумчивости, во впалыхъ глазахъ горѣло пламя тревоги и какой-то тайной скорби; прелестныя блѣдно-розовыя губы дрожали отъ сдерживаемой зѣвоты. Вдругъ молчаніе, царившее въ небольшой, но прихотливо и изысканно убранной квартирѣ, было нарушено шумомъ отворившейся двери. Лиля повернула голову, взглянула, вскочила съ кресла и съ крикомъ изумленія и радости протянула руки къ Лозовичу, который робко и какъ-то печально остановился у двери.

— Можетъ быть, вы сердитесь на меня, за то, что я пришелъ сюда? — спросилъ гость, цѣлуя поданную ему руку.

— Сержусь? Могу ли я сердиться на васъ за это? — воскликнула Лиля. — Но я никогда не надѣялась, что вы еще помните обо мнѣ!..

Яркій румянецъ облилъ ея исхудалыя щеки, когда она это говорила. Какое-то гнетущее чувство заставило ее низко склонить голову.

— О, пане Фабіанъ! — шепнула она, сжимая

изо всѣхъ силъ руку своего стараго знакомаго, — такъ, значитъ, вы не избѣгаете меня, какъ всѣ остальные. Вы мнѣ ...

— Не кончайте, пани, убѣдительно прошу васъ, не кончайте этихъ страшныхъ словъ, — быстро прервалъ панъ Фабіанъ, на глаза котораго уже набѣжали слезы. — Что же дѣлать! — говорилъ онъ дальше, — разное творится на Божьемъ свѣтѣ, и что произошло, то можетъ еще повернуться и иначе. Я же всегда относился къ вамъ съ пріязнью. Боже мой! Я зналъ васъ еще тогда, когда вы были маленькой дѣвочкой ... похожей скорѣе на ангела, чѣмъ на земное существо ... Я не разъ, а сто разъ хотѣлъ прійти къ вамъ, но не смѣлъ: я опасался причинить вамъ непріятность своимъ визитомъ. Но сегодня я встрѣтилъ на рынкѣ вашу прислугу, эту честную Бригисю, и когда она мнѣ сказала, что вы часто бываете однѣ и грустите, и увѣрила меня, что вы не будете слишкомъ недовольны моимъ посѣщеніемъ ... я пришелъ!

— Благодарю! о, благодарю! — шепнула Лиля, и такъ упорно, и съ такимъ выраженіемъ поглядѣла на стараго друга давно минувшихъ лѣтъ ея дѣтства и юности, словно вмѣстѣ съ нимъ встали передъ нею всѣ эти пролетѣвшіе годы, съ цѣлой вереницей заполнившихъ ихъ человѣческихъ образовъ, картинъ и событій, со всѣмъ тѣмъ, однимъ словомъ, съ чѣмъ она порвала, откуда сама изгнала себя, и что теперь однако повѣяло на нее не то роднымъ воздухомъ, не то какой-то отдаленной неясной мелодіей. Но и Лозовичъ глядѣлъ на нее полными слезъ глазами. Онъ снова взялъ ея руку и проговорилъ:

— Простите мнѣ мой вопросъ. По крайней мѣрѣ ... счастливы ли вы?

Лиля сдѣлала усиліе, чтобы стряхнуть съ себя нахлынувшія на нее думы.

— О, да! — отвѣтила она, видимо силясь говорить возможно громче и непринужденнѣе, — я счастлива, очень счастлива! такъ счастлива, какъ никогда не была!

Когда она договаривала послѣднія слова, по ея лицу пробѣжала вдругъ сильная дрожь. Инстинктивнымъ движеніемъ она быстро закрыла батистовымъ платкомъ свое лицо, и въ ту же минуту все тѣло ея потрясло сильное судорожное рыданіе.

— О, Боже мой! — воскликнулъ Лозовичъ, жалобно сплетая руки.

— Вы плачете? Неужели же я долженъ вывести изъ этого, что человѣкъ, которому вы отдали себя не сумѣлъ ...

Лиля не дала ему договорить. Плачъ ея тотчасъ же прекратился, и по щекамъ еще катилось нѣсколько слезинокъ, но она уже не сидѣла согнувшись, на блѣдныхъ губахъ ея играла улыбка, а въ мокрыхъ еще глазахъ засвѣтилось горячее пламя.

— О, нѣтъ! нѣтъ! — проговорила она съ энергіей, на этотъ разъ уже вполнѣ непритворной, — вы не знаете, какой это человѣкъ, и какъ онъ меня любитъ! Это мой идеалъ, пане Фабіанъ! Онъ ко мнѣ такъ добръ, что даже описать трудно. И я тоже люблю его, люблю больше всего на свѣтѣ, всѣмъ моимъ существомъ, и ничто, ничто на землѣ, ничья власть, никакое презрѣніе глупаго свѣта (тутъ ея голосъ снова задрожалъ) не въ силахъ будетъ разлучить насъ.

Лозовичъ печально глядѣлъ на говорившую женщину.

— Счастливецъ! — шепнулъ онъ и, тихо вздох-

нувъ, робко добавилъ: — Но почему же?.. почему вы плакали?

— Такъ какъ-то ... разнервничалась немного, — уже вполнѣ непринужденно отвѣтила Лиля и, принимая на диванѣ позу, въ которой сквозила ея давнишняя изнѣженность и кокетливость, прибавила: — а теперь я попрошу васъ разсказать мнѣ что-нибудь о свѣтѣ, о людяхъ ... Я такъ давно уже не видала ихъ ... Я совершенно не скучаю по нимъ ... мнѣ хорошо и безъ нихъ ... я презираю даже эту безсмысленную полную предразсудковъ толпу, съ которой порвала всякія отношенія; но вы, вы живете среди людей, разскажите же мнѣ что-нибудь о нихъ!

* * *

По правдѣ говоря, Фабіанъ Лозовичъ не могъ сообщить въ отвѣтъ на ея разспросы о свѣтѣ ничего слишкомъ отраднаго, потому что положеніе, въ которомъ находился онъ самъ, не заключало въ себѣ ничего пріятнаго и во всякомъ случаѣ никакъ не способствовало особенно веселому взгляду на жизнь. Минуло уже нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Лозовое, мѣсто, гдѣ онъ родился, гдѣ спали вѣчнымъ сномъ его предки, гдѣ впервые открыли глаза его собственныя дѣти.

Отъѣздъ происходилъ въ одинъ изъ тѣхъ славныхъ сухихъ осеннихъ дней, когда солнце словно посылаетъ цѣпенѣющей землѣ грустныя, прощальныя улыбки, серебристая паутина стелется воздушной сѣтью надъ полевымъ кустарникомъ, а деревья, вздрагивая подъ порывами холоднаго вѣтра, сыплютъ подъ ноги путнику пурпуръ и золото.

Въ лозовскомъ домѣ съ ранней зари господство-

вали движеніе и суматоха. Пани Аделя, въ дорожномъ тулупчикѣ, подпоясанномъ кожанымъ поясомъ, ходила по дому и по всему двору, изъ комнаты въ комнату, изъ одной постройки въ другую, будто приводя что-то въ порядокъ, укладывая въ дорогу, на самомъ же дѣлѣ ничего ровно не дѣлая. Лицо ея, сильно поблекшее и постарѣвшее за послѣдніе годы, пожелтѣло и нахмурилось. Узкія губы были сжаты, глаза сухи и неподвижны. Двое изъ остававшихся еще въ домѣ приживаловъ ни на шагъ не отставали отъ бывшей хозяйки дома, прилагая всѣ усилія къ тому, чтобы завязать съ нею какую-нибудь бесѣду, но имъ не удавалось вырвать ни слова изъ ея стиснутыхъ губъ.

Пани Евстахія, сидя въ опустѣлой залѣ, шептала на ухо Викторину Щепальскому по адресу семейства Лозовичей тихіе упреки въ расточительности и умственной ограниченности, благодаря которымъ она лишается теперь крова, а онъ, держа въ объятіяхъ футляръ съ флейтой, жался въ уголъ то вздыхая, то погружаясь въ мягкую дремоту.

Младшія дѣти, мало или даже ничего не понимавъ разразившейся надъ ихъ роднымъ домомъ катастрофѣ, весело играли, радуясь близости поѣздки и перемѣны мѣста. Старшій сынъ Фабіана, Аполекъ, котораго въ дѣтствѣ намѣчали въ замѣстители Паганини, а въ послѣдніе годы считали кандидатомъ на поступленіе въ высшую музыкальную школу, съ довольнымъ выраженіемъ лица прохаживался по саду и, посвистывая, устремлялъ взглядъ въ пространство, какъ бы желая поскорѣе увидѣть предъ собою городъ, толпу и ожидающую его тамъ жизнь. Людка, превратившаяся уже въ высокую красивую барышню, одна лишь изъ всей семьи ходила съ заплаканными

глазами и суетилась вмѣстѣ съ бывшей панной Лойвичъ, а теперь пани Шилло, надъ укладкой и упаковкой множества увѣсистыхъ тюковъ.

Пана Фабіана никто въ это утро не видалъ въ домѣ. Всю ночь онъ тщательно и бережно укладывалъ осторожно свои музыкальные инструменты, рукописи и рисовальныя принадлежности. Ранней же зарей онъ ушелъ со двора, а вернулся уже долго спустя пополудни измѣнившимся почти до неузнаваемости. Обычный густой румянецъ его лица сдѣлался багровымъ, добродушные мечтательные глаза его были окаймлены темными кругами, а вѣки распухли и непрестанно мигали, какъ обыкновенно бываетъ, когда глаза сильно устаютъ отъ долгаго всматриванія сквозь слезы въ разные предметы.

Руки его замѣтно дрожали, когда онъ усѣлся въ своемъ совершенно пустомъ кабинетѣ на единственный стулъ, оставшійся еще въ комнатѣ, и медленнымъ взглядомъ обводилъ стѣны, на которыхъ недавно висѣли его любимыя картины, потомъ перевелъ его на усыпанную пескомъ извилистую дорожку, которая шла отъ стекляной двери кабинета, теперь раскрытой, въ глубь сада.

По стѣнамъ, гдѣ раньше висѣли картины, теперь торчали громадные черные гвозди; по обѣимъ сторонамъ дорожки гнулись низко къ землѣ мерзлые стебли увядшихъ георгинъ и астръ, посѣянныхъ и посаженныхъ рукой пана Фабіана. Онъ глядѣлъ на гвозди въ стѣнахъ и увядшіе стебли надъ крутой дорожкой, по которой столько разъ въ теченіе столькихъ лѣтъ ступали его ноги, и, казалось, позабылъ обо всемъ на свѣтѣ.

Но вскорѣ двери кабинета тихо и осторожно отворились и черезъ нихъ вошли: Іосифъ Сольскій,

бывшій придворный фигляръ и Григорій Орощенко, бывшій придворный лютнистъ Лозовичей. Изъ нагруженныхъ кармановъ перваго выглядывали какіе-то изящные инструменты неизвѣстнаго назначенія и колода картъ; второй поставилъ у порога коробку, имѣвшую видъ громаднаго футляра и заключавшую въ себѣ дорогую лютню. Оба они приблизились къ давнишнему своему благодѣтелю и стали по обѣ стороны его. Орощенко заложилъ за уши свои безконечно длинные усы и заговорилъ первый.

Смыслъ его рѣчи гласилъ, что тотъ, кого онъ столько лѣтъ зналъ за своего благодѣтеля, долженъ и впредь сознавать свой прямой долгъ по отношенію къ нему; что онъ, Орощенко, который всегда былъ такъ горячо привязанъ къ семьѣ пана Фабіана, имѣетъ и теперь право на помощь съ его стороны. Приблизительно такого же содержанія была и рѣчь Сольскаго. Оба они въ одинъ голосъ утверждали, что хотя пана Фабіана и постигло несчастіе, но все же его положеніе достойно зависти въ сравненіи съ ихъ участью.

Они еще не успѣли окончить своихъ словъ, какъ панъ Фабіанъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ находилось нѣсколько тысячъ рублей, изъ полученной за Лозовое суммы, и минуту спустя нѣсколько довольно крупныхъ ассигнацій перешло изъ его рукъ въ жадно протянувшіяся къ нимъ руки фигляра и лютниста. Послѣ чего оба эти человѣка, изъявляя всяческія сожалѣнія о томъ, что приходится разставаться со своимъ благодѣтелемъ, вздыхая и жалобно покачивая головами, вышли изъ комнаты.

Но панъ Фабіанъ не остался наединѣ. Тотчасъ за Сольскимъ и Орощенко пробрался въ кабинетъ Викторинъ Щепальскій, — но не подошелъ къ быв-

шему патрону, какъ тѣ, и не сталъ подбираться къ его карману, а остановился въ углу комнаты, уперся плечами въ стѣну и, прижимая къ груди футляръ съ флейтой, вперилъ свой взоръ въ лицо Лозовича, такъ, словно тотъ былъ не человѣкъ, а какое-то чудесное явленіе природы. Онъ ничего не говорилъ, ни о чемъ не просилъ, но въ позѣ его было столько придавленности и безпомощности, въ глазахъ отражалось такое душу раздирающее страданіе, что, панъ Фабіанъ, замѣтивъ его, сорвался со стула почти бѣгомъ къ старѣйшему изъ своихъ приживаловъ и ткнулъ ему между футляромъ и державшей его рукой сторублевую ассигнацію. Въ отвѣтъ на это Викторинъ расплакался навзрыдъ, схватилъ руку пана Фабіана и, не обращая вниманія на то, что подаренная ему ассигнація упала на полъ, съ плачемъ сталъ прижимать ее къ своимъ губамъ.

Почти въ это самое время на порогѣ кабинета показалась пани Евстахія Кунасевичъ. Прищуривая глаза и оправляя складки шелковаго платья, заштопаннаго во многихъ мѣстахъ, ех-приживалка медленно и величественно двинулась къ пану Фабіану.

— Милостивый государь! — заговорила она, — я ваша кузина, была когда-то состоятельной женщиной. Неужели же мнѣ суждено остаться на старости лѣтъ нищей? Я надѣюсь, что вы, милостивый государь, для поддержанія собственнаго достоинства не захотите допустить, чтобы ваша кузина протягивала руку за милостыней...

Панъ Фабіанъ снова потянулся въ карманъ за бумажникомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ уже нѣсколько минутъ возилась съ чѣмъ-то, снимая и укладывая занавѣси, живая и дѣятельная Антонина Шилло; черезъ откры-

тыя двери кабинета она видѣла всѣ разыгрывавшіяся тамъ сцены. Видно было, что онѣ ее необычайно раздражали и сердили; когда же она увидѣла входившую туда пани Евстихію, своего стараго врага, и услышала, съ какой рѣчью та обратилась къ пану Фабіану, то бросила занавѣси и стрѣлой помчалась на поиски пани Адели.

— Святой и великій Боже! — восклицала она со своей обычной горячностью, — вы ничего не знаете о томъ, что дѣлается въ кабинетѣ пана Фабіана! Обдираютъ его всѣ, кто только хочетъ, а онъ, воплощенная доброта, только вздыхаетъ, и раздаетъ всѣмъ деньги, какъ будто это, сохрани Богъ, не деньги, а мусоръ какой-то! Подите же туда скорѣе и отберите у мужа деньги, потому что, клянусь Богомъ, если вы этого не сдѣлаете, то ваша семья выѣдетъ отсюда безъ гроша за душой.

Говоря это, она дергала пани Аделю за рукавъ тулупчика, но та, перегнувшись надъ деревяннымъ сундучкомъ, брезгливо отвѣтила:

— Ахъ! пани Шилло! Да оставьте вы меня въ покоѣ съ этими деньгами. Деньги должны быть у моего мужа, потому что это мужское дѣло хранить ихъ и распоряжаться ими. У меня и безъ того достаточно треволненій!

Она говорила это, не переставая съ большой тщательностью завертывать въ сѣно и оберточную бумагу разные горшечки, мисочки, и тому подобную хозяйственную рухлядь.

Подъ окнами дома тѣмъ временемъ собралась толпа специфическаго характера, крикливая, оборванная, грязная. Это были нищіе со всей околицы, которые, узнавъ о днѣ отъѣзда пана Фабіана, стеклись сюда съ разныхъ сторонъ. Шумный говоръ

этихъ нищихъ привлекъ къ окну пани Аделю и заставилъ пана Фабіана выйти на крыльцо. Пани Аделя съ гордостью и вмѣстѣ съ тѣмъ съ горестью воскликнула, обращаясь къ присутствующимъ:

— Пусть мнѣ укажутъ еще кого-либо, кого бѣдные люди такъ благословляли бы и съ кѣмъ такъ прощались бы, какъ съ нами!

Панъ Фабіанъ, стоя на крыльцѣ, давалъ каждому изъ нищихъ по два пятиалтынныхъ; они прижимались къ его рукамъ и его колѣнямъ, цѣловали ихъ и, отвернувшись, пересчитывали на ладони полученное подаяніе.

Когда, наконецъ, щедро одаренные приживалы разошлись за подводами, когда масса нищихъ разсыпалась по окрестнымъ деревнямъ и корчмамъ, а дѣти пана Фабіана перекусили и были вполнѣ одѣты въ дорогу, — къ крыльцу подъѣхалъ огромный, длинный фургонъ съ кожанымъ верхомъ, запряженный четырьмя крестьянскими лошадьми. За фургономъ стоялъ еще большой пароконный плетеный возъ, нагроможденный тюками и сундуками. Появленіе фургона передъ домомъ было сигналомъ къ отъѣзду.

Въ одной изъ гостиныхъ Антонина Шилло, непрерывно и горестно плача, надѣвала младшимъ дѣтямъ шапочки и верхнія платья; на крыльцѣ Людка, то и дѣло отирая слезы, клала въ фургонъ вмѣстѣ со своимъ шестнадцатилѣтнимъ братомъ Юзикомъ разныя коробки и свертки; а сами супруги Лозовичи, уже одѣтые въ дорогу, сошлись въ столовой у дверей, ведущихъ въ сѣни.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней супруги не обмѣнялись ни единымъ словомъ и какъ бы по взаимному тайному уговору старательно избѣгали

другъ друга. Въ день же отъѣзда они еще совершенно не видались. Теперь оба, какъ бы руководимые однимъ и тѣмъ же движеніемъ мысли и чувства, остановились у порога и устремили свой взглядъ въ глубь дома.

Панъ Фабіанъ глядѣлъ въ эту минуту, какъ остолбенѣлый; въ сухихъ глазахъ пани Адели горѣлъ мрачный огонь отчаянія.

Вдругъ она повернулась лицомъ къ лицу къ мужу и воскликнула:

— Гляди и удивляйся, до чего довели всѣ твои затѣи, художества, поэзія, твое нерадѣніе ко всему, твои...

Казалось, что посыплется цѣлый градъ упрековъ изъ ея до сихъ поръ плотно сомкнутыхъ губъ, которыя теперь дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Панъ Фабіанъ склонилъ даже съ молчаливой покорностью голову, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ надъ нимъ разразятся громы, и только поднесъ къ лысинѣ свою нѣсколько дрожавшую руку. Но пани Аделя неожиданно замолчала. Голосъ ея какъ-то странно оборвался и умолкъ какъ разъ въ ту минуту, когда звуки его были все рѣзче. Она стихла и глядѣла на понурую фигуру мужа глазами, которые становились все влажнѣе и менѣе мрачными. Одинъ только Богъ знаетъ, какія вспоминанія изъ минувшаго прошлаго, изъ лѣтъ молодости, пробѣжали въ эту рѣшительную минуту въ головѣ пани Адели. Она прожила столько лѣтъ съ этимъ человѣкомъ! онъ повелъ ее къ алтарю, держа ея руку въ своей, тогда, когда оба они были еще молоды и жизнерадостны, не знали еще треволненій и мрачныхъ сторонъ жизни. Съ нимъ вступила она въ этотъ домъ, который теперь должна покинуть, — тоже вмѣстѣ

съ нимъ! Онъ былъ отцомъ ея дѣтей!.. Она стояла нѣсколько минутъ нѣмая, напряженно вглядываясь въ лицо мужа, и вдругъ, раскрывши объятья, обняла руками его шею и, прижимаясь къ его груди, залилась горькими, но тихими слезами. Панъ Фабіанъ обнялъ ее въ свою очередь.

— У тебя вѣдь всегда было золотое сердце, Аделя! — шепнулъ онъ. — Что же дѣлать? А? что же дѣлать?

— Что дѣлать? — повторила пани Аделя, выпрямляясь и вытирая слезы. — Мы дѣлали много добра людямъ. Можетъ быть, Богъ воздастъ за это нашимъ дѣтямъ.

Утѣшая себя такимъ образомъ и поддерживая этимъ свою бодрость, они вышли на крыльцо дома, а за ними высыпали гурьбой всѣ ихъ дѣти... Нѣсколько минутъ спустя большой фургонъ, переполненный сидѣвшими въ немъ людьми, а за нимъ второй, высоко нагруженный всякими узлами и тюками, потянулись черезъ дворъ, за ворота, на дорогу, обсаженную вѣковыми липами и ведущую въ широкій свѣтъ со множествомъ перекрещивающихся между собою путей... На крыльцѣ дома остался одинъ только двадцатилѣтній Аполекъ. Посвистывая и помахивая тросточкой, онъ дождался почтовыхъ лошадей, которыхъ онъ нанялъ на полученныя отъ отца деньги, чтобы совершить поѣздку съ большимъ комфортомъ и шикомъ. Одна изъ дорогъ, раскинутыхъ по бѣлому свѣту, вела въ N. Туда-то и отправилась эта стая потерпѣвшихъ крушеніе въ житейскомъ океанѣ. Они направились въ ближайшій губернскій городъ и устроились тамъ въ квартирѣ изъ двухъ небольшихъ комнатокъ, съ темными сѣнями, съ крохотной кухонькой, съ окнами,

выходящими на узкую, заваленную мусоромъ улицу. Денежныхъ средствъ этой семьи, не особенно крупныхъ уже послѣ уплаты долговъ и значительно убавившихся благодаря разлачѣ щедрыхъ подачекъ передъ отъѣздомъ, не хватало для пропитанія столькихъ ртовъ, привыкшихъ къ обильной деревенской пищѣ, на приличную одежду для младшихъ дѣтей, на то, чтобы снарядить Аполька въ высшую музыкальную школу, на шитье форменныхъ мундирчиковъ двумъ младшимъ мальчикамъ. Въ виду этого панъ Фабіанъ спустя нѣсколько недѣль по прибытіи въ N съ помощью своихъ прежнихъ связей пріискалъ себѣ нѣсколько уроковъ музыки и рисованія; Людка бѣгала по городу, уча въ нѣсколькихъ домахъ дѣтей началамъ музыки и французскаго языка; а пани Аделя хозяйничала въ двухъ маленькихъ городскихъ комнаткахъ такъ же усердно, какъ раньше въ Лозовомъ, если не усерднѣе, энергичнѣе, одновременно и скупясь, и расточая. Послѣднее было слѣдствіемъ того, что въ городской квартирѣ Лозовичей образъ жизни не слишкомъ разнился отъ того, который они вели въ Лозовомъ. Не было дня, когда за ихъ столомъ не обѣдало бы двое или трое посторонних, не было вечера, когда ихъ крохотная гостиная не наполнялась случайными гостями.

Но наиболѣе частыми посѣтителями маленькой квартирки на узенькой уличкѣ были члены фамиліи Шилло. Пани Аделя знала эту семью издавна, теперь же завязала съ нею тѣсныя пріятельскія сношенія. Ея мелочныя хозяйственныя наклонности скоро примирились съ мѣщанскимъ образомъ жизни, и она инстинктивно искала вокругъ себя общества людей, занятыхъ такими же, какъ и она, интересами и заботами.

Она любила теперь долгія бесѣды о былыхъ лучшихъ дняхъ, о лѣности и нечестности городской прислуги, о необезпеченности судьбы своихъ дѣтей. Въ обществѣ жены Августина Шилло и еще нѣсколькихъ другихъ женщинъ она находила неисчерпаемый матеріалъ для подобнаго рода бесѣдъ.

Семьѣ Шилло жилось теперь хуже, чѣмъ когда-либо.

Въ одинъ прекрасный день отецъ семьи принесъ домой значительную сумму денегъ, составлявшую долгъ Ренчица, и полученную имъ изъ рукъ Порыцкаго въ уплату за участіе въ безчестной сдѣлкѣ. Онъ роздалъ эти деньги: женѣ на уплату мелкихъ но многочисленныхъ долговъ, дочкамъ на новыя платья и ботинки, сыновьямъ на ихъ разныя нужды, и позднимъ вечеромъ, когда жена уже спала, сидѣлъ еще у стола, подпирая голову руками, попеременно смотрѣлъ то на молодыхъ дѣвушекъ, которыя сидѣли у стола въ сосѣдней комнатѣ, тихо болтая и пересмѣиваясь, и шили себѣ при свѣтѣ небольшой лампы наряды, то на младшаго сына, Игнася, который, согнувшись надъ столомъ и склонивъ надъ нимъ свое исхудалое, почти чахоточное лицо, переписывалъ бумаги.

На другой день, возвратясь около полудня изъ города, Августинъ Шилло предсталъ предъ очи своей семьи въ особенно веселомъ и разговорчивомъ настроеніи. Въ первую минуту это очень обрадовало его жену и дочекъ; но спустя часъ онѣ уже прятались по угламъ, шептались о чемъ-то и плакали украдкой, потому что онѣ поняли, что мужъ и отецъ ихъ крѣпко выпилъ; а когда винные пары совсѣмъ его осилили, онъ сталъ говорить какими-то отрывистыми фразами страннаго и страшнаго

содержанія объ испытанныхъ имъ несправедливостяхъ, о своемъ честномъ прошломъ и проданной совѣсти.

Все это стало повторяться все чаще и чаще. Семья, глава которой почти пересталъ зарабатывать, жила въ нуждѣ и постоянной тревогѣ. Три взрослыя дѣвицы, изъ которыхъ самой старшей было уже подъ тридцать, дома тосковали, скучали и вяли, а внѣ дома давали жалкіе уроки за жалкое вознагражденіе. Игнась попрежнему добивался въ своей канцеляріи 20-тирублеваго мѣсячнаго оклада, строчилъ бумаги и на службѣ, и дома, желтѣлъ, худѣлъ и кашлялъ. Клеменсъ жилъ особо, ни о комъ и ни о чемъ не заботясь, Богъ знаетъ, съ чего и на какія средства. Мать старѣлась на глазахъ у всѣхъ, хворала все сильнѣе, и единственнымъ ея развлеченіемъ и утѣхой были бесѣды съ дюжиной кумушекъ, которыя навѣщали ее и зазывали къ себѣ въ гости. Къ этимъ женщинамъ, вздыхающимъ и мелющимъ всякій вздоръ, прибавилась пани Аделя. Дочери ея подружились съ дочерьми пани Шилло. Аполекъ, который вѣчно собирался въ высшую музыкальную школу и попрежнему сидѣлъ въ N, ухаживалъ за самой младшей изъ дочерей пани Шилло; а при видѣ высокой и красивой Людки прояснялись измученные глаза и покрывалось румянцемъ исхудалое лицо несчастнаго терпѣливаго канцеляриста Игнася.

Это было мѣщанское существованіе, полное забота и терзаній и изрѣдка скрашиваемое мелкими и незначительными радостями жизни, его настоящее было мрачно и неровно, какъ тѣ улицы, среди которыхъ оно протекало, а будущее — темно и невѣдомо...

VII.

Со времени описываемыхъ событій прошло около двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Фабіанъ Лозовичъ раза два въ недѣлю, а иногда и чаще, навѣдывался къ молодой женщинѣ, скрывающейся или скрытой отъ свѣта въ уединенномъ домѣ.

И теперь, на склонѣ одного изъ первыхъ весенних дней, сидѣлъ въ красивой гостиной бывшій владѣлецъ Лозоваго; на одномъ диванчикѣ съ нимъ, опираясь о мягкія подушки, полусидѣла, полулежала Лиля. Въ позѣ ея отражалась глубокая усталость, какъ бы упадокъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Въ этомъ можно было бы видѣть просто проявленіе ея изнѣженности, не будь лицо ея такимъ мрачнымъ и блѣднымъ, исхудалымъ и заострившимся, какими бываютъ лица у нервныхъ и пылкихъ натуръ послѣ долгой борьбы съ тайными страданіями, послѣ сильнаго потрясенія слабой воли, влекомой въ разныя стороны. Но хотя поза высказывала усталость и тоску, она вела разговоръ со своимъ старымъ пріятелемъ въ весьма оживленномъ тонѣ, а черные глаза ея, горѣвшіе на блѣдномъ лицѣ, вглядывались въ его лицо съ выраженіемъ нервнаго волненія и нетерпѣливаго любопытства.

— Что же дальше? — спрашивала она, приподнимая голову съ подушки. — Почему вы вдругъ замолчали, пане Фабіанъ? Такъ, значитъ, вы его нѣсколько дней тому назадъ встрѣтили! Что же онъ вамъ говорилъ? вспоминалъ ли обо мнѣ? сильно ли онъ ненавидитъ меня теперь? А жена его, вѣроятно, презираетъ меня, неправда ли?

— Да развѣ есть на свѣтѣ человѣкъ, который

могъ бы ненавидѣть васъ? — съ вполнѣ искреннимъ восхищеніемъ возразилъ старый романтикъ. — Что же касается пана Мечислава, то онъ о васъ ни однимъ словомъ въ разговорѣ со мной не упомянулъ во-первыхъ, потому, вѣроятно, что это для брата... вещь щекотливая, а во-вторыхъ, потому, что тамъ у нихъ...

Лозовичъ вдругъ осѣкся на полуфразѣ и спустя минуту попытался перевести разговоръ на другую тему. Но Лиля нагнула къ нему голову, и съ нетерпѣніемъ въ голосѣ воскликнула:

— Что же тамъ у нихъ такое! Что? Меня очень интересуетъ, почему это вы мнѣ не все говорите про Мечися? Развѣ вы боитесь сильно задѣть меня? Онъ мой братъ, — такъ что жъ изъ этого? Вѣдь я отлично знаю, что всѣ эти родственныя узы и семейныя отношенія — предразсудокъ, ничего больше, а разспрашиваю я васъ о немъ такъ себѣ, просто изъ любопытства. Что же у нихъ тамъ творится такого, о чемъ вы уже два раза начинали говорить и не хотѣли досказать?

Лозовичъ поглаживалъ рукою лысину, какъ дѣлалъ всегда въ случаяхъ замѣшательства. Но спустя минуту онъ, будучи не въ состояніи противиться разспросамъ молодой женщины, заговорилъ тихимъ голосомъ:

— У нихъ тамъ, видите ли, теперь много хлопотъ и огорченій. Толкуютъ, будто Орховъ опишутъ судебнымъ порядкомъ и продадутъ его съ аукціона.

Лиля, перемѣнивъ свою полулежачую позу на сидячую, воскликнула:

— Какъ это? Продадутъ Орховъ съ аукціона? Но почему? Какимъ образомъ? Мечись вѣдь всегда

слылъ превосходнымъ хозяиномъ, и я знаю, что вотъ уже два года, какъ у него нѣтъ никакихъ долговъ.

— Никакихъ, кромѣ того, который причитался вамъ, — прошепталъ Лозовичъ.

— Такъ что жъ? съ глубокимъ изумленіемъ спросила женщина, — какое значеніе имѣетъ этотъ пустячный долгъ?.. И въ концѣ концовъ, если Мечись не можетъ его теперь уплатить, то кто же его заставляетъ?

— Распоряженіе суда, — тихо промолвилъ Лозовичъ.

— Ахъ, Боже мой! — нетерпѣливо кинула Ли-ля, — какой вы странный, пане Фабіанъ!

— Панъ Порыцкій представилъ въ судъ выданное вамъ братомъ заемное письмо, которое теперь принадлежитъ ему.

Женщина подняла брови и широко раскрыла глаза.

— Ильдефонсъ? — воскликнула она, — Ильдефонсъ?

Но въ мгновеніе ока выраженіе глубокаго изумленія исчезло съ ея лица.

— А вѣдь правда! — сказала она, снова укладывая голову на подушку, — онъ говорилъ мнѣ что деньги эти непремѣнно нужны ему для веденія дѣла о моемъ разводѣ.

Нѣсколько минутъ она молчала, сомкнувъ глаза. Затѣмъ она поднялась снова и, не глядя на Лозовича, быстро спросила:

— И вы не знаете, что можетъ въ концѣ концовъ выйти для нихъ изъ этого?

— Изъ чего? для кого? — пугливо спросилъ панъ Фабіанъ, потому что тема разговора была ему непріятной и раздражала его.

Женщина сдѣлала быстрое и нетерпѣливое движеніе.

— Боже мой! Какъ вы меня сегодня выводите изъ терпѣнія. — Да развѣ мы до сихъ поръ толковали объ антиподахъ или о королѣ Попелѣ! Но... что же случится отъ этого взысканія? какія послѣдствія... для Мечися?

— Продадутъ Орховъ, — поглаживая лысину, прошепталъ Лозовичъ.

— Зачѣмъ же кому-нибудь другому продавать его? Развѣ Мечись не можетъ самъ продать его, отдать намъ эти деньги, а съ остальными деньгами уѣхать куда-нибудь?

— Дѣйствительно... дѣйствительно... оно могло бы быть такъ, — бормоталъ Лозовичъ, — но, видите ли, панъ Мечиславъ упрямый человѣкъ... у него сложилось твердое убѣжденіе, что онъ не долженъ добровольно продавать Орховъ.

Блѣдныя губы Лили сложились снова въ ироническую усмѣшку.

— Бѣдный Мечись! — сказала она, — онъ вѣритъ еще въ долгъ и не знаетъ, что это предразсудокъ, и даже самый скверный, самый вредный изъ всѣхъ предразсудковъ.

Она молчала нѣсколько мгновеній, снова зарывъ лицо въ подушки, а затѣмъ добавила, поднимая голову:

— Да скажете ли вы мнѣ, въ концѣ концовъ, что изъ этого будетъ?

Она приперла его къ стѣнѣ этими словами, и онъ принужденъ былъ отвѣчать.

— Изъ этой продажи, — сказалъ онъ, — будетъ большое несчастье... Всѣмъ извѣстно, что, когда имѣнія продаются съ молотка, они отдаются

за безцѣнокъ... слѣдовательно, очень можетъ быть, что пану Мечиславу не останется ничего или почти что ничего.

Послѣ этихъ словъ между собесѣдниками воцарилось довольно долгое молчаніе. Лиля вглядывалась оцѣпенѣлымъ взглядомъ въ противоположную стѣну. Минуту спустя она, не мѣняя направленія взгляда, тихо проговорила:

— Слышали ли вы что Мечись и его жена взяли къ себѣ моего Конрадка.

— Слышалъ, пани.

— Бригися ѣздила недавно въ Орховъ, къ своимъ роднымъ, и видѣла тамъ его... Она говорила мнѣ, что за нимъ хорошо ухаживаютъ, и что онъ отлично выглядитъ.

Лозовичъ ничего не отвѣтилъ и намѣревался было перевести разговоръ на что-нибудь иное, на первый попавшійся предметъ, какъ вдругъ Лиля сдѣлала стремительное движеніе и, зарывши снова лицо въ подушки, воскликнула голосомъ, въ которомъ ясно слышались скрытые звуки горячаго желанія и нетерпѣнія:

— О, Боже мой! Боже мой! если бы это наступило скорѣй!

— Что именно? — спросилъ Фабіанъ, нѣсколько испуганный стремительнымъ движеніемъ и голосомъ Лили.

Она съ минуту не отвѣчала, погруженная въ мечты.

Потомъ медленно приподнялась, подперла високъ рукою и тихо заговорила, опустивъ глаза:

— Я, право, сама не знаю, что со мною дѣлается. Я никогда не представляла себѣ, что въ человѣкѣ могутъ существовать и уживаться такія противорѣ-

чія, какія я нахожу въ себѣ. Я хорошо знаю, что всѣ формальности, которыми обыкновенно обставляютъ двухъ любящихъ другъ друга людей, пустой предразсудокъ, пережитокъ прежнихъ темныхъ временъ; я знаю также, что обращать вниманіе на безсмысленные крики толпы, на такъ называемое общественное мнѣніе — вздоръ и нелѣпость. А однако... я не знаю, право, почему, но я теперь такъ боюсь людей... мнѣ такъ тяжело видѣть ихъ! Знаете ли вы, пане Фабіанъ, что я боюсь выйти на улицу, потому что мнѣ кажется, что всѣ будутъ глядѣть на меня съ негодованіемъ и презрѣніемъ. Охъ! а я не могу снести людского презрѣнія!.. не могу!..

Она закрыла глаза рукою и съ минуту молчала.

Но вдругъ она подняла голову и порывисто воскликнула:

— Кто же могъ бы ожидать этого? Кто могъ бы ожидать, что со мной будетъ когда-нибудь то, что происходитъ теперь? Когда я была подросткомъ, я думала... я мечтала, что весь міръ падетъ предо мною на колѣни и будетъ воспѣвать мнѣ гимны, — а теперь... весь свѣтъ меня презираетъ!

Она горько улыбнулась и прибавила:

— Удивительное вы, панъ Фабіанъ, имѣли предчувствіе, когда давно, давнымъ-давно еще... называли меня черной лиліей.

Лозовичъ былъ смущенъ и еще болѣе того встревоженъ довѣрчивыми дружескими изліяніями молодой женщины.

— Боже мой! — шепнулъ онъ, — не отчаивайтесь такъ сильно.

Лиля выпрямилась.

— Я отчаиваюсь? — воскликнула она почти гнѣвно. — Откуда вамъ могло прійти въ голову подобное выраженіе? Я счастлива, я счастливѣйшая въ мірѣ женщина, но минутами я еще слишкомъ слаба, боязлива и немножко... подчиняюсь предразсудкамъ... Я не доросла еще до тѣхъ высотъ, на которыхъ стоитъ истинно смѣлый и отважный человѣкъ, а Ильдефонсъ говоритъ, что это придетъ впослѣдствіи, съ привычкой... Я знаю, однако, что все будетъ хорошо... Лишь только кончится процессъ о моемъ разводѣ, мы повѣнчаемся съ Ильдефонсомъ, какъ того требуютъ глупыя условности свѣта. Тогда я войду снова въ общество, стану бывать между людьми, стану смѣяться надъ ихъ нелѣпыми, устарѣлыми предразсудками. Поѣду тогда тотчасъ къ Мечисю, возьму къ себѣ Конрадка и буду его наряжать. Ильдефонсъ не любитъ захолустной жизни, и я ея не люблю. Поэтому мы поселимся въ столицѣ, но на разныхъ увеселеніяхъ я буду рѣдко бывать, потому что всего лучше мнѣ наединѣ съ Ильдефонсомъ. И разставаться мы никогда не будемъ, потому что я... не могла бы дня безъ него прожить!

Такъ она мечтала вслухъ еще нѣсколько минутъ. Лозовичъ, слушая ея рѣчь, низко наклонилъ голову, и на лицѣ его отразилась глубокая грусть. Онъ хорошо зналъ, что процессъ о разводѣ, такъ сильно занимающій молодую женшину, не былъ еще и начатъ. Онъ взглянулъ на часы; увидѣвъ, что ему уже давно пора въ одинъ изъ домовъ, гдѣ онъ давалъ уроки музыки, онъ поднялся съ кресла.

— Какъ это, вы уже идете? — воскликнула Лиля.

— Я долженъ, — отвѣтилъ Лозовичъ и, стоя передъ молодой женщиной, взглянулъ на нее пріяз-

ненным, сердечным, но нѣсколько болѣе серьезным, чѣм обыкновенно, взглядом.

— Я должен идти, — повторил он, — от уроков, которые я даю, в значительной степени зависит существованіе мое и моей семьи...

Он взял ея руку и задержал в своей.

— Вы говорили со мною сегодня откровеннѣе всегдашняго, — начал он привѣтливо и почти несмѣло, — я благодарю вас за это... Мнѣ непріятно, очень непріятно, что я теперь не могу ничѣм помочь вам. Но если бы вы когда-либо оказались в положеніи... в затруднительном положеніи... вспомните тогда обо мнѣ, как о своем искреннем старом другѣ. Вѣдь вы дружбы, по крайней мѣрѣ, не называете еще предразсудком?

Говоря послѣднія слова, он как-то грустно улыбнулся. Можно было бы даже сказать, что в этой улыбкѣ блеснула тѣнь ироніи, если бы ирония, хоть бы самая легкая, не была чужда этим привѣтливым, добродушным устам, которыя всю жизнь умѣли говорить лишь о цвѣтах, звѣздах, поэзіи и... состраданіи.

Когда в гостиной Лили происходила описанная бесѣда, Ильдефонс Порыцкій, опустив голову, спѣшил, широко шагая, на телеграф, находившійся не особенно далеко от его уединеннаго жилища. И снова тревога и безпокойство, еще болѣе сильныя, чѣм нѣсколько мѣсяцев тому назад, отражались на лицѣ главнаго агента. Он почти вбѣжал в большой зал, уставленный телеграфными приборами, и подал чиновнику телеграмму, написанную на клочкѣ бумаги и содержавшую слѣдующія слова:

„Послѣднее твое письмо я разсматриваю, какъ результатъ минутнаго порыва. Я прошу тебя и приказываю тебѣ, чтобы ты осталась тамъ, гдѣ находишься теперь. Если ты сдѣлаешь то, о чемъ писала, ты повредишь этимъ больше всего самой себѣ. Я завтра уѣзжаю отсюда. Куда... я увѣдомлю тебя объ этомъ въ надлежащее время“.

Затѣмъ слѣдовали имя и фамилія женщины, и названіе какого-то глухого угла на Волыни.

Выйдя изъ телеграфной конторы, онъ нѣсколько минутъ спустя входилъ въ гостиную Лили. Молодая женщина, сидя у стола, на которомъ горѣла уже лампа, укладывала въ шкатулку изъ чернаго дерева разныя драгоцѣнности, ленточки и бездѣлушки. Какъ всегда, такъ и теперь лицо ея просіяло улыбкой при видѣ входящаго Ильдефонса. Легкій румянецъ облилъ ея блѣдное и исхудалое лицо.

— Я сегодня съ самаго утра почти не видала тебя, Ильдефонсъ! — воскликнула она, подавая ему руку.

Ни въ голосѣ, ни въ лицѣ ея не было и слѣда, прежней изнѣженности и обольстительнаго кокетства. Когда она дѣлала этотъ легкій выговоръ, черные глаза ея остановились на лицѣ стоявшаго предъ нею мужчины взглядомъ, полнымъ горячаго чувства. Она любила!.. любила на этотъ разъ истинной любовью... и всѣмъ своимъ существомъ прилѣпилась къ этому чувству, подобно тому, какъ потерпѣвшій крушеніе на морѣ цѣпляется, какъ за послѣдній свой оплотъ, за оставшееся въ его рукахъ бревно. Это былъ уже не капризъ пылкаго воображенія, не кокетство, не минутный порывъ чувствъ... это была глубокая нѣжность, непоколебимая вѣра,

страсть, охватившая всецѣло всѣ ея душевныя силы. Но и онъ тоже, стоя передъ нею и держа въ своей рукѣ ея руку, глядѣлъ на нее страннымъ, необычнымъ взглядомъ. Во взглядѣ этомъ было что-то жгучее и проникающее въ самую глубь существа молодой женщины; была какая-то ясно выражавшаяся сильная тревога.

Онъ сѣлъ и слегка притянулъ ее къ себѣ.

— Лиля, — заговорилъ онъ болѣе тихимъ, нежели обыкновенно, голосомъ, — я долженъ тебѣ сказать что-то важное.

Въ глазахъ женщины, блеснулъ лучъ радости.

— Мой разводъ... вѣроятно, кончается... можетъ быть, уже законченъ... — воскликнула она.

Лицо главнаго агента омрачилось при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, — порывисто, почти раздраженно возразилъ онъ, — я теперь не объ этомъ хотѣлъ говорить; я хотѣлъ тебѣ сказать, что мы должны отсюда уѣхать.

Женщина глядѣла на него съ изумленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой-то неопредѣленной радостью.

— Куда? на долго ли! — спросила она.

— Не знаю еще ни куда, ни на сколько времени, — отвѣтилъ Порыцкій, — предполагаю, что только недѣли на двѣ, на мѣсяцъ, самое большее. У меня здѣсь дѣла, которыя я не могу бросить совсѣмъ и ради которыхъ долженъ буду вернуться сюда. Но пока что, я все же уѣду отсюда на нѣкоторое время, вѣдь кто знаетъ, до какихъ предѣловъ можетъ дойти, на что можетъ рѣшиться эта экзальтированная, безумная женщина!..

— О какой женщинѣ говоришь ты, Ильде-

фонсъ? — съ удивленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ жгучимъ блескомъ въ глазахъ воскликнула Лиля.

Онъ какъ бы очнулся отъ глубокой задумчивости, въ которую былъ погруженъ и благодаря которой выдалъ тѣ свои мысли, которыя хотѣлъ во что бы то ни стало скрыть отъ всего свѣта. На восклицаніе женщины онъ отвѣтилъ принужденной улыбкой.

— Я говорилъ объ особѣ, — сказалъ онъ, — съ которой меня связывали когда-то нѣкоторыя дѣла и пріѣздъ которой былъ бы мнѣ теперь очень непріятенъ.

— Развѣ онъ можетъ принести тебѣ какой-нибудь вредъ? — съ непривычной для нея заботливостью о другихъ спросила Лиля.

— Большой вредъ и еще большія непріятности, — отвѣтилъ мужчина.

— Такъ, значитъ, ѣдемъ! ѣдемъ! сегодня! сейчасъ! — говорила женщина. — Я не хочу, чтобы кто-либо причинялъ тебѣ непріятности... Ты и безъ того достаточно уже натерпѣлся. Ѣдемъ! Ѣдемъ!

Вдругъ она наклонилась къ нему. Ея прояснившіеся глаза снова омрачились.

— Кто эта женщина? — спросила она тише.

— Я тебѣ уже говорилъ... — началъ Порыцкій...

Но она не дала ему кончить.

— Можетъ быть, ты любилъ ее когда-то? — шептала она, — можетъ быть, она тебя любитъ? Почему ты избѣгаешь ея? Скажи мнѣ все...

Она сплела обѣ руки, положила ихъ на его плечи и, прислонивши къ нему свою красивую головку, продолжала:

— Ты долженъ мнѣ простить, Ильдефонсъ, что я ревную тебя, твою любовь... Я знаю, потому что ты не разъ говорилъ мнѣ это, что любовь должна быть свободна, какъ птица, и что никто не имѣетъ права брать ее въ свою исключительную собственность... Но, дорогой мой, я не доросла еще до той высоты, на которой находишься ты... я никакъ не могу допустить, чтобы то, что я полюбила, могло принадлежать не мнѣ одной, а и еще кому-либо. Вѣдь ты много разъ увѣрялъ меня, что никогда ни одной женщины не любилъ такъ, какъ любишь меня.

— Никогда, — подтвердилъ мужчина, и по выраженію его глазъ, которые медленно и съ наслажденіемъ скользили по оживленнымъ въ эту минуту, дивно красивымъ чертамъ лица женщины, можно было прочесть, что онъ говорилъ правду.

— И никогда никого не будешь любить? — спрашивала она дальше.

— Никого! — подтвердилъ мужчина.

— О, какъ это хорошо! отлично! — продолжала Лиля, сильнѣе опираясь своей нѣжной, бѣлой ручкой о его плечо. — Что же сталось бы со мною, если бы ты меня бросилъ, если бы я перестала вѣрить въ твое чувство ко мнѣ, въ наше неразрывное общее будущее, безгранично вѣрить въ каждое твое слово? Потерявъ тебя, я потеряла бы все! что осталось бы мнѣ? вѣдь я отреклась отъ всего... я пренебрегла всѣмъ: мнѣніемъ свѣта, своей семьей, ребенкомъ. Однако, я не жалѣю объ этомъ, нѣтъ, не жалѣю: когда я съ тобою, когда я гляжу на тебя, тогда я знаю, что мы всегда будемъ счастливо любить другъ друга, и я не жалѣю ни о чемъ!

И на блѣдно-розовыхъ устахъ ея мелькала не-

описуемо нѣжная улыбка, а въ черныхъ глазахъ сверкала прозрачная слеза, когда она, шепча слова безграничной нѣжности и довѣрія, склонила немного голову и прислонилась лицомъ къ своимъ сплетеннымъ рукамъ.

Порыцкій около минуты глядѣлъ пламеннымъ взглядомъ на эту удивительно красивую и изящную головку, когда-то такую вѣтренную, а теперь такую довѣрчивую, пламенную и вмѣстѣ съ тѣмъ покорную. На лицѣ его отражалась какая-то внутренняя мука. Видно было, что человѣкъ этотъ былъ тоже пораженъ огненнымъ мечемъ того прекраснаго, но мрачнаго духа, что сѣетъ по всему свѣту и между злыми, и между добрыми, искры и сѣмена великихъ страстей...

— Лиля! прелестная моя! Лилія ты моя бѣлая!

Шепотъ этотъ обдавалъ черныя пряди ея волосъ тихимъ и горячимъ вѣтеркомъ.

— Бѣлая? — отозвалась женщина, поднимая на него полный упоенія взглядъ и улыбаясь, какъ улыбаются грезящія во снѣ дѣти. — Нѣтъ, меня называли когда-то черной лиліей... и въ глазахъ свѣта я тоже теперь черная. Но ты снимешь съ меня эти мрачные покровы, не правда ли? скажешь передъ всѣмъ свѣтомъ, что любишь меня, что никогда никого, кромѣ меня, не станешь любить. Тогда, мой единственный, я смѣло и гордо буду глядѣть на людей и скажу имъ всѣмъ: „я его жена!“ О, какая я буду тогда веселая, счастливая!

Густой румянецъ облилъ лицо главнаго агента, а взглядъ его съ какимъ-то тайнымъ напряженіемъ мысли сталъ бродить по пространству, когда Лиля снова быстро подняла голову и, глядя ему прямо въ лицо, спросила его полушутливо, полурѣзко:

— Кто эта женщина?

Ильдефонсъ зашевелился, словно хотѣлъ привстать; но бѣлыя, нѣжныя ручки Лили крѣпко сжимали его плечо.

— О! — воскликнула она съ выраженіемъ испуга и мольбы въ глазахъ, — не сердись только на меня, прошу тебя, не сердись на меня. Не буду больше любопытной и никогда не стану спрашивать о той женщинѣ, только... не уходи отъ меня!

Любовь этой пылкой капризной женщины была удивительно покорной, почти рабской. Но такъ бываетъ всегда: никто не поддается такъ всецѣло вліянію другихъ, какъ тѣ, кто не умѣетъ властвовать надъ самимъ собою.

На дворѣ застучали колеса извозчичьей пролетки. Въ довольно большомъ и людномъ городѣ это былъ настолько обычный шумъ, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не обратилъ бы на себя ничьего вниманія. Но Порыцкій, казалось, былъ сильно встревоженъ имъ. Онъ быстро поднялъ голову и сталъ вслушиваться.

На нѣсколько минутъ воцарилась снова полнѣйшая тишина. Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги и неясные отрывки разговора, въ которомъ рѣзко выдѣлялся тонкій жалобно звучавшій дѣтскій голосъ.

Шаги и голоса миновали дверь передней Лили и поднялись выше, во второй этажъ, гдѣ находилась лишь одна квартира, занимаемая Порыцкимъ. Лиля, любопытство которой всегда возбуждалъ даже самый незначительный шорохъ въ домѣ, смотрѣла на дверь, напрягая слухъ, и потомъ вдругъ обернулась къ своему собесѣднику. Но равнодушный, вызванный простымъ любопытствомъ вопросъ замеръ у нея на

устахъ, когда она увидѣла его лицо, странно измѣнившееся и взволнованное.

— Что это? Ильдефонсъ! Что съ тобою? — воскликнула она, въ порывѣ необъяснимаго страха хватая его за руку.

Но онъ оттолкнулъ ее отъ себя почти грубо и, вскочивъ съ мѣста, съ напряженными жилами на лбу и сжатыми губами побѣжалъ къ двери. Казалось, онъ спѣшилъ предупредить какую-то катастрофу. Но не успѣлъ онъ еще добѣжать до гостиной, какъ дверь изъ передней открылась, и вошелъ слуга.

— Пріѣхала какая-то дама и желаетъ видѣть пана агента, — сказалъ онъ.

— Кого? какая дама? откуда? — вскричалъ Порыцкій, который въ своемъ необычайномъ возбужденіи очевидно самъ не зналъ, что говорилъ и дѣлалъ.

— Извозчикъ говорилъ, что онъ ее сюда привезъ съ вокзала, — отвѣтилъ испуганный слуга, — онъ жаловался, что ему тяжело было везти, потому что тамъ еще трое дѣтей...

— Молчи! — прервалъ его Порыцкій сдавленнымъ голосомъ и, бросивъ бѣглый взглядъ на Лилю, которая въ оцѣпенѣніи прислушивалась къ разговору, направился къ двери. Но было уже поздно. За спиной перепуганнаго слуги открылась дверь и въ комнату скорѣе вбѣжала, чѣмъ вошла худая женщина высокаго роста, ведя за руку четырехлѣтнюю дѣвочку; двое дѣтей постарше, мальчикъ и дѣвочка, шли за нею.

— Вотъ гдѣ ты живешь, Ильдефонсъ, а не тамъ, не на третьемъ этажѣ? — раздался изъ-подъ черной вуали, покрывавшей лицо новоприбывшей, довольно рѣзкій голосъ. — Я знаю, что ты на меня

страшно золъ за то, что я пріѣхала, но я уже больше не могла жить въ этой проклятой дырѣ, въ которой ты меня съ дѣтьми оставилъ безъ хлѣба, на произволъ судьбы. Не смотри на меня своимъ страшнымъ взглядомъ, который мнѣ слишкомъ хорошо знакомъ, но котораго я перестала бояться: что я, несчастная, обманутая и брошенная женщина, могу еще потерять на этомъ свѣтѣ? Вотъ, посмотри лучше на этихъ дѣтей: они выглядятъ не какъ принцы, не правда ли? Ну, дѣти, поздоровайтесь съ этимъ господиномъ.

Дѣти, вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе, прижались къ пріѣзжей и хоромъ, хотя и тихо, заплакали. Порыцкій схватилъ женщину за руку.

— Уходи отсюда, — проговорилъ онъ шепотомъ, это не моя квартира.

— Не твоя? — отвѣтила женщина, — хорошо, такъ я пойду туда, наверхъ. Но почему ты меня заставилъ такъ долго ждать тебя?

Она обняла руками группу дѣтей и пошла за двери. Въ двухъ шагахъ отъ нея, закусивъ губы до крови, шелъ Порыцкій. Но вслѣдъ за уходившими съ противоположнаго конца комнаты вдругъ раздался громкій, протяжный окрикъ:

— Ильдефонсъ! что все это означаетъ?

При этомъ неожиданномъ возгласѣ уходившая женщина быстро повернулась лицомъ въ комнату. До сихъ поръ всецѣло занятая человѣкомъ, къ которому пріѣхала, она не замѣтила Лили, сидѣвшей въ тѣни. Теперь ея глаза были поражены очаровательно прекрасной женской фигурой, которая выступила на освѣщенную часть гостиной и остановилась у стола. Тонкій станъ Лили, полный граціи, слегка дрожалъ подъ пышными складками шелковаго

платья, и большіе глаза ея, широко открытые отъ удивленія, глядѣли на Порыцкаго и на пріѣзжую женщину съ выраженіемъ нетерпѣливаго, тревожнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ грознаго вопроса.

Вдругъ новоприбывшая, какъ бы подъ ударомъ какой-то мысли или воспоминанія, устремилась на средину комнаты, поднявъ съ своего лица покрывавшую ее вуаль. Теперь лишь очень небольшое разстояніе раздѣляло этихъ двухъ женщинъ. Нѣсколько секундъ онѣ упорно смотрѣли другъ на друга, какъ бы борясь со своей памятью, добиваясь отъ нея объясненія, воспоминаній, еще не совсѣмъ выяснившихся; затѣмъ обѣ одновременно воскликнули:

— Юлія!

— Лиля!

Одно мгновеніе казалось, что онѣ сейчасъ бросятся другъ другу въ объятія; но Лиля первая отступила на нѣсколько шаговъ назадъ и воскликнула:

— Какъ э́то ты очутилась здѣсь, Юлія? Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? Помнишь то письмо, которое ты мнѣ прислала когда-то... когда-то? ты вышла замужъ?.. имя твоего мужа Ильдефонсъ?.. Боже мой! я, право, сама не знаю, что говорю! Юлія! моя дорогая Юлія, я тебя когда-то такъ сильно любила!.. Скажи мнѣ, это твой братъ?

Говоря это, она все сильнѣе и сильнѣе дрожала, ломала руки и протягивала ихъ къ своей давнишней подругѣ, какъ бы пораженная свѣтомъ страшной истины, проникшей въ ея мозгъ, и словно умоляя, чтобъ не разбили ея сердца страшнымъ словомъ, не поразили его смертельной тревогой. По этому волненію, по безсвязнымъ словамъ, по полуумоляющему полубезумному выраженію глазъ пріѣхавшая угадала

многое; горькая улыбка задрожала на ея губахъ и, указывая рукой на Порыцкаго, она произнесла голосомъ, звучавшимъ насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ горестно.

— Это не братъ мой, Лиля, это — мой мужъ!

Глухой стонъ вырвался изъ груди Лили. Ея глаза ошѣпенѣлымъ взглядомъ глядѣли на Порыцкаго. А его лицо выражало бѣшеный гнѣвъ и нѣмое отчаяніе.

— Ильдефонсъ, — прошептала она, — скажи мнѣ что это неправда.

— Неправда? — крикнула Юлія, — ты мнѣ еще не вѣришь, Лиля! Вотъ доказательство... метрическое свидѣтельство о нашемъ вѣнчаніи. Зная хорошо этого человѣка, я его взяла съ собою... смотри... читай!

Говоря это, она вынула изъ-подъ лифа своего платья сложенный вчетверо большой листъ бумаги съ казенной печатью и, развернувъ его, показала Лилѣ при свѣтѣ лампы. Лиля машинально бросила бѣглый взглядъ на бумагу, потомъ мертвый взоръ ея опять устремился на лицо Порыцкаго.

— Скажи мнѣ, что это неправда, — повторила она однозвучнымъ шепотомъ.

Теперь онъ очутился около нея. Въ его глазахъ опять заблестѣлъ слѣдъ его давней смѣлой находчивости.

— Да, Лиля, это правда! Въ минуту безумія я сдѣлалъ этотъ роковой шагъ и послѣ горько каялся. Но... Лиля...

Онъ хотѣлъ взять ея руку: но она сильнымъ движеніемъ отшатнулась отъ него. Она была подъ впечатлѣніемъ смертельной боли и такой же смертельной обиды.

— О! — воскликнула она, — вы мнѣ говорили, что не знаете ея, что вы свободны... что... что... О, Боже! что же это со мною случилось?.. Кто вы такой?..

Она говорила, какъ помѣшанная, какъ человѣкъ, который внезапно увидѣлъ, что цвѣтущая равнина, разстилавшаяся передъ нимъ, превратилась въ пропасть, что любимое лицо вдругъ обратилось въ страшную пасть чудовища.

— Кто онъ? — начала Юлія, поочередно глядя на этихъ двухъ людей, отношенія которыхъ теперь уже вполнѣ понимала, — я тебѣ это скажу, Лиля! Онъ тебѣ, вѣроятно, представился подъ именемъ графа Порыцкаго. Ложь! Его фамилія совсѣмъ иная, заурядная, а единственный титулъ, на который онъ имѣетъ право, это: подлецъ! Онъ тебѣ, вѣрно, много наговорилъ о своихъ несчастьяхъ, которыя онъ побѣдилъ своимъ умомъ и отвагой. Ложь! Были у него сначала и несчастья... но не при помощи ума и отваги онъ съ ними боролся, а хитростью и обманомъ, лукавымъ, безсовѣстнымъ пронырствомъ. Онъ тебя увѣрялъ, что онъ свободенъ отъ всякихъ семейныхъ узъ и что сдѣлаетъ тебя своей женой передъ Богомъ и людьми. Ложь! Передъ тобою я, его жена, а эти несчастныя созданія — его дѣти! Онъ тебѣ говорилъ, что обвѣнчался со мною въ минуту безумія. Ложь! Это я была безумна, принявъ его за свой идеалъ, увѣровавъ въ его рыцарское благородство. Онъ женился на мнѣ по разсчету, все равно, по какому, довольно того, что я — быть можетъ, моя красота — тогда была нужна ему. Но вскорѣ его обстоятельства, а потому и нужды, измѣнились... тогда онъ меня бросилъ!.. четыре года я ничего не слышала о немъ. Потомъ

я узнала, что онъ здѣсь. Писала я ему, просила вспомнить, если не обо мнѣ, то о своихъ дѣтяхъ... Но его каменное сердце не знаетъ состраданія и милосердія. Тогда я рѣшила напомнить ему о своихъ правахъ — и пріѣхала сюда.

Нетерпѣливымъ движеніемъ она сняла шляпу съ своей головы, сбросила съ плечъ накидку и воскликнула:

— Смотри, что онъ со мною сдѣлалъ! Гдѣ моя молодость и красота? Гдѣ мои прежніе наряды, гдѣ Юлія Грейсъ?

И въ самомъ дѣлѣ, отъ красавицы Юліи осталась одна лишь тѣнь. Ей было не больше тридцати лѣтъ, а выглядѣла она сорока-пятилѣтней женщиной. Лицо ея исхудало и потемнѣло, лобъ покрылся морщинами, волосы посѣдѣли. Одни лишь глаза, хотя и поблекшіе и впавшіе, своимъ блескомъ и выразительностью напоминали прежнія времена.

— А теперь, — продолжала Юлія, протягивая свои дрожащія руки къ дѣтямъ, — посмотри на нихъ, и ты увидишь, какъ выглядятъ брошенныя нищія сироты...

Дѣти, мало или ничего не понимавшія изъ разыгрывавшейся передъ ними драмы, прижались всѣ къ находившейся вблизи печкѣ. Изъ убогихъ накидокъ и рваныхъ платковъ, которыми они были повязаны, выглядывали маленькія личики, блѣдныя, исхудалыя, озябшія.

Лиля слушала и смотрѣла, не дѣлая ни малѣйшаго движенія. Словно молніи по грозовымъ облакамъ проносились и сверкали въ глубинѣ ея бездонныхъ глазъ быстрыя и пламенныя мысли. О чемъ она думала, стоя такъ лицомъ къ лицу съ его принципами, которые она считала своими? Въ этой бро-

шенной, преждевременно состарившейся женщинѣ, можетъ быть, увидѣла обратную сторону той радужной картины, которую рисовалъ ей Ильдефонсъ, говоря о непреложныхъ правахъ и неописуемыхъ восторгахъ любви вольной, какъ птица. Глядя на этихъ оборванныхъ, блѣдныхъ дѣтей, перепуганныхъ видомъ родного отца, она, быть можетъ, думала, что видитъ воочію результатъ второго его принципа превознесенія отсутствія и несущественности родственной связи. Надъ этимъ ставшимъ теперь передъ ея глазами скопленіемъ лжи и обмана, настолько же пошлыхъ, сколько преступныхъ, носились и горѣли мрачнымъ блескомъ всѣ тѣ слова хулы и глумленія, которыми онъ клеймилъ и ее училъ клеймить идею долга.

Мысль Лили, очевидно, усиленно работала, какъ въ тотъ роковой для нея вечеръ, когда „онъ“ впервые заставилъ ее мыслить и пробудилъ къ сознательной жизни, и это томительное, полное отчаянія сосредоточеніе мысли на вставшихъ передъ нею житейскихъ загадкахъ угнетало ея душу и поднимало въ ней страшную бурю чувствъ. Она все еще стояла, какъ прикованная къ мѣсту. Юлія смотрѣла на нее полуненавидящими, полусострадательными глазами. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ господствовало тяжелое молчаніе, наконецъ, это молчаніе было прервано шепотомъ мужского голоса.

Ильдефонсъ Порыцкій стоялъ около молодой женщины и говорилъ ей тономъ глубокаго убѣжденія и съ выраженіемъ страстной, почти повелительной просьбы.

— Успокойся, Лиля! Я тебѣ не говорилъ о себѣ всей правды, но, поступая такъ, я имѣлъ въ виду подготовить твои силы и твой умъ къ уразумѣнію

и преодолѣнію всего. Мой бракъ съ Юліей — это ошибка моей молодости, большая обуза и ничего больше. Эту обузу я долженъ носить на себѣ, что же дѣлать? я обезпечу ея существованіе и существованіе ея дѣтей, но моя любовь всегда будетъ принадлежать тебѣ одной!!.. Лиля! развѣ ты все еще дитя? развѣ твой умъ еще не дорослъ до пониманія такого положенія? развѣ у тебя не хватаетъ смѣлости? Неужели ты испугаешься глупаго шума толпы? Или ты, какъ слабое дитя, добровольно откажешься отъ своего счастья и вмѣстѣ съ тѣмъ растопчешь и мое?

Дрожа и все всматриваясь въ него широко открытыми глазами, она долго молчала. Мертвенно-блѣдное лицо ея выражало безконечную тревогу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, инстинктивное, непобѣдимое отвращеніе. Когда онъ, обнадеженный ея долгимъ молчаніемъ хотѣлъ взять ея руку, она сдѣлала сильное движеніе и отшатнулась.

— Нѣтъ! — прошептала она, — нѣтъ! нѣтъ!

И больше ничего не могла сказать. Простерши впередъ руки, словно отталкивая отъ себя кого-то, она все подавалась назадъ, отдаляясь отъ Порыцкаго.

Онъ гнѣвно обернулся къ Юліи.

— Уходи отсюда! — произнесъ онъ сквозь стиснутые зубы, указывая на дверь, — иди туда, наверхъ... оставь меня съ нею!

— Нѣтъ! — крикнула Лиля, на этотъ разъ пронзительнымъ голосомъ, — нѣтъ! нѣтъ!

Она схватила платокъ, висѣвшій на спинкѣ кресла, и, накинувъ на голову и плечи, выбѣжала изъ комнаты. За нею выбѣжалъ и Порыцкій. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ гостиную и

взглянулъ на то мѣсто, гдѣ онъ часто сиживалъ съ Лилей, обѣими руками схватился за голову и крѣпко стиснулъ ее.

— Проклятіе! — воскликнулъ онъ обращаясь къ себѣ самому, — ни за что не хотѣла вернуться!.. побѣжала... не знаю, куда... Она, кажется, сошла съ ума!.. а я ее безумно люблю!.. И дѣло съ ея братомъ!.. Что я теперь сдѣлаю?..

Юлія медленно обернула къ нему свое лицо.

— Что ты сдѣлаешь? — сказала она насмѣшливо. — А то, что дѣлалъ всю жизнь. Завтра, послѣзавтра ты уѣдешь куда-нибудь, гдѣ тебя не знаютъ, надѣнешь другую шкуру и опять будешь добиваться богатства, соблазнять женщинъ и обманывать всѣхъ.

* * *

Фабіанъ Лозовичъ возвращался съ урока музыки и, закутываясь отъ холода въ свой поношенный плащъ съ пелериной, шелъ по тротуару, когда вдругъ на противоположной сторонѣ улицы, среди густого мрака, тамъ и сямъ прорѣзываемаго мигающимъ свѣтомъ фонаря, замѣтилъ быстро двигавшуюся женщину. Ростомъ и фигурой она напомнила ему Лилю. Онъ остановился и сталъ внимательно вглядываться въ нее, боясь ошибиться и не смѣя подойти. Женщина, на которую онъ смотрѣлъ, безостановочно шла по противоположному тротуару, все ускоряя шаги. Вдругъ желтоватый свѣтъ фонаря скользнулъ по ея лицу. Лозовичъ узналъ Лилю. Черезъ секунду онъ былъ около нея.

— Боже мой! — вскричалъ онъ, — что съ вами такое? Куда вы идете въ такую пору?

Женщина, услышавъ около себя человѣческій го-

лось, бросилась назадъ съ легкимъ крикомъ. Лозовичъ схватилъ ея дрожащую и холодную, какъ ледъ, руку. Только теперь она его узнала. Глухое рыданіе безъ слезъ потрясало ея грудь.

— Куда вы идете? — поспѣшно спросилъ панъ Фабіанъ.

Она долго старалась найти въ своемъ потрясенномъ умѣ какой-либо отвѣтъ и, наконецъ, едва слышно прошептала:

— Не знаю!

— Боже! что случилось? Вы такъ блѣдны и словно въ безсознательномъ состояніи! Вы дрожите! Хотите, я отведу васъ на вашу квартиру?

Она опять сдѣлала такое движеніе, словно хотѣла убѣжать, и, вырывая свою руку изъ его руки, громко крикнула:

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Въ головѣ Лозовича блеснула догадка, что тамъ случилось что-то ужасное. Онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ былъ очень взволнованъ и растерялся. Вдругъ въ глазахъ Лили изъ-за наполнявшаго ихъ ужаса блеснуло иное чувство. Это было чувство сильной потрясающей боли. Она протянула обѣ руки къ своему старому другу и глухимъ голосомъ воскликнула:

— Спасите меня! Я одна на свѣтѣ!.. одна!.. одна!.. Во мнѣ и предо мною пусто!.. темно!..

Онъ положилъ ея руку въ свою и повелъ ее дрожащую по улицѣ. Она молчала. Время отъ времени онъ взглядывалъ на нее: глаза ея были опущены.

* * *

Двѣ комнатки, выходившія окнами на узенькую улицу, были полны народа и шуму. Въ крошечной

гостиной вокругъ горѣвшей на столѣ лампы сидѣло нѣсколько пожилыхъ женщинъ, между которыми выдѣлялась высокая, худая фигура пани Адели, державшейся прямо и очень быстро и старательно вязавшей чулокъ. Рядомъ съ нею сидѣла жена Августина Шилло, блѣдная, худая, нѣсколько сгорбленная, со своимъ вѣчнымъ кружевомъ въ рукахъ. Дальше, широко распростерши складки своего стараго, какъ міръ, шелковаго платья, сидѣла пани Евстахія, вязавшая сѣтку изъ бумаги. Были тутъ еще три или четыре женщины, также съ крючкомъ или иголкой каждая. Всѣ эти особы занимали мѣста на диванѣ или креслахъ, фигурировавшихъ нѣкогда въ красивомъ Лозовской гостиной, а нынѣ старательно покрытыхъ бѣлыми чехлами и представлявшихъ собою странный контрастъ съ крошечной комнаткой, съ ея грязноватымъ потолкомъ и жалкимъ видомъ. Женщины бесѣдовали. Въ глубинѣ гостиной въ полутьмѣ на низкихъ табуреткахъ и на грубомъ скрипучемъ полу сидѣли четверо дѣтей Лозовичей, а съ ними еще двое другихъ, которыхъ привела сюда одна изъ пришедшихъ въ гости женщинъ. Дѣти громко и весело болтали.

Но и во второй комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой, было шумно и весело. Тутъ возлѣ стѣнъ стояли кровати разныхъ величинъ, сундуки, ящики и шкафы. На сундукахъ и ящикахъ сидѣли молодыя дѣвушки, три дочери Шилло и Людка. Рядомъ съ ними, облокотившись на комодъ, у спинки кроватей стояли молодые люди — Игнась Шилло, Аполекъ Лозовичъ, его младшій братъ, уже воображавшій себя взрослымъ, и еще двое юношей, сыновья пріятельницъ пани Адели. Все это общество, хотя и довольно многочисленное, собралось здѣсь не по ка-

кому-либо особенному случаю, а просто, какъ всегда. Это было обычное явленіе, наблюдавшееся ежедневно.

Въ темныхъ сѣняхъ, на глиняномъ полу шумѣлъ огромный самоваръ. Въ кухонкѣ на столѣ лежалъ на нѣсколькихъ тарелкахъ хлѣбъ, нарѣзанный пани Аделей еще передъ вечеромъ, и стояло масло.

Въ ожиданіи вечерней закуски общество очень пріятно развлекалось. Дѣти начали играть въ „кошку и мышки“, причемъ опрокидывали табуретки, страшно шалили и шумѣли. Барышни вели шутливые споры съ молодыми людьми.

Между пожилыми дамами, однако, разговоръ понемногу сталъ утихать. Всѣ онѣ почти одновременно почувствовали, что у нихъ пересохло во рту. Въ ожиданіи чая онѣ съ нетерпѣніемъ поглядывали на висѣвшую у пояса пани Адели связку ключей. Впрочемъ, онѣ знали, что хозяйка дома ждетъ возвращенія мужа, прежде чѣмъ подавать чай.

— Гдѣ же это панъ Фабіанъ? — спросила, работая иголкой, пани Евстахія.

— Онъ что-то запоздалъ сегодня, — замѣтила другая гостья.

— Бѣдняга долженъ бѣгать по урокамъ, — вздохнула пани Аделя; — уже на четверть часа запоздалъ.

— Вотъ онъ, — проговорила пани Евстахія.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь, выходившая изъ сѣней на дворъ, громко скрипнула, и черезъ минуту въ гостиную вошелъ панъ Фабіанъ. Въ его лицѣ и всей фигурѣ было нѣчто необыкновенное, что сейчасъ бросилось въ глаза всѣмъ женщинамъ. Его взглядъ выражалъ испугъ и волненіе.

— Душечка! — шепнулъ онъ, едва поклонив-

шись собравшемуся вокругъ стола обществу, — пожалуйста, возьми свѣчу и выйди на минуту въ сѣни!

— Зачѣмъ? — спросила пани Аделя.

Но пораженная и нѣсколько испуганная выраженіемъ лица мужа, она встала съ дивана и вышла на середину комнаты. Тутъ она остановилась.

— Что же тамъ случилось въ сѣняхъ? — спросила она со своимъ обычнымъ брюзжаніемъ и, звеня ключами, направилась къ двери.

Лозовичъ боялся, какъ бы его жена не вышла въ сѣни въ возбужденномъ состояніи. Изо всѣхъ силъ потирая свою лысину, онъ подошелъ и заго-родилъ ей дорогу.

— Душечка! — произнесъ онъ тихо, — тамъ есть... тамъ есть... гостья!

— Гостья! какая гостья? — воскликнула пани Аделя.—Быть можетъ, Антося Шилло пріѣхала изъ деревни? Почему же она сюда не идетъ? Она, вѣдь, теперь наша благодѣтельница.

Женщины, сидѣвшія вокругъ стола, вытянули шеи, прислушиваясь къ разговору супруговъ. Такъ какъ они говорили вполголоса, то ни одно слово не ускользнуло отъ ихъ слуха, опытнаго въ подслушиваніи. И когда на торопливые вопросы жены панъ Фабіанъ шепнулъ ей почти на ухо имя гостьи, находившейся въ сѣняхъ, съ губъ всѣхъ женщинъ сорвался дружный возгласъ удивленія и негодованія. Пани Аделя стояла, какъ прикованная къ мѣсту, впе-ривъ молніеносный взоръ въ лицо мужа.

— Что? — воскликнула она, — ты ее сюда привелъ? Ее! ее! чтобы я ее приняла?.. Здѣсь, въ моемъ домѣ... въ присутствіи моихъ дочерей?.. Эту...

— Адзя! Душка! Она такъ несчастна!

— Несчастна! — прошипѣли женщины у стола, — кто же виноватъ въ ея несчастьи? Пусть расплачиваетъ пиво, которое сама себѣ сварила.

— Но пусть не ходитъ въ порядочные дома...

— Потому что это соблазнъ, искушеніе! Оскорбленіе Бога!

— Магдалина! — воскликнуло нѣсколько голосовъ хоромъ.

— Многогрѣшная! — кончили другія.

Возбужденная шипѣніемъ и подстрекательствомъ пріятельницъ, пани Аделя стремительно бросилась къ двери.

— Я ей сейчасъ выскажу все, что думаю о ней, — говорила она съ большимъ волненіемъ, — и выпровожу твою гостью изъ-подъ крыши, подъ которой живутъ мои дочери!

Панъ Фабіанъ, въ высшей степени растерявшійся, старался сдержать свою жену, но напрасно. Со свѣчой въ рукѣ, выпрямившись, полуторжественная, полугнѣвная пани Аделя открыла дверь и переступила порогъ маленькихъ сѣней. Каково же было ея удивленіе, когда вмѣсто нарядной, смѣлой женщины, которую она разсчитывала увидѣть, ея глазамъ представилась какая-то неподвижная фигура, сидящая на табуреткѣ, прислонивъ голову къ холодной, сырой стѣнѣ, съ закрытыми глазами и безсильно опущенными руками.

— Что это такое? — воскликнула она, — кто это?

Панъ Фабіанъ подбѣжалъ къ неподвижной фигурѣ и воскликнулъ:

— Она въ обморокѣ!

Лиля дѣйствительно была въ обморокѣ. Платокъ соскользнулъ съ ея плечъ и упалъ на глиняный

полъ. Ряды крупныхъ коралловъ неподвижно покоились на ея груди, которая не дышала. На блѣдномъ лицѣ ясно видны были слѣды перенесенныхъ страданій и физическаго изнуренія. Побѣлѣвшія губы ослабѣвшей женщины были крѣпко стиснуты; длинныя, черныя рѣсницы отѣняли блѣдность впавшихъ щекъ, а надъ всѣмъ лицомъ и фигурой, которая въ эту минуту была воплощеніемъ страшнаго горя и тяжкой муки, насмѣшливо свѣтились и переливали въ черныхъ растрепанныхъ косахъ золотыя и хрустальныя украшенія.

Пани Аделя со свѣчей въ рукѣ стояла въ нѣмомъ недоумѣніи около этой жалкой фигуры. При видѣ этой картины горя и безпомощности ея негодованіе все больше и больше уступало мѣсто какому-то мягкому чувству.

— Что же случилось? — спросила она у мужа, понизивъ голосъ до шопота, — онъ ее бросилъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ панъ Фабіанъ, — она сама ушла отъ него.

— Опомнилась таки! — зашипѣла за спиной пани Адели одна изъ ея пріятельницъ.

— Гдѣ же ты ее встрѣтилъ? Почему она пришла именно къ намъ?

— Я ее встрѣтилъ на улицѣ, одну, въ отчаянномъ состояніи, почти падающую, и подумалъ, что ты, Аделя, съ твоимъ золотымъ сердцемъ, не...

— Боже мой! — прервала пани Аделя, печально качая головой, — до чего дошла эта красивая блестящая, богатая панна Лиля Орховская!

Она быстро обернулась къ двери комнаты и крикнула сыну и дочери:

— Людка! Юзя! Помогите отцу перенести эту пани на мою кровать! Ты, Аполекъ, бѣги скорѣе за

докторомъ, а пани Евстахія будетъ такъ любезна и сходитъ въ аптеку за одеколономъ и туалетнымъ уксусомъ.

Ex-приживалка величественно поднялась съ мѣста и, подобравъ платье, какъ бы боясь соприкосновенія съ шелестѣвшимъ по грубому полу изящнымъ платьемъ Лили, которую въ эту минуту проносили по комнатѣ, произнесла съ гордостью и глубокимъ отвращеніемъ:

— Я?! Чтобъ я безпокоилась для этой женщины? О, нѣтъ! До этого Евстахія Кунасевичъ никогда не унизится!

— Мы съ Зузей сходимъ, куда нужно, — отозвалась своимъ тихимъ голосомъ сгорбленная, болѣзненная жена Августина Шилло и, накинувъ поношенную накидку, торопливо выбѣжала съ дочерью на улицу.

Часъ спустя въ квартирѣ Лозовичей уже не было ни одной пожилой женщины и никого изъ молодежи. Дѣти крѣпко спали на диванахъ и сундукахъ, панъ Фабіанъ бѣгалъ за лѣкарствами, а пани Аделя съ Люлкой, не раздѣваясь, всю ночь просидѣли у постели молодой женщины, которая послѣ того, какъ ее привели въ чувство, впала опять въ безсознательное состояніе.

На слѣдующій день около полудня врачъ опять стоялъ у постели больной и недовольно оглядывался кругомъ. Въ квартирѣ Лозовичей вѣчно царилъ шумъ, такъ что даже сосчитать пульсъ больной не было никакой возможности.

Воздухъ въ этихъ тѣсныхъ и переполненныхъ людьми комнаткахъ былъ душный и сырой, на лицѣ пани Адели и въ ея обращеніи съ врачемъ и больной замѣтно было сильное волненіе, а непрестанно

появлявшіяся чужія женщины бросали на ложе больной взгляды, полные нескрываемаго недружелюбія и презрѣнія.

Врачъ обратился къ хозяину дома съ вопросомъ, нельзя ли перенести больную въ болѣе просторное, сухое, а главное тихое, уединенное помѣщеніе.

— Вся наша квартира состоитъ изъ этихъ двухъ комнатъ, — отвѣтилъ Лозовичъ, печально понуривъ голову.

— Быть можетъ, эта особа имѣетъ родныхъ или друзей, въ домѣ которыхъ...

Достаточно выразительное молчаніе было отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

— Въ такомъ случаѣ я бы посовѣтовалъ перевести ее въ больницу сестеръ...

Онъ не окончилъ, такъ такъ на лицахъ присутствовавшихъ выразилось изумленіе и глубокое отвращеніе.

— Больницу! — застоналъ панъ Фабіанъ — ее въ больницу!

— Лилю Орховскую въ больницу! — ломая руки, воскликнула пани Аделя.

— Въ больницу сестеръ милосердія — проговорилъ врачъ съ хладнокровіемъ, свойственнымъ людямъ его профессіи. — Тамъ больной отведутъ отдѣльную комнату, у нея будетъ тамъ чистый воздухъ, прекрасный уходъ нашихъ неоцѣненныхъ сестеръ и прежде всего — тишина и спокойствіе, которыя ей крайне необходимы... Перевезти ее слѣдуетъ сегодня же, сейчасъ же, иначе я за ея жизнь не отвѣчаю.

Спустя минуту пани Аделя совѣтовалась съ мужемъ въ углу гостиной.

— Что же остается иного? — говорила она, — нужно такъ сдѣлать!

— Нужно! — повторилъ панъ Фабіанъ съ выраженіемъ горячаго, но безсильнаго сожалѣнія.

— И безъ того мы бы не могли держать ее у себя долго, лѣчить ее и дать ей надлежащій уходъ. У насъ для этого нѣтъ средствъ.

— Нѣтъ срелствъ, — вздыхалъ Лозовичъ.

— Но какъ же быть? вѣдь дождь идетъ. Нужно достать карету, чтобы перевезти ее...

— Да, карету.

— Гдѣ же ее взять?

— Нанять, душечка!

— О, я знаю! Ты бы для всего свѣта нанялъ кареты и возилъ бы всѣхъ. А есть ли у тебя хоть копѣйка за душой?

— Есть, душечка! Я вчера за урокъ получилъ.

Пани Аделя смотрѣла внизъ и кусала губы. По ея лицу видно было, что она сильно взволнована.

— Нѣсколько рублей, — начала она, — большой кушъ, конечно! А намъ будто они не пригодились бы, твои нѣсколько рублей? Людкѣ нужны ботинки, у Аполька нѣтъ перчатокъ, дровъ купить надо... Но развѣ ты когда-либо думалъ о нуждахъ жены и дѣтей? Много ты заботишься о насъ?.. Но, — кончила она, — иди, найми карету, и чтобъ скорѣе пріѣхала.

— У тебя, Аделька, всегда было золотое сердце! — шепнулъ панъ Фабіанъ, берясь за шапку.

Въ этотъ день супруги Лозовичъ держали совѣтъ о томъ, слѣдуетъ ли сообщить Мечиславу Орховскому, въ какомъ положеніи его сестра, и кто ему напишетъ письмо съ этимъ извѣстіемъ. Въ виду разныхъ обстоятельствъ казалось, что написать такого рода письмо — дѣло довольно щекотливое.

Предполагали, что Мечиславъ очень возбужденъ противъ своей сестры, а пріятельницы пани Адели утверждали, что онъ долженъ отречься отъ нея и навѣрное отречется. Тѣмъ не менѣе пани Аделя вечеромъ сѣла писать письмо, которое на слѣдующій день было послано въ Орховъ съ нарочнымъ. Отвѣтъ, написанный Михалиной, былъ слѣдующаго содержанія: „Мой мужъ по спѣшнымъ дѣламъ уѣхалъ и возвратится не раньше, какъ черезъ недѣлю. Но я постараюсь какъ можно скорѣе устроить дома свои хозяйственныя дѣла и распорядиться насчетъ дѣтей и затѣмъ поспѣшу въ N. Отъ всей души благодарю васъ за сочувствіе и помощь, оказанную нашей бѣдной сестрѣ, для которой мы съ мужемъ сдѣлаемъ все, что въ нашей власти“.

V.

Поѣздъ желѣзной дороги, прибывающій съ сѣвера, подходилъ къ вокзалу. По одной изъ залъ красиваго и обширнаго зданія прогуливался съ папироской въ зубахъ и заложивъ руки въ карманы изящнаго пальто Готлибъ vulgo Абрамка Маковеръ. На головѣ его была прежняя шапочка съ серебряннымъ галуномъ. Желая разыграть свѣтскаго франта, онъ придавалъ своей стройной фигурѣ позы самаго пошлаго пошиба, оглядываясь на ходу во всѣ стороны съ видомъ скучающаго дэнди.

Когда залъ началъ наполняться прибывшими съ поѣздомъ пассажирами и внесеннымъ за ними багажемъ, молодой сынъ Эли услышалъ за своей спиной знакомый голосъ, привѣтствовавшій его. Онъ обернулся и увидѣлъ Клеменса Шилло, съ чемоданомъ въ рукѣ и кожаной сумкой черезъ плечо, который здоровался съ нимъ по-пріятельски.

— Gut Abend, Готлибъ!

— Gut Abend! Gut Abend! — смѣялся Абрамка.

— Ну, доволенъ ли ты своей поѣздкой? Очень понравилась тебѣ столица? Хорошо выполнилъ порученія главнаго агента? Ахъ! сколько разъ я желалъ быть на твоемъ мѣстѣ.

— Конечно! конечно! — отвѣтилъ Клеменсъ, — свѣтъ великъ, обширенъ, прекрасенъ! А сколько золота на свѣтѣ!.. стоитъ только поѣхать и загребать его руками!

— Да, — отвѣтилъ Абрамка съ досадой, — но, чтобы ѣхать, нужно быть безъ цѣпей на рукахъ и ногахъ, какъ у меня.

— Ты самъ хочешь быть въ цѣпяхъ, но если бы ты не хотѣлъ...

Абрамка хотѣлъ было заспорить съ товарищемъ, но Клеменсъ не далъ ему говорить, крикнувъ:

— Я голоденъ! Пойдемъ въ буфетъ, закусимъ и выпьемъ пива.

— Ну, — спросилъ Абрамка, шутя, присѣвъ къ ближайшему столику, — а есть ли у тебя чѣмъ заплатить? Вѣдь раньше у тебя объ этомъ не слышно было.

Клеменсъ вынулъ кошелекъ, открылъ его наполовину и показалъ порядочную пачку кредитокъ. У Абрамки заискрились глаза.

— Вотъ счастливецъ! А откуда они у тебя?

— На разныхъ дѣлахъ заработалъ, — отвѣтилъ сынъ Августина Шилло, — у главнаго агента служба хорошая, завязываются разныя связи и подвертываются случаи...

Передъ собесѣдниками поставили двѣ порціи какого-то мясного блюда и двѣ кружки пива. Абрамка мяса не ѣлъ, боясь прогуливавшихся здѣсь двухъ,

трехъ евреевъ, которые и безъ того косились на него. Но пиво онъ пилъ, засыпалъ товарища вопросами о столицѣ, ея богатствѣ и блескѣ, о дѣлахъ, которыя производятся въ этомъ скопищѣ людей и богатствъ. Клеменсъ не заставлялъ себя просить. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ и разсказывалъ съ увлеченіемъ. Во время пребыванія въ столицѣ онъ посѣщалъ биржу и присмотрѣлся къ совершавшимся тамъ операціямъ, бывалъ на разныхъ торгахъ и аукціонахъ и самъ по мѣрѣ возможности принималъ участіе въ нихъ; терся среди людей, разными способами добивающихся наживы и богатства, допытываясь у нихъ относительно извилистыхъ и запутанныхъ путей, которыми они идутъ къ своей цѣли. Все это его увлекало и приводило въ восторгъ. Этимъ увлеченіемъ и восторгомъ онъ теперь дѣлился съ Абрамкой, и жадное любопытство, съ какимъ юноша прислушивался къ его словамъ, повидимому, очень забавляло его и возбуждало охоту къ дальнѣйшимъ повѣствованіямъ. Онъ разсказывалъ о людяхъ, которые, не имѣя ни гроша, пускались въ широкій свѣтъ и черезъ нѣкоторое время благодаря своему уму, ловкости и удачѣ успѣвали занять выдающееся и весьма доходное положеніе.

— Но все это ничто, — воскликнулъ онъ, бросая на тарелку ножъ и вилку, — все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ, еврей, простой еврей, какой-то Лейбка или Іоська. Вотъ такъ молодецъ!

При словахъ: „одинъ изъ вашихъ“, Абрамка нѣсколько поморщился, но любопытство взяло верхъ.

— Что же онъ такое сдѣлалъ, этотъ Лейбка или Іоська? — спросилъ онъ.

— Это длинная исторія! — отвѣтилъ Клеменсъ, —

но я разскажу ее тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ. Этотъ Ицекъ былъ сыномъ какого-то фактора, вродѣ, напримѣръ, твоего дяди Менделя...

Абрамка опять почувствовалъ себя неловко, а Клеменсъ, замѣтивъ это, громко засмѣялся и продолжалъ:

— Ужъ не знаю, какимъ образомъ, но онъ гдѣ-то досталъ нѣсколько тысячъ рублей. Что же съ ними дѣлать? Покупать, продавать, плутовать въ мѣстечкѣ, въ обнищаломъ краѣ? Ицекъ пошевелилъ мозгами, сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ въ Гамбургъ, а тамъ пересѣлъ на корабль и поплылъ.

Тутъ Клеменсъ, чтобы усилить впечатлѣніе, сдѣлалъ паузу.

— Поплылъ, куда? — спросилъ Абрамка, сверкая черными глазами.

— Поплылъ... въ Америку!

— Въ Америку?

— Да, въ Америку. А тамъ опять сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ...

На этотъ разъ Клеменсъ самъ себя прервалъ взрывомъ хохота, — такое напряженно-нетерпѣливое любопытство отразилось на лицѣ слушавшаго его юноши.

— Куда поѣхалъ? куда поѣхалъ? — настойчиво спрашивалъ Абрамка.

— Поѣхалъ далеко... на западъ, въ Калифорнію.

— Въ Калифорнію? Гдѣ копаютъ золото?

— Да, гдѣ копаютъ золото.

— А что онъ тамъ, въ Калифорніи, дѣлалъ?

— Купилъ участокъ земли и сталъ копать. Копалъ мѣсяцъ, два, три, копалъ полгода и ничего не нашелъ; но на седьмой мѣсяцъ онъ нашелъ... столько золота...

— Золотую жилу? — крикнулъ Абрамка.

Они замолчали; Клеменсъ закурилъ папироску, а Абрамка, глаза котораго еще сильнѣе загорѣлись, качалъ головой въ обѣ стороны въ знакъ нѣмого изумленія и восторга.

— А гдѣ онъ теперь, этотъ Ицекъ? — спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Ицекъ теперь живетъ въ столицѣ, сталъ крупнымъ спекулянтомъ, играетъ на биржѣ, сотнями покупаетъ акціи всѣхъ большихъ обществъ, словомъ, дѣлаетъ милліонные обороты. Онъ теперь магнатъ въ полномъ смыслѣ слова. Живетъ во дворцѣ разъѣзжаетъ въ каретахъ, и всѣ знатные господа, даже, какъ говорятъ, министры, бываютъ у него и кланяются ему.

— А ты его видѣлъ и познакомился съ нимъ?

— Куда мнѣ, простому смертному, стремиться къ такому знакомству! Я его раза два видѣлъ у биржи, когда онъ выходилъ изъ кареты, но говорить съ нимъ... куда мнѣ! говорить съ нимъ могутъ лишь крупные тузы...

— Откуда же ты все это знаешь, когда незнакомъ съ нимъ?

— Мнѣ люди разсказывали. Въ столицѣ нѣтъ ни одного человѣка, кто бы не зналъ исторіи барона фонъ-Лебенсдорфа.

— Барона... развѣ онъ баронъ?

— А какже? А ты думалъ, что такой умный человѣкъ все еще ходитъ въ халатѣ и справляетъ шабашъ? Онъ принялъ христіанство и его произвели въ бароны.

— Го! Го! — воскликнулъ Абрамка послѣ нѣкотораго молчанія, — вотъ это человѣкъ!

— Мудрый человѣкъ, Готлибъ, мудрый человѣкъ. Но начало его мудрости знаешь ли ты, въ чемъ?

Въ этихъ нѣсколькихъ тысячахъ, которыя онъ имѣлъ на поѣздку въ Калифорнію и на покупку тамъ участка земли съ золотой жилой, дай ты мнѣ денегъ, много денегъ, и я буду такимъ же мудрецомъ...

— О! будь у меня деньги!

Клеменсъ засмѣялся.

— Вотъ я, напримѣръ, тяну лямку, такъ вѣдь это не диво, откуда мнѣ взять денегъ? Мой отецъ голъ, какъ турецкій святой, и для меня счастье, если я могу хоть иногда выжать изъ него нѣсколько рублей на обувь или одежду... но... Эли Маковеръ! Кто же не знаетъ, что у него денегъ тьма!

На это замѣчаніе Абрамка ничего не отвѣтилъ. Какъ всегда, при воспоминаніи объ отцѣ и его богатствѣ, на его лицѣ выступило выраженіе глухой непріязни.

— Ну, пора въ городъ, мнѣ нужно отправиться къ своему принципалу, — сказалъ Клеменсъ, вставъ съ мѣста. — Доброй ночи, Готлибъ! и да приснится тебѣ мудрый Ицекъ... Pardon, баронъ фонъ-Лебенсдорфъ и Калифорнія!

Несмотря на эти прощальныя слова, Абрамка шелъ рядомъ со своимъ товарищемъ, погруженный въ думы.

— Ты идешь въ телеграфную контору? — спросилъ Клеменсъ.

Абрамка сердито и съ отвращеніемъ плюнулъ.

— Я уже навсегда простился съ этой конторой, — сказалъ онъ, — я просилъ объ отставкѣ и получилъ ее вчера.

— Вотъ какъ! такъ ты теперь, значитъ, вольный казакъ?

— А что въ этой волѣ? Здѣшніе жиды мнѣ какъ костъ поперекъ горла стоятъ! Они смотрятъ на

меня, какъ на чудовище, оттого что я одѣваюсь и живу иначе, чѣмъ они. На дняхъ раввинъ приходитъ къ отцу и спрашиваетъ, почему онъ меня не женитъ, когда у меня уже растутъ усы, и отецъ хочетъ женить меня на дочери Эфроима, на глупой еврейкѣ, которая врядъ ли и читать-то умѣетъ... Если бъ я только могъ, я бы отъ всего этого убѣжалъ на край свѣта.

— Такъ убѣги... Кто же тебѣ мѣшаетъ убѣжать?

Они опять шли нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ они очутились у дома, гдѣ жилъ главный агентъ. Тутъ Клеменсъ остановился.

— Пане Клеменсъ! — отозвался Абрамка.

— Что?

— Не придете ли вы завтра, часовъ въ двѣнадцать къ намъ?.. Я бы хотѣлъ поговорить съ вами о нѣкоторыхъ вещахъ.

— А отецъ будетъ дома?

— Онъ уѣхалъ къ какому-то помѣщику, имѣніе котораго хочетъ продать, и вернется дня черезъ два.

— Отчего же нѣтъ? Если я въ это время не буду нуженъ моему принципалу, то приду.

Послѣ этихъ словъ они разстались.

На слѣдующій день, около полудня, они опять оба вмѣстѣ вошли въ комнату, гдѣ за буфетомъ, загроможденнымъ бутылками и тарелками, сидѣла Хая.

Лицо Хаи прояснилось, какъ всегда при видѣ сына. Онъ поздоровался съ нею небрежнымъ мимолетнымъ кивкомъ головы, и, пройдя пустую въ эту минуту бильярдную, вошелъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ пестро украшенную зеркальцами и занавѣсками гостиную, которую отецъ его называлъ своимъ прудомъ.

— Агентъ вамъ, видно, сегодня не далъ никакихъ порученій? — сказалъ Абрамка.

Клеменсъ сегодня уже не имѣлъ такого веселаго вида и не былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ наканунѣ. Онъ былъ сердитъ и казался очень огорченнымъ.

— Чортъ побери агента и всѣ его дѣла! — воскликнулъ онъ. — Онъ меня вчера принялъ, какъ какую-нибудь собаку и сказалъ, чтобы я къ нему не приходилъ, такъ какъ онъ мнѣ больше никакихъ порученій не дастъ и черезъ нѣсколько дней совершенно уѣдетъ отсюда. Онъ золъ, какъ сатана... Откуда ни возьмись, вдругъ явилась къ нему жена съ кучей дѣтей, и весь его шикъ какъ рукой сняло.

Эти новости, очевидно, мало интересовали Абрамку. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и молчалъ. Зато Клеменсъ метался и бѣгалъ по комнатѣ.

— Вотъ, — говорилъ онъ взволнованно, — опять остался безъ всякихъ занятій и заработка. Не знаю, что дѣлать и куда дѣться. Чертъ побери такую жизнь безъ цѣли и безъ всякихъ удовольствій и такой край, въ которомъ ничего нельзя достигнуть!

Говоря это, Клеменсъ остановился у окна и началъ нетерпѣливо барабанить пальцами по стеклу.

— Пане Клеменсъ! — позвалъ его Абрамка.

— Что?

Я принесъ географическую карту. Это очень хорошая карта, на ней обозначены желѣзныя дороги а также и морскіе пути, которыми идутъ корабли...

Клеменсъ молчалъ и не поворачивался отъ окна.

— И книжку я досталъ такую, въ которой показано, сколько стоитъ проѣздъ...

Клеменсъ все еще молчалъ.

— Карту и книжку мнѣ одолжилъ одинъ телеграфный чиновникъ, мой товарищъ по службѣ... но лишь на нѣсколько часовъ... поэтому мы должны сейчасъ же взяться за работу...

Лишь теперь сынъ Августина Шилло повернулся лицомъ къ комнатѣ. Какая перемѣна! Лицо его уже не было мрачнымъ, гнѣвнымъ, а наоборотъ, его озарялъ свѣтъ какой-то тайной радостной надежды. Казалось, въ эту минуту онъ напалъ на какую-то блестящую, многообѣщающую идею. Эта идея, вѣроятно, была въ тѣсной связи съ Абрамкой, потому что Клеменсъ, повернувшись отъ окна, вперилъ въ него пристальный взоръ. Казалось, онъ хотѣлъ на лицѣ еврейскаго юноши прочесть его самыя сокровенныя мысли. И прочелъ... Не безъ удивленія онъ замѣтилъ необыкновенную перемѣну во внѣшности сына Эли со вчерашняго вечера. Его лицо сегодня было еще блѣднѣе, чѣмъ всегда; краснота и припухлость вѣкъ говорили о безсонно проведенной ночи: черные глаза горѣли какимъ-то мрачнымъ и страстнымъ огнемъ. Очевидно, вчерашній разсказъ о мудромъ Ицкѣ и Калифорніи, переданный ему безъ предвзятой или заранѣе обдуманной цѣли, глубоко запалъ въ голову юноши и разжегъ его фантазію, усугубивъ въ немъ и безъ того сильное стремленіе къ наживѣ, большому богатству и высокому положенію. Теперь онъ представлялъ собою для Клеменса очень хорошо подготовленный матеріалъ. Вмѣстѣ съ перемѣной дѣлъ и настроенія главнаго агента, къ удачнымъ операціямъ котораго Клеменсъ такъ желалъ пристроиться, онъ терялъ надежду создать себѣ какое-либо положеніе: не удастся ли ему теперь уцѣпиться за край платья Абрамки? Юноша разложилъ

передъ собою толстую напечатанную мелкимъ шрифтомъ книжку и небольшую, но очень подробную карту. Клеменсъ еще раза два прошелся по комнатѣ, потомъ остановился передъ несгораемымъ шкафомъ и ударилъ рукой по его желѣзной стѣнкѣ.

— О! — сказалъ онъ съ улыбкой, — если бъ я имѣлъ то, что здѣсь находится.

— Тамъ не такъ много, какъ пану Клеменсу кажется! — отозвался Абрамка. — Его деньги всегда въ оборотѣ. Но на прошлой недѣлѣ онъ заработалъ нѣсколько тысячъ и двѣ тысячи ему принесли евреи, которые у него брали ихъ. Эти деньги онъ пока положилъ сюда, а когда пріѣдетъ, то опять пуститъ ихъ въ оборотъ.

— А сколько же всего тамъ денегъ? — спросилъ Клеменсъ.

— О! немного! Тысячъ пятнадцать съ небольшимъ.

— Ты ихъ видѣлъ?

— А почему бы мнѣ не видѣть? Онъ ихъ при мнѣ положилъ въ шкафъ.

Сказавъ это, Абрамка опять наклонился надъ картой, а Клеменсъ ходилъ по комнатѣ, опять остановился у желѣзнаго шкафа и тронулъ его рукой.

— Го, — сказалъ онъ, — если бъ я зналъ, какъ отпереть этотъ шкафъ!

Это восклицаніе осталось безъ всякаго отвѣта. Черезъ нѣкоторое время Абрамка, не отрываясь отъ карты, сказалъ вполголоса:

— Я знаю, какъ его открыть.

— Сложные замки въ этихъ несгораемыхъ шкафахъ! — небрежно шутливымъ тономъ произнесъ Клеменсъ, — а мудрый отецъ, вѣрно, держитъ ключъ при себѣ? А?

— Одинъ ключъ, — отрѣзалъ Абрамка.

— Какъ это одинъ? Развѣ есть два ключа?

— Всегда есть два.

Клеменсъ повернулся вдругъ къ Абрамкѣ, слѣдя за направленіемъ его глазъ. Жгучіе, въ эту минуту угрюмые глаза сына Эли глядѣли на одинъ изъ ящиковъ небольшого комода, стоявшаго у окна.

— Ага, въ этомъ комодѣ! — произнесъ молодой Шилло.

Абрамка быстро приложилъ палецъ къ губамъ и прошипѣлъ:

— Тише!

Теперь Клеменсъ сѣлъ, положилъ локти на столъ и нагнулся къ картѣ и книжкѣ. Нагнулся и Абрамка. Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть на находившіеся передъ ними книгу и чертежи, они глядѣли другъ на друга. Глядѣли и шептались. Головы ихъ близко придвинулись. Абрамка время отъ времени поглядывалъ на карту, водилъ по ней пальцами, указывая далеко на западъ. Рука его тряслась, какъ въ лихорадкѣ, и на смугломъ лбу выступили крупныя, какъ жемчужины, капли пота.

* * *

Въ тотъ же день, довольно поздно вечеромъ, по тротуару одной изъ улицъ шли двое молодыхъ людей. Оба шли, опустивъ головы и вперивъ глаза въ землю, обмѣниваясь лишь изрѣдка отрывистыми фразами, какъ бы боясь, чтобъ кто-либо не подслушалъ ихъ разговора. Ставни оконъ домовъ, мимо которыхъ они шли, давно уже были закрыты; въ магазинахъ и лавченкахъ огни давно погасли. Дневное движеніе уже прекращалось и съ каждой мину-

той на улицахъ водворялась все болѣе и болѣе глубокая тишина. Тамъ и сямъ, среди общей темноты, догоравшій фонарь бросалъ мерцающій свѣтъ на запоздавшаго прохожаго или на быстро ѣдущаго городского извозчика.

Извозчичьи экипажи стали показываться все чаще и чаще, и всѣ они ѣхали въ одну сторону — къ вокзалу. Черезъ часъ уходилъ поѣздъ на западъ.

— Увѣренъ ли ты, что онъ вернется не раньше завтрашняго вечера? — спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей у своего товарища.

— Относительно этого будь спокоенъ! Когда онъ вернется, то мой и слѣдъ простынетъ.

— Какъ это „мой“? Ты хотѣлъ сказать „нашъ“.

— Конечно, „нашъ“! — отвѣтилъ стройный тонкій юноша, — вѣдь мы ѣдемъ вмѣстѣ.

— Надѣюсь! вѣдь не даромъ же я тебѣ помогаю и такъ сильно рискую. Впрочемъ, я увѣренъ, что ты меня не обманешь, такъ какъ не можешь обойтись безъ меня. У меня теперь есть знакомства и связи, которыя какъ разъ подходятъ къ твоимъ деньгамъ...

— Тише, — шепнулъ стройный юноша, остановившись у одноэтажнаго деревяннаго дома. Стеклянная дверь этого дома выходила на улицу, и надъ нею красовалась высѣска, сообщавшая, что здѣсь есть бильярдъ и имѣются вино, водка и закуски. Въ настоящую минуту сквозь стекла оконъ не пробивался ни малѣйшій свѣтъ, всѣ ставни были тщательно закрыты.

Два молодыхъ человѣка остановились у воротъ двора. Дворъ этотъ былъ пустой, кругомъ него тянулись хозяйственныя постройки, за его изгородью находились огромные огороды, въ эту минуту пу-

стынные, выходившіе на шоссейную дорогу, которая кончалась у подъѣзда великолѣпнаго зданія вокзала.

— Ну, — произнесъ одинъ изъ молодыхъ людей, — теперь подожди меня здѣсь... Ходи себѣ по улицѣ, какъ ни въ чемъ не бывало... и если тутъ случайно кто-либо подъѣдетъ или подойдетъ, то постучи въ третье отъ воротъ окно. Я тамъ буду...

— Понимаю. Это окно „пруда“ твоего отца.

Они разстались. Одинъ побѣжалъ на дворъ, а другой медленно прогуливался взадъ и впередъ по небольшому пространству, чутко прислушиваясь къ каждому звуку и часто заглядывая въ глубину двора, куда исчезъ его товарищъ.

Внутри дома, въ комнаткѣ, отдѣленной отъ гостиной двумя другими комнатами, въ которыхъ спали подроставшія и малыя дѣти Эли, Хая уже начала укладываться, когда въ дверь стукнули.

— Кто тамъ? — спросила Хая.

Снаружи отозвалось легкое, нетерпѣливое ворчаніе. Хая узнала голосъ сына и поспѣшила открыть дверь.

— Что это ты приходишь такъ поздно домой, какъ шалопай, какъ праздношатающійся? — попробовала женщина показать свой гнѣвъ.

Но Абрамка, не обративъ ни малѣйшаго вниманія ни на гнѣвъ матери, ни на ея особу, прошелъ мимо нея молча, съ опущенными глазами, взялъ со стола мѣдный подсвѣчникъ съ сальной свѣчей и ушелъ въ глубину дома. Хаѣ показалось, что лицо сына, промелькнувшее у нея передъ глазами, имѣло какое-то особенное выраженіе. Но ея воображеніе вообще не было особенно развито, и у нея не было никакой наклонности къ безпокойству,

а теряться въ догадкахъ она не любила, къ тому же всѣ члены ея тѣла настойчиво требовали отдыха послѣ цѣлаго дня возни съ домомъ, дѣтьми и торговлей; поэтому она заперла дверь со двора и, буквально зарывшись въ перинахъ, крѣпко заснула.

Ее разбудилъ свѣтъ, внесенный въ комнату. Она открыла заспанные глаза и увидѣла Абрамку, ставившаго свѣчу на столъ и направлявшагося къ двери. На немъ было то же пальто, въ которомъ онъ пришелъ и та же шапочка на головѣ, но уже безъ галуна.

— Куда это ты идешь? — спросила она сонным голосомъ.

Сынъ не отвѣтилъ.

— Ты и сегодня не будешь ночевать дома?

— А если не буду ночевать, такъ что? — проворчалъ юноша и, не взглянувъ даже на мать, вышелъ.

Хая слѣзла съ кровати, потушила свѣчу, заперла дверь. Когда она повернула во тьмѣ ключъ въ замкѣ, ей опять пришло на мысль, что Абрамка, выходя, былъ блѣденъ, страшно блѣденъ. Со стонами и вздохами она ощупью дошла до кровати и опять утонула въ перинахъ.

Абрамка, выйдя на небольшое крылечко, однимъ прыжкомъ перескочилъ пару ступенекъ, отдѣлявшихъ его отъ воротъ двора, но вмѣсто того, чтобъ пойти направо, къ воротамъ, ведущимъ на улицу, гдѣ его ждалъ товарищъ и сообщникъ, онъ побѣжалъ налѣво, въ сторону полуразвалившагося забора. Черезъ минуту онъ уже находился на совершенно пустынныхъ огородахъ, которые онъ быстро пробѣжалъ. Сырая, мягкая земля заглушала шумъ его шаговъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже былъ на широкой, шоссейной дорогѣ, по которой

онъ быстро пошелъ къ чернѣвшимъ среди мрака высокимъ постройкамъ вокзала.

Между тѣмъ Клеменсъ все гулялъ по улицѣ, небрежно ударяя палочкой по доскамъ деревяннаго тротуара и посвистывая, притворяясь человѣкомъ, равнодушно и беззаботно поджидающимъ кого-то или чего-то.

Это притворство, впрочемъ, было совершенно излишнимъ. Кругомъ было пусто, а открытыя еще тамъ и сямъ и мерцающія тусклымъ свѣтомъ трактирныя заведенія низшаго разряда дѣлали пребываніе здѣсь запоздалаго прохожаго понятнымъ и естественнымъ.

Время шло. Клеменсъ, сначала совершенно спокойный, по крайней мѣрѣ, наружно, началъ терять терпѣніе и безпокоиться. Послѣдній фонарь погасъ. Молодой человѣкъ черкнулъ сѣрной спичкой о стѣну дома и при ея свѣтѣ посмотрѣлъ на свои серебряные часы.

— Всего пятнадцать минутъ до поѣзда! Мы можемъ опоздать!

Прошло еще пять минутъ, а въ воротахъ никто не показывался.

— Видно, ему тамъ не легко справиться съ замкомъ, — проговорилъ Клеменсъ, обращаясь къ самому себѣ, — можетъ быть, сегодня еще ничего и не выйдетъ.

Въ своемъ нетерпѣніи онъ больше не могъ бездѣятельно оставаться на улицѣ. Онъ вошелъ во дворъ и, переходя отъ одного окна къ другому, прислушивался подъ закрытыми ставнями. Вдругъ пронзительный и протяжный свистъ нарушилъ глубокую тишину ночи. Это давалъ сигналъ поѣздъ, приближаясь къ вокзалу.

— Вотъ! — воскликнулъ Клеменсъ почти вполголоса, — мы уже опоздали! А впрочемъ... кто знаетъ, можетъ быть, еще добѣжимъ!

Больше онъ не могъ ждать и застучалъ въ ставню, сначала осторожно, потомъ громче. Никакого отвѣта. Глубочайшая тишина царила во всемъ домѣ. Свистъ повторился. Поѣздъ остановился у платформы. Клеменсъ весь задрожалъ. Лицо его побѣлѣло въ темнотѣ, какъ полотно. Изо всей силы онъ забарабанилъ по ставнѣ. На этотъ разъ заспанный и перепуганный голосъ изнутри спросилъ по-еврейски:

— Кто тамъ? что такое?

— Я къ Абрамкѣ! Пусть онъ выйдетъ ко мнѣ на минуту... сейчасъ же... очень спѣшное дѣло!

— Ну! Гдѣ же Абрамка? — отвѣтилъ голосъ уже на ломаномъ польскомъ языкѣ, — его здѣсь нѣтъ!

— Нѣтъ? — вскричалъ Клеменсъ, — не можетъ быть? Вѣдь онъ только что вошелъ!

— Такъ что же! Пришелъ и ушелъ! А какое вамъ до этого дѣло? идите спать и не будите людей по ночамъ.

Послѣднихъ словъ Клеменсъ уже не слышалъ. Съ быстротой стрѣлы выбѣжалъ онъ со двора на улицу. Но, пораженный какой-то мыслью, остановился, какъ вкопанный.

— Былъ и ушелъ! — произнесъ онъ, — значитъ, убѣжалъ отъ меня! Подожди, пташечка! Я тебя, быть можетъ, еще догоню!

Съ этими словами онъ побѣжалъ по направленію къ шоссе. Но не прошелъ онъ еще и трехсотъ шаговъ, какъ ночную тишину нарушилъ глухой монотонный стукъ, и по воздуху разнесся рѣзкій свистъ.

Какъ мегеоръ, среди мрака пронесся огромный пурпуровый факелъ... снопъ искръ разсыпался, уносясь въ вышину... потомъ все смолкло, погасло. Въ отдаленіи желѣзнодорожный сторожъ тушилъ бѣлый свѣтъ послѣдняго фонаря.

Поѣздъ отошелъ.

Клеменсъ стоялъ на шоссе, какъ окаменѣлый. Черезъ минуту онъ, однако, засмѣялся и тихо проговорилъ:

— Уѣхалъ! Надулъ меня!.. На то онъ и еврей!.. Волка въ лѣсъ потянуло!

Съ этими словами онъ заложилъ руки въ карманы пальто и повернулъ обратно въ городъ, словно съ нимъ ничего не случилось. Когда онъ входилъ въ переулокъ, гдѣ находилась квартира его отца, онъ подумалъ:

— Вся бѣда въ томъ, что я опять остался безъ всякаго дѣла!

* * *

Сѣрый свѣтъ наступающаго дня медленно спускался на городъ, погруженный въ глубочайшій сонъ и ничѣмъ не нарушаемую тишину, когда передъ тѣми самыми воротами, у которыхъ нѣсколько часовъ назадъ прохаживался Клеменсъ Шилло, остановился небольшой возокъ, запряженный парой крестьянскихъ лошадей. Изъ возка вышелъ Эли Маковеръ, закутанный въ теплую шубу; глаза его покраснѣли отъ безсонной ночи и отъ ночного холода. Онъ сказалъ нѣсколько словъ своему наемному возницѣ, уплатилъ ему, сколько слѣдовало, и, держа въ рукѣ небольшой полотняный дорожный мѣшокъ, составлявшій весь его багажъ, застучалъ въ дверь.

Хая, проснувшаяся отъ стука колесъ подъ окнами,

немедленно открыла дверь и, узнавъ при сѣромъ утреннемъ свѣтѣ, наполнявшемъ дворъ, своего мужа, обрадованно воскликнула:

— Sieh! Эли! Какъ это ты успѣлъ вернуться такъ скоро? А я тебя ждала лишь сегодня вечеромъ!

— Къ чему же мнѣ сидѣть тамъ такъ долго? — проговорилъ Эли, пожимая женѣ руку и звонко цѣлуя ее въ увядшую щеку, — кончилъ дѣло, да сейчасъ и поѣхалъ домой.

Такъ какъ ставни были закрыты, то въ комнатѣ было почти совершенно темно. Ощупью Эли нашелъ свѣчку, стоявшую, по обыкновенію, на столѣ у окна, и зажегъ ее. Хая уже опять лежала, зарывшись въ перинахъ. Однакоже, голова ея высунулась изъ-подъ перинъ и полусонные еще глаза заботливо смотрѣли на мужа.

— Ты, можетъ быть, озябъ, Эли? Не напьешься ли чаю?

— Я пилъ чай недалеко отсюда въ харчевнѣ у Янкеля. Только спрячу то, что привезъ, и пойду спать.

— А что ты привезъ? — спросила Хая.

Эли вынулъ изъ бокового кармана свой большой бумажникъ, плотно набитый ассигнаціями, и показалъ его женѣ. Хая любовно смотрѣла на мужа и на бумажникъ. Ея ротъ открылся въ блаженной улыбкѣ.

— Дѣло пошло хорошо? — сказала она.

— Почему же ему идти плохо? — отвѣтилъ Эли, по своему обыкновенію, вопросомъ.

Онъ взялъ со стола свѣчу и пошелъ въ глубину дома

Въ двухъ комнатахъ, отдѣлявшихъ комнату Хаи отъ гостиной, раздавалось храпѣніе и дыханіе спав-

шихъ. У одной изъ стѣнъ стояли двѣ кровати: одна побольше, другая маленькая, дѣтская. На большей кровати, среди множества подушекъ, покоилась голова мальчика лѣтъ пятнадцати, съ продолговатымъ, красиво очерченнымъ лицомъ, съ густыми вьющимися волосами и длинной бахромой темныхъ рѣсницъ, которыя падали съ закрытыхъ вѣкъ на блѣдныя и нѣжныя щеки. На табуреткѣ около этой кровати лежалъ небрежно брошенный школьный мундиръ. Спавшій пятнадцатилѣтній мальчикъ былъ однимъ изъ младшихъ дѣтей Эли; мундиръ доказывалъ, что и онъ, какъ нѣкогда Абрамка, посѣщалъ школу.

Въ маленькой дѣтской кроваткѣ спала глубокимъ сномъ, положивъ ручки на растрепанные огненнаго цвѣта кудри, полуоткрывъ пурпурный ротикъ, семилѣтняя дѣвочка въ грубой, но чистой рубашкѣ, завязанной у шеи красной тесемкой. Это была внучка Эли, которую онъ и Хая, недавно послѣ смерти ея матери, взяли къ себѣ, нѣжили и любили безмѣрно.

И теперь также рука Эли ласково коснулась огненной головки внучки; потомъ его взоръ долго отдыхалъ на прекрасномъ лицѣ сына. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ надъ двумя спящими дѣтьми, и несказанное блаженство разливалось по его лицу. Потомъ онъ поднялъ свѣчу вверхъ и посмотрѣлъ вокругъ себя. Счастливая, полная гордости улыбка застыла на его лицѣ. Видно было, что онъ что-то вспоминалъ, видѣлъ передъ собою двѣ разныя картины и мысленно сравнивалъ ихъ. Вѣроятно, ему представилось собственное дѣтство.

— Вотъ съ чего я началъ и до чего дошелъ! — шепнулъ онъ. И что тамъ мой старый отецъ и его раввинъ говорятъ о какихъ-то моихъ ошибкахъ при воспитаніи дѣтей? Чего же имъ недостаетъ? Развѣ

они голодны? Развѣ я ихъ плохо одѣваю или не даю имъ образованія? Или имъ приданаго не хватитъ, когда вырастутъ?

Послѣдняя мысль усилила на лицѣ Эли выраженіе гордости, радости и самоувѣренности. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ невольно притронулся рукой къ боковому карману, вздувшемуся отъ туго набитаго бумажника, и долго ласкалъ взглядомъ желѣзный съ таинственной рѣзьбой шкафъ, стоявшій въ углу гостиной, порогъ которой онъ въ эту минуту переступалъ.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и, держа въ одной рукѣ бумажникъ, другой рукой вынулъ изъ жилетнаго кармана ключъ необыкновенной формы. Медленно и все улыбаясь своимъ собственнымъ мыслямъ онъ открылъ тяжелую желѣзную дверцу шкафа. Вдругъ глаза его широко раскрылись, вся кровь бросилась ему въ лицо, бумажникъ выпалъ изъ руки, которая опустилась внизъ, какъ парализованная. Въ шкафу, гдѣ предъ отъѣздомъ Эли лежали толстыя пачки кредитныхъ билетовъ, приготовленныхъ для новыхъ оборотовъ, — не было ничего.

Съ минуту Эли стоялъ, какъ мертвый; глаза его, налитые кровью, судорожно вращались подъ вѣками, придавая лицу выраженіе ужаса и безсознательнаго отчаянія. Вдругъ сдержанный крикъ вырвался изъ его груди. Онъ увидѣлъ лоскутокъ бумаги, четко исписанный еврейскими буквами, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше лежали деньги. Движеніе, которымъ Эли схватилъ этотъ лоскутокъ, было стремительное, почти дикое. Въ груди его дрожали сдержанные, неясные стоны и крики, когда онъ подбѣжалъ къ столу и при свѣтѣ свѣчи развернулъ найденную имъ записку. Съ перваго взгляда онъ узналъ почеркъ Абрамки.

Теперь буквы, написанныя карандашемъ рукой сына. скакали у него передъ глазами, какъ фуріи, и извивались, какъ змѣи. Какой-то искрящійся, кровавый свѣтъ выскакивалъ изъ этихъ буквъ прямо въ глаза ему и ослѣплялъ его.

— Gewalt! gewalt! — крикнулъ Эли ужаснымъ голосомъ и, хватаясь руками за голову и грудь, присѣлъ на полъ.

Хая услышала крикъ и метанье мужа. Она соскочила съ кровати и черезъ секунду очутилась на порогѣ гостиной. Въ эту самую минуту Эли поднялся съ пола. Сгорбленный, словно надломленный, онъ держалъ въ рукахъ письмо сына, которое силился прочитать. Долго, долго налитые кровью глаза его не могли различить ни одной буквы. Онъ теръ рукою лобъ, глаза, все лицо, пока, наконецъ, изъ того краснаго облака, которое заслоняло отъ него столъ, стѣны и все, на что онъ ни желалъ посмотрѣть, передъ его глазами не стали выплывать мрачныя, какъ ему казалось, огромныхъ размѣровъ буквы, начертанныя рукой его сына. Эти буквы образовали слѣдующія слова:

„Отецъ! Когда ты вернешься въ N, меня уже здѣсь не будетъ. Ты, отецъ, далъ мнѣ образованіе для того, чтобъ я былъ важнымъ пурицемъ и чтобъ я вмѣсто копеекъ, какъ дѣлалъ ты, собиралъ червонцы и полуимперіалы. Но какъ я могу стать большимъ пурицомъ безъ денегъ? И какъ я могу добыть большія деньги въ этомъ бѣдномъ краѣ, гдѣ человѣкъ бьется, какъ рыба объ ледъ, пока заработаетъ какой-нибудь несчастный рубль? Отецъ, мнѣ этотъ городъ опротивѣлъ. Я ѣду въ Калифорнію, туда, гдѣ копаютъ золото. Паспорта у меня нѣтъ, но ты, отецъ, не пугайся, я уже какъ-нибудь

устроюсь съ границей. А твои деньги я беру для того, чтобы было на что доѣхать и купить кусокъ земли съ золотой жилой. Когда я найду жилу, то возвращусь, куплю себѣ дворецъ въ столицѣ и отошлю тебѣ, отецъ, твои деньги съ процентами. Я не краду твоихъ денегъ, а лишь одалживаю у тебя. А теперь будь здоровъ, отецъ! Я знаю, что тебѣ будетъ тоскливо безъ меня, оттого что ты очень любишь меня. Но твое сердце должно успокоиться при мысли, что я возвращусь богатымъ и почитаемымъ всѣми, а ты, отецъ, вѣдь, этого желалъ и для этого и воспиталъ меня".

Прерывающимся, сдавленнымъ голосомъ Эли читалъ это письмо. Хая стояла у него за спиной, дрожа, какъ въ лихорадкѣ и ежеминутно поднимая вверхъ свои сплетенныя руки. Казалось, она этимъ жестомъ взывала о помощи и спасеніи. Но ея побѣлѣвшія, дрожавшія губы не издавали ни малѣйшаго звука.

Злосчастный лоскутокъ бумаги выпалъ изъ рукъ Эли, онѣ судорожно сплелись и, какъ и руки Хаи, поднялись вверхъ.

— Gewalt! gewalt! — закричалъ онъ снова и стоялъ такъ около минуты, подавшись тѣломъ назадъ, съ бѣлымъ, какъ полотно, лицомъ, обращеннымъ къ потолку. Уже совершенно сознательный взглядъ его глазъ выражалъ страшное отчаяніе. Вдругъ онъ опустилъ руки и бросился къ двери, выходившей на улицу.

— Полицію! — крикнулъ онъ сдавленнымъ голосомъ. — Пускай задержатъ этого негодяя! Нужно телеграфировать! Пусть его словятъ на границѣ и закуютъ въ кандалы и отберутъ у него деньги! Я пойду къ полицеймейстеру, къ самому губернатору!

И онъ побѣжалъ къ двери, задыхаясь отъ страшныхъ внутреннихъ мукъ, жилы на лбу у него вздулись, и все тѣло тряслось въ судорогахъ. У порога онъ остановился, почувствовавъ у своихъ ногъ что-то мягкое, и увидѣлъ на полу распростертое и метавшееся тѣло. Это Хая бросилась на полъ между нимъ и дверью и, обнявъ его ноги руками, прижималась грудью къ его колѣнямъ.

— Gej a weg! Chaja! gej a weg! — крикнулъ Эли, борясь съ нею.

Но она, не отнимая своихъ рукъ, подняла къ нему лицо, по которому текли двѣ струи обильныхъ слезъ.

— Эли! — воскликнула женщина, — Эли! Эли! только черезъ мой трупъ ты пройдешь къ этой двери! Убей меня, зарѣжь, затопчи меня сапогами, но я тебя не пущу, не позволю тебѣ погубить Абрамку! Aj weh! aj weh! Мой Абрамка! мое самое дорогое дитя! Мой сынъ! Онъ такой красивый и такой умный, а ты хочешь погубить его голову и на его руки надѣть кандалы!

— Хая! — крикнулъ Эли, хватаясь за голову, — не говори ты мнѣ о немъ! Пусти меня!

Но она еще крѣпче цѣплялась за его ноги и, почти касаясь пола лицомъ, кричала:

— Эли! Эли! А я уже ничего не стою, никакого значенія у тебя не имѣю? Я ли не прожила съ тобою тридцать лѣтъ? Я ли не работала вмѣстѣ съ тобою и не заботилась о тебѣ, какъ о зеницѣ ока? Эли! На что тебѣ пригодятся твои деньги, когда ты нашего сына, нашего краснваго, умнаго Абрамку, увидишь въ кандалахъ. Развѣ у тебя уже нѣтъ больше денегъ? И развѣ ты не былъ когда-то бѣденъ, Боже, какъ бѣденъ! И ты тогда жилъ, и

сердце у тебя было веселое? А когда ты свое дитя погубишь, у тебя уже никогда не будетъ веселья въ сердцѣ. А жену свою ты тогда отвезешь на кладбище и выплачешь свои глаза отъ горя и угрызеній совѣсти!

И, поднявъ свое лицо съ пола къ мужу, она продолжала:

— Эли! Эли! развѣ ты забылъ то время, когда ты пришелъ въ домъ моего отца и сказалъ: — Шмуль, я хочу жениться на твоей дочери Хаѣ. — Ты тогда былъ небольшимъ факторомъ, и у тебя на локтяхъ халата свѣтились дыры; но когда я на тебя посмотрѣла и узнала, что ты хочешь, чтобы я была твоей женой, то у меня въ глазахъ просвѣтлѣло, какъ у слѣпого, который вдругъ увидѣлъ свѣтъ солнца. И мы обвѣнчались и были очень бѣдны и не имѣли ни одного рубля, который могли бы считать своимъ. А развѣ намъ тогда было плохо? Развѣ у насъ не было весело на сердцѣ? И развѣ мы когда-либо сказали другъ другу недоброе слово? Ты былъ ко мнѣ добръ, Эли, и я была добра къ тебѣ. И когда нашъ Абрамка родился ...

Тутъ Эли опять затрясся и сдѣлалъ стремительное движеніе. Но женщина съ удвоенной силой говорила дальше:

— Онъ былъ нашъ первый сынъ, Эли, онъ нашъ первородный! Раньше у насъ были только дочери и мы просили Бога, чтобы онъ намъ далъ сына. И Господь намъ далъ сына, и я его положила въ чистыя пеленки и тебя позвала и сказала: — Смотри, Эли, какой онъ красивый! — Пусть все это теперь встанетъ такъ ясно въ твоей памяти, какъ оно ясно стоитъ передъ моими глазами. И пусть спадетъ съ меня моя старость, какъ это поношенное платье,

чтобъ я тебѣ казалась такой молодой и красивой, какъ тогда, когда ты меня взялъ изъ дома моего отца и какъ тогда, когда ты стоялъ около меня у колыбели нашего перваго сына. Посмотри на мою голову и вспомни, сколько хлопотъ она несла, и погляди на мои руки и вспомни, сколько онѣ работали, а грудь моя сколько твоихъ дѣтей къ себѣ прижимала и своимъ молокомъ выкормила! Эли! Эли! мы съ тобою всегда были одно тѣло и одна душа и одинъ глазъ, а теперь ты хочешь, чтобы мы оторвались другъ отъ друга и чтобъ я плакала и жаловалась на тебя передъ Господомъ Богомъ?.. Эли!..

Больше она не могла говорить. Голосъ ея охрипъ, руки устали и безсильно опустились на полъ, а крупныя жгучія слезы обильной росой обливали обувь Эли.

Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на нее хмурымъ, сухимъ взоромъ. Изъ-подъ грубыхъ складокъ желтаго платка на него глядѣло морщинистое, огорченное, облитое потокомъ слезъ, лицо подруги всей его жизни. И свершилось чудо, котораго желала и которое призывала Хая. Старость спала съ нея, какъ снятое платье, и она предстала предъ глазами своего мужа такой милой, темноволосой, бойкой еврейской дѣвушкой, какой онъ ее взялъ изъ дома ея отца. И передъ его глазами быстрой вереницей пронеслись всѣ пережитые моменты, которые она вызвала изъ давно забытаго прошлаго для спасенія своего сына. И онъ увидѣлъ ее вѣчно дѣятельной, хлопочущей и неутомимой, увидѣлъ, какъ она стояла бывало у очага и собственными руками варила для него пищу, увидѣлъ ее озабоченной, полной тревоги, по цѣлымъ ночамъ сижи-

вавшей надъ колыбельками его дѣтей, когда они болѣли; увидѣлъ ее гордой, радостной, довольной, когда она въ субботніе дни, въ праздничномъ платьѣ и пестромъ чепцѣ шла рядомъ съ нимъ въ синагогу; увидѣлъ ее покорной, доброй и тихой каждый разъ, когда съ нимъ случалось что-либо неладное. Онъ вспомнилъ всѣ эти минувшіе моменты своей общей съ нею жизни, рядъ которыхъ раскинулся на протяженіи слишкомъ тридцати лѣтъ, и его охватила великая жалость къ этой женщинѣ. Сердце его смягчилось, ноги подкосились; онъ опустился на ближайшій стулъ, сложилъ обѣ руки на колѣняхъ и такъ оставался недвижимъ съ глазами, устремленными въ пространство.

Хая встала съ пола и, шатаясь, держась рукою за стѣны и мебель, ушла въ смежную комнату. Приказавъ проснувшимся дѣтямъ держать себя тихо, она пошла назадъ въ гостиную и присѣла на стулъ у порога. Она все плакала и вздыхала, но такъ тихо, словно боялась разбудить кого-нибудь, а съ мужа не спускала глазъ, готовая при малѣйшемъ его движеніи снова броситься между нимъ и дверью.

Но страхъ ея былъ напрасенъ. Эли не двигался съ мѣста. Проходили часы за часами; наступилъ день, приближался полдень, а онъ все сидѣлъ и сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, въ одной позѣ, какъ сраженный громомъ, какъ окаменѣлый. Свѣча погасла, въ гостиной стало темно, такъ какъ Хая не позволила открыть ставни. Но въ одной изъ ставенъ была широкая щель. Черезъ нее ворвалась полоса бѣлаго свѣта, озаряя растрепанные волосы Эли и его блѣдное, какъ полотно, и неподвижное лицо, словно выточеное изъ камня.

Первымъ движеніемъ его было — закрыть глаза.

Вѣки опустились на неподвижные зрачки, какъ бы отъ страшной усталости или боли. Въ то же время неподвижная фигура медленно закачалась и съ синихъ губъ стали слетать отрывистыя, непонятныя слова ...

Хая встала съ мѣста, безъ малѣйшаго шума закрыла дверь гостиной и, держась обѣими руками за голову, вошла въ свою комнату. Въ эту минуту въ дверь постучали. Служанка хотѣла открыть, но Хая, охваченная какой-то тревогой или надеждой, отстранила ее и отперла сама. На крыльцѣ стоялъ высокій молодой мужчина.

— Здѣсь живетъ Эли Маковеръ? — спросилъ онъ.

— Здѣсь, здѣсь, — нетерпѣливо отвѣтила Хая, — но теперь его нѣтъ дома.

Хотя день былъ пасмурный, Хая, глядя на молодого пана, стоявшаго на крыльцѣ, закрывала себѣ глаза ладонью, какъ отъ блеска солнца ... Ей казалось, что она его знаетъ, но она все-таки не знала, кто онъ. Густой мракъ заволакивалъ ей глаза. Она бы въ эту минуту не узнала даже родного ребенка.

— А кто вы собственно? — спросила она машинально, по привычкѣ.

Мужчина отвѣтилъ:

— Я Мечиславъ Орховскій. Я бы очень желалъ видѣть Эли. Не знаете ли, гдѣ я могу его найти?

— Поищите ... онъ въ городѣ ... — не зная сама, что говоритъ, отвѣтила Хая и закрыла дверь.

VI.

Въ глубинѣ еврейскаго квартала, въ большой, чисто подметенной комнатѣ старый Юдель лежалъ, какъ обыкновенно, въ своемъ длинномъ, большомъ

креслѣ, почти безъ движенія, такъ какъ парализованныя ноги не позволили ему вставать или сидѣть. Грудь его подымалась отъ хриплаго, астматическаго дыханія. Но, несмотря на физическія страданія, ежедневно возроставшія и, казалось, ускоренно толкавшія старика къ близкому концу, на его лицѣ было выраженіе отрады, блаженства примирившейся души, тихо и съ благодарностью пріемлющей покой, который, благодаря сыновней любви Эли, наполнялъ поздній вечеръ его жизни.

Думы старика были прерваны кѣмъ-то, осторожно и медленно открывшимъ дверь изъ сѣней. На порогѣ остановился молодой мужчина.

— Простите, — началъ онъ, — мнѣ говорили, что въ этомъ домѣ живетъ отецъ Эли Маковера, и что я его могу здѣсь найти.

Старикъ подался нѣсколько впередъ, прислонилъ къ глазамъ дрожащую, прозрачную руку и смотрѣлъ на пришедшаго.

— Прошу вельможнаго пана войти, — сказалъ онъ, съ пріятной улыбкой на блѣдныхъ губахъ, — вѣрно у васъ есть какое-нибудь дѣло къ моему сыну ... Его здѣсь теперь нѣтъ, но онъ, можетъ быть, скоро явится ... Прошу вельможнаго пана войти и сказать мнѣ, въ чемъ ваше дѣло ... быть можетъ, я что-нибудь знаю о немъ ...

Мужчина переступилъ порогъ и подошелъ къ старику:

— Такъ вы отецъ Эли Маковера?

— Да. Эли мой сынъ.

Эти слова старый Юдель произнесъ съ гордостью и счастливой улыбкой на лицѣ, которое свѣтилось невыразимымъ блаженствомъ.

— Никакъ не могу вспомнить, кто вы такой, —

сказалъ Юдель, но мнѣ кажется, что я васъ знаю... Не знаю, что это такое ... вы молодой человѣкъ, а мнѣ кажется, что я васъ зналъ когда-то давно, еще тогда, когда я самъ былъ молодъ ... И мнѣ кажется, что вы когда-то давно — давно сдѣлали мнѣ добро ... Но кто вы, никакъ не могу вспомнить.

— Сомнѣваюсь, видѣли ли вы меня самого когда-либо, почтенный старикъ! — отвѣтилъ пришедшій, — но возможно, что я вамъ напоминаю моего отца, на котораго я похожъ.

— Отца? — медленно проговорилъ старый Юдель, очевидно роясь въ своей памяти, — простите, вельможный пане, а кто былъ вашъ отецъ?

— Я сынъ Каетана ...

— Знаю, уже знаю! — съ живостью воскликнулъ старикъ, — вельможный панъ — сынъ пана Каетана Орховскаго ... ахъ! ахъ! какъ вы похожи на вашего отца! какъ мнѣ пріятно васъ видѣть!.. я, старый, бѣдный еврей, а вы вельможный панъ ... но я васъ прошу, дайте мнѣ вашу руку ... дайте мнѣ предъ смертью посмотрѣть долго ... долго ... на сына моего помѣщика ... и дайте мнѣ почувствовать въ своей рукѣ его руку!..

И держа руку Мечислава въ обѣихъ своихъ рукахъ, худыхъ и дрожащихъ отъ старости и болѣзни, онъ глядѣлъ на его лицо взоромъ, полнымъ глубокой радости, продолжая говорить:

— Отецъ вашъ былъ прекрасный и добрый человѣкъ! Онъ былъ нашъ помѣщикъ, мы жили на его землѣ и платили ему чиншъ, и онъ намъ могъ дѣлать много добра или зла. Но онъ намъ никогда зла не дѣлалъ и никого не обижалъ. Онъ былъ человѣкъ ученый и много онъ думалъ ... но ему

не удалось ... Въ его душѣ было что-то такое, что ему вѣчно связывало руки, такъ что, когда онъ хотѣлъ выстроить большой дворецъ, то выходила малая хатка ... Когда онъ намѣревался насыпать большую гору, выходилъ лишь небольшой холмикъ. Онъ не былъ счастливъ ... Но онъ былъ добръ и справедливъ ... каждому онъ помогалъ въ бѣдѣ и для каждаго имѣлъ ласковое слово ... Я его зналъ, хорошо зналъ, и не разъ онъ меня спасалъ отъ бѣды. И хотя онъ былъ важный панъ, а бѣдный Юдель былъ только бѣдный портной, и хотя онъ былъ христіанинъ, а я еврей, но когда я его тамъ на томъ свѣтѣ встрѣчу, то я Господу Богу громкимъ голосомъ скажу, чтобы Онъ насъ обоихъ посадилъ рядомъ; насъ одна земля кормила, и мы на одно небо смотрѣли, такъ намъ слѣдуетъ и на великій ликъ Его вмѣстѣ смотрѣть.

— У васъ благородное сердце и благодарная память, пане Юдель, — сдерживая свое душевное волненіе, сказалъ Мечиславъ. — Почему же вашъ сынъ не раздѣляетъ вашихъ благородныхъ чувствъ? Почему же онъ той землей, о которой его отецъ вспоминаетъ съ такимъ добрымъ чувствомъ, торгуетъ, какъ товаромъ, и роетъ глубокую пропасть подъ ногами тѣхъ, кто на ней живетъ?

Юдель глазами, полными удивленія, глядѣлъ въ лицо говорящаго.

— Мой Эли? — проговорилъ онъ наконецъ, — вельможный панъ говоритъ о моемъ Эли, о свѣтѣ глазъ моихъ, о коронѣ моей головы? Быть можетъ, мои старыя уши плохо слышатъ? Или мнѣ только показалось, что вы съ нелобрымъ чувствомъ говорили о моемъ Эли? Ахъ! ахъ! Если бъ вы его такъ знали, какъ я его знаю. Если бъ вы знали, какое

у него сердце и какой умъ! Изъ моего бѣднаго, нищаго дома онъ ничего не вынесъ; а до чего онъ теперь дошелъ благодаря своему уму! Онъ богатъ, всѣ его уважаютъ, а онъ, когда приходитъ сюда, низко склоняетъ голову передъ старымъ отцомъ и все смотритъ, есть ли у меня все нужное. Вѣрно, вельможный панъ его совершенно не знаетъ, если говоритъ о немъ такъ непріязненно.

Мечиславъ стоялъ передъ старцемъ со скрещенными на груди руками и печально опустивъ голову.

— Я хорошо знаю вашего сына, пане Юдель! — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Вы человѣкъ умный и опытный, и вы поймете смыслъ моихъ словъ, если я вамъ скажу, что вашъ сынъ — это типъ вашего племени, соединяющій въ себѣ все, что въ вашемъ народѣ есть хорошаго и дурного. Онъ дѣйствительно обладаетъ быстрой сообразительностью, у него есть умъ и хорошія способности. Есть у него благородные порывы и чувства. Онъ наилучшій сынъ, братъ, мужъ и отецъ. Онъ горячо любитъ своихъ единовѣрцевъ и о дѣлахъ ихъ заботится, какъ о своихъ собственныхъ . . . Ради спокойствія отца, ради счастья дѣтей онъ и собой пожертвуетъ . . . для каждаго изъ своихъ онъ готовъ вынуть сердце изъ груди своей. И все-таки вы не ошиблись, услышавъ въ моихъ словахъ горькую обиду и жалобу на вашего сына . . . Вашъ сынъ, который такъ заботливо и хорошо оберегаетъ своихъ, насъ толкаетъ въ пропасть . . . Онъ строитъ свое благосостояніе на нашемъ разореніи . . . въ нашихъ слабостяхъ онъ находитъ свое богатство, изъ нашихъ несчастій извлекаетъ себѣ пользу!

По мѣрѣ того, какъ Мечиславъ говорилъ, руки

Юделя поднимались вверхъ, и темныя, морщинистыя вѣки надъ его изумленными глазами задрожали.

— И все это вельможный панъ дѣйствительно говоритъ о моемъ Эли? Что же онъ сдѣлалъ, что сынъ нашего помѣщика, нашего благодѣтеля, такъ говоритъ о немъ? Дайте опять вашу руку и станьте здѣсь близко около меня, чтобы я видѣлъ, что со мною говоритъ точно сынъ пана Каетана, и разскажите мнѣ все... все о моемъ Эли... Я его отецъ... я долженъ знать все...

Мечиславъ долго, долго молчалъ, колеблясь, находясь въ неувѣренности, глубоко растроганный. Наконецъ онъ заговорилъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ чувствовалась и доброта, и глубокая серьезность.

— Богъ свидѣтель, пане Юдель, что я къ вашему сыну не чувствую ни малѣйшей ненависти и не желалъ уязвить вашего сердца недобрымъ словомъ. Если бъ я зналъ, что мнѣ придется вести подобный разговоръ съ престарѣлымъ отцомъ Эли, я бы сюда не пришелъ. Но теперь я не могу молчать. Такъ вотъ, пане Юдель, знайте, что при посредствѣ и благодаря стараніямъ вашего сына десятки такихъ какъ я, помѣщиковъ, отдали свои помѣстья въ чужія руки и отправились изъ родного дома скитаться по свѣту, и эти скитанія болѣе слабыхъ и неумѣлыхъ приводятъ къ матеріальному и нравственному паденію. Его же стараніями и я также недѣли черезъ двѣ лишусь Орхова и вмѣстѣ съ нимъ...

Теперь лицо молодого мужчины, до сихъ поръ печальное и серьезное, покрылось краскою отъ сильнаго волненія. Жгучая боль виднѣлась въ темныхъ глазахъ.

— Что я теряю вмѣстѣ съ Орховомъ! — вос-

кликнулъ онъ. — О, пане Юдель! Вы этого, можетъ быть, и понять не можете. Дѣло тутъ не въ имуществѣ и не въ моемъ положеніи или положеніи моей семьи. Я молодъ и здоровъ, у меня есть способности и нѣкоторое образованіе, и я бы не допустилъ себя и тѣхъ, кого я люблю, до голода и нищеты. Но я всей душой люблю этотъ клочекъ земли: тутъ родились и умерли мои предки, тутъ родился и выросъ я самъ. Каждое дерево и каждая тропинка, каждый кирпичъ этого стараго дома, напоминаетъ мнѣ что-нибудь и говоритъ мнѣ о какой-нибудь обязанности, о какомъ-нибудь словѣ, данномъ мною себѣ самому или кому-либо другому. Съ того самаго дня, когда я достаточно созрѣлъ, чтобы понять, что каждый человѣкъ долженъ въ своей жизни имѣть цѣль и стремиться къ выполненію какой-либо задачи, я поставилъ себѣ цѣлью своей жизни спасти эту землю, эту прекрасную мѣстность отъ гибели, оживить ее, обогатить! Уже нѣсколько лѣтъ я туда вкладываю весь мой трудъ и теряю не одни плоды моего труда, но и цѣль моей жизни, вѣру въ собственныя силы, самый близкій и самый вѣрный способъ обезпечить счастье и спокойствіе своей семьи.

Юдель слушалъ съ опущенной головой. Потомъ онъ поднялъ голову и медленно проговорилъ:

— Почему вы думали, что я не пойму вашихъ словъ и чувствъ? Я понялъ. Не видѣли ли вы въ Орховѣ той избы, въ которой портной Юдель жилъ сорокъ лѣтъ? Небольшая, жалкая грязная изба! ея оконца — какъ слѣпые заплаканные глаза; стѣны шатались и скрипѣли, когда дулъ вѣтеръ, на крышѣ росъ желтый, гнилой мохъ. Тамъ я съ утра до вечера и съ вечера до утра сидѣлъ надъ тяжелой ра-

ботой... а когда работы не было, то голодалъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми... Неправда ли, было тутъ о чемъ жалѣть? Сначала и я такъ думалъ; но когда мой Эли забралъ меня оттуда съ собою сюда, чтобъ я жилъ тутъ удобно и въ спокойствіи, и когда подъѣхалъ возъ къ моимъ окошкамъ и мнѣ пришлось выйти изъ моей избы, гдѣ я прожилъ сорокъ лѣтъ, я заплакалъ, какъ дитя, и обнималъ стѣны старой избы руками и упалъ на землю, и цѣловалъ тѣ мѣста, гдѣ мои дѣти спали въ колыбелькахъ и гдѣ моя бѣдная жена болѣла и умерла!..

Онъ молчалъ нѣсколько мгновеній, а потомъ заговорилъ болѣе тихимъ голосомъ:

— А вельможный панъ говорилъ съ моимъ Эли объ этомъ своемъ несчастьѣ и большомъ горѣ?

— Я съ вашимъ сыномъ, пане Юдель, недавно говорилъ обо всемъ, что меня касается. Но мнѣ трудно было рѣшиться просить... Теперь я хочу съ нимъ видѣться...

Онъ остановился.

— Я хочу видѣться съ нимъ, — кончилъ онъ съ болью, — и просить...

— Не дѣлайте этого, — воскликнулъ Юдель, — не просите его. Я теперь все понялъ. Я теперь узналъ, какой у него грѣхъ на совѣсти и какая гордость въ его сердцѣ. Если вы его просить будете, то отъ вашей просьбы его грѣхъ увеличится и гордость возрастетъ. Я его отецъ; я ему скажу... Въ моей головѣ теперь собираются мысли цѣлыми тучами, а въ груди моей горитъ большое пламя... Я всѣ эти мысли и весь этотъ огонь открою передъ нимъ и все, что во мнѣ горитъ, перемѣщу въ его сердце!

Эти слова старикъ проговорилъ съ большимъ

увлеченіемъ, прикладывая обѣ руки то ко лбу, то къ груди, словно въ самомъ дѣлѣ какой-то пламень наполнялъ его сердце и жегъ его.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Теперь, вельможный пане, можете идти съ Богомъ и положиться на стараго Юделя. Изъ-за моего Эли ваши братья уже больше не будутъ покидать своего крова, и вы съ вашими дѣтьми не покинете своего.

Онъ замолчалъ и все смотрѣлъ на Мечислава, но губы его шевелились, словно ему еще хотѣлось что-то сказать. Черезъ секунду онъ произнесъ тихимъ, добрымъ, просящимъ голосомъ:

— Не питайте ненависти къ моему Эли! Простите его, я вамъ скажу нѣчто важное. Онъ простой еврей. Онъ до всего дошелъ собственнымъ умомъ, который ему Богъ далъ. Его никто не обучалъ такимъ вещамъ, которыя можно постичь только тонкимъ чувствомъ, и сердце у него лежитъ только къ тѣмъ людямъ, между которыми онъ живетъ, и къ тому труду, которымъ, по необходимости, изъ нужды, занимаются его братья. Простите ему его ошибки и дайте мнѣ предъ моей смертью убѣдиться, что сынъ нашего помѣщика живетъ съ моимъ сыномъ въ мирѣ, какъ вашъ отецъ жилъ въ мирѣ со мною.

Когда старецъ произносилъ послѣднія слова, дверь изъ сѣней быстро открылась и въ комнату ворвалась женщина довольно страннаго вида. Это была еврейка въ короткой ватной юбкѣ и стоптанныхъ башмакахъ. Изъ-подъ большого толстаго платка, покрывавшаго ея голову и плечи, выглядывало испуганное, страдальческое лицо, съ красными, опухшими отъ слезъ глазами, съ сотнями морщинъ

на лбу. Прямо отъ двери она бросилась къ старику и, припавъ къ его колѣнямъ и обнимая ихъ руками, закричала:

— Gewalt! gewalt! отецъ! несчастье! большое несчастье!

Юдель весь затрясся отъ испуга.

— Gewalt! — крикнулъ и онъ. — Эли? Эли? мой сынъ? Не умеръ ли онъ?

— Эли живъ, отецъ, и идетъ сюда, къ вамъ! Скажите ему, чтобъ онъ нашего Абрамку не губилъ, чтобъ онъ не посылалъ за нимъ полиціи и не ловилъ его на границѣ!... Ай! ай! мой Абрамка! мой сынъ! Мой самый милый сынъ!

Когда еврейка, лежа у ногъ старика, начала что-то разсказывать съ причитаніями прерывающимся голосомъ на еврейскомъ жаргонѣ, Мечиславъ, догадываясь, что рѣчь идетъ о семейныхъ дѣлахъ, вышелъ изъ комнаты.

Едва онъ, оставивъ домъ Юделя, прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ въ переулкѣ шедшаго ему навстрѣчу Маковера. Дорога была узкая, и они почти столкнулись другъ съ другомъ, однако, Эли не замѣтилъ Мечислава. Онъ шелъ медленнымъ шагомъ, заложивъ руки за спину, съ низко опущенной головой, глядя въ землю. На его блѣдномъ неподвижномъ лицѣ не было видно признаковъ сильнаго волненія, но въ немъ отражалась тяжелая и глубокая, какъ бездна, дума.

Онъ прошелъ мимо Мечислава, не замѣтивъ его; но у самаго порога отцовскаго дома онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ выбѣжавшей оттуда Хаей. Увидѣвъ его, женщина со страхомъ прижалась къ стѣнѣ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на нее и на домъ, въ которомъ жилъ его отецъ.

— Что ты тамъ дѣлала, Хая? — спросилъ онъ печально, но добродушно. — Ты моему старику все разсказала? Охъ, глупая, глупая женщина! Ты думала только о своемъ сынѣ и не подумала о томъ, что своей болтовней можешь убить моего старика.

Сказавъ это, онъ отвернулся отъ жены и поспѣшно вошелъ въ домъ отца.

Юдель лежалъ въ креслѣ со страшно измѣнившимся лицомъ, прислонившись головой къ спинкѣ. Послѣ разговора съ Хаей на его блѣдныхъ впалыхъ щекахъ выступили круглыя багровыя пятна. Глаза его были закрыты, руки безсильно лежали на ручкѣ кресла; въ его хриплomъ, тяжеломъ дыханіи, высоко поднимавшемъ его впалую грудь, слышался глухой, протяжный стонъ.

Эли бросилъ взглядъ на ослабѣвшую, пораженную ужасомъ фигуру своего отца, остановился у порога съ опущенной головой; казалось, онъ что-то обдумывалъ. Потомъ онъ подошелъ къ креслу и, слегка дотронувшись рукой до плеча старика, тихо произнесъ:

— Tate! tate!

Юдель медленно открылъ глаза и хотѣлъ протянуть руки къ сыну, но онѣ безсильно упали на кресло.

— Эли! — застоналъ онъ, — мой Эли! Что теперь будетъ съ тобой? Что будетъ съ тобою?

Эли присѣлъ около отца на табуреткѣ въ своей обычной позѣ, положивъ руки на колѣни.

— Tate! — сказалъ онъ, — ты за меня не бойся, со мною ничего дурного не будетъ. Сердце болитъ и переболитъ. Денегъ у меня еще много осталось. Я объ этомъ негодяѣ плакать не стану и съ голоду, слава Богу, не помру.

Онъ говорилъ съ видимымъ намѣреніемъ успокоить и утѣшить старца; но на днѣ его сердца дрожало сухое, сдержанное рыданіе:

— Я хотѣлъ скрыть отъ тебя это несчастье. Но если эта глупая женщина тебѣ уже все выболтала, такъ ты, tate, не огорчайся, а только скажи мнѣ одну вещь...

При послѣднихъ словахъ голосъ Эли понизился почти до шопота, и въ немъ прозвучали нотки сильнаго волненія. Юдель открылъ глаза, обернулся къ сыну и, поднявъ руку почти повелительнымъ жестомъ, торжественно проговорилъ:

— Говори, Эли!

Эли продолжалъ:

— Ты мнѣ какъ-то говорилъ, что я сдѣлалъ большую ошибку въ воспитаніи Абрамки. Какая же это была ошибка, и въ чемъ я виноватъ? Весь свѣтъ твердитъ теперь, что нужно давать дѣтямъ образованіе, и я ему его далъ. Развѣ я поступилъ дурно? Развѣ онъ бы былъ лучшимъ, если бъ я его держалъ во мракѣ? Вотъ мой первый вопросъ. А второй вотъ какой: онъ мнѣ оставилъ письмо, и въ этомъ письмѣ сказано, что онъ сдѣлалъ лишь то, что я самъ хотѣлъ, что онъ таковъ, какимъ я желалъ видѣть его. Gewalt! gewalt! откуда онъ это взялъ? Развѣ я хотѣлъ, чтобъ онъ отрекся отъ евреевъ? Или чтобъ онъ родного отца и родную мать не любилъ? Развѣ я хотѣлъ, чтобъ онъ воровалъ и бѣжалъ безъ паспорта? А между тѣмъ онъ написалъ мнѣ, что я самъ этого хотѣлъ. Откуда эта мысль взялась въ его головѣ? Вотъ это мой второй вопросъ. Эти два вопроса горятъ въ моей головѣ, какъ два пламени и жалятъ мое сердце, какъ двѣ змѣи. Tate! tate! вынь изъ моего сердца

это пламя и этихъ змѣй!.. Скажи мнѣ то, чего мой собственный разумъ не можетъ сказать мнѣ!

Юдель долго молчалъ. Горячій румянецъ исчезъ съ его щекъ, которыя опять покрылись прозрачной блѣдностью. Онъ сидѣлъ, сомкнувъ вѣки и опустивъ голову на спинку кресла. Наконецъ, онъ открылъ глаза и, выпрямившись, сказалъ значительно:

— Эли, я тебѣ отвѣчу на твои вопросы. Я всѣ эти послѣдніе годы все размышлялъ и бесѣдовалъ съ мудрымъ равви Барухомъ, и слушалъ, когда онъ мнѣ читалъ прекрасныя, умныя книги. Мое тѣло отдыхало, но душа работала, и Господь благоволилъ къ ней и сподобилъ ее видѣть многое и понять многое, и я теперь могу отвѣтить на твои вопросы. Выслушай меня, сынъ мой, и вникни своимъ умомъ въ слова, которыя я скажу тебѣ. Ты спрашиваешь, дурно ли ты поступилъ тѣмъ, что далъ образованіе твоему Абрамкѣ? Вотъ что я тебѣ скажу: ты, Эли, хорошо надумалъ, но плохо исполнилъ, потому что образованіе, которое ты ему далъ, было плохое.

— Образованіе было плохое? — воскликнулъ Эли. — А какое же еще ему нужно было дать? Вѣдь онъ посѣщалъ ту же школу, гдѣ учились всѣ паничи...

— А ты не видѣлъ такихъ паничей, воспитаніе и образованіе которыхъ никуда не годилось? Когда умный человѣкъ что-либо дѣлаетъ, онъ себя самого спрашиваетъ: „зачѣмъ я это дѣлаю?“ А зачѣмъ ты Абрамкѣ далъ такое воспитаніе? Ты хотѣлъ, чтобы изъ него вышелъ пурицъ, большой чиновникъ; но ты не думалъ о томъ, чтобъ изъ него вышелъ человѣкъ. Твой Абрамка образованъ, но ума у него нѣтъ. Лицо у него красивое, фигура стройная, но

сердце у него шероховатое, жесткое. Въ его головѣ нѣтъ никакой вѣры, а въ сердцѣ никакой любви, и у него нѣтъ почвы подъ ногами. Получивъ образованіе, онъ потерялъ еврейскую почву, а другой ты ему не указалъ, и никто ему не указалъ, поэтому онъ ходилъ всю жизнь, какъ человѣкъ, которому не на что опереться, пока не упалъ.

— Ахъ! упалъ! упалъ! — стоналъ Эли.

Старый Юдель опять закрылъ глаза и, слегка покачиваясь въ обѣ стороны, продолжалъ:

— Не одинъ нашъ Абрамка теперь такой! Я тутъ сижу въ моей комнатѣ, но я много вижу и слышу; тутъ вѣдь много народу бываетъ, и равви Барухъ у меня бываетъ и разсказываетъ мнѣ обо всемъ, что теперь на свѣтѣ происходитъ. У меня сердце сжимается отъ боли, когда я думаю о нашей еврейской молодежи, когда я слышу и вижу ее. Наступило такое время, что большое образованіе стало такъ доступно, какъ широкая рѣка, къ которой каждый можетъ придти и напиться. Но въ этой рѣкѣ есть такая вода, которая плыветъ на поверхности и такая, которая находится въ глубинѣ, на днѣ. Кто пьетъ изъ той воды, которая плыветъ на поверхности, можетъ стать очень ловкимъ, пріобрѣсти лоскъ, достигнуть высокаго положенія, быть чиновникомъ, либо докторомъ. Но кто напьется той воды, которая тихо течетъ на днѣ, тотъ будетъ добръ и уменъ, полезенъ людямъ, справедливъ и доброжелателенъ. Наши молодые люди пьютъ изъ той воды, которая находится на поверхности, и какъ только попьютъ хоть немного, спѣшатъ сбросить съ себя еврейскій обликъ и начинаютъ ѣсть трефную пищу, а надъ бѣдными евреями смѣются и отрекаются отъ своихъ братьевъ. Они говорятъ на иностранныхъ языкахъ,

иные даже въ каретахъ разъѣзжаютъ и бываютъ въ важныхъ домахъ большихъ пановъ. А своихъ братьевъ они не любятъ, и для своей вѣры въ ихъ сердцахъ мѣста нѣтъ. Но кого же они поселили на ея мѣстѣ? Какая у нихъ вѣра вмѣсто своей? Они какъ флюгера на крышахъ. Въ какую сторону вѣтеръ подуетъ, туда они и поворачиваются. Они не хотятъ, чтобъ ихъ считали евреями, и выдаютъ себя за нѣмцевъ. А отъ тѣхъ, кто плачетъ и стонетъ, кто живетъ въ горѣ и стѣсненіи, они отворачиваются, а если порой и приближаются къ нимъ, то лишь для того, чтобъ скорѣе толкнуть ихъ въ пропасть. Вотъ каковы тѣ, которые пьютъ съ поверхности рѣки образованія!

Утомленный старикъ умолкъ. Несмотря на то, что онъ говорилъ медленно и тихо, кроваво-красныя пятна опять покрыли глубокія впадины его щекъ, а глаза горѣли огнемъ сильнаго волненія.

Эли, облокотившись на колѣни и держась руками за голову, слушалъ рѣчь отца, не дѣлая ни малѣйшаго движенія. Лишь иногда губы его болѣзненно вздрагивали или же взглядъ отрывался отъ земли и устремлялся въ пространство съ выраженіемъ глубокой задумчивости.

Когда старый Юдель умолкъ и снова сталъ тяжело и хрипло дышать, Эли, не поднимая головы и не мѣняя позы, коротко произнесъ:

— Говори, tate, говори! Ты мнѣ еще не все сказалъ... Говори!

Старый Юдель тяжело вздохнулъ. Его взоръ окинулъ склоненную голову сына со смѣшаннымъ чувствомъ страха, суровости, заботливости и сознанія важности момента. Раза два онъ открывалъ ротъ, намѣреваясь заговорить, но колебался. Его

губы лишь дрожали, но не произносили ни звука. Лишь черезъ минуту онъ поднялъ дрожащія руки и воскликнулъ:

— Эли! Эли! я тебѣ скажу еще одно слово! важное слово! Наши молодые евреи дурны еще и потому, что они въ домахъ своихъ родителей дурныя вещи видятъ! Твой Абрамка смотрѣлъ на дурныя вещи, Эли, и сдѣлалъ то же самое, что ты дѣлаешь, но только въ другомъ родѣ.

На этотъ разъ Эли выпрямился и взглянулъ на отца, какъ остолбенѣлый.

— Tate! — воскликнулъ онъ. — Почему ты меня такъ обижаешь? Что я сдѣлалъ дурного? Развѣ я тебя не уважалъ? Развѣ я своихъ братьевъ не любилъ? Развѣ я не соблюдалъ свято праздниковъ и субботы и не молился? Развѣ я что-нибудь укралъ?

Старикъ протянулъ руку жестомъ, приказывавшимъ молчать, и ласково, но твердо, произнесъ:

— Тише! я тебѣ сейчасъ объясню мое страшное слово.

Закрывъ глаза, онъ опять съ минуту сидѣлъ молча, потомъ, открывъ ихъ, заговорилъ:

— У меня сегодня былъ панъ Орховскій, сынъ нашего прежняго помѣщика, и онъ мнѣ все разсказалъ, что ты дѣлаешь, какими дѣлами ты занимаешься и откуда происходитъ твое богатство.

На лицѣ Эли выразилась очевидная растерянность.

— Орховскій? — произнесъ онъ, — онъ здѣсь былъ? Какъ онъ сюда попалъ? зачѣмъ онъ сюда явился?

— Онъ тебя искалъ. Хотѣлъ поговорить съ тобою. Онъ хотѣлъ просить тебя, Эли, чтобъ ты не погубилъ его.

Эли опустилъ голову и опять сталъ смотрѣть въ землю. Старикъ продолжалъ:

— И я отъ него узналъ, что ты уже многихъ его братьевъ погубилъ ради корысти и хочешь погубить и его... Эли! Эли! зачѣмъ ты это дѣлалъ?

— Tate! — шепнулъ Эли. — Это, вѣдь, не наши братья!

Старый Юдель весь затрясся и выпрямился, какъ струна. Глаза его блестѣли дивнымъ свѣтомъ, а губы долго дрожали прежде, чѣмъ съ силой и съ увлеченіемъ проговорили:

— Эли! что ты сказалъ? Это не сердце твое говорило, а лишь голова, которая никогда не имѣла времени думать о такихъ вещахъ. Нѣкоторые изъ нашихъ раввиновъ и хасидовъ говорятъ, будто въ талмудѣ сказано, что евреямъ разрѣшено обманывать иновѣрцевъ. Я не очень знакомъ съ талмудомъ и никогда не читалъ его, поэтому и не знаю, правда ли это. Но я знаю, что если эти слова тамъ написаны, то они дурны и негодны, и если бъ я могъ, то собственными зубами выгрызъ бы ту страницу, гдѣ эти негодныя слова написаны, и разорвалъ бы ее пальцами и сжегъ бы ее огнемъ моихъ очей, чтобы ни одинъ еврей въ мірѣ не читалъ ея.

Онъ остановился на минуту, чтобы передохнуть, а Эли, не отрывая глазъ отъ земли, проговорилъ несмѣлымъ голосомъ:

— Tate! Это вѣдь наши враги!

Болѣзненная улыбка скользнула по бѣлымъ губамъ старика.

— Враги? — повторилъ онъ. — Слушай, Эли! Постарайся вспомнить то страшное время, когда въ нашей бѣдной лачугѣ въ Орховѣ была такая нище-

та... когда-я не имѣлъ работы, и моя жена болѣла и вѣчно стонала отъ страшной боли, а вы лежали на доскахъ, прибитыхъ вдоль стѣнъ, и плакали съ голоду... И однажды твой братъ Мендель, который тогда былъ маленькимъ мальчикомъ, слѣзъ съ досокъ и ушелъ въ поле и лежалъ тамъ между полосами, весь синій, словно мертвый... Тогда отецъ этого молодого пана, котораго ты хочешь погубить, принесъ твоего брата на своихъ рукахъ въ нашу лачугу, а та прекрасная панна, которая тогда была его невѣстой, передала нашего Менделя его матери и утѣшала ее и своимъ дыханіемъ согрѣвала мое посинѣвшее дитя... И послѣ этого мы уже никогда не терпѣли такого голода и такой нищеты, потому что тотъ панъ Орховскій чиншъ съ насъ не бралъ и давалъ намъ картофель и дрова. А когда твоя мать умерла, онъ очень пришелъ въ домъ и говорилъ мнѣ добрыя слова и въ мою руку вложилъ десять рублей. Вотъ какимъ врагомъ намъ былъ этотъ панъ, сына котораго ты хотѣлъ погубить. Развѣ я тебѣ о немъ не говорилъ? Или ты это забылъ?

Эли долго молчалъ.

— Ты мнѣ когда-то говорилъ, но я забылъ, и никогда это не вставало въ моей памяти. Но теперь я вспомнилъ... Этотъ панъ Каетанъ былъ добрый человѣкъ и сдѣлалъ намъ много добра... Хорошо. Такъ, вѣдь, одинъ онъ... Но они, всѣ? Какое они добро сдѣлали намъ, евреямъ?

Старецъ полупечально, полугнѣвно покачалъ головой.

— Гдѣ это ты видѣлъ, Эли, — сказалъ онъ, — чтобъ тотъ, кто самъ ничего не имѣетъ, могъ много давать другимъ? И потомъ, что мы, евреи, дѣлаемъ для нихъ? Мы подъ нихъ подкапываемся, мы на

нихъ плюемъ, мы отъ нихъ отворачиваемся, мы ихъ обманываемъ!

На этотъ разъ Эли всталъ съ табуретки и, съ большимъ увлеченіемъ, съ горящими глазами, воскликнулъ:

— Пусть такъ! Но почему они такіе гордые? И почему они такъ глупы, что ихъ легко обмануть?

Старый Юдель весь затрясся отъ этого восклицанія сына. Въ немъ проснулась страстная еврейская натура. И онъ со страстностью воскликнулъ:

— Почему они горды и почему даютъ себя обманывать? А почему мы суевѣрны и живемъ во мракѣ и невѣжествѣ? Почему плутуемъ и живемъ въ грязи?

Онъ нѣсколько успокоился, но все еще былъ потрясенъ глубокимъ волненіемъ, когда продолжалъ:

— Одному лишь Господу позволено судить людей. А человѣкъ... если онъ мудръ и справедливъ, то онъ брату своему, человѣку, все проститъ и смѣяться надъ нимъ не станетъ и не броситъ въ него камня. Но для того, чтобъ человѣкъ былъ мудръ и справедливъ, нужно, чтобъ онъ умѣлъ видѣть далеко... очень далеко... Если онъ увидитъ начало всего, то увидитъ также и то, какъ изъ различной почвы вырастаютъ различные люди, и какъ къ людямъ на ихъ различныхъ дорогахъ прививаются различные грѣхи... Онъ увидитъ, какъ изъ грѣховъ предковъ возникаютъ грѣхи потомства, какъ яблоки изъ яблони, и какъ эти грѣхи падаютъ на голову потомства...

Послѣднія слова Юдель произнесъ очень тихо. Силы его, истощенныя болѣзнью и старостью, падали съ каждой минутой подъ вліяніемъ сильнаго волненія и напряженія мысли. Въ глазахъ его, постоянно

обращенныхъ на наклоненную голову сына, зажигались и гасли какіе-то странные огоньки, напоминавшіе послѣдній трепетъ падающаго и подымающагося пламени гаснущей лампы.

Однако спустя минуту онъ продолжалъ пониженнымъ и дрожащимъ голосомъ:

— Эли! Эли! Ты очень уменъ, но ты не имѣлъ времени... И ты не думалъ о томъ и не понялъ того, что зло никогда не создаетъ добра... что если большой грѣхъ не родитъ большого несчастья, какъ сына, то оно появится въ качествѣ его внука... обязательно появится... оттого, что законъ Господа Бога таковъ, что пшеница родитъ лишь пшеницу, а изъ плевелъ вырастаютъ только плевелы... не сегодня, такъ завтра... но вырастаютъ... А гдѣ два человѣка живутъ на одной землѣ, они могутъ быть только или друзьями, или врагами. Если они враги, то они другъ другу мѣшаютъ, и это несчастье для обоихъ... если же они друзья, то они другъ другу помогаютъ, и изъ счастья одного создается счастье другого... Такъ говоритъ мой разумъ. А теперь послушай, что говоритъ мое сердце.

Онъ положилъ свою бѣлую, прозрачную руку на грудь и говорилъ дальше все тише и тише:

— Какъ мой маленькій Мендель выползъ изъ моей нищей лачуги и лежалъ въ полѣ между бороздами, посинѣлый отъ голода и почти неживой, такъ еврейскій народъ вышелъ изъ своей страны и скитался по свѣту между разными народами, весь блѣдный отъ страха, ужаса и боли, дрожа и убѣгая отъ страшныхъ преслѣдованій. И какъ этотъ вельможный панъ поднялъ моего Менделя съ земли и спасъ его отъ смерти, такъ тогда нашелся лишь одинъ народъ на свѣтѣ, который прижалъ еврейскій народъ къ

своей груди и посадилъ его на свою землю и позволилъ ему жить въ мирѣ. Эли! Эли! Развѣ твое сердце ничего не говоритъ тебѣ? И развѣ твоя совѣсть не задрожала отъ всего того, что я тебѣ говорю?

Эли молчалъ. Взоръ его былъ устремленъ внизъ, а его лицо выражало чувство, похожее на изумленіе, которое охватываетъ человѣка, когда онъ замѣчаетъ, что фундаментъ, на которомъ онъ строилъ зданіе всей своей жизни, рушится, когда онъ чувствуетъ, что внутри его исчезаютъ, можетъ быть, невѣдомо для него, жившія въ немъ до сихъ поръ чувства и мысли и туда вступаютъ новыя, незнакомыя ему, и глубоко вкореняются въ его сердце и совѣсть. Онъ поднялъ свои вѣки, показывая глаза, влажные отъ волненія.

— Tate! — сказалъ онъ, — скажи мнѣ еще одно. Если мы, евреи, помиримся съ ними и будемъ на нихъ смотрѣть, какъ на своихъ братьевъ, и своихъ дѣтей поставимъ на ихъ почву, что тогда будетъ съ нашей вѣрой? Не исчезнетъ ли она вмѣстѣ съ халатами, которые мы снимаемъ съ себя? И мы тогда пойдемъ вмѣстѣ съ ними въ ихъ костелъ и будемъ молиться и поклоняться ихъ Богу?

Юдель долго не отвѣчалъ. Грудь его уже дышала не такъ усиленно, какъ раньше; напротивъ, казалось, что съ нея свалилась давившая ее тяжесть болѣзни и въ нее вступало какое-то глубокое отрадное спокойствіе. Но глаза старика казались болѣе впалыми, чѣмъ часъ тому назадъ и его опустившіяся вѣки и руки, лежавшія на ручкахъ кресла, были почти мертвенно неподвижны. Черезъ нѣкоторое время онъ отрывистымъ тихимъ шепотомъ произнесъ:

— Двухъ боговъ нѣтъ, Эли. Есть одинъ Господь

Богъ — для насъ и для нихъ... У насъ былъ одинъ великій мудрецъ... имя его было: Гиллель... во Израилѣ его звали мягкимъ, сладкимъ Гиллелемъ... Онъ обучалъ вѣрѣ двухъ язычниковъ, которые къ нему пришли... Что же онъ имъ говорилъ? „Люби ближняго, какъ самого себя!“ и сказалъ имъ: „вотъ вся вѣра, данная Богомъ ... остальное происходитъ отъ людей и уйдетъ съ людьми“. И наступитъ время, когда люди не будутъ спорить изъ-за вѣры и не будутъ вести войнъ и перестанутъ обманывать и губить другъ друга... Наступитъ время... придетъ пора...

И замолчалъ. Но губы его шевелились еще долго внутреннимъ неслышнымъ шепотомъ. Лицо его покрылось страннымъ блескомъ. Казалось, что по нему плылъ и свѣтился кроткій, мягкій, серебристый лучъ луны. Потомъ руки его нѣсколько поднялись вверхъ.

— Эли! — прошепталъ онъ, — подойди ко мнѣ сюда, ближе... чтобъ я могъ положить мои руки на твою голову... ты всегда былъ звѣздой глазъ моихъ... драгоцѣннѣйшимъ жемчугомъ въ коронѣ головы моей... ты умный и добрый!.. Иди... иди къ нашимъ братьямъ и говори имъ громкимъ голосомъ... чтобъ они шли къ свѣту... и чтобъ они изъ большой рѣки мудрости пили не только ту воду, которая течетъ по поверхности, но и ту, которая тихо журчитъ на днѣ...

Послѣ этихъ словъ въ комнатѣ воцарилась тишина. Нѣсколько секундъ спустя, какъ легкій шумъ улетающаго вѣтра, послышался въ тишинѣ тихій шепотъ старика:

— Да булетъ на тебѣ благословеніе Авраама, Исаака и Іакова!.. И да будетъ твое тѣло всегда здорово, а душа твоя... чиста!

При послѣднемъ словѣ Эли почувствовалъ, что рука старца соскользнула съ его наклоненной головы. Пораженный страшнымъ свѣтомъ правды, какъ молніей, онъ поднялъ голову. Юдель лежалъ на своемъ креслѣ... безжизненный.

Эли съ громкимъ крикомъ бросился къ отцу, прикасался къ его головѣ и рукамъ, обнималъ его, цѣловалъ его въ лобъ и лицо. Напрасно!.. Ничто уже не могло нарушить глубокаго сна старца. Только лучъ заходящаго солнца искоса падавшій черезъ окно, бросалъ розовый свѣтъ на блѣдное, какъ мраморъ, лицо стараго еврея и игралъ на его бѣлыхъ, какъ снѣгъ, волосахъ, ложился на нихъ рубиновой лентой... А душа его? О! Если гдѣ-то, далеко отъ этой земли, далеко и высоко, существуетъ пріютъ, гдѣ собираются души, улетѣвшія отсюда, какъ птицы, — то душа старца еврея вознеслась туда, поселилась тамъ на самыхъ горнихъ высотахъ, соединившись съ душами всѣхъ тѣхъ, которые были велики и святы — не властью, не внѣшнимъ блескомъ богатства и показной добродѣтелью и не внѣшней доблестью, но постиженіемъ и пониманіемъ величайшей и святѣйшей правды человѣчества, которые жили своими взглядами, чувствами и убѣжденіями на самыхъ свѣтлыхъ вершинахъ его идеаловъ!

Будете ли вы, читатели, смѣяться надо мною, если я вамъ скажу, что въ этомъ евреѣ Юделѣ, въ этомъ бѣдномъ портномъ, который десятки лѣтъ питался лишь кускомъ сухого хлѣба и въ рваной обуви разносилъ сдѣланную имъ работу по окрестнымъ дворамъ, въ этомъ смиренномъ, терпѣливомъ, неученомъ и никому неизвѣстномъ труженикѣ, жила великая благословенная душа?

VII.

Далеко отъ лабиринта узкихъ и извилистыхъ улицъ еврейскаго квартала, въ совершенно другой сторонѣ города, среди чистаго, свѣтлаго воздуха, стояло высокое и обширное зданіе, со множествомъ большихъ, свѣтлыхъ и высокихъ оконъ, съ большимъ дворомъ и садомъ. Это было убѣжище бѣдныхъ, больныхъ и несчастныхъ, находившееся подъ опекой и управленіемъ нѣсколькихъ десятковъ женщинъ въ черныхъ одеждахъ и бѣлыхъ покрывалахъ, носившихъ благородное названіе „сестеръ милосердія“.

Когда, въ силу спѣшныхъ распоряженій врача, молодую женщину заботливыми стараніями пана Фабіана и его жены перевезли въ это зданіе и уложили ее въ постель, ея впалыя щеки и черные глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ, съ ея губъ ежеминутно срывались безсвязныя рѣчи и восклицанія. Докторъ, присутствовавшій при ея прибытіи, остановился у двери большого зала и спросилъ у присутствовавшихъ тамъ женщинъ:

— Гдѣ сестра Франциска?

— Сестра Франциска! — отозвалась въ отвѣтъ пара голосовъ сестеръ.

На этотъ зовъ въ отдаленномъ углу залы поднялась съ колѣнъ находившаяся у одра тяжко больной женщина въ черномъ, лицо которой было оттѣнено бѣлымъ покрываломъ, и ласковымъ голосомъ откликнулась:

— Вотъ я. Кому я нужна?

Врачъ указалъ ей комнату, смежную съ заломъ, маленькую, но высокую и чистую, въ которой находилась новоприбывшая больная.

Они оба остановились на порогѣ комнаты. Се-

стра внимательнымъ, заботливымъ взглядомъ осмотрѣла несчастное существо, довѣренное ея попеченію, и хотѣла было подойти къ ложу страдалицы, но врачъ остановилъ ее взоромъ и жестомъ:

— Примѣръ измѣнчивости судьбы и странныхъ путей предопредѣленія! — произнесъ онъ, указывая на больную. — Знаете ли, сестра, кто эта пани, изнуренная, всѣми оставленная, находящая единственный пріютъ подъ крышей, гдѣ мы привыкли принимать лишь бѣднѣйшихъ обитателей нашего края? Это дочь важной, почтенной семьи; она, очевидно, была красива, богата, любима... Но потомъ упала низко, очень низко. Она, вѣроятно, болѣе, чѣмъ кто бы то ни было иной, нуждается въ нѣжной, тихой и всепрощающей душѣ, которая бы о ней заботилась. Поэтому мы и ввѣряемъ ее исключительно вашему попеченію, сестра Франциска.

Женщина, къ которой были обращены эти слова, стояла молча со сложенными на груди руками и всматривалась въ лицо больной, словно желая угадать всѣ нужды больного тѣла и всѣ боли, терзавшія ея душу, блуждавшую теперь во тьмѣ. Больную женщину теперь охватилъ лихорадочный сонъ. Ея дыя бѣлыя руки безпокойно шевелились въ покрывавшихъ бѣлую постель волнахъ черныхъ вьющихся волосъ, а съ ея устъ въ безсвязномъ, но внятномъ шепотѣ срывались безсмысленныя слова.

— Орховъ! — шептала она, — отведите меня въ Орховъ! тамъ Мечись... мой братъ... Я знаю, Ильдефонсъ, что братъ или чужой, это все равно... но отвези меня въ Орховъ... къ моему брату...

При звукѣ этихъ словъ глаза сестры быстро перенеслись съ больной на врача.

— Кто эта пани? — шепнула она.

— Лиля Ренчицъ, урожденная Орховская, дочь Каетана Орховскаго.

Подъ чернымъ платьемъ сестры пробѣжала едва замѣтная дрожь. Болѣе быстрыми, чѣмъ обыкновенно, но очень осторожными шагами она подошла къ больной и, наклонившись надъ нею, пристально всматривалась въ ея лицо, словно ища въ ея чертахъ, измѣненныхъ бурею жизни, хоть слабое сходство съ образомъ, глубоко схороненнымъ въ ея давно уже спокойномъ и смиренномъ сердцѣ, но теперь представшимъ передъ ея памятью въ полномъ свѣтѣ давно минувшаго, но не забытаго прошлаго. Это продолжалось всего нѣсколько короткихъ секундъ, послѣ чего нѣжныя руки, опытныя въ искусствѣ смягченія страданій, обвили станъ больной, старательно уложили ее на бѣлую постель и начали осторожно и нѣжно отстранять съ ея горячаго лба спутанныя пряди волосъ.

Лиля открыла глаза... передъ ея глазами, въ которыхъ пробѣжалъ минутный проблескъ сознательной мысли, свѣтились покрытые серебристой слезой синіе и глубокіе глаза сестры Франциски, глядѣвшіе на нее изъ-подъ блѣднаго лба.

— Кто это возлѣ меня? — спросила Лиля, стараясь вспомнить и понять все происходящее.

— Я подлѣ тебя! сестра твоя!

— Сестра! — воскликнула больная, опять уже теряя сознаніе — это неправда! на свѣтѣ нѣтъ ни сестеръ, ни братьевъ!

Потомъ, обводя глазами вокругъ себя, она съ усиліемъ спросила:

— Гдѣ я?

— Бѣдное дитя, ты находишься въ пріютѣ страданія и утѣшенія, печали и любви...

Судорожный смѣхъ потрясъ грудь больной. Глаза ея разгорѣлись.

— Любви? — воскликнула она, — неправда! Любви совсѣмъ на свѣтѣ нѣтъ!.. Ничего нѣтъ! Холодно... темно... спасите!..

— Сильное душевное потрясеніе . . . — прошепталъ врачъ, стоявшій рядомъ съ сестрой, — простуда... истощеніе силъ . . . Трудная, очень трудная работа предстоитъ намъ съ этой больной, сестра Франциска!

Дня два спустя въ больничную комнату вошла вмѣстѣ съ врачемъ женщина, закрытая черной вуалью, спускавшейся со скромной шляпы. Она быстро подошла къ сестрѣ, сидѣвшей у постели больной, подняла вуаль, показывая лицо, выражавшее тихое волненіе, и сказала:

— Я жена Мечислава Орховскаго... ея брата... Если вы позволите, я тутъ проведу сколько понадобится времени, чтобы больная, если къ ней вернется сознаніе, увидѣла, что она не брошена сво ими, что ею не брезгаютъ.

— Да будутъ благословенны всѣ тѣ, кто переступаетъ этотъ порогъ съ милосердіемъ на устахъ и съ прощеніемъ въ сердцѣ! — прошептала сестра Франциска.

Онѣ подали другъ другу руки и, пока врачъ изслѣдовалъ больную, присѣли на подоконникъ. Глаза сестры долго оставались на лицѣ прибывшей женщины; щеки, на которыя бѣлое покрывало бросало прозрачную тѣнь, чуть зарумянились блѣдной краской волненія.

— Вы жена пана Мечислава Орховскаго, — начала она, — вы, вѣроятно, живете въ Орховѣ?

— Да, сестра.

— Были ли вы...

Тутъ подъ тяжелыми складками чернаго покрывала голосъ говорившей дрогнулъ и оборвался на секунду.

— Были ли вы когда-либо въ Бѣловолѣ?

— Да, была. Вы, можетъ быть, знаете эту мѣстность, сестра, и потому интересуетесь?

— Я тамъ родилась и выросла, тамъ я похоронила почти всю свою семью и потомъ простилась со своей короткой свѣтской жизнью.

Михалину какъ будто вдругъ озарило какое-то воспоминаніе.

— Ахъ, такъ это вы, сестра, — начала она, — та дѣвушка Франя, о которой...

Она вдругъ остановилась и опустила глаза, словно жалѣя о сказанныхъ словахъ. Но мягкая рука сестры легла на ея руку.

— Кончайте! — шепнула она.

Въ ея голосѣ звучала просьба. Михалина, взглянувъ на нее, добавила смѣлѣе:

— О которой Каетанъ Орховскій долго, долго... съ грустью и глубокимъ чувствомъ говорилъ съ сыномъ передъ кончиной...

На этотъ разъ вѣки опустились на глаза сестры Франциски, изъ которыхъ скатились двѣ крупныя слезы и упали на ея сплетенныя руки.

Михалина съ удивленіемъ смотрѣла на сидѣвшую рядомъ съ нею женщину. По разсказу мужа она знала ея исторію и, слѣдовательно, знала, что надъ головой, опущенной теперь въ глубокой задумчивости, прошло довольно много лѣтъ. А между тѣмъ, наружность сестры Франциски не показывала никакихъ признаковъ старости. Ея продолговатое лицо съ мягкими очертаніями было нѣжно и безъ единой морщинки, цвѣтъ лица былъ прозрачно-блѣдный. Въ

ея синихъ глазахъ, слегка впавшихъ, горѣлъ спокойный огонь, свидѣтельствовавшій о глубинѣ чувства и мысли. Ея внѣшность носила на себѣ обликъ дѣвственности, серьезности, сосредоточенности, чуткости и активности. Видно было, что эта невинная и сильная душа, когда-то больно задѣтая, а теперь успокоившаяся, обладаетъ какимъ-то чудеснымъ источникомъ, изъ котораго она черпаетъ силу молодости и обновленія. Размышленія, хотя глубокія и грустныя, исторгшія слезы изъ ея глазъ, продолжались очень недолго. Лишь только врачъ оставилъ больную, она быстро и неслышно подошла къ нему и со вниманіемъ выслушала его распоряженія. Прислушивалась къ нимъ и Михалина.

— Позволите ли, сестра, чтобы я вамъ помогала? — сказала она просящимъ голосомъ.

Сестра Франциска утвердительно кивнула головой.

— Вы будете замѣнять меня тогда, когда въ моихъ услугахъ будутъ нуждаться другіе.

Съ этой минуты эти двѣ женщины не отходили отъ ложа больной, ухаживая за нею вмѣстѣ или поочередно.

Вечеромъ, послѣ того, какъ ворота этого учрежденія по заведенному тамъ порядку запирались, никому изъ постороннихъ не дозволялось оставаться въ его стѣнахъ; тогда Михалина уходила и возвращалась утромъ, лишь только ворота опять открывались.

Сознаніе не возвращалось уже къ Лилѣ ни на минуту. Ея фантазія рисовала ей страшныя видѣнія, всего чаще какія-то пустыни и пропасти, наводившія на нее смертельный ужасъ. Почти непрестанно губы ея произносили слово: „Ничего!“, повторяя его то съ мертвеннымъ равнодушіемъ, то съ сильнымъ от-

чаяніемъ и тревогой. Чувство какой-то безпредѣльной пустоты вѣчно преслѣдовало ея разсѣянную мысль. Иногда, когда она произносила имена брата и возлюбленнаго, въ ея голосѣ будто звучала тоска, но сейчасъ же она разражалась безсознательнымъ смѣхомъ и, какъ птица, научившаяся механически произносить нѣкоторыя слова, повторяла слово въ слово противорѣчивыя, кощунственныя выраженія, слышанныя ею отъ человѣка, который былъ первымъ властелиномъ ея долго спавшей мысли и главной причиной ея гибели. Одинъ лишь разъ она неясно и мимолетно вспомнила о своемъ ребенкѣ. Сестра Франциска на лету уловила этотъ звукъ.

— У нея есть ребенокъ? — спросила она, обращаясь къ Михалинѣ.

— Да; прелестный пятилѣтній ребенокъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ живетъ въ нашемъ домѣ. Теперь я привезла его въ городъ, полагая, что наступитъ минута, когда она пожелаетъ увидѣть и обнять его.

— Гдѣ же вы оставляете это дитя, когда приходите сюда?

— Я его оставляю подъ присмотромъ моей родственницы и подруги Розы Ренчицъ.

При этомъ имени лицо сестры Франциски прояснилось и засвѣтилось теплымъ, дружескимъ чувствомъ.

— Я знаю панну Розу, — произнесла она. — Былъ моментъ, когда она, измученная пустотой и безцѣльной жизнью, какую вела, печальная, словно чужая въ домѣ матери, желала вступить въ нашу общину...

— И вы ее отъ этого удержали, сестра Франциска?

— Да, оттого, что мнѣ казалось, что она неспособна жить такой суровой жизнью, что ея наклонности и способности влекутъ ее на совершенно иную дорогу. Потомъ она обратилась къ вамъ, и я знаю, какое благодѣтельное и прямо таки спасительное вліяніе вы имѣли на ея умъ и поступки.

— Не менѣе, а, наоборотъ, гораздо болѣе, чѣмъ мнѣ, Роза обязана вамъ, сестра. Вы первая вселили въ ея серце и умъ то примиреніе и разумное успокоеніе, которыя такъ необходимы при всякомъ трудѣ.

— Душевныя болѣзни такъ же точно опасны и страшны, какъ и физическія. Лѣчить тѣ и другія, по мѣрѣ силъ — это наша обязанность и единственная цѣль нашего существованія, — просто отвѣтила сестра милосердія.

При послѣднихъ ея словахъ въ комнату вошла женщина, еще довольно молодая, скромно одѣтая, ведя за руку пятилѣтняго ребенка. Это была Роза Ренчицъ, но уже не та румяная, красивая дѣвушка, полу-легкомысленная и кокетливая, полу-гнѣвная и раздражительная, которая сопровождала свою мать, пани Мальвину, при ея визитахъ къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, а зрѣлая и спокойная женщина, съ выраженіемъ сознательной мысли на лицѣ, съ добродушной серьезностью въ глазахъ. Она была извѣстна въ городѣ, какъ старательная и очень образованная учительница, заявившая себя въ послѣднее время талантливой писательницей. Она почтительно и дружески привѣтствовала сестру Франциску и, поцѣловавъ Михалину, подошла къ больной.

— Бѣдная, бѣдная Лиля! — прошептала она.

Лиля не узнала ни подруги, ни своего ребенка.

Между тѣмъ Михалина читала у окна письмо, переданное ей Розой. Оно было отъ Мечислава,

сообщавшаго, что наканунѣ состоялась судебная опись Орхова.

„Первый разъ въ жизни, — писалъ Мечиславъ, — я радовался, что тебя при мнѣ не было, что ты не видѣла этого акта, имѣющаго для насъ столь важное значеніе. Я не прихожу въ отчаяніе, сдерживаю въ себѣ слишкомъ сильныя чувства, но гляжу на нашу будущность съ большой печалью. Никакого спасенія уже не вижу. Негодяй, который былъ причиной нашего несчастья, повидимому, намѣренъ какъ можно скорѣе оставить этотъ край. Но предварительно онъ желаетъ вырвать у насъ собственность моей несчастной сестры, которую она ему такъ легкомысленно уступила. Онъ всячески торопитъ продажу Орхова, которая, вѣроятно, вскорѣ состоится. Единственный человѣкъ, который бы могъ имѣть какое-либо вліяніе на Порыцкаго, Эли Маковеръ, въ настоящее время отсиживаетъ обязательный для евреевъ семидневный трауръ послѣ смерти своего отца, и въ продолженіе этихъ семи дней ему нельзя заниматься дѣлами. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, нѣтъ никакой надежды! Однако, мужайся, Михася, и, главное, не возвращайся сюда, не покидай бѣдной Лили. Если намъ удастся спасти ея жизнь, мы ее прижмемъ къ нашему сердцу и куда бы насъ ни забросила судьба, какія бы заботы и тяжелыя обстоятельства не пришлось намъ переносить, мы будемъ дѣлить съ нею нашъ хлѣбъ и тепло нашего домашняго очага, которое мы, какъ единственное, но неоцѣнимое богатство, вынесемъ цѣлымъ и невреди-мымъ изъ-подъ развалинъ нашихъ самыхъ дорогихъ замысловъ и надеждъ".

День проходилъ за днемъ, а сознаніе не возвращалось къ Лилѣ. Наступилъ предсказанный докто-

ромъ кризисъ. Послѣ страшно бурной ночи, проведенной ею въ крикахъ и сильномъ смятеніи, больная открыла затуманенные глаза и, посмотрѣвъ вокругъ себя почти совершенно сознательнымъ взоромъ, узнала Михалину, стоявшую у ея изголовья. Она долго смотрѣла на нее, какъ будто собирая разлетѣвшіяся мысли.

— Михася! — произнесла она едва слышнымъ шепотомъ, и когда призываемая ею женщина наклонилась надъ нею, она спросила: — васъ уже выгнали изъ Орхова? вы меня очень, очень сильно презираете?

Сестра Франциска подошла къ больной и, приложивъ палецъ къ губамъ, просила ее не говорить. Лиля всмотрѣлась въ ея лицо.

— Не знаю, кто эта пани, — шептала она, — но она все время снилась мнѣ... Мнѣ казалось, что это ангелъ... Но она одѣта въ черное платье...

Она повернулась и почти безсознательно спросила:

— Видѣли ли вы когда-нибудь черную лилію?..

Она замолчала и закрыла глаза. Михалинѣ это возвращеніе сознанія казалось предвѣстникомъ скораго выздоровленія. Но сестра Франциска послѣ короткаго наблюденія сдѣлала отрицательный жестъ головой.

— Не всегда такъ бываетъ, — шепнула она на ухо Михалинѣ, угадавъ ея мысль.

Обѣ женщины съ сильнымъ безпокойствомъ всматривались въ лицо врача, когда онъ полчаса спустя пришелъ осмотрѣть больную. Но холодное и серьезное лицо человѣка науки ничѣмъ не выдавало его мысли. Поэтому онѣ послѣдовали за врачемъ и, закрывъ дверь, бесѣдовали съ нимъ довольно долго.

Когда онѣ вернулись на свой постъ, онѣ увидѣли, что Лиля сидитъ на постели съ растрепанными волосами и съ лицомъ, облитымъ слезами.

Глаза ея горѣли.

— Я все слышала, — сказала она слабымъ голосомъ. — Докторъ говорилъ, что я не буду жить... что мои силы совершенно истощились... что... я угасаю, какъ свѣча... Впрочемъ, — добавила она черезъ секунду, падая на подушку, — все равно! Къ чему мнѣ эта пустая, страшная жизнь... въ которой нѣтъ ничего!.. ничего!..

Она опять закрыла глаза, и изъ-подъ ея вѣкъ потекли обильныя слезы на мертвенно блѣдное лицо.

Двѣ находившіяся при ней женщины обмѣнялись взглядами, полными страданія. Свойственная нѣкоторымъ больнымъ острота слуха и безпокойное любопытство Лили дали ей возможность услышать слова врача, хотя они были сказаны за дверью и очень тихо. Обѣ сѣли у постели и собирались сказать больной что-либо въ утѣшеніе, но она, не открывая глазъ, вдругъ отозвалась довольно громко:

— Зачѣмъ я жила?

Потомъ она въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ничего не говорила. Послушно, почти машинально принимала она лѣкарства, которыя сестра Франциска подавала ей, но не открывала глазъ и не поднимала головы съ подушки. На ея лицѣ, покрывавшемся все большею блѣдностью, отражалась полугрустная, полу-апатичная задумчивость; грудь подымалась слабо, едва замѣтно.

Къ вечеру явилась по вызову Михалины Роза съ маленькимъ сыномъ Лили. Сестра Франциска, взявъ ребенка за руку, подвела его къ матери.

— Лиля! — шепнула Михалина, — посмотри на Конрадка!

Лиля открыла глаза и стала глядѣть на ребенка. Сначала она глядѣла довольно равнодушно, потомъ попросила, чтобы его помѣстили поближе къ ней. Съ очевиднымъ напряженіемъ силъ она взяла крошечную ручку мальчика, который смотрѣлъ на нее широко открытыми удивленными глазами. Повидимому, онъ не узналъ матери, которая очень измѣнилась и которой онъ давно не видѣлъ.

— Конрадекъ! — спросила больная, — узнаешь меня?

Мальчикъ собирался плакать. Испуганнымъ взглядомъ онъ искалъ лица Михалины.

— Конрадекъ! — еще живѣе и будто охваченная сильнымъ безпокойствомъ повторила больная, — посмотри на меня... Я твоя мама!..

Перепуганный мальчикъ соскочилъ съ постели и, протянувъ ручки къ Михалинѣ, воскликнулъ:

— Вотъ моя мама!

Лиля ничего не сказала. По ея лицу пробѣжала болѣзненная дрожь. Она опять лежала съ закрытыми глазами среди бѣлыхъ подушекъ.

Около полуночи она очнулась и, устремивъ взоръ въ глубь комнаты, казалось, съ большимъ напряженіемъ слѣдила за возившейся тамъ сестрой Франциской.

Видно было, что она хотѣла ее позвать, но что у нея на это не хватало силы и голоса. Сейчасъ же Михалина встала съ своего мѣста у ея постели и, исполняя желаніе больной, позвала къ ней сестру милосердія.

— Я бы желала поговорить съ вами, — прошептала Лиля, когда сестра Франциска подошла и присѣла на край ея кровати.

— Называй меня сестрой, дорогое дитя, — шепнула монахиня, проводя рукой по спутаннымъ прядямъ черныхъ волосъ больной.

— Нѣтъ ни сестеръ, ни братьевъ, — брезгливо бросила больная, — это все предразсудокъ!

Сестра ничего не отвѣтила. Она только нагнулась ниже и ласково спросила:

— Что же ты мнѣ желала сказать?

— Вы уже давно здѣсь, въ этомъ домѣ, гдѣ живутъ одни лишь больные и несчастные?

— Очень давно, — отвѣтила сестра.

— Почему вы пошли въ сестры милосердія?

Сестра Франциска спокойно отвѣтила:

— Я не видѣла для себя счастья въ той средѣ, гдѣ жила, и мнѣ захотѣлось по мѣрѣ силъ быть полезной страждущимъ людямъ.

Наступило минутное молчаніе. Больная первая прервала ее:

— Вы, быть можетъ, разсердитесь на меня... Но чего мнѣ теперь стѣсняться? Вы когда-нибудь... раньше... давно... давно... любили кого нибудь?

На этотъ разъ на лицѣ сестры Франциски выступило сильное волненіе и минутное колебаніе. Но она считала себя обязанной отвѣтить на вопросъ этой до глубины встревоженной души, въ предсмертную минуту сильно борющейся съ самой собой.

— Да, — отвѣтила она послѣ минутнаго колебанія, — когда то я любила.

Глаза больной блеснули. Потомъ она устало закрыла ихъ и бросила короткій вопросъ:

— Кого?

— Человѣка съ прекрасной, благородной душой, но слабой волей.

— А онъ васъ любилъ?

— Одинъ моментъ.

— А потомъ?

— Потомъ онъ женился на другой.

Лиля опять открыла глаза, въ которыхъ теперь сверкали искры:

— О! Какъ же вы должны были ненавидѣть его... Какъ же вы должны были желать ему зла!

Лицо Франциски выразило изумленіе.

— Ненавидѣть? — произнесла она, — о! дорогое дитя! Ненавидѣть — это очень нехорошее чувство, и я благодарю Бога за то, что оно никогда не имѣло доступа къ моему сердцу. Я его всегда любила, всю жизнь, такъ же точно, какъ и въ первые дни молодости; я благословляла его жизнь и ежедневно въ своей молитвѣ упоминала его имя...

— И вы его столько лѣтъ любили... не видѣвъ его?..

— Да, дитя, и теперь еще, хотя его уже нѣтъ въ живыхъ, воспоминаніе о немъ осталось у меня чистымъ и святымъ.

— И вы никогда никого больше не любили?

— Никогда, никого, дитя!

Лиля замолчала, а потомъ опять спросила съ живымъ любопытствомъ:

— А когда вы заперлись въ этихъ стѣнахъ и перестали видѣть свѣтъ и любимаго человѣка и видѣли одни лишь страданія, слышали одни лишь стоны, не тосковали ли вы и не страдали ли?

— Да, дитя, я страдала сильно.

— А! — воскликнула больная и въ ея глазахъ блеснула какая-то странная внутренняя радость, — такъ вы, значитъ, не были счастливы?

— Напротивъ, дитя мое, я бывала и бываю иногда очень счастлива!

Насмѣшливая улыбка пробѣжала по бѣлымъ губамъ Лили.

— Вы страдали и были счастливы?.. этого я не понимаю!

— У меня были и бываютъ очень счастливыя минуты...

— А! Теперь понимаю! Вы, вѣроятно, время отъ времени видали любимаго человѣка.

— Съ той минуты, какъ я переступила порогъ этого дома, я его больше не видѣла ни одного разу, а онъ не зналъ, гдѣ я живу и живу ли я вообще... Но, бѣдное дитя мое, бывали дни и ночи, когда я сидѣла у ложа несчастныхъ людей, больныхъ тѣломъ и разбитыхъ душой...

Она остановилась. Ей тяжело было открыть свою внутреннюю жизнь, картину своей высокой радости, передъ женщиной, мучимой и преслѣдуемой холодными призраками пустоты и ничтожества. Но та настаивала:

— И что же? Что?

— Тогда, — продолжала сестра Франциска, — когда успокоенная моей ласкающей рукой, больная голова ближняго засыпала сладкимъ сномъ, когда, успокоенная моими словами, утихала буря въ чьемъ-нибудь сердцѣ, когда мнѣ удавалось устранить чьи-либо сомнѣнія и поднять бодрость его духа, и онъ поднималъ свою голову, склоненную подъ бременемъ сиротской доли, возводилъ глаза къ небу, къ Богу, и восклицалъ вмѣстѣ со мною: „Отецъ мой!“ — тогда я бывала счастлива... и я благодарила Бога за эту силу утѣшенія и облегченія, которую онъ довѣрилъ моимъ рукамъ, благодарила гораздо сильнѣе, чѣмъ благодарила бы его за всѣ богатства и утѣхи міра.

Несмѣлая сначала и колебавшаяся, сестра Франциска теперь сидѣла съ прояснившимся лицомъ, свѣтившимся чистымъ, теплымъ свѣтомъ и тихой радостью.

Лиля не спускала съ нея глазъ.

— Удивительная вещь! — шептала она, — удивительная!.. А между тѣмъ, — прибавила она послѣ минутной задумчивости, — на свѣтѣ существуетъ лишь одна святыня и одинъ лишь алтарь... личнаго счастья!

Она не успѣла произнести послѣдняго слова, какъ откуда-то донеслись странные звуки.

— Франя! Франя! — звалъ какой-то жалобный, протяжный голосъ среди ночной тишины.

Сестра Франциска выпрямилась и сдѣлала движеніе, какъ бы желая встать и уйти.

— Кто это васъ зоветъ? — спросила Лиля.

— Мой братъ... помѣшанный...

— Гдѣ же онъ?

— Тамъ, въ другомъ зданіи, гдѣ живутъ всѣ наши помѣшанные...

— И это вашъ родной братъ?

— Родной... Лишенный разума съ дѣтства.

— Зачѣмъ же онъ васъ зоветъ?

— Онъ вѣрно хочетъ меня видѣть... Такъ онъ всегда зоветъ, когда долго не видитъ меня.

— И вы не боитесь помѣшаннаго?

— Я за нимъ ухаживаю съ самаго моего дѣтства. Я исходатайствовала у нашихъ старшинъ, чтобы его помѣстили сюда.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Это мой братъ!

— Франя! Франя! — повторялъ отдаленный голосъ еще болѣе жалобно.

Сестра милосердія встала и направилась къ двери. Лиля провожала ее взоромъ.

— Сестра! — воскликнула она вдругъ.

Первый разъ она назвала ее такъ.

— Чего ты желаешь, дитя мое?

— Ты добрая, сестра, очень добрая... Сдѣлаешь ли для меня то, о чемъ я тебя попрошу?

Вмѣсто отвѣта сестра Франциска поцѣловала ее въ лобъ.

— Скажи мнѣ, сестра... — начала Лиля но не могла кончить. Грудь ея быстро и тяжело дышала, а въ измученныхъ глазахъ засверкали молніи. — Я не была счастлива, — продолжала она, — я никому не дѣлала добра... Я желала бы знать... зачѣмъ я жила.

Услышавъ этотъ странный вопросъ, монахиня нагнулась надъ нею и долго тихо и ласково говорилъ ей слова утѣшенія. Но эти слова, очевидно, не проникали въ сердце и разумъ Лили, такъ какъ лицо ея ни на минуту не теряло выраженія мучительнаго безпокойства. Послѣ этого она еще часа два провела въ молчаніи и совершенной неподвижности. Подъ утро она тихимъ голосомъ призвала къ себѣ Михалину.

— Михася, — спросила она, — ты очень любишь Мечися?

— Лиля, — отвѣтила женщина, — твой братъ мнѣ дороже всего въ мірѣ.

— И ты никогда никого, кромѣ него не любила?

— Никогда, Лиля.

Она молчала около минуты. Потомъ опять съ дрожью въ едва слышномъ голосѣ спросила:

— Михася! ты счастлива?

— Очень. Совершенно счастлива, — отвѣтила женщина.

Больная внезапнымъ движеніемъ вскинула руки.

— И эта счастлива! — прошептала она, — всѣ онѣ счастливы!.. Почему же я...

Она замолчала и повернулась лицомъ къ стѣнѣ. Губы ея шептали какія-то непонятныя слова.

Очень рано утромъ въ комнату больной вошла Роза.

Больная повернулась лицомъ къ комнатѣ и, узнавъ Розу, подозвала ее къ себѣ. Тѣнь тайнаго удовлетворенія выступила на ея мрачномъ лицѣ.

— Роза, — начала она, — почему ты не осталась подлѣ твоей матери, подлѣ тети Мальвины?

— У мамы теперь нѣтъ своего дома. Кромѣ того, я желала имѣть какое-либо занятіе, какую-либо цѣль въ жизни.

Лиля устремила на нее испытующій проницательный взоръ.

— Счастлива ли ты, Роза?

Дѣвушка колебалась. Ей было больно признаться въ счастьѣ передъ этой несчастной.

— Я спокойна и довольна, — отвѣтила она.

Больная выпустила ея руку изъ своей руки и съ глубокимъ вздохомъ бросилась на подушку. Но черезъ минуту она опять шепнула:

— Роза! Всѣ говорятъ, что ты очень умная, пишешь книги... Ты, слѣдовательно, знаешь... и скажешь мнѣ... Но ты скажешь правду?

— Говори, говори, Лиля!

— Нагнись ближе ко мнѣ... у меня уже силъ нѣтъ.

Роза наклонилась такъ, что ея ухо почти коснулось губъ больной. Тогда два черныхъ, горящихъ

глаза впились въ ея доброе умное лицо взглядомъ торжественной мольбы и дрожащія губы больной шепнули:

— Скажи мнѣ... зачѣмъ я жила?

Отвѣтомъ на этотъ столь настойчиво повторенный вопросъ были слезы, выступившія на глазахъ всѣхъ трехъ присутствовавшихъ женщинъ.

Около полудня Мечиславъ, печальный, серьезный, появился на порогѣ комнаты больной.

Лиля, уже часа два неподвижная и безмолвная, открыла глаза. При видѣ брата лицо ея дрогнуло, и руки, послушныя послѣднему усилію воли, протянулись къ нему.

— Мечись! — произнесла она нѣсколько внятнѣе, — ты пришелъ ко мнѣ... ты не презираешь меня? Простишь ли?

Онъ наклонился къ ней и горячо поцѣловалъ ея лобъ и руку. Нѣчто похожее на улыбку облегченія и радости разлилось по ея почти застывшему лицу, и губы еще прошептали:

— Ты такой добрый... Мечись! Ты мнѣ скажешь...

И опять умеляющее, покорное, полное неописуемой боли выраженіе освѣтило ея мутные глаза. Съ громаднымъ усиліемъ она обѣими руками обняла шею брата и едва слышно сказала:

— Скажи мнѣ... зачѣмъ я жила?

Это были ея послѣднія слова.

VIII.

Эли Маковеръ исполнялъ печальный еврейскій обычай отсиживанія на полу траурной недѣли. Печаль и глубокое молчаніе господствовали въ его домѣ,

еще такъ недавно полномъ веселаго движенія. Только Хая время отъ времени отдавала тихимъ голосомъ необходимыя распоряженія по хозяйству и, вспоминая своего любимца, громко плакала.

Но Эли, молчаливый, сидѣлъ съ опущенной головой и думалъ. Первый разъ за много лѣтъ онъ сидѣлъ столько времени въ бездѣйствіи и совершенной тишинѣ, вдали отъ внѣшняго міра и всякихъ дѣлъ, и все размышлялъ о прошедшихъ годахъ своей жизни.

Когда онъ, наконецъ, всталъ съ полу, онъ одѣлъ свое обычное платье, взялъ шапку и намѣревался выйти на улицу, но Хая его остановила.

— Эли! — сказала она, — на твоихъ волосахъ осталось много пепла. Дай я стряхну!

И она провела рукой по волосамъ мужа, но то, что ей казалось пепломъ, не упало съ головы его.

— Hörst! — воскликнула Хая, — что это такое? У тебя, Эли, стало много сѣдыхъ волосъ.

Эли подошелъ къ зеркалу и, посмотрѣвъ на свою голову, увидѣлъ, что, въ самомъ дѣлѣ, его волосы, прежде рыжіе и блестящіе, стали сѣрыми. Онъ ничего не сказалъ и вышелъ на улицу.

Сперва онъ пошелъ къ тому дому, гдѣ жилъ Ильдефонсъ Порыцкій. Поднимаясь по лѣстницѣ перваго этажа, онъ услышалъ громкій, сварливый голосъ женщины, возвышавшійся надъ цѣлымъ хоромъ дѣтскихъ голосовъ.

— Кто тамъ живетъ? — спросилъ онъ у слуги, показавшагося на площадкѣ.

— Жена и дѣти пана агента, — отвѣтилъ слуга.

— А куда дѣлась та пани, которая тутъ раньше жила?

— Та пани вчера умерла въ больницѣ сестеръ милосердія.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, Эли на минуту остановился съ опущенной головой; потомъ медленно сталъ подниматься во второй этажъ.

Разговоръ Эли съ агентомъ продолжался не дольше получаса, послѣ чего еврей, пряча въ карманъ какую-то бумагу, оставилъ этотъ домъ и направился въ одну изъ мѣстныхъ гостиницъ.

— Здѣсь живетъ панъ Мечиславъ Орховскій? — спросилъ онъ у служителя.

Отвѣтъ былъ утвердительный.

— Дома ли онъ? Гдѣ его комната?

Ему указали комнату Мечислава.

Мечиславъ, увидѣвъ входившаго еврея, поднялъ свое блѣдное лицо, измученное горемъ и волненіемъ, и поздоровался съ нимъ холодно и серьезно. Эли поставилъ свою палку въ углу комнаты и, повинуясь молчаливому жесту хозяина, усѣлся противъ него. Сѣлъ, сложилъ обѣ руки на колѣняхъ, нагнулъ голову и молчалъ. Разговоръ, который онъ намѣревался вести, былъ, повидимому, такъ необыченъ, что онъ не зналъ, съ чего начать.

Мечиславъ не безъ удивленія присматривался къ измѣнившемуся лицу Эли, къ глубокимъ морщинамъ, избороздившимъ его лобъ, и къ густой сѣдинѣ въ его волосахъ.

—Мнѣ кажется, вы, пане Маковеръ, очень измѣнились... — началъ Мечиславъ.

Эли посмотрѣлъ ему въ лицо.

— И вы, пане Орховскій, очень, очень, очень измѣнились!... — сказалъ онъ. — Если бъ я не зналъ того, что я знаю, то подумалъ бы, что панъ только что всталъ послѣ тяжелой болѣзни.

— Что же въ этомъ удивительнаго? — отвѣтилъ Мечиславъ. — Вчера умерла моя сестра.

— А пять дней назадъ чиновники описали у пана Орховъ, — докончилъ Эли.

На это замѣчаніе Мечиславъ ничего не отвѣтилъ. Казалось, что у него прошла всякая охота обращаться къ сердцу или совѣсти человѣка, который сидѣлъ передъ нимъ. Однако, послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ:

— Мы съ вами, пане Маковеръ, понесли за послѣднее время тяжелыя и горестныя потери. Я слышалъ, что вашего отца, этого маститаго и почтеннаго старца, съ которымъ я недавно познакомился, уже нѣтъ въ живыхъ.

Эли поднялъ на него свои влажные глаза.

— Спасибо вамъ, — сказалъ онъ, — что вы помянули добромъ моего стараго отца. Я его любилъ и уважалъ и берегъ, какъ свой глазъ. Онъ умеръ... Ну, что же дѣлать? Такой ужъ законъ природы, что старые люди умираютъ.

Онъ нѣсколько секундъ молчалъ, потомъ продолжалъ:

— Что я потерялъ отца, объ этомъ знаютъ всѣ люди. Но я также потерялъ и моего старшаго сына, котораго я любилъ больше всѣхъ своихъ дѣтей, и потерялъ много денегъ, а какимъ образомъ потерялъ — о томъ я не разскажу никому, оттого что это мой позоръ и мое величайшее горе.

Онъ замолчалъ.

— Я теперь, — продолжалъ онъ, — какъ тотъ путникъ, который долго, долго шелъ быстрымъ шагомъ по одной дорогѣ и вдругъ увидѣлъ, что эта дорога ведетъ къ печали и въ болото...

Онъ посмотрѣлъ въ лицо Мечиславу и спросилъ:

— Какъ вы думаете, что долженъ сдѣлать путникъ, который видитъ, что его дорога плохая и что онъ сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что пошелъ по ней?

Мечиславъ, который съ возроставшимъ интересомъ смотрѣлъ на говорившаго еврея, понялъ его мысль и отвѣтилъ:

— Такой путникъ, пане Эли, если у него еще есть къ тому охота и достаточно силъ, долженъ оставить дорогу, которую признаетъ дурной, и пойти по другой.

— Такъ и я думаю сдѣлать, — сказалъ Эли съ улыбкой, которая прояснила его поблѣднѣвшее лицо.

Онъ выпрямился, глаза его блеснули.

— Я еще не старый человѣкъ, — сказалъ онъ, — и у меня еще много силъ. И у меня еще есть младшія дѣти, о которыхъ я долженъ подумать, чтобы они не погибли, какъ тотъ; и совѣсть у меня есть, которую мнѣ надо очистить. И стараго отца я имѣлъ, котораго долженъ слушаться!..

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана сюртука листъ бумаги, сложенный вчетверо, и, развернувъ его, положилъ на столъ передъ Мечиславомъ.

— Прошу пана посмотрѣть на эту бумагу, — сказалъ онъ, — и утѣшить свое сердце.

Мечиславъ пробѣжалъ глазами поданную ему бумагу, и на его лицѣ выразилось удивленіе, смѣшанное съ радостью. Это была собственноручная квитанція главнаго агента въ полученіи имъ всей суммы переуступленнаго ему Лилей долга Мечислава. Эта квитанція, представленная надлежащимъ властямъ, должна была отвратить продажу, грозившую имѣнію Орховскаго.

— Какимъ образомъ вамъ удалось получить эту квитанцію на сумму, которую я во всякомъ случаѣ выплачу сыну Лили до копейки? — спросилъ Мечиславъ, пораженный этимъ неожиданнымъ поступкомъ еврея.

— Какимъ образомъ я вырвалъ эту бумагу у того негодяя? — улыбаясь, прервалъ Эли. — Ну, ужъ я имѣю на него много способовъ. Онъ былъ въ моихъ рукахъ: я о немъ много знаю такихъ вещей, что если бъ я ему велѣлъ прыгать черезъ палку, то онъ бы прыгалъ. Но если вы думаете, что это все, съ чѣмъ я сегодня къ вамъ пришелъ, то очень ошибаетесь. Послушайте, что я вамъ скажу сейчасъ...

Онъ молчалъ нѣсколько секундъ, словно собираясь съ мыслями, потомъ началъ снова:

— Вы хорошій хозяинъ и трудолюбивый человѣкъ, у васъ умная голова и не лѣнивыя руки, но все это вамъ ничуть не поможетъ... Вы у себя въ Орховѣ не заведете такого хозяйства, какое тамъ должно быть, пока у васъ не будетъ наличныхъ денегъ и на постройку новыхъ службъ, и на инвентарь, и на осушку того большого луга, который тамъ за лѣсомъ уже зарастаетъ кочками, и еще на много другихъ вещей. А откуда вамъ теперь взять наличныхъ денегъ? Если вы ихъ одолжите у нашего Шварца, то онъ съ васъ пятьдесятъ процентовъ годовыхъ сдеретъ, а черезъ годъ, если вы ему не отладите, подастъ въ судъ, и опять опишутъ Орховъ.. Но вамъ нужны деньги, и я вамъ ихъ одолжу.. не за пятьдесятъ процентовъ, какъ Шварцъ.. Эли Маковеръ, славу Богу, никогда не былъ ростовщикомъ... Я съ васъ возьму десять, ну, восемь процентовъ... Я, правда, много денегъ потерялъ, но у меня еще достаточно осталось.

Мечиславъ всталъ, удивленный и растроганный.

— Благодарю васъ, — началъ онъ и протянулъ Эли свою руку. Но еврей, не принимая поданной руки, сказалъ:

— Раньше, чѣмъ мы кончимъ нашъ разговоръ, не подавайте мнѣ вашей руки. И не благодарите меня, пока не узнаете, чего я отъ васъ потребую взамѣнъ того, что для васъ сдѣлалъ и еще сдѣлаю. Мы, евреи, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — не привыкли ничего дѣлать или давать даромъ. И вотъ, давая вамъ свои деньги, я прежде всего буду увѣренъ, что вы отдадите мнѣ ихъ съ условленными процентами, такъ какъ я знаю, что вы человѣкъ аккуратный, трудолюбивый и считать умѣете. Такъ относительно денегъ, которыя я вамъ одолжу, не можетъ быть ни разговора, ни благодарности съ вашей стороны. Но когда вы заведете въ Орховѣ хозяйство какъ слѣдуетъ, и когда у васъ будутъ большіе урожаи ржи и пшеницы, то я и на этомъ много заработаю. Мнѣ кажется, что изъ всего того, что я вамъ сказалъ, вы уже догадались, что агентомъ Посредническаго Товарищества я больше не буду. Я надумалъ опять стать купцомъ. И когда я опять буду купцомъ и поселюсь поблизости Орхова, то чѣмъ больше въ той сторонѣ будетъ богатства и урожаевъ, тѣмъ больше будетъ моя торговля и заработки. Я хочу покупать все, что у васъ будетъ на продажу, по такимъ цѣнамъ, какія будутъ стоять. Но только впередъ прошу васъ, чтобы мнѣ отдано было предпочтеніе, какъ покупателю, и чтобы я могъ называться орховскимъ купцомъ.

Все это Эли проговорилъ совершенно смѣло и увѣренно.

Видно было, что, перечисляя всѣ матеріальныя выгоды, какія могли получиться для обѣихъ сторонъ отъ внесеннаго имъ проекта взаимной помощи, онъ стоялъ на твердой, хорошо ему извѣстной почвѣ. Гораздо труднѣе ему было выразить свои мысли, касавшіяся болѣе отвлеченныхъ предметовъ... А онъ придавалъ наибольшее значеніе именно этому. Черезъ нѣсколько секундъ онъ, несмѣло взглянувъ на Мечислава, началъ:

— Мой старый отецъ передъ своей смертью имѣлъ со мною продолжительный разговоръ. Ахъ! какой это былъ разговоръ! И онъ мнѣ сказалъ, что когда разные народы съ самаго начала идутъ разными дорогами, то къ нимъ пристаютъ различные грѣхи и пороки. Это великая правда, но я въ своей головѣ еще прибавилъ къ этому, что къ нимъ прилипаютъ также и разныя достоинства, къ однимъ одни, къ другимъ другія. Мы, евреи, видимъ дальше, чѣмъ паны; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, о корысти, мы за каждую работу возьмемся скорѣе, чѣмъ паны, и когда уже начнемъ что-нибудь, то и исполнимъ въ совершенствѣ. Мы предусмотрительны и терпѣливы, мы можемъ питаться однимъ хлѣбомъ съ лукомъ, лишь бы добиться того, къ чему стремимся. А почему мы такіе? потому что наши отцы и дѣды были таковы и насъ къ тому пріучили, и это вошло въ нашу кровь и плоть. А у пановъ такія дѣла идутъ очень плохо. Поэтому паны бѣднѣютъ, очень много теряютъ и терпятъ. Но у пановъ есть то, чего недостаетъ намъ. Паны имѣютъ тонкій умъ и хорошо знаютъ, что такое честь, что такое воспитаніе, и какимъ слѣдуетъ быть человѣку, который бы, когда пьетъ изъ рѣки, не бралъ только той воды, которая плыветъ сверху, но пилъ и ту,

которая тихо течетъ въ глубинѣ. А почему паны все это знаютъ и умѣютъ? Потому, что отцы и дѣды пановъ были людьми чести и просвѣщенія. Вотъ мнѣ и кажется, что было бы хорошо, если бъ мы дѣлились другъ съ другомъ тѣмъ, чѣмъ обладаемъ: если бы паны отъ насъ научились предусмотрительности, оборотливости и выдержанности, и чтобы они насъ научили, въ чемъ настоящая честь и настоящее хорошее воспитаніе. Поняли ли вы мою мысль? Можетъ быть, я плохо ее высказалъ?

— Пане Маковеръ, — сказалъ Мечиславъ, — ваши слова такъ же ясны и понятны, какъ разумна и благородна мысль, лежащая въ ихъ основѣ.

На лицѣ Эли появилось выраженіе глубокаго удовлетворенія.

— Ну, — сказалъ онъ, — я очень доволенъ тѣмъ, что вы меня поняли. Но я еще не все сказалъ. Я потерялъ сына... онъ еще не умеръ... онъ погибъ. Ну, что же дѣлать? Мнѣ его не спасти. Но я не хочу, чтобы мои остальные сыновья точно также погибли или же выросли недорослями, которые не имѣютъ никакой почвы подъ ногами, которые, какъ флюгера на крышахъ, повертываются въ ту сторону, куда вѣтеръ дуетъ, то къ правдѣ, къ благородству, а то къ подлости. Я своихъ дѣтей люблю и хочу ихъ воспитать, чтобы они были настоящими людьми... Но какъ это сдѣлать?.. этого я не знаю... и никто изъ нашихъ евреевъ не знаетъ. Ну, я подхожу къ концу моей рѣчи. Я вамъ добро сдѣлалъ и еще сдѣлаю. Научите ли вы меня за это, что мнѣ дѣлать съ моими дѣтьми, чтобы они выросли добрыми, умными и счастливыми, не такъ, какъ... тотъ мой сынъ, который погибъ?... Покажете ли вы мнѣ, какой долж-

на быть та почва, о которой мнѣ мой старый отецъ говорилъ, что если кто-либо ея подъ своими ногами не имѣетъ, то ходитъ по свѣту, какъ пьяный, пока не упадетъ въ глубокую яму?

Проговоривъ послѣднія слова, Эли всталъ. Сильное волненіе, волненіе мысли и сердца, потрясавшее до глубины его душу, пораженную страшнымъ ударомъ, отразилось на его лицѣ.

— Пане Маковеръ, — началъ Мечиславъ; но еврей прервалъ его снова:

— Прошу пана еще не говорить. Я еще не высказалъ всѣ свои мысли. Я пана знаю и понимаю, что вы мнѣ на мой вопросъ отвѣтите: „Хорошо!“ Но это ничего не поможетъ. Если мы останемся чужими, то никто изъ насъ не вынесетъ изъ этого никакой пользы. Я бы хотѣлъ быть вашимъ другомъ, настоящимъ другомъ, такимъ, который придетъ въ вашъ домъ и будетъ вамъ совѣтовать и всѣмъ своимъ умомъ подѣлится съ вами; такимъ, который не будетъ у васъ, какъ гость, который садится у порога, и для котораго большая честь, если ему подаютъ стаканъ чаю, но такимъ, передъ которымъ открывается сердце и всѣ мысли. А, можетъ быть, и вы не побрезгаете домомъ еврея и придете иногда посмотрѣть на его дѣтей и скажете свое мнѣніе, растутъ ли они дурно, или хорошо, точно такъ же, какъ этотъ еврей будетъ смотрѣть на ваши дѣла и скажетъ, хорошо ли они идутъ, или дурно. Вотъ и все. Я это все взялъ изъ устъ своего стараго отца, изъ того тяжелаго опыта, который имѣлъ, а также изъ долгихъ, очень долгихъ размышленій. Какъ вамъ кажется? хороши ли эти мысли и согласны ли вы съ ними?

— Мысли ваши, пане Эли, разумны и честны,

и, будучи проведены въ жизнь, могутъ избавить отъ многихъ несчастій! — съ глубокимъ чувствомъ и радостно прояснившимся лицомъ отвѣтилъ Мечиславъ. — Предложеніе взаимной помощи и пріязни я принимаю съ радостью.

Лицо Эли просвѣтлѣло. При послѣднихъ словахъ Мечислава онъ утвердительно кивнулъ головой и сказалъ:

— А знаете ли, что нужно для того, чтобы такіе договоры, какъ нашъ, часто заключались? Я пану скажу: Нужно, чтобы мы, евреи, могли уважать пановъ. Я пана уважаю, и изъ этого уваженія въ моемъ сердцѣ возникла большая дружба къ вамъ.

Они подали другъ другу руки и соединили ихъ въ долгомъ пожатіи. На лицахъ ихъ свѣтилось честное чувство: вѣра въ будущее и добрая надежда.

Конецъ.

„Сильный Сампсонъ“.

„Сильный Сампсонъ“.

Если когда-нибудь вы захотите, читатель, найти слово, равнозначущее со словомъ „еврей“, то возьмите историческій словарь, откройте его на буквѣ „К“. Когда вы встрѣтите слово „Крезъ“, то подчеркните его и помните, что вы уже нашли то, чего искали.

Еврей и Крезъ — одно и то же. Вѣдь всякій знаетъ, что среди евреевъ есть прежде всего Ротшильдъ и другіе банкиры, обладающіе безконечнымъ множествомъ милліоновъ, дворцами, коврами, зеркалами, статуями и т. д. Отсюда ясный, какъ день, выводъ, что народъ, среди котораго живутъ Ротшильды и множество другихъ банкировъ, очень богатъ и обладаетъ въ изобиліи милліонами, дворцами, зеркалами, статуями и т. д. Если же кто-нибудь изъ нихъ не обладаетъ всѣми этими благами, то только по той причинѣ, что самъ онъ не желаетъ этого и можетъ довольствоваться малымъ, но если бы только захотѣлъ, то, конечно, обладалъ бы ими.

Итакъ, это богатый, а, слѣдовательно, счастливый народъ! Я совершенно готова согласиться съ этимъ положеніемъ и удивляюсь только, почему Шимшель, сынъ Гершона и мужъ Ципы, не имѣетъ

никакого представленія объ этомъ богатствѣ и связанномъ съ нимъ счастіи. Видя это незнаніе Шимшеля, я сперва думала, что онъ притворяется для того, чтобы успѣшнѣе надувать гоевъ, среди которыхъ онъ уже навѣрно выбралъ Меропію, т. е. жертву, осужденную кагаломъ и проданную ему для эксплоатаціи. Однако, присмотрѣвшись ближе, я убѣдилась къ моему величайшему удивленію, что Шимшель дѣйствительно не обладаетъ никакой Меропіей и не имѣетъ никакого представленія о богатствѣ и о вытекающемъ изъ него счастіи. Что же касается ковровъ, статуй и зеркалъ, то я сомнѣваюсь даже, видалъ ли ихъ Шимшель когда-либо, если, конечно, не считать зеркаломъ маленькій кусочекъ стекла въ деревянной рамкѣ безъ позолоты, висящій надъ сундукомъ Ципы. Къ этому кусочку стекла нерѣдко подымается шестилѣтняя Эсѳирь, дочь Шимшеля, для того, чтобы увидѣть свои огненныя кудри, смѣющіеся голубые глаза и блѣдное лицо отца, который улыбаегся при видѣ зеркала и дочери.

Итакъ, Шимшель ничего не знаетъ о другихъ зеркалахъ, кромѣ того, въ которомъ постоянно отражается часть грязной стѣны, а подчасъ шаловливая улыбка Эсѳири. Впрочемъ, онъ точно такъ же не имѣетъ никакого представленія о многихъ, весьма обыденныхъ вещахъ и явленіяхъ. Тутъ мнѣ приходится стыдиться за моего героя и я принуждена сознаться, что кругъ вещей и явленій, извѣстныхъ Шимшелю, очень невеликъ. Хотя для того, чтобы быть вполнѣ справедливымъ, нужно сдѣлать маленькую оговорку, что Шимшель во всѣхъ подробностяхъ изучилъ комнату, длина которой десять аршинъ, а ширина — около пяти. Во-первыхъ, онъ живетъ въ ней около двѣнадцати лѣтъ, а, во-вторыхъ, и изу-

чать-то въ ней нечего, кромѣ двухъ кроватей съ высокими постелями темно-краснаго цвѣта, огромной печи съ чернымъ, какъ пропасть, зіяющимъ отверстіемъ, вѣчно сушащихся у печи лохмотьевъ, окошка съ разваливающейся рамой, стола подъ окномъ, трехъ табуретокъ, одного кота и пятерыхъ дѣтей.

Своихъ дѣтей Шимшель знаетъ особенно хорошо и очень ихъ любитъ. Впрочемъ, какъ же могъ бы онъ не любить ихъ? Все это были совершенно необыкновенныя дѣти, красивыя на удивленіе, не по возрасту умныя, а какія добрыя!.. ну что ужъ говорить объ этомъ! Однако, Ципа говоритъ объ этомъ очень много и часто, и Шимшель вовсе не противорѣчитъ ей. Напротивъ, самъ онъ глубоко сознаетъ незаурядность своихъ дѣтей и радуется, глядя на нихъ, не менѣе Ципы, хотя дѣлаетъ это въ молчаніи, составляющемъ рѣзкій контрастъ съ краснорѣчіемъ ихъ матери.

Каждое изъ этихъ дѣтей доставляетъ ему массу разнообразныхъ наслажденій! Напримѣръ, Эсѳирь: вѣдь это огонекъ, а не ребенокъ. Башмачки она надѣваетъ только по субботамъ, да и то какіе, стыдно сказать! Добыты они обыкновенно изъ корзины старой тряпичницы, изношены какими-нибудь богатыми дѣтьми и сдѣланы или изъ атласа, или изъ тонкой сафьяновой кожи. Они бываютъ то краснаго, то голубого цвѣта, но только очень порваны и вмѣсто ленты завязываются веревочкой. Но ея маленькія ножки топчутся по избѣ, какъ въ башмакахъ, такъ и безъ нихъ, взбираются на сундукъ матери, скачутъ по камнямъ, покрывающимъ дворъ, и нерѣдко свѣшиваются черезъ заборъ, отдѣляющій дворъ отъ сосѣдней усадьбы. При этомъ онѣ производятъ такое впечатлѣніе, точно находятся тамъ

однѣ безъ маленькой Эсѳири: верхняя часть туловища ея свѣшивается внизъ съ одной стороны забора, а нижняя — съ другой. Волосы ея, вѣчно всклокоченные, производятъ впечатлѣніе вьющихся языковъ пламени; они такъ длинны и густы, что ея маленькое круглое личико съ маленькой алой точкой вмѣсто губъ, кажется среди нихъ совсѣмъ маленькимъ. Такова Эсѳирь, третій по возрасту ребенокъ Шимшеля.

Прекрасную пару составляетъ съ ней ея младшій братъ, Менделе. Характерныя черты его, повидимому, слѣдующія: курточка изъ розоваго полотна и бѣлые штанишки, вѣчно выползающіе изъ-подъ курточки. Менделе постоянно спотыкается на нихъ, падаетъ и пронзительными криками колеблетъ то скромное количество воздуха, которое наполняетъ комнату и тѣсный дворъ, но такъ какъ на крикъ этотъ никто не обращаетъ вниманія, то продолжается онъ обыкновенно очень недолго. Менделе самостоятельно встаетъ, поправляетъ ермолку на такихъ же рыжихъ и густыхъ волосахъ, какъ у сестры, а затѣмъ въ обществѣ Эсѳири снова начинаетъ цѣлый рядъ гимнастическихъ упражненій на заборахъ, сорныхъ ямахъ, и колышущихся доскахъ, причемъ Шимшель водитъ за ними глазами, въ которыхъ сіяетъ тихая, глубокая радость. Къ сожалѣнію, у Менделе уже заканчивается періодъ, несомнѣнно, самый прекрасный въ его жизни, — періодъ безграничной свободы и невозмутимаго веселья; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ему будетъ пять лѣтъ и съ этого времени ему придется начать систематическій курсъ наукъ. И такъ уже онъ значительно отсталъ въ этомъ отношеніи. Уже годъ тому назадъ, приблизительно около четвертой годовщины его рожде-

нія, у него былъ съ родителями разговоръ относительно поступленія въ хедеръ. Однако, тогда Менделе не пожелалъ согласиться на представленія, сдѣланныя ему по этому поводу. Не хотѣлъ идти въ хедеръ — и конецъ! Онъ ухватился своими ручонками за юбку матери, присѣлъ на землю, уперся ногами о полъ, страшно заоралъ, а изъ его голубыхъ глазъ полился потокъ слезъ на румяныя щеки — и онъ не пошелъ въ хедеръ! Ципа сперва сердилась на него и была очень огорчена этимъ отвращеніемъ ея четырехлѣтняго сына къ наукѣ и ея представителю — меламеду, мрачному человѣку, съ длинной бородой и сгорбленнымъ станомъ. Однако, мужъ утѣшалъ ее, говоря:

— Когда я былъ въ его возрастѣ, я бѣгалъ еще по улицамъ и игралъ... однако, вотъ до чего дошелъ я теперь... и онъ когда-нибудь дойдетъ до того же, а пока пусть еще немножко вырастетъ.

За то старшій сынъ Шимшеля, девятилѣтній Енохъ, уже въ теченіе пяти лѣтъ посѣщаетъ хедеръ, бѣгло читаетъ на древне-еврейскомъ языкѣ, прекрасно знаетъ Хумешъ или Моисеево Пятикнижіе, а годъ тому назадъ перешелъ къ высшей наукѣ и началъ изучать Талмудъ и Комментаріи Раши. Это были необычайные успѣхи! Но за то черные глаза стройнаго ребенка раскрывались такъ широко, вваливались такъ глубоко, и свѣтились на его блѣдномъ худомъ лицѣ такимъ лихорадочнымъ и печальнымъ блескомъ, какъ-будто они на что-то жаловались. И дѣйствительно, маленькій Енохъ вначалѣ жаловался на строгость меламеда, показывалъ свои уши, покраснѣвшія отъ постояннаго дранья до такой степени, что они, какъ рубины, свѣтились среди черной гущи его волосъ. Онъ говорилъ также потихоньку

матери, что у него болитъ спина и голова; спина болѣла отъ ударовъ меламеда, а голова отъ необычайно большого количества познаній, собранныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ дѣтскаго мозга. Однако, жалобы маленькаго Еноха скоро прекратились, такъ какъ не приводили къ утѣшительному результату.

Меламедъ, учившій Еноха, былъ самымъ дешевымъ изъ всѣхъ меламедовъ, которые служили источникомъ свѣта для еврейскаго юношества Онгрода. Несмотря на то, что въ средѣ еврейскаго народа есть Ротшильды и много другихъ ботатыхъ банкировъ, Шимшель и Ципа не имѣли возможности платить такому меламеду, который обладалъ бы болѣе мягкимъ характеромъ и болѣе культурными привычками, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще и большими притязаніями. Итакъ, Енохъ учится очень много и очень много знаетъ, но не чувствуетъ того внутренняго удовлетворенія, которое сопровождаетъ обыкновенно счастливыхъ путешественниковъ, странствующихъ по областямъ науки. Онъ совсѣмъ не похожъ на счастливаго или здороваго ребенка. Возвращаясь изъ хедера, онъ садится обыкновенно въ углу на землѣ. Онъ надвигаетъ свою шапку на лобъ, такъ какъ онъ очень набоженъ и даже на минуту не хочетъ остаться съ непокрытой головой. При этомъ онъ или погружается въ глубокую задумчивость и щепкой разгребаетъ соръ, лежащій въ углу комнаты, или же беретъ на руки большого бураго кота, медленно проводитъ по его шерсти маленькой худой рукой и смотритъ своими большими, глубоко ввалившимися и печально свѣтящимися глазами въ золотистые и дружески моргающіе зрачки кота. Это животное Ципа подняла на улицѣ, когда оно было

еще маленькимъ, жалкимъ котенкомъ и умирало съ голоду. Оно выросло вмѣстѣ съ дѣтьми своей хозяйки и, кромѣ Еноха, питаетъ живую симпатію еще къ одному члену семьи.

Это самая старшая дочь Шимшеля, десятилѣтняя Либа, стройная, худенькая дѣвочка, постоянно кашляющая уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. У нея очень блѣдное и болѣзненное лицо, свѣтло-сѣрые глаза съ выраженіемъ терпѣливаго страданія, гладкіе волосы льняного цвѣта, заплетенные сзади въ короткую, прямо торчащую косу. Дома ее считали совсѣмъ взрослой. Либа очень серьезна и благоразумна: она замѣняетъ въ хозяйствѣ мать, цѣлыми днями не бывающую дома, и присматриваетъ за младшимъ поколѣніемъ. Она топитъ печь, ходитъ за водой къ ближайшему колодцу, варитъ пищу, разъ въ недѣлю мететъ избу, много разъ переживаетъ много разнообразныхъ мученій по поводу Эсѳири и Менделя; ей постоянно приходится отыскивать ихъ, звать, бранить или утѣшать. Все это она исполняетъ неутомимо и съ необычайной серьезностью. При этомъ она вертитъ въ своихъ худыхъ пальцахъ стальныя спицы, изъ подъ которыхъ выходятъ шерстяные чулки, желтые, черные или голубые. Вязать ихъ научила ее мать еще шесть лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ она снабжаетъ ими мать, семью и себя, а въ трудное время финансовыхъ кризисовъ изготовляетъ ихъ также на продажу.

Иногда Либа чувствуетъ усталость, — въ такихъ случаяхъ она садится на низкій табуретъ у печи, и руки ея, держащія чулокъ, опускаются на колѣни. Обыкновенно отдыхъ этотъ продолжается недолго. Чаще всего случается, что именно въ это время у маленькаго Лейзера является желаніе гулять по

комнатѣ. Громко болтая и энергично размахивая рученками, онъ отправляется въ путь, но вскорѣ падаетъ и начинаетъ страшно кричать. Тогда Либа встаетъ, поднимаетъ его съ земли и колышетъ на рукахъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не успокоится и не улыбнется наклонившейся надъ нимъ сестрѣ. Либа укладываетъ его въ люльку и собирается уйти, но Лейзеръ изо всей силы своей юношеской груди испускаетъ жалобную минорную ноту, выражая такимъ образомъ желаніе, чтобы Либа осталась съ нимъ. Люлька стоитъ тутъ же около кровати Ципы; эта кровать сама по себѣ очень высока, къ тому же на ней лежитъ нѣсколько перинъ, такъ что Либѣ очень трудно взобраться на нее, хотя она для своего возраста довольно высокаго роста. Однако, она все-таки карабкается на кровать, усаживается на перинахъ, опираетъ ноги о край люльки и теперь уже, не покидая своего вязанья, можетъ присматривать за засыпающимъ Лейзеромъ, который отъ времени до времени открываетъ глаза, чтобы убѣдиться, не ушла ли еще сестра. Не знаю, замѣчаютъ ли эти сонные дѣтскіе глаза, какой рѣзкій и странный контрастъ съ темно-краснымъ фономъ возвышающейся вокругъ нея груды перинъ и подушекъ составляетъ голова этой серьезной дѣвочки, ея блѣдное личико, опущенные глаза и торчащая за спиной косичка.

Таковы дѣти Шимшеля. Что же представляетъ собою онъ самъ?

Кто онъ такой? Вопросъ этотъ касается какъ его рожденія, такъ и сравнительной высоты той ступени, которую онъ занимаетъ въ общественной іерархіи.

Что касается происхожденія, то мнѣ трудно будетъ дать свѣдѣнія относительно того, кто такой

былъ родитель Шимшеля. Говорятъ, что онъ былъ не то водовозъ, не то пильщикъ. Одни говорили одно, другіе другое, но всѣ сходились въ одномъ: это былъ очень бѣдный человѣкъ, разъ его сынъ учился въ Талмудъ-Торѣ, т. е. въ безплатной школѣ. Что же касается ступени, занимаемой имъ на лѣстницѣ общественной іерархіи, то мы можемъ полагать, что она была очень высока, основываясь на словахъ самого Шимшеля, обращенныхъ къ его женѣ: „вотъ до чего я дошелъ"! Человѣкъ, произносящій подобную фразу съ гордостью и самодовольствомъ, навѣрное, дошелъ до чего-нибудь важнаго и высокаго. И, дѣйствительно, Шимшель занимаетъ положеніе, которое возбуждаетъ у людей почтеніе и даже нѣкоторую благодарность... Я удивлю васъ, читатель, если скажу, что Шимшель — ученый.

Утвержденіе это вовсе не противорѣчитъ высказанному мною выше мнѣнію, что сфера явленій и предметовъ, извѣстныхъ Шимшелю, очень не велика. Для того, чтобы согласиться съ этимъ, вамъ нужно только забыть въ этотъ моментъ о всѣхъ извѣстныхъ вамъ академіяхъ, университетахъ и институтахъ, раздающихъ своимъ воспитанникамъ дипломы по всѣмъ отраслямъ науки, извѣстнымъ вамъ хоть бы по наслышкѣ. Учебныя заведенія, изъ которыхъ Шимшель черпалъ свою ученость, называются: Талмудъ-Тора, Ешиботъ и Бетъ-га-Мидрашъ. Между ними существуетъ такое же отношеніе, какъ между низшей школой, гимназіей и университетомъ.

Не всѣ евреи оканчиваютъ курсъ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній. Есть много такихъ, которые за недостаткомъ способностей или желанія довольствуются знаніями, пріобрѣтенными только въ одномъ или

двухъ изъ нихъ. Шимшель не остановился на одномъ, а окончилъ всѣ. Мало того, первое изъ этихъ учебныхъ заведеній онъ окончилъ на десятомъ году своей жизни, второе на тринадцатомъ, третье на восемнадцатомъ, но, женившись въ восемнадцать лѣтъ, все-таки, не пересталъ учиться. Онъ ходилъ въ Бетъ-га-Мидрашъ и учился тамъ, цѣлые вечера и ночи просиживалъ въ своей комнатѣ, за столомъ, стоящимъ у окна, — все учился.

Чему же онъ собственно учился? Онъ изучалъ религію, ея исторію, безконечное множество ея неуловимыхъ оттѣнковъ, метафизику, заключающуюся въ ней, украшающія ее преданія, притчи, аксіомы, легенды, большую часть которыхъ, — повѣрите ли, читатель, — можно сравнить съ перлами и цвѣтами человѣческой мысли. Итакъ, Шимшеля можно назвать теологомъ-метафизикомъ, и отчасти историкомъ, по крайней мѣрѣ, историкомъ израильскаго народа и его вѣры. Кромѣ этой отрасли наукъ, въ которой онъ достигъ высокой степени совершенства, Шимшель не знаетъ ничего; при этомъ онъ не дѣлаетъ ничего: только постоянно совершенствуется въ своей спеціальности. Такое погруженіе въ занятіе, довольно далекое отъ подробностей и нуждъ будничной жизни, могло бы поставить въ очень затруднительное положеніе Шимшеля и его пятерыхъ дѣтей, если бы еще на восемнадцатомъ году жизни, онъ не женился на Ципѣ, которой тогда было шестнадцать лѣтъ. Она служила въ большой бакалейной лавкѣ, а потому знала толкъ въ торговлѣ и всевозможныхъ связанныхъ съ ней пріемахъ. Когда она стала женой ученаго (благодаря сватовству купчихи, у которой она служила), то она была безконечно счастлива и гордилась своимъ замужествомъ. Она отда-

лась всей душой и тѣломъ, съ трогательной и робкой любовью, съ безграничнымъ почтеніемъ и неутомимымъ стремленіемъ жертвовать собой для человѣка, который далъ ей такое блестящее положеніе.

Шимшель, сынъ какого-то не то водовоза, не то дровосѣка, убогій воспитанникъ безплатнаго училища, — человѣкъ, у котораго не было ничего, кромѣ тридцати рублей, собранныхъ для него въ складчину, — былъ, однако, въ глазахъ родителей и ихъ дочерей прекрасной партіей. Когда бракъ его съ Ципой сталъ извѣстенъ, всѣ безъ исключенія удивлялись счастью маленькой торговки, старая мать которой носила по улицамъ тяжелыя корзины съ фруктами, а сестры повыходили замужъ за сапожниковъ, столяровъ и тому подобныхъ людей низкаго званія, занятыхъ грубымъ ремесломъ. Правда, у этихъ сапожниковъ и столяровъ были собственные домики, большія мастерскія и постоянные доходы, а у Шимшеля не было ни дома, ни мастерской, ни какихъ бы то ни было доходовъ, но за то онъ былъ такой ученый, и при томъ — а, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, — такой прекрасный и деликатный!

Итакъ, послѣ свадьбы у Шимшеля и Ципы было вмѣстѣ тридцать рублей. Кромѣ того, у Ципы было нѣкоторое приданое; оно состояло изъ трехъ рубахъ, двухъ перинъ, двухъ платьевъ и одного ватнаго кафтана.

Такимъ образомъ, кромѣ перечисленныхъ вещей, у нихъ не было ничего въ день свадьбы, — однако, вотъ уже прошло двѣнадцать лѣтъ, а они все-таки какъ-то существуютъ... За это время у нихъ родилось девять душъ дѣтей. Изъ нихъ четверо умерло, а пятеро живы. Родится, вѣроятно, еще душъ пять, изъ нихъ трое, вѣроятно, умрутъ, а двое выживутъ...

и все-таки они будутъ существовать... Читателю можетъ показаться страннымъ и даже неправдоподобнымъ, чтобы семья, одаренная такимъ блестящимъ численнымъ составомъ, могла прожить на капиталъ въ тридцать рублей. Я сама очень удивлялась этому, пока не познакомилась съ Ципой.

На видъ это маленькая еврейка, „совсѣмъ простая“, какъ обыкновенно говорятъ. Ей двадцать восемь лѣтъ, но на видъ ей можно дать сорокъ съ лишнимъ. Она небольшого роста, вся ея фигура подалась впередъ. На спинѣ ея ватный кафтанъ такъ и блеститъ, но не вслѣдствіе доброкачественности матеріала, а просто потому, что этому кафтану уже очень много лѣтъ. Она пробирается сквозь толпу мелкими и поспѣшными, но въ то же время робкими, крадущимися шагами.

Повидимому, она вѣчно чѣмъ-то занята, чѣмъ-то подавлена и убита, и только ея черные глаза на темномъ, увядшемъ лицѣ быстро бѣгаютъ и часто сверкаютъ. Сверканье это ясно говоритъ о какихъ-то постоянныхъ поискахъ за чѣмъ-то, а подчасъ о какомъ-то безпокойномъ, чуткомъ и страстномъ желаніи. Случается также, что глаза Ципы принимаютъ злое выраженіе и гармонируютъ съ ея низкимъ лбомъ, отъ густыхъ бровей до чернаго парика покрытымъ безконечнымъ числомъ мелкихъ морщинъ.

Однако, читатель, не смѣйтесь надъ этой маленькой простой еврейкой, такой неэстетичной и тупой на видъ. Она разрѣшила очень важный соціальный вопросъ, который всѣ считаютъ почти неразрѣшимымъ: она на практикѣ осуществила равноправіе женщинъ по отношенію къ законамъ, управляющимъ вознагражденіемъ за трудъ. Разрѣшеніе этого вопроса Ципѣ удалось довести до идеальнаго совершен-

ства: въ теченіе двѣнадцати лѣтъ содержитъ она своимъ трудомъ мужа и пятерыхъ дѣтей, причемъ всѣ ея предпріятія, создаваемыя съ этой цѣлью, основываются на капиталѣ въ тридцать рублей.

При помощи этихъ тридцати рублей она основала бакалейную лавочку; впрочемъ, кромѣ того, ей былъ обѣщанъ кредитъ на такую же сумму въ той лавкѣ, гдѣ она прежде служила. Во всѣхъ предпріятіяхъ самое важное — найти кліентовъ. Со дня основанія своей лавочки Ципа начала искать кліентовъ и ищетъ ихъ до сихъ поръ — вовсе не потому, чтобы она не могла найти ихъ, а потому что, найдя, она ихъ тотчасъ теряетъ, и принуждена искать новыхъ. Происходитъ это вслѣдствіе очень многихъ причинъ. Среди нихъ не малую роль играютъ кой-какія таинственныя дѣйствія, которыя Ципа совершаетъ по вечерамъ послѣ закрытія лавочки въ тѣсномъ углу между прилавкомъ, шкафомъ и стѣной. Въ это время изъ угла слышится какой-то особенный шелестъ: повидимому, тамъ что-то отклеиваютъ и заклеиваютъ, пересыпаютъ и переливаютъ.

Несмотря на то, что дѣйствія, совершаемыя въ эти минуты хозяйкой лавочки, кажутся очень таинственными при свѣтѣ маленькой лампочки, горящей на землѣ за прилавкомъ, излишне было бы видѣть въ нихъ что-нибудь трагическое. Ципа не принимаетъ участія въ еврейскомъ заговорѣ, который стремится вредить христіанскому народонаселенію или уничтожить его, она не готовится въ своемъ убѣжищѣ къ какимъ-нибудь гибельнымъ для своей Меропіи дѣйствіямъ. Могу васъ увѣрить, читатель, что у нея нѣтъ Меропіи, которая составляла бы ея исключительную собственность, и я сомнѣваюсь даже слыхала ли она когда-либо подобное слово. Она дѣй-

ствуетъ на собственный рискъ, безъ всякой солидарности со своимъ народомъ. Для нея Меропіей является собирательная единица, носящая имя покупающей публики, а побудительной причиной, склоняющей ее производить всевозможныя переливанія, дѣлать изъ хорошаго товара — посредственный, а изъ посредственнаго — какую-то гадость, являются: ея ученый мужъ, пятеро дѣтей и тридцать рублей основного капитала, на которомъ держится все предпріятіе. Меропія Ципы — покупатели, обладающіе, вѣроятно тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ: стоитъ только кому-нибудь изъ нихъ познакомиться съ ея товарами, какъ они тотчасъ перестаютъ покупать ихъ, причемъ дѣло не обходится безъ вполнѣ основательныхъ, къ сожалѣнію, упрековъ, криковъ и ругательствъ. Благодаря этому обстоятельству, Ципа бываетъ постоянно занята пріисканіемъ новыхъ покупателей. Она дѣлаетъ это при помощи крайне разнообразныхъ средствъ: проситъ и плачетъ, цѣлуетъ руки и оказываетъ всѣмъ услуги, какихъ только кто-нибудь пожелаетъ. Для того, чтобы снискать расположеніе публики и отъ времени до времени заработать лишнюю копейку, она беретъ на себя всевозможныя роли: посыльнаго, почтальона, конторы для найма прислуги, посредника между заимодавцемъ и ищущимъ займа, между продающими и покупающими. Она только изрѣдка заглядываетъ въ лавочку: ее замѣняетъ тамъ обыкновенно мать, сестра, или кто-нибудь изъ сосѣдей. Сама она по цѣлымъ днямъ бѣгаетъ съ лѣстницы на лѣстницу, носитъ подъ мышками какіе-то тяжелые тюки или цѣлые вороха старой одежды. У пороговъ домовъ она робко останавливается съ двумя корзинами въ рукахъ; въ одной изъ нихъ находятся различные бакалейные товары,

въ другой — бутылки съ виномъ и чай. Иногда она ссорится съ кухарками и дворниками, которые не допускаютъ ея до ея благодѣтелей; по временамъ она смягчаетъ ихъ суровость горстью орѣховъ или парой винныхъ ягодъ, но иногда мѣра ея терпѣнія переполняется, и она поднимаетъ такую ссору съ представительницами ея пола, подрывающими ея торговлю, что къ ней приближаются охранители общественнаго порядка и силой заставляютъ ее покинуть поле битвы. Разъ случилось даже, что въ рукахъ этихъ грубыхъ представителей великой идеи остался довольно большой кусокъ бархатнаго воротника, нѣкогда украшавшаго ея ватный кафтанъ.

Ципа горько оплакивала утраченное такимъ образомъ украшеніе своего костюма. Однако, это была лишь минутная слабость. Вообще она никогда не жалуется; если же кто-нибудь увидитъ ея печальные глаза и съ большимъ или меньшимъ сочувствіемъ спроситъ ее: „Что же, Ципа, большая ли у васъ нужда?“ Она никогда не отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, но скажетъ: „Ну! Какъ Богу угодно, такъ и есть!“ Бываютъ и такіе, которые, ближе зная личную жизнь Ципы и видя ея потемнѣвшее, сморщенное лицо, нерѣдко влажное отъ усталости и вздрагивающее невольной, нервной дрожью, говорятъ ей:

— А что же дѣлаетъ твой мужъ? Отчего онъ не помогаетъ тебѣ?

Въ такихъ случаяхъ выраженіе усталости исчезаетъ съ лица Ципы и вмѣсто нея появляется нѣчто, напоминающее гнѣвъ.

— Ну! У него есть своя работа... — ворчитъ она, — онъ не можетъ помогать мнѣ въ торговлѣ!

— Значитъ, ты, Ципа, очень несчастна, если у тебя мужъ такой пентюхъ?

При этихъ словахъ Ципа поднимаетъ голову:

— Если бы у меня было десять дочерей, то я просила бы Бога, чтобы Онъ далъ всѣмъ такое же счастье, какъ мое!

При этомъ глаза ея радостно сверкаютъ, улыбка умиленія показывается на увядшемъ лицѣ, а волненіе или стыдливость покрываетъ румянцемъ ея сморщенный лобъ вплоть до краевъ чернаго парика.

Да! трудный подвигъ совершилъ бы тотъ, кому удалось бы научить Шимшеля помогать Ципѣ! Въ первые годы послѣ брака, Ципа, не зная размѣровъ учености своего мужа, оставляла его въ лавочкѣ и поручала ему смотрѣть за товарами и продавать въ ея отсутствіи. Смотрѣть-то онъ смотрѣлъ и даже очень добросовѣстно! какъ камень сидѣлъ онъ безъ движенія за прилавкомъ и, положивъ голову на руки, думалъ о томъ, какъ можно было бы примирить два совершенно противорѣчащія другъ другу положенія Мишны: мнѣніе равви Гамаліила и равви Еліазара, а также о томъ, какіе новые выводы можно сдѣлать изъ одной фразы равви Папы, изъ которой различные комментаторы уже сдѣлали сто десять выводовъ. Однако, Шимшель пытался сдѣлать изъ него сто одиннадцатый выводъ и среди размышленій надъ этимъ вопросомъ смотрѣлъ за порученной ему лавочкой, не испытывая при этомъ никакихъ непріятныхъ ощущеній и не встрѣчая тутъ никакихъ препятствій. Но когда дѣло дошло до второй части его миссіи, то есть до продажи, то она была значительно осложнена тѣмъ обстоятельствомъ, что не могла совершаться при помощи рѣчи, такъ какъ Шимшель совершенно не понималъ того языка, на которомъ обращались къ нему покупатели.

Правда, нѣсколько разъ случалось такъ, что онъ

скоро отыскивалъ переводчика, съ его помощью переговаривался съ покупателями и продавалъ имъ требуемые товары; но когда Ципа, вернувшись домой, убѣждалась, какъ были совершены эти сдѣлки, то она на нѣкоторое время превращалась въ безмолвную статую, выражающую отчаяніе и только грустно качала головой.

Оказалось, что разъ Шимшель, отвѣшивая требуемый товаръ, далъ его вдвое больше, чѣмъ слѣдовало (онъ только притворялся, что знаетъ толкъ въ вѣсахъ: въ сущности же совершенно не понималъ ихъ механизма); а другой разъ онъ ошибся на цѣлыхъ десять копѣекъ себѣ въ убытокъ (въ деньгахъ онъ понималъ столько же, сколько и въ вѣсахъ). Я не знаю, отчего покупающій гой, замѣтивъ ошибку Шимшеля, не исправилъ ея, и преспокойно воспользовался ею. Вѣроятно, онъ меньше вѣрилъ собственнымъ глазамъ, чѣмъ тому непреложному принципу, что еврей не можетъ ошибиться себѣ въ убытокъ ни въ счетѣ, ни въ вѣсѣ. Это случилось также, вѣроятно, и по той причинѣ, что Меропіей, т. е. жертвами эксплоатаціи, охотно пользуются не только евреи, но и нѣкоторые гои... Однимъ словомъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Ципа перестала поручать своему мужу наблюденіе за лавочкой. Она провела своей темной и огрубѣвшей рукой по его чернымъ волосамъ, съ минуту посмотрѣла ему въ лицо, улыбаясь съ робкой нѣжностью, и сказала:

— Ну! занимайся ты своей работой; а я ужъ сама справлюсь со всѣмъ... будь покоенъ!

Шимшель занялся своей работой, т. е. учеными книгами и размышленіемъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ и испытывалъ много разнообразныхъ наслажденій. Онъ былъ счастливъ во многихъ отно-

шеніяхъ. Гордость и довольство самимъ собой наполняли его душу, когда въ его грязную и тѣсную коморку входили стєпенные люди, нерѣдко богачи и даже ученые, разспрашивая его о значеніи различныхъ темныхъ мѣстъ въ священномъ писаніи, прося у него совѣтовъ въ разныхъ тонкостяхъ религіозной казуистики или просто обращаясь къ нему съ просьбой, чтобы онъ разсказалъ имъ какое-нибудь сказаніе изъ Гагады, какую-нибудь легенду или притчу. Шимшель объяснялъ, совѣтовалъ, по временамъ впадалъ въ восторгъ, близкій къ экстазу, и наполнялъ восхищеніемъ сердца слушателей, которые уходили, преклоняясь передъ его мудростью и краснорѣчіемъ...

Это былъ одинъ изъ источниковъ счастья Шимшеля. Другимъ и при томъ не меньшимъ была его отцовская любовь, которую возбуждали въ немъ пять особъ: каждая изъ нихъ приводила его въ восторгъ какими-нибудь спеціальными прелестями, каждая изъ нихъ будила въ немъ трогательную нѣжность и радость. Ему не приходилось безпокоиться о существованіи своихъ дѣтей. Этимъ вопросомъ была всегда крайне озабочена Ципа; но такъ какъ она никогда не говорила мужу о своихъ заботахъ, то онъ ничего и не зналъ о нихъ. Если же когда-либо Шимшелю случалось подумать о будущемъ своихъ дѣтей, то онъ мысленно говорилъ: „Енохъ, Менделе и Лейзеръ будутъ учеными, Либа и Эсѳирь выйдутъ замужъ за ученыхъ“. И это не была только надежда, но увѣренность, которая совершенно успокаивала Шимшеля относительно будущей судьбы его дѣтей и давала ему возможность предвкушать блаженное сознаніе необычайной учености всей его семьи.

Третьимъ и, вѣроятно, самымъ крупнымъ источникомъ счастья былъ для Шимшеля трудъ. Да. Онъ вовсе не былъ лѣнтяемъ, какъ могъ бы заключить кто-нибудь, поверхностно смотрящій на вещи. Мнѣ часто приходилось бывать въ лавочкѣ Ципы. При этомъ я всегда заглядывала въ сосѣднюю комнату и всегда видѣла, что Шимшель до такой степени утомленъ трудомъ, что потъ каплями выступалъ на его блѣдномъ отъ усталости лбу, покрытыя густыми черными волосами щеки лихорадочно горѣли темнымъ румянцемъ, а губы нервно дрожали отъ волненія, вызваннаго борьбой съ труднымъ вопросомъ. Шимшель работаетъ всѣмъ сердцемъ, всей душой и всѣми силами, но за то какую награду получаетъ онъ за свои труды! Сколько совершаетъ онъ открытій! Сколько глубокихъ и важныхъ загадокъ разрѣшаетъ онъ! Какія онъ переживаетъ чудныя иллюзіи!

Разъ, напримѣръ, ему удалось открыть, что въ Кедашимъ, т. е. въ пятой книгѣ талмуда, трактующей о жертвахъ, упомянуто имя одного животнаго, которое было нечистымъ, а потому и приносить его въ жертву Господу нельзя было. Объ имени этомъ до сихъ поръ никто еще не зналъ. И теперь еще никто не могъ догадаться, какое собственно животное означаетъ это названіе, открытое въ книгѣ Кедашимъ; однако, открытіе это доставило Шимшелю всѣ тѣ наслажденія, которыя обыкновенно испытываютъ изобрѣтатели, и стало крупнымъ событіемъ для всей общины. Какъ же!.. Маловажное ли дѣло узнать, что какое-то животное, собственно говоря, неизвѣстно какое именно, но носящее такое-то названіе, не могло быть согласно закону приносимо въ жертву Господу въ храмѣ, разрушенномъ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ?..

Въ другой разъ Шимшель увидѣлъ нѣчто сверхъестественное. Это было ночью. Ципа уже спала, спали и дѣти, но онъ не спалъ и работалъ, сидя возлѣ лампы съ длиннымъ коптящимъ фитилемъ. Онъ долго работалъ и теперь непобѣдимый сонъ сталъ овладѣвать имъ, какъ вдругъ онъ поднялъ взоръ отъ книги, выпрямился, смертельная блѣдность покрыла его лицо, онъ широко открылъ глаза и ротъ, и такъ и замеръ въ полувосторженной, полуиспуганной позѣ. Да и неудивительно, потому что онъ увидалъ слѣдующую картину.

За окномъ, передъ которымъ онъ сидѣлъ, простиралась непроницаемая тьма. На ея черномъ фонѣ, передъ налитыми кровью глазами Шимшеля блеснула сперва длинная золотая полоса, потомъ она медленно расширилась, раздѣлилась на тонкія полоски и, наконецъ, развернулась въ золотую лѣстницу, вершина которой доходила до неба, покрытаго тяжелыми тучами, а основаніе опиралось о твердую почву облитаго дождемъ двора.

Кругомъ царила непроглядная тьма; на фонѣ ея сверкали ступеньки этой золотой лѣстницы и на каждой ступенькѣ стоялъ ангелъ. Это были разные ангелы. Шимшель постепенно началъ узнавать ихъ, какъ существа, которыхъ онъ, правда, никогда не видалъ собственными глазами, но описанія которыхъ не разъ встрѣчалъ на страницахъ книгъ. У самаго основанія лѣстницы, поддерживая ее своими могучими плечами, стоялъ Саръ-га-Оламъ, архангелъ знанія. „Не даромъ въ Гагадѣ ему присвоенъ титулъ князя міра“ — подумалъ Шимшель, потому что могучая фигура ангела была покрыта пурпурной тканью, а на головѣ его была корона, составленная изъ искусносложенныхъ буквъ, которыя сверкали, какъ пламя

костра, на которомъ жгутъ мученика. Это былъ гордый духъ съ холоднымъ лицомъ; его окружала серебристая мгла, и Шимшель догадался, что это были мысли, вышедшія изъ головы духа. Мгла эта серебристыми полосами отрывалась отъ лона ангела знанія и улетала въ окружавшую его тьму. Когда же мгла эта начинала бороться съ тьмой, Саръ-га-Оламъ спокойно смотрѣлъ на борьбу большими, спокойными глазами, а огненныя буквы, составлявшія его корону, укладывались въ слово „побѣда“.

Выше располагались другіе ангелы, малые и большіе, сіявшіе больше и меньше. Шимшель узналъ ихъ всѣхъ, называя всѣхъ по имени. „Вотъ Ангелъ Метатронъ, — говорилъ онъ про себя: — хвала тебѣ, ангелъ Метатронъ, за то, что ты стережешь Израиль, какъ зѣницу ока и охраняешь его бѣдную голову своими крыльями“. — Крылья ангела Метатрона — бѣлаго цвѣта и такъ же, какъ талесы, въ которыхъ молятся сыны Израиля, обрамлены темно-голубыми полосами.

— А вотъ Ангелъ Урія съ одиннадцатью товарищами: они управляютъ мѣсяцами года. А вотъ ангелы огня и вихрей... они похожи на туманъ, сверкающій радугой, но краски ихъ блѣднѣютъ съ каждой минутой... они разсѣеваются и исчезаютъ, а съ того мѣста, гдѣ они стояли, долетаетъ уже только звукъ струны, рвущейся съ долгимъ жалобнымъ стономъ... А вотъ.. привѣтъ тебѣ Сандалфонъ, ангелъ молитвы!

На вершинѣ золотой лѣстницы, основаніе которой поддерживаетъ архангелъ знанія съ широкими плечами, одѣтый въ пурпурный плащъ, стоитъ ангелъ молитвы, стройный и блѣдный; золотистые волосы его увѣнчаны терновой короной, голова на-

клонена къ землѣ такимъ мягкимъ движеніемъ, точно онъ чутко вслушивается въ звуки, вѣчно исходящіе изъ нея.

Шимшель смотритъ на Сандалфона гораздо смѣлѣе, чѣмъ на другихъ ангеловъ. Онъ пріязненно улыбается, чувствуя, что они понимаютъ другъ друга. Вѣдь этотъ ангелъ — лучшій другъ людей. Руки его наполнены цвѣтами. Они постоянно мѣняются... все иные и иные... а онъ сплетаетъ ихъ въ безконечно длинные вѣнки.

— Я знаю, — думаетъ Шимшель, — это людскія молитвы, поднимающіяся надъ землей и плывущія къ Іеговѣ. Сандалфонъ хватаетъ ихъ на лету, превращаетъ въ цвѣты, сплетаетъ изъ нихъ вѣнки и кладетъ къ стопамъ Предвѣчнаго. Предвѣчный уже самъ узнаетъ, чьи это и какія мольбы.

Собирая людскія молитвы, Сандалфонъ чувствуетъ, вѣроятно, состраданіе и печаль: глаза его полны слезъ и сверкаютъ, какъ большіе прекрасные брилліанты. Шимшель смотритъ на эти слезы и думаетъ: „Хвала тебѣ, ангелъ Сандалфонъ, за то, что ты такъ милосердъ къ людямъ“. Сказавши это, онъ начинаетъ присматриваться къ цвѣтамъ, плывущимъ изъ рукъ Сандалфона длинной пестрой лентой, и не можетъ надивиться ихъ красотѣ. Пурпурныя чашечки цвѣтовъ вырастаютъ въ его глазахъ до такихъ размѣровъ, что онѣ уже не могутъ помѣститься въ окнѣ, сквозь которое онъ смотритъ. Бѣлыя, какъ снѣгъ, розы сверкаютъ серебряными слезами; на кровавыхъ стебляхъ вырастаютъ черные листья съ бѣлыми траурными ободками; голубыя звѣзды сыплютъ милліоны золотыхъ искръ; желтые тюльпаны принимаютъ видъ огненныхъ колоколовъ, внутри которыхъ качаются великія сердца, поросшія

горькой полынью. Шимшель смотритъ на всѣ эти чудеса. На лицѣ его играетъ улыбка восторга. Отъ удивленія онъ медленно наклоняетъ голову, а руки его непроизвольнымъ движеніемъ поднимаются вверхъ.

Вдругъ золотая лѣстница и наполняющіе ее ангелы, серебристыя слезы Саръ-га-Олама и чудные цвѣты Сандалфона, блѣднѣютъ, сливаются въ смутный туманъ, мѣстами сверкающій золотомъ и пурпуромъ, и все исчезаетъ. Шимшель протираетъ глаза тяжелой рукой и мутнымъ взоромъ осматривается кругомъ.

Передъ нимъ на столѣ стоитъ гаснущая лампа. Изъ нея выдѣляется зловонный черный дымъ. Кругомъ, на кроватяхъ, сундукѣ и подъ печью, раздается храпъ и тяжелое дыханіе спящихъ; изъ-подъ перины слышится кашель Либы; котъ, громко мурлыча, дремлетъ около скорчившагося въ углу Еноха. За окномъ уже начинаетъ свѣтать, но густыя тучи закрываютъ небо, а круглыя мутныя капли дождя падаютъ изъ нихъ на грязные камни двора и слышится вой и свистъ вѣтра.

Шимшель всталъ, надѣлъ талесъ, надѣлъ на лобъ ремень съ тефилимъ и, поднявъ руки, благодарилъ Бога за то, что онъ далъ ему, какъ Якову, видѣть при жизни своихъ ангеловъ и за то, что онъ далъ ему такъ много-много счастья.

Шимшель былъ тѣмъ болѣе счастливъ, что никакія заботы и никакія скорби, свойственныя людямъ, знакомымъ съ такими чувствами, какъ гуманность, филантропія, забота объ общемъ благѣ и т. д. не нарушали его глубокихъ и многочисленныхъ наслажденій. Ученый Шимшель не только совершенно не понималъ этихъ чувствъ, но не зналъ даже объ ихъ существованіи. Кромѣ науки, погло-

щавшей всѣ его силы, дѣтей, которыхъ онъ любилъ и жены, къ которой онъ испытывалъ снисходительную привязанность, граничащую съ состраданіемъ, — онъ совершенно не интересовался всѣми остальными вещами и явленіями.

Онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ обществомъ, окружавшимъ ту небольшую общественную группу, въ средѣ которой онъ жилъ. Онъ не зналъ его и знать не хотѣлъ. Онъ не питалъ къ нему ненависти, да и не могъ питать ея, потому что онъ никогда не думалъ о немъ, и оно совершенно не существовало для него. Что же касается того общества, съ которымъ онъ былъ связанъ единствомъ происхожденія, языка и вѣры, то онъ питалъ къ нему нѣкоторое расположеніе, но оно ему не причиняло никакихъ заботъ или огорченій. Онъ охотно открывалъ передъ нимъ сокровищницу своего знанія. Но онъ никогда не вмѣшивался въ его дѣла и не ломалъ головы надъ положительными или отрицательными условіями его существованія. Если когда-либо до ушей его доходилъ вздохъ, если кто-нибудь жаловался, говоря: „Горько живется намъ“, то онъ отвѣчалъ: „Такъ хочетъ Богъ!“ Если же вздохъ этотъ принималъ форму вопроса: „Что будетъ съ нами?“, то онъ отвѣчалъ: „Будетъ такъ, какъ угодно будетъ Богу“; при этомъ онъ вспоминалъ пророчества о пришествіи Мессіи, которыя по его мнѣнію должны были непремѣнно исполниться, и улыбался таинственно и блаженно.

Спокойствіе его было такъ же невозмутимо, какъ глубоко и полно было его довольство собой и какъ разностороннe чувствовалъ онъ свое счастіе.

Единственное огорченіе, которое онъ испытывалъ по временамъ, доставляло ему вавилонское плѣненіе,

нѣкогда перенесенное евреями. Размышляя или читая о немъ, онъ становился печальнымъ, впадалъ въ задумчивость и тихо напѣвалъ о рѣкахъ Вавилона и о землѣ изгнанія. По временамъ его огорчало также разрушеніе іерусалимскаго храма. Отъ всего сердца ненавидѣлъ онъ римскаго царя Тита, совершившаго это злое дѣло, ненавидѣлъ его страстно и упорно. Это былъ единственный предметъ его ненависти. Но чувство печали ему приходилось испытывать чаще. Иногда, читая исторію осады Іерусалима и всѣхъ тѣхъ событій, которыя совершились потомъ, онъ сжималъ голову руками, стоналъ и плакалъ.

Однако, за эти мрачныя минуты онъ былъ щедро вознаграждаемъ другими, блаженными минутами. Какое блаженство испытывалъ онъ, читая описаніе богатства и славы царя Соломона! Какъ громко и радостно пѣлъ и плясалъ онъ вмѣстѣ съ Давидомъ, поющимъ и пляшущимъ передъ кивотомъ завѣта. Какъ гордо торжествовалъ онъ вмѣстѣ съ Маккавеями! Какъ горячо радовало его первое собраніе израильскаго синедріона послѣ пораженія, и какое живое участіе принималъ онъ въ борьбѣ мудрецовъ, засѣдающихъ въ синедріонѣ, и какъ гордился онъ этимъ участіемъ!

По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у ногъ равви Гамаліила, съ равви Егуда велъ очень почтительные, но упорные споры, съ равви Акибой онъ нѣжно подружился, безгранично любилъ его и обожалъ.

Такъ протекала жизнь ученаго супруга Ципы среди нечастыхъ огорченій и постоянныхъ радостей, вплоть до того времени, когда одно неожиданное происшествіе нарушило спокойное и блаженное теченіе его жизни.

* * *

Если кто-нибудь изъ васъ, читатели, былъ когда-либо въ Онгродѣ, то вы должны знать тотъ закоулокъ, который отъ такъ называемаго бульвара ведетъ къ неизвѣстнымъ и неизслѣдованнымъ до сихъ поръ, очень обширнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тѣснымъ нѣдрамъ еврейскаго квартала.

Мнѣ очень неловко передъ вами, читатель, что я принуждена ввести васъ въ такое мѣсто, которое называется закоулокъ! Но что же дѣлать?

Писатель идетъ тѣми же путями, что и путешественникъ: болѣе всего привлекаютъ его къ себѣ мѣстности, мало извѣстныя, или совсѣмъ дикія. Итакъ, если вы обладаете инстинктами, свойственными путешественникамъ, то прошу пойти за мной въ этотъ закоулокъ, обѣ стороны котораго застроены вначалѣ высокими глухими стѣнами каменныхъ домовъ, а дальше низенькими деревянными и скверно побѣленными домиками, съ тремя, двумя и даже однимъ окномъ.

Вотъ домикъ, въ которомъ живетъ ребе Шимшель со своей семьей. Со стороны закоулка въ немъ есть два окна и двери или, скорѣе, дверцы, къ которымъ ведутъ нѣсколько ступенекъ. Окна эти не относятся къ квартирѣ Шимшеля: тамъ живетъ Ицко, слесарь, вмѣстѣ съ семью душами, составляющими его семью; двери же ведутъ въ лавочку Ципы.

Мнѣ очень прискорбно, что я принуждена провести васъ мимо этой лавочки, такъ какъ изъ нея доносится запахъ мыла, свѣчей, масла и селедокъ, и все это вмѣстѣ сливается въ агломератъ, не особенно пріятный для обонянія. Во всякомъ случаѣ, это вещи дѣйствительно существующія, реальныя, хотя и прозаическія; невозможно обойти ихъ, путешествуя

по странѣ дѣйствительности. И внутренность лавочки имѣетъ тоже очень реальный и прозаическій видъ, однако, мы можемъ совсѣмъ не присматриваться къ ней, потому что передъ нами находятся ворота двора, черезъ который намъ нужно пройти, для того, чтобы попасть въ квартиру Шимшеля.

Вечерній сумракъ начинаетъ сгущаться.

Послѣдніе отблески дневного свѣта даютъ намъ возможность замѣтить въ глубинѣ двора, надъ стоящимъ противъ воротъ домикомъ съ двумя окнами огромную руку, висящую въ воздухѣ. Она такой величины, какъ двадцать обыкновенныхъ рукъ, сложенныхъ вмѣстѣ; она оранжеваго цвѣта и вырисовывается совершенно отчетливо въ воздухѣ. Что же это можетъ означать? Чары ли это, или волшебныя козни, задуманныя съ какой-нибудь страшной и преступной цѣлью? Вѣдь всего можно ожидать въ этомъ грязномъ обиталищѣ невѣжественной еврейской массы.

Не дрожите, читатель, и не думайте объ отступленіи! Рука эта, висящая въ воздухѣ, не предназначена для какой-нибудь сверхъестественной цѣли и не обладаетъ никакими опасными свойствами. Дѣло объясняется очень просто: это вывѣска, предназначенная для какого-то перчаточника и висящая въ воздухѣ для того, чтобы краска могла скорѣе просохнуть.

Въ домикѣ, стоящемъ противъ воротъ, живетъ Мовше, маляръ. Онъ краситъ стѣны и пишетъ вывѣски. Для дѣтей Шимшеля, въ особенности для Эсѳири и Менделя, это просто благодѣтель. Онъ постоянно доставляетъ имъ неожиданныя радости и наслажденія. Передъ его домомъ они видятъ то огромную руку, висящую въ воздухѣ, то красный сапогъ съ желтой подошвой то розовое платье,

широко разостланное на голубомъ фонѣ, то кареты и кабріолеты лазореваго цвѣта на пурпурныхъ колесахъ.

Передъ этими чудесными картинами Эсѳирь нерѣдко простаиваетъ цѣлые часы, держа палецъ въ своихъ алыхъ губахъ и поднявъ глаза вверхъ, а Мендель доходитъ до такого восторга, что присаживается на камняхъ, поднимаетъ голову вверхъ и совершенно не замѣчаетъ, что съ головы его свалилась ермолка. Однако, это замѣчаетъ черезъ окно набожный Енохъ. Онъ выходитъ изъ комнаты, торжественно проходитъ черезъ дворъ и поднимаетъ съ земли ермолку для того, чтобы прикрыть ею голову легкомысленнаго брата. Въ это время онъ случайно замѣчаетъ чудесную картину, висящую передъ домомъ маляра, и забываетъ о своемъ намѣреніи; не выпуская изъ руки ермолки, которую онъ держитъ надъ головой Менделя, точно Дамокловъ мечъ, онъ неподвижно стоитъ и смотритъ. И такъ стоятъ они всѣ трое и смотрятъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ Либа и не позоветъ ихъ ужинать, или обѣдать.

Либѣ некогда присматриваться къ чудеснымъ картинамъ, но если только она придетъ туда для того, чтобы вырвать своихъ младшихъ братьевъ изъ состоянія восторга, то обыкновенно сама впадаетъ въ него, — останавливается и начинаетъ созерцать.

Но въ данный моментъ никто не занятъ созерцаніемъ гигантской оранжевой руки. Она виситъ на проволокѣ, которой не видно въ вечернихъ сумеркахъ, и при всякомъ порывѣ вѣтра съ протяжнымъ скрипомъ колышетъ своими пятью широко растопыренными пальцами, мелькая на фонѣ освѣщенныхъ оконъ.

Сегодня окна Мовши ярко освѣщены и сквозь нихъ до ушей нашихъ долетаетъ шумъ оживленнаго разговора. Неужели Мовше и жена его Хая могутъ давать балы? Сомнѣваюсь. Несмотря на то, что въ средѣ израильскаго народа существуютъ Ротшильды и много другихъ богатыхъ банкировъ, маляръ Мовше принадлежитъ къ числу очень небогатыхъ людей.

Снова на лицѣ вашемъ я замѣчаю, читатель, выраженіе безпокойства и тревоги! Если это необычное освѣщеніе оконъ квартиры, не является слѣдствіемъ бала, то это должно быть какое-нибудь таинственное совѣщаніе или мрачный заговоръ...

Не знаю... можетъ быть!

Я не знаю Мовше такъ близко, какъ Шимшеля, и потому не могу ручаться за него. Впрочемъ, мы навѣрное узнаемъ, въ чемъ дѣло, а теперь бросимъ взглядъ на то окно, которое отдѣлено отъ оконъ Мовши всей шириной двора.

Стѣна дома, возлѣ котораго мы стоимъ, уже очень старая, низкая и обладаетъ очевиднымъ стремленіемъ растянуться на землѣ, къ которой она наклонилась своей шероховатой сѣрой поверхностью. Вмѣстѣ съ ней гнется къ землѣ окно, состоящее изъ четырехъ стеколъ и оправленное въ изгнившую раму. За окномъ слабо мерцаетъ свѣтъ. Онъ исходитъ изъ лампы съ длиннымъ узкимъ фитилемъ. Лампа эта горитъ у окна на столѣ, до половины прикрытомъ большой раскрытой книгой. За столомъ надъ книгой сидитъ...

Теперь ужъ я представлю вамъ самого Шимшеля. Я совершенно увѣрена, что, присмотрѣвшись къ нему, вы согласитесь съ мнѣніемъ Ципы и признаете, что у него прекрасная и тонкая наружность.

Онъ высокаго роста и очень худъ. Руки у него бѣлыя, какъ у женщины аристократическаго происхожденія: тонкія и стройныя, хотя очень худыя. Его худощавое, блѣдное лицо окаймлено длинной вьющейся, черной, какъ смоль, бородой. Черты этого лица отличаются удивительной чистотой и тонкостью, на немъ царитъ выраженіе кротости и спокойствія. Когда онъ отрываетъ отъ книги свои глаза, лицо это обливается сіяніемъ глубокаго, таинственнаго мечтанія: видно, что эти черные зрачки, огненные въ глубинѣ и влажные на поверхности, нерѣдко плачутъ надъ вавилонскимъ плѣненіемъ и разрушеніемъ Іерусалима, часто смотрятъ на пламенные іероглифы, — увѣнчивающіе гордую голову ангела знанія и на алмазныя слезы, горящія въ глазахъ ангела молитвы. Въ огненныхъ и въ то же время кроткихъ глазахъ его видна гордость Саръ-га-Олама и чудесная доброта Сандалфона. Его тонкія розовыя губы, едва виднѣющіяся подъ черной растительностью, обрисованы такъ изящно, такъ краснорѣчиво дрожатъ отъ времени до времени и улыбаются такой кроткой и трогательной улыбкой, что были бы несомнѣннымъ признакомъ впечатлительной, нервной и, можетъ быть, даже художественной натуры, если бы... не принадлежали такому невѣжественному и простому еврею.

Что же касается меня, то я совершенно раздѣляю мнѣніе Ципы относительно наружности ея мужа и думаю, что, если смотрѣть на него глазами, знакомыми со свѣтомъ ангела знанія и ангела милосердія, то можно о многомъ догадаться и о многомъ пожалѣть...

Впрочемъ, если еврей этотъ заинтересовалъ васъ такъ же, какъ и меня, то вы вдоволь можете насмо-

трѣться на него, если только захотите прійти въ это же время на этотъ же дворъ, потому что онъ каждый день неизмѣнно сидитъ вечеромъ такъ, какъ мы видимъ его сегодня; за столомъ, лицомъ къ окну, освѣщенному мутнымъ свѣтомъ лампочки, наклонившись надъ книгой или засмотрѣвшись куда-то въ высь. Иногда вы можете увидѣть его съ Эсѳирью, скачущей у него на колѣняхъ или съ Лейзеромъ, который взбирается къ нему на спину и погружаетъ обѣ руки въ его черные, какъ смоль, волосы. Въ такія минуты онъ бываетъ очень веселъ, забываетъ о вавилонскомъ плѣненіи и о Сандалфонѣ. Онъ смѣется вмѣстѣ съ дѣтьми и громко цѣлуетъ ихъ щечки ...

Теперь перестанемъ уже присматриваться къ нему, потому что двери квартиры маляра Мовше открываются, а оттуда выходитъ группа черныхъ фигуръ и, пройдя подъ грозящей имъ оранжевой рукой, шумно разговаривая, проходитъ черезъ дворъ и входитъ въ квартиру Шимшеля.

Войдемте вмѣстѣ съ ними.

Въ комнатѣ стало страшно тѣсно. Въ нее вошло шесть душъ; Ицко — слесарь, Мовше — маляръ, Іосель — скорнякъ, Меиръ — сынъ Іоселя и еще двое.

Вѣроятно, для этихъ людей Мовше освѣщалъ свою квартиру à giorno и они-то разговаривали въ ней такъ шумно. Но чего же хотятъ они отъ Шимшеля? — Они кланяются ему очень почтительно, но съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Іосель, скорнякъ, какъ самый старшій или какъ самый краснорѣчивый, выходитъ впередъ. Съ нѣкоторой робостью онъ приступаетъ къ дѣлу и разсказываетъ, что все собравшееся здѣсь общество порѣшило ...

Порѣшило... вотъ видите! развѣ мы не угадали? Они что-то порѣшили! Что же они могли порѣшить. Конечно, не что иное, какъ нѣчто такое, что можетъ подкопать или оскорбить христіанскій міръ. Вѣдь евреи стремятся овладѣть всѣмъ міромъ, такой ужъ воинственный народъ! навѣрное и теперь они порѣшили что-нибудь для этой цѣли.

Итакъ, скорнякъ Іосель говоритъ, что онъ и его товарищи рѣшили устроить... театръ въ день Пурима.

Порѣшивши устроить театръ въ пользу бѣдныхъ въ день Пурима, они надумали просить ребе Шимшеля, чтобы онъ присоединился къ ихъ компаніи.

У ребе Шимшеля хорошій, очень хорошій голосъ: никто лучше его не пропоетъ главной роли.

Самъ канторъ посовѣтовалъ имъ сдѣлать это, а вѣдь, какъ всѣмъ извѣстно, — онъ чудно поетъ и знаетъ всѣ голоса въ общинѣ, какъ свой собственный.

Ребе Шимшель ученый, очень ученый человѣкъ. Участіе его въ этомъ предпріятіи возбудитъ симпатію къ нему народа и придастъ ему достаточную серьезность. Его проситъ объ этомъ равви Борухъ, который опекаетъ бѣдныхъ...

Что же они намѣрены играть? Они будутъ играть произведеніе: „Сильный Сампсонъ“, которое Ребе Шимшель, вѣроятно, знаетъ (чего же можетъ не знать мудрость Ребе Шимшеля?), и въ которомъ есть такое прекрасное пѣніе и такія прекрасныя картины, что... ахъ!

Скорнякъ Іосель умолкаетъ, а изъ-за его широкой фигуры выдвигается впередъ высокій и широкоплечій Мовше, маляръ, и съ улыбкой, веселой и вмѣстѣ съ тѣмъ робкой, дѣлаетъ остроумное замѣ-

чаніе, что ребе Шимшель еще и потому долженъ снизойти къ ихъ просьбѣ, что вѣдь лучше всего будетъ, если роль „Сильнаго Сампсона" сыграетъ самъ сильный Сампсонъ: у того Сампсона сила была въ тѣлѣ, а у этого — въ умѣ.

Это вѣжливое и остроумное замѣчаніе Мовши, при томъ же вполнѣ основательное, вызываетъ всеобщее одобреніе.

И дѣйствительно, Шимшель — это Сампсонъ, точно такъ же, какъ Іосель — Іосифъ, Ицко — Исаакъ и т. д. Вамъ, можетъ быть, не приходило въ голову, читатель, какія величественныя и почтенныя имена скрываются за этими скромными кличками, возбуждающими всеобщія насмѣшки. Вамъ не-разъ случалось смѣяться надъ Мовшей, Ицкомъ и Шимшелемъ, и при этомъ вы совершенно не подозрѣвали, что имѣете дѣло съ Моисеемъ, Исаакомъ и Сампсономъ... Если бы вы немножко отучились отъ смѣха, то вы узнали бы, можетъ быть, много интереснаго и новаго. Но смѣхъ... Если бы меня спросили, какъ нѣкогда Эзопа: что на свѣтѣ самое худшее и въ то же время самое лучшее — я отвѣтила бы: смѣхъ.

Шимшель или Сампсонъ долго размышлялъ надъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Теперь уже отъ него требовали не созерцанія и не размышленія, но дѣйствія, а объ этомъ Шимшель не имѣлъ никакого понятія.

Его пугала самая мысль о томъ, что нужно дѣйствовать. Ему такъ трудно было ходить, двигаться, дѣлать усилія, — словомъ, дѣйствовать. Къ тому же театръ — это нѣчто очень легкомысленное: прилично ли ему принимать участіе въ немъ? не будетъ ли это оскорбленіемъ его достоинства?

Онъ долго думалъ, потомъ всталъ и сказалъ:

— Если канторъ говоритъ, что у меня прекрасный голосъ, если объ этомъ проситъ меня равви Борухъ и если это въ пользу бѣдныхъ, то я соглашаюсь принять участіе.

Собравшіеся громко выразили свою радость, въ которой вскорѣ сталъ принимать участіе и самъ Шимшель.

Если бы Шимшель не былъ еврей, то онъ сказалъ бы, — и имѣлъ бы полное право сказать: „я самъ бѣденъ!“ — но такъ какъ онъ былъ еврей, то не имѣлъ права сказать этого и не сказалъ. Вѣдь у ег жены было дѣло, основанное на тридцати рубляхъ капитала, вѣдь каждый день она варила размазню съ картошкой, а на пятницу и субботу покупала даже полтора фунта мяса или рыбы, и согласитесь, что для семьи, состоящей изъ семи человѣкъ, это было вполнѣ достаточно.

При такихъ условіяхъ существованія Шимшелю не пришло въ голову, что онъ бѣденъ, и что можно было бы устроить спектакль и въ его пользу.

Теперь общество, пригласившее его, стало разсказывать Шимшелю, кто какую роль будетъ играть.

— Высокій, широкоплечій Мовше какъ разъ подходитъ для роли царя филистимлянъ! ну! какъ онъ споетъ ее...

— Ицко, слесарь, будетъ министромъ и пособникомъ Мовши, а эти двое, ребе, будутъ играть старцевъ іерусалимскихъ, плачущихъ передъ филистимлянскимъ царемъ...

— Меиръ, сынъ Іоселя скорняка (тутъ названный краснѣетъ отъ стыда), изобразитъ Далилу... онъ такой молодой и у него такое нѣжное лицо... изъ него выйдетъ прекрасная дама.

— Остальныхъ филистимлянъ здѣсь нѣтъ, но мы уже нашли ихъ... только у нихъ нѣтъ времени придти сюда, потому что это столяры и сапожники, которые работаютъ до поздней ночи.

— Учить насъ будетъ самъ канторъ: у него мы будемъ собираться на репетиціи, а равви Борухъ обѣщалъ собрать деньги на костюмы и другіе расходы у богатыхъ купцовъ.. Ну! и мы сами тоже постараемся... Что же дѣлать? Если Господь Богъ далъ намъ такое счастье, что намъ есть чѣмъ жить, то нужно отблагодарить Его за это, помогая тѣмъ, которымъ онъ не далъ этого счастья.

— Скорнякъ Іосель играть не будетъ, онъ только будетъ хозяиномъ: его дѣло смотрѣть за тѣмъ, чтобы все было устроено рехтъ и рихтигъ.

Разсказавши все это, гости ушли, кланяясь и благодаря. Шимшелю не приходило въ голову, что рѣшеніе, принятое имъ, оставитъ слѣды на всей его жизни и — кто знаетъ? — быть можетъ, будетъ имѣть важныя послѣдствія для будущности его дѣтей.

Во всякомъ случаѣ можно сказать съ увѣренностью, что со дня прихода этой депутаціи началась новая эра въ жизни.. Ципы. Сколько удовольствія и гордости испытывала она въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ недѣль, которыя наступили вслѣдъ за тѣмъ.

Шимшель нѣсколько измѣнилъ своимъ привычкамъ: онъ уже не велъ сидячей жизни съ утра до вечера. Уже съ утра покидалъ онъ свою квартиру и проводилъ время у кантора, гдѣ упражнялся въ искусствѣ пѣнія, которымъ и прежде обладалъ въ довольно высокой степени. За то по вечерамъ труппа артистовъ-любителей собиралась къ нему въ полномъ составѣ.

Съ вѣжливой гордостью, которая отличаетъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ, онъ просилъ своихъ товарищей, чтобы они сдѣлали ему эту честь, а они съ чувствомъ немалаго удовлетворенія самолюбія охотно исполнили это желаніе. Очень пріятно бывать ежедневно у человѣка, стоящаго неизмѣримо выше насъ. Слесарь, маляръ и скорнякъ очень гордились возможностью бывать ежедневно въ домѣ ученаго, но такъ какъ они занимались грубымъ, низменнымъ ремесломъ, которое отличается тѣмъ, что отнимаетъ двѣнадцать, четырнадцать, а то и шестнадцать часовъ въ сутки, то они могли приходить только очень поздно вечеромъ.

Когда они собирались, въ комнатѣ становилось жарко, какъ въ печи. Они задыхались отъ жары; тогда Шимшель, видя это, давалъ хорошій примѣръ своимъ гостямъ: онъ снималъ халатъ и садился на столъ у окна въ жилетѣ и рубахѣ (далеко не снѣжной бѣлизны).

Послѣ этого гости говорили: „позвольте!“ и, снявши свои халаты, садились, куда кому пришлось: на сундукъ, на хромыя скамейки или просто на полъ. Это послѣднее мѣсто доставалось обыкновенно шестнадцатилѣтнему Меиру, который долженъ былъ исполнить роль Далилы. Ему же, какъ самому младшему, не разрѣшалось снять сѣраго сюртучишка, прикрывавшаго его тѣло (за исключеніемъ локтей).

Всѣ они составляли обыкновенно слѣдующую группу: Шимшель, сидя на столѣ, возвышался надъ всѣми остальными, а среди нихъ самыми выдающимися точками были: филистимлянскій царь, т. е. маляръ Мовше, лицо и руки котораго были татуированы красной и синей красками и круглое лицо

Далилы, т. е. Меира, красное, какъ піонъ, отъ жары и смущенія, покрытое каплями пота, какъ росой. Усѣвшись такъ, они начинали репетицію, т. е. пѣли то вмѣстѣ, то поочереди подъ руководствомъ скорняка, который стоялъ въ глубинѣ комнаты и сильно размахивалъ руками. Особенно часто приходилось ему слушать Меира, который не особенно точно соблюдалъ свою очередь, вѣроятно отъ робости.

Именно тогда Ципа начала ощущать приливъ блаженства.

Хотя она была хозяйкой дома, ей вовсе не приходилось заботиться о томъ, какъ принять гостей. Это, конечно, очень дурной тонъ, но что же прикажете дѣлать? На вокально-драматическихъ вечерахъ у Шимшеля и Ципы не было никакого угощенія. Если пѣніе утомляло кого-либо изъ гостей, то онъ пилъ чистую воду (безъ сахара и безъ вина). Такъ какъ Ципѣ не приходилось, какъ другимъ хозяйкамъ, оставлять общества и заниматься хозяйскими заботами, то она садилась на полъ возлѣ самой печи, обнимала руками колѣни, смотрѣла и слушала. Она смотрѣла на мужа и слушала мужа. Когда пѣли другіе, лицо ея принимало равнодушное, а по временамъ даже презрительное выраженіе; когда же приходила очередь этого высокаго человѣка, сидящаго на столѣ въ рубахѣ и жилетѣ, о! тогда ея темное увядшее лицо, еле виднѣвшееся въ тѣни печи, съ чернымъ, какъ смоль, парикомъ надъ низкимъ сморщеннымъ лбомъ, свѣтилось такой гордостью, принимало такое трогательное, восторженное выраженіе, что, глядя на нее, всякій сказалъ бы: „счастливая женщина!“

Да, въ эти незабвенные вечера Ципа была счастлива, горда и весела. Она забывала о лавочкѣ, о

кредиторахъ, о порогахъ, у которыхъ стояли ея наболѣвшія ноги, о лѣстницахъ, на которыхъ ей спирало дыханіе, о грубыхъ кухаркахъ и негодныхъ соперницахъ, о блюстителяхъ порядка и всѣхъ своихъ огорченіяхъ и думала только: „Ай! какой онъ прекрасный! Какой деликатный! Какъ онъ прекрасно поетъ и какъ уважаютъ его люди!“ Иногда она прибавляла: „Господь Богъ милостивъ ко мнѣ: Онъ далъ мнѣ счастье!“

Репетиціи тянулись нерѣдко до часу и даже до двухъ часовъ ночи, но Ципа ни на минуту не смыкала глазъ. Набожный Енохъ, сидящій на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ углу, держа въ своихъ объятіяхъ кота, тоже старался не засыпать, но вѣки его невольно смыкались, шапочка сдвигалась на затылокъ, а голова по временамъ ударялась о стѣну. Что же касается остальныхъ дѣтей, то Либа, широко раскрывъ глаза, лежала на высокихъ перинахъ матери, при чемъ ея маленькая косичка вся расплеталась и покрывала ея лицо космами льняныхъ волосъ. Эсѳирь крѣпко спала за спиной отца, растянувшись на столѣ, изъ-подъ котораго выглядывали ноги спящаго Менделя. Лейзеръ просыпался отъ времени до времени и присоединялъ свой высокій альтъ къ голосамъ поющихъ, но въ такой торжественный моментъ никто не обращалъ на него вниманія.

* * *

Пуримъ! Пуримъ! Не знаю уже сколько тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жестокій Аманъ, министръ царя Агасфера, задумалъ истребить израильскій народъ, но его спасли Мардохай — своей мудростью и царица Эсѳирь — своей красотой и кротостью. Аманъ окончилъ жизнь свою на

висѣлицѣ, а народъ израильскій былъ спасенъ отъ гибели. Вслѣдствіе этого народъ этотъ до сихъ поръ празднуетъ годовщину своего спасенія съ такой радостью, какъ будто это была не двухтысячная годовщина, а первая или вторая, а въ память казни Амана пекутся пирожныя особенной формы, называемыя Аманташе.

Пуримъ! Пуримъ! Всѣ евреи города Онгрода испытываютъ бурную радость и необычайное веселіе. Отъ старцевъ до дѣтей, отъ богачей до нищихъ всѣ веселятся (пожалуй, не веселятся только Ротшильды и богатые банкиры). Въ этотъ день во всѣхъ домахъ и домикахъ ведутся трогательные разговоры о прекрасной и доброй — ахъ, какой доброй! — царицѣ Эсѳири! Вездѣ благословляютъ и мудраго Мардохая. Счастливые люди эти Мардохай и Эсѳирь! Прахъ ихъ давно истлѣлъ въ землѣ, а память ихъ до сихъ поръ благословляютъ милліоны сердецъ и при томъ какихъ сердецъ! -- такихъ, которыя не знаютъ и не понимаютъ никакихъ благородныхъ или нѣжныхъ чувствъ. Эти низменныя, эгоистическія, неблагодарныя сердца съ радостнымъ умиленіемъ и нѣжной благодарностью въ двухтысячный разъ торжественно вспоминаютъ своихъ благодѣтелей и спасителей.

Сердца эгоистическія, низменныя и неблагодарныя! Пусть Эсѳирь и Мардохай свидѣтельствуютъ о томъ, что вы полны безконечной благодарности и нѣжности.

Шимшель радуется вмѣстѣ съ другими и въ теченіе цѣлаго дня благословляетъ обоихъ героевъ, но радость его нарушается чувствомъ нѣкотораго страха не передъ публикой, передъ которой ему предстоитъ появиться, но передъ важностью и отвѣтственностью своей задачи.

Если бы, изображая передъ народомъ такого великаго мужа, какъ Сампсонъ, онъ оскорбилъ память его, то на совѣсти Шимшеля легъ бы тяжелый грѣхъ. Нѣтъ, онъ долженъ быть прекраснымъ, великимъ и могучимъ, какъ настоящій Сампсонъ! Онъ чувствуетъ даже, что въ груди его подымается волна чувствъ, которыхъ онъ никогда не испытывалъ прежде: онъ чувствуетъ, что сердце его расширяется отъ какихъ-то могучихъ желаній, тоски и смутной радости, что сердце это начинаетъ биться все сильнѣе и сильнѣе, и какъ бы увеличивается по мѣрѣ приближенія вечера. Цѣлый день не говоритъ онъ съ Ципой — хочетъ говорить и не можетъ...

А Ципа плачетъ.

Какъ же ей не плакать? — Она не имѣетъ возможности быть на спектаклѣ и видѣть, какъ играетъ мужъ! На цѣлый вечеръ она нанята къ одной барынѣ, которая нуждается въ ея услугахъ. Да, кромѣ того, нужно будетъ присматривать за лавочкой, потому что въ это время никто, навѣрное, не захочетъ замѣнить ее. Итакъ, Ципа плачетъ, по обыкновенію бѣгая по улицамъ или безсильно усаживаясь за прилавкомъ.

Плачетъ и Либа, не переставая заниматься хозяйствомъ. Она тоже не пойдетъ въ театръ, потому что у нея нѣтъ другого платья, кромѣ того, которое на ней теперь, а такъ какъ оно разлетается въ клочья (и примѣру его слѣдуютъ также и ботинки), то Либа не можетъ показаться среди людей.

Набожный Енохъ относится очень равнодушно къ готовящемуся торжеству. Съ точки зрѣнія строгой ортодоксіи онъ видитъ въ немъ много недостатковъ и потому добровольно рѣшаетъ не уходить изъ дому.

За то Эсѳирь и Менделе съ самаго утра собираются идти въ театръ и только ждутъ той минуты, когда дѣти сосѣдей (маляра и слесаря) отправятся въ путь, чтобы пойти съ ними. Для этого Либа, еще на разсвѣтѣ одѣла маленькую сестрицу въ лубые атласные башмачки (заплатанные бѣлыми нитками и связанные сѣрыми веревками) и спрятала бѣлыя тесемки подъ розовымъ сюртучкомъ Менделе. Но день уже близился къ концу, а отецъ все еще не уходилъ изъ дому, и дѣти Мовши не отправлялись въ путь. Только вечеромъ Шимшель, послѣ горячей молитвы, медленнымъ шагомъ уходитъ изъ дому въ глубокой задумчивости. Слѣдомъ за нимъ отправляются, держась за руки, Эсѳирь и Менделе.

Въ ту же минуту съ трескомъ открываются двери домика, стоящаго въ глубинѣ двора, и оттуда вырывается шумная толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей Мовши и Ицка.

Эсѳирь и Менделе издаютъ торжествующій крикъ. Они покидаютъ отца и присоединяются къ толпѣ маленькихъ сосѣдей. Но всѣ эти маленькіе сосѣди старше ихъ, у нихъ болѣе длинныя ноги, и они дѣлаютъ болѣе крупные шаги. Къ тому же они очень веселы, потому что одѣты въ великолѣпные костюмы, особенно дѣвочки сверкаютъ свѣже вымытыми ситцевыми платьицами и красными платочками на головахъ. Теперь они бѣгутъ быстро, кричатъ и перегоняютъ другъ друга. Имъ не приходитъ въ голову подумать о двухъ маленькихъ существахъ, которыя спѣшатъ за ними изо всѣхъ силъ съ разгорѣвшимися лицами и развѣвающимися по вѣтру огненными волосами. Они не видятъ и не замѣчаютъ, что голубые башмачки Эсѳири вязнутъ въ снѣгу, вязнутъ такъ, что ихъ трудно вытащить оттуда и что ер-

молка Менделе постоянно сваливается съ его головы.

Изъ за этихъ башмачковъ и ермолки имъ постоянно приходится останавливаться, при томъ же и тесемки... снова выползли изъ подъ сюртучка и затрудняютъ и безъ того колеблющіеся шаги Менделе. А веселая блестящая толпа удаляется все дальше... наконецъ, добѣжала до конца улицы... и теперь уже подвигается по обширному, покрытому снѣгомъ бульвару...

Эсѳирь дѣлаетъ послѣднія усилія и добѣгаетъ до конца улицы. Но гдѣ же тѣ, кто долженъ былъ руководить ими въ дорогѣ? Ихъ нѣтъ уже на бульварѣ! Очевидно, они свернули въ какую-то улицу и исчезли!

Что же дѣлать? Идти такъ вдвоемъ? — Конечно, это было бы хорошо, но...

Передъ глазами этой пары, которая, взявшись за руки, стоитъ на углу улицы, простирается безконечный, неизмѣримый бульваръ.

Что за огромное и при томъ же совершенно незнакомое пространство? Они такъ молоды, что еще не успѣли побывать здѣсь! Какъ же теперь отправятся они въ эту невѣдомую страну? И даже если бы имъ удалось пройти эту обширную равнину, то куда направятся они дальше? Со всѣхъ сторонъ этой равнины зіяютъ глубокія, длинныя ущелья, а изъ нихъ слышится странный шумъ и грохотъ! Которое же изъ этихъ ущелій ведетъ къ цѣли ихъ путешествія? Они совершенно не знаютъ этого. Что же остается имъ дѣлать?

Они поступаютъ очень просто. Долго простоявъ безъ движенія и осмотрѣвшись кругомъ, Эсѳирь сжимаетъ кулачки и подноситъ ихъ къ глазамъ, изъ

которыхъ тотчасъ начинаетъ бить цѣлый фонтанъ слезъ. Менделе слѣдуетъ ея примѣру съ той лишь разницей, что онъ раздирающимъ жалобнымъ голосомъ начинаетъ кричать: „Тателе!“, а Эсѳирь, будучи нѣсколько старше, знаетъ, что отецъ не можетъ услышать ихъ, потому что онъ гдѣ-то далеко, очень далеко! Она поправляетъ брата и кричитъ: „Мамеле!“ Продолжая кричать и плакать, они поворачиваютъ и направляются обратно къ дому...

Какъ разъ въ то время Шимшель, совершенно не знающій о несчастіи, которое постигло его дѣтей, входитъ въ уборную...

Уборная переполнена, въ ней шумно и очень красно. Краснотой сіяетъ въ особенности Мовше, маляръ, который ходитъ по уборной въ своемъ театральномъ костюмѣ. Плечистый сильный Мовше, нервы и мускулы котораго закалены тяжелымъ физическимъ трудомъ, обладаетъ гораздо меньшей впечатлительностью и добросовѣстностью, чѣмъ Шимшель. Къ тому же, исполняя роль филистимлянскаго царя, онъ не чувствуетъ на себѣ тяжелой обязанности возбуждать симпатію и почтеніе народа. Онъ беззаботенъ и веселъ. Сразу видно, что онъ сталъ душой всего предпріятія.

Онъ имѣетъ вполнѣ представительный видъ, приличествующій монарху великаго государства. Одежда его состоитъ изъ пурпурно-красныхъ шароваръ и такой же рубахи, подпоясанной золотымъ галуномъ. Золотая корона съ красными пятнами увѣнчиваетъ его голову, а сбоку виситъ настоящая сабля, выпрошенная у какого-то нижняго чина. Благодаря всему этому, у Мовши такой монументальный видъ, что человѣкъ, незнакомый съ дѣломъ, могъ бы принять его за актера, исполняющаго роль средневѣковаго палача.

Но въ дѣйствительности это по истинѣ монаршій костюмъ, и лицо Мовши, украшенное великолѣпнымъ картоннымъ носомъ, черными, какъ уголь, гигантскими усами и черной клинообразной бородой „á la Napoleon III“ производитъ по истинѣ царственное впечатлѣніе. Онъ уже нѣсколько часовъ гуляетъ по уборной, звенитъ саблей, тихо напѣваетъ и громко и энергично распоряжается экипировкой своей арміи. Армія эта нешуточная: она состоитъ изъ четырехъ рядовыхъ и одного начальника.

Начальникъ этой арміи, онъ же совѣтникъ и министръ монарха — Ицко, мѣдникъ, весь сіяетъ желтымъ кафтаномъ, усѣяннымъ серебряными пластинками. Отъ природы онъ брюнетъ, но такъ какъ Сампсонъ и царь филистимлянъ, должны быть брюнетами, то онъ для разнообразія надѣлъ рыжій паричекъ, а поверхъ его одѣлъ маленькую четырехугольную шапочку, зеленую, какъ майская трава. У рядовыхъ болѣе скромные костюмы, во всякомъ случаѣ настолько изящные, что своимъ видомъ они дѣлаютъ честь своему начальнику.

Всѣ эти рыцари, какъ приличествуетъ истиннымъ рыцарямъ, очень давно приготовились къ появленію на полѣ битвы. Но Далила, какъ истинная дама, еще не готова.

Въ углу уборной, гдѣ собралось много народа и слышится неумолкаемый шумъ, Меиръ, сынъ скорняка Іоселя, чуть не теряетъ сознанія отъ стыда и тайной радости, когда на огромный кринолинъ ему надѣваютъ голубое платье, а въ паричекъ, падающій на спину, втыкаютъ двѣ огромныя ярко-красныя розы.

Его большія руки (которыя уже нѣсколько лѣтъ помогаютъ въ работѣ отцу) съ изумленіемъ умѣщаются въ палевыя перчатки и съ еще большимъ изу-

мленіемъ берутъ въ пальцы маленькій вѣеръ изъ розовой матеріи. Пухлое, почти дѣтское лицо Меира, красно, какъ піонъ. Въ палевыхъ перчаткахъ и съ вѣеромъ въ рукѣ прижался онъ спиной къ стѣнѣ и стоитъ неподвижно, выпрямившись, а одѣвающіе его (конечно, мужчины) съ царемъ филистимлянъ во главѣ отходятъ на нѣсколько шаговъ, разсматриваютъ его съ этого разстоянія и единогласно утверждаютъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: „красивая дама!“.

Въ это время въ уборную входитъ Шимшель. Воцаряется тишина — признакъ почтенія. Шимшель ни однимъ словомъ не прерываетъ ея. Онъ подходитъ къ столу, на которомъ разложенъ его театральный костюмъ, и начинаетъ одѣвать его съ такимъ сосредоточеннымъ и торжественнымъ выраженіемъ, какъ будто онъ надѣваетъ талесъ и тефилимъ передъ молитвой.

Да уже и время кончать туалетъ. Зрительный залъ кипитъ отъ нетерпѣнія собравшихся зрителей.

Что это за зала, гдѣ она находится и какъ достали ее любители на сегодняшній вечеръ? Долго пришлось бы разсказывать объ этомъ! Не мало затрудненій, хлопотъ и всякихъ мученій пришлось имъ вытерпѣть по поводу ея.

Но какъ бы тамъ ни было, она была и къ ней вели съ улицы большія, похожія на пещеру сѣни. Здѣсь при тусклomъ свѣтѣ сальнаго огарка виднѣлся буфетъ и на немъ значительное количество липкихъ и мало привлекательныхъ конфетъ, черныхъ, какъ сажа, маковниковъ, гнилыхъ яблокъ и т. д.

Черезъ пещеру эту плыла толпа и наполняла узкую, длинную залу, полъ которой для удобства публики былъ покрытъ наклонно уложенными бревнами. Поверхность ихъ была полукруглой, поэтому нельзя было сказать, чтобы на нихъ можно было

стоять съ особеннымъ комфортомъ. При нѣкоторой придирчивости можно было бы также найти кой какіе недостатки въ освѣщеніи: оно было устроено такъ, что освѣщало только стѣны и нѣсколько скамеекъ, стоявшихъ недалеко отъ сцены и предназначенныхъ для высшихъ сферъ, а остальное пространство зрительной залы было покрыто непроглядным мракомъ.

Оркестра совсѣмъ не было (хотя избранная пьеса представляла изъ себя оперу), но на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщается оркестръ, стоялъ стулъ, а на немъ сидѣлъ скорнякъ Іосель. Онъ сидѣлъ, повернувшись лицомъ не къ сценѣ, а къ публикѣ, такъ какъ собирался дирижировать не артистами, а зрителями.

Артисты прекрасно знаютъ свои роли и при помощи энергичнаго и расторопнаго Мовши (царя филистимлянъ) они всегда сумѣютъ справиться съ своей задачей.

Совсѣмъ другое дѣло публика — это элементъ бурный и недисциплинированный.

И вотъ, для того, чтобы регулировать нерѣдко неправильныя дѣйствія публики, режиссеръ Іосель усѣлся тамъ, гдѣ обыкновенно располагается оркестръ.

Теперь публика, стоящая на полукруглыхъ бревнахъ, приходитъ въ движеніе и нетерпѣливо ропщетъ... еще минута. и она разразится оглушительнымъ шумомъ.

За широкой спиной Іоселя внезапно поднимается занавѣсъ... Громкій шумъ умолкаетъ, какъ по манoвенію волшебнаго жезла, а среди невозмутимой тишины раздается протяжный, грозный ревъ льва...

Сцена изображаетъ пустыню.

На туманномъ фонѣ виднѣется нѣсколько пальмъ.

Это, вѣроятно, оазисъ, а изъ оазиса выходитъ огромный левъ, темно-коричневаго цвѣта съ очень блестящими глазами. Царь пустыни не даромъ издалъ этотъ страшный звукъ. У него очень тонкое обоняніе, и онъ почувствовалъ приближеніе человѣка.

А вотъ и человѣкъ.

Точно такъ же, какъ и левъ, онъ выходитъ изъ пальмъ, но только съ противоположной стороны. Можно догадаться, что это Сампсонъ.

Но неужели это Шимшель?

Какая перемѣна! Сама Ципа не узнала бы его, если бы была здѣсь. Онъ кажется выше, мужественнѣе; костюмъ его, составленный подъ его руководствомъ, не лишенъ торжественности и блеска. Онъ состоитъ изъ пурпурной одежды, сверкающей золотымъ шитьемъ, и бѣлаго плаща со складками. Цѣлая волна черныхъ, какъ смоль, и длинныхъ до пояса волосъ падаетъ на его плечи. Грудь Сампсона покрыта брилліантовымъ ожерельемъ, а на головѣ высится золотой шлемъ съ большимъ султаномъ, украшеннымъ алмазами.

Я не могу скрыть отъ читателя того факта, что все это золото не болѣе какъ мишура, а бриллианты — металлическія пластинки и бусы.

Но зато въ лицѣ Сампсона нѣтъ ничего поддѣльнаго: серьезность и мужество, выражающіяся въ немъ, самой чистой воды. Очевидно, артистъ до такой степени воспринялъ свою роль, что совершенно отождествился съ лицомъ, которое онъ долженъ былъ изображать.

Отважно, съ увѣренностью въ своей силѣ, приближается онъ къ царю пустыни и встрѣчаетъ его блестящіе глаза своимъ спокойнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ взглядомъ. Царь пустыни, удивлен-

ный этой наглостью, поднимается и становится на заднія лапы (Мовше, присѣвши за кулисами, тянетъ за веревку, привязанную къ заднимъ лапамъ царя пустыни) и испускаетъ грозное протяжное рычаніе (какія могучія легкія бываютъ подчасъ у маляровъ!) Услышавъ этотъ ревъ, публика приходитъ въ ужасъ и не смѣетъ дохнуть, но Сампсонъ не знаетъ страха! Однимъ прыжкомъ пролетаетъ онъ сцену и еще не успѣетъ прозвучать крикъ ужаса, какъ онъ разорвалъ царя пустыни на двѣ равныя части.

— Браво, браво, браво! — кричатъ на скамейкахъ высшія сферы, а изъ тьмы, въ которую погружена сѣрая публика, слышатся восклицанія, полныя радости и торжества, такія крикливыя, что скорнякъ Іосель встаетъ со своего мѣста и, махая обѣими руками по направленію къ тьмѣ, кричитъ:

— Штиллъ!

Тишина снова воцарилась во тьмѣ, а Сампсонъ, остановившись у края сцены, показываетъ публикѣ соты меду, найденныя имъ въ пасти разорваннаго льва, того самаго несчастнаго льва, двѣ половины котораго лежатъ теперь далеко другъ отъ друга, причемъ глаза ихъ такъ же пронзительно сверкаютъ, какъ и при жизни.

Когда Сампсонъ показываетъ публикѣ соты меду, на лицѣ его выступаетъ выраженіе неземного блаженства. Конечно, Шимшель совершенно не подозрѣвалъ, что онъ можетъ разорвать льва, и подвигъ этотъ является для него совершенною неожиданностью. Видно, что его грудь наполняется радостью, поднимается широкимъ сильнымъ дыханіемъ и немного спустя изъ нея вырывается пѣснь радости и гордости.

У него прекрасный высокій теноръ, довольно хорошо поставленный.

Несмотря на несовершенство акустическихъ условій, звуки этого голоса наполняютъ весь залъ отъ края до края и плывутъ такимъ широкимъ и чистымъ потокомъ, что даже высшія сферы слушаютъ ихъ съ непритворнымъ удовольствіемъ. Что же касается сферъ, погруженныхъ во тьму, то послѣ окончанія дѣйствія онѣ разражаются такимъ энтузіазмомъ, что режиссеру Іоселю долго приходится работать надъ тѣмъ, чтобы унять это общественное движеніе, угрожающее нарушеніемъ всѣхъ требованій порядка.

Второе дѣйствіе по своему содержанію мало отличалось отъ перваго, но за то форма его совершенно иная.

Прежде всего мы видимъ поле, поросшее рожью. Это по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ стеблей соломы, стоящихъ прямо и на приличномъ разстояніи другъ отъ друга.

Надъ полемъ стоитъ Сампсонъ и поетъ.

Изъ пѣнья его мы узнаемъ, что поля эти принадлежатъ филистимлянамъ и что онъ намѣренъ уничтожить ихъ. И дѣйствительно, какъ только онъ окончилъ свою арію, дышащую грозной ненавистью къ филистимлянамъ, по полю съ быстротой молніи начали пробѣгать бурыя лисицы (на этотъ разъ уже не только Мовше, но и его клевретъ Ицко и одинъ изъ рядовыхъ тянули за извѣстныя только имъ однимъ веревки).

Вслѣдъ за лисицами показались синіе и красные огоньки, горѣвшіе довольно долго. Наконецъ, они потухли и наполнили сцену и весь залъ густымъ дымомъ и сильнымъ запахомъ сѣры.

Высшія сферы, сидѣвшія вблизи этого пожара и сѣрнаго дыма, сопровождавшаго его, на этотъ разъ

не выразили никакого одобренія, потому что долго задыхались, но во тьмѣ царствовала необузданная радость, которой на этотъ разъ не прекращалъ Іосель, такъ какъ и онъ задохнулся и, спрятавъ голову въ красный платокъ, сильно кашлялъ.

Кашель, съ одной стороны, и пылкое выраженіе одобренія — съ другой тянулись до тѣхъ поръ, пока не поднялся занавѣсъ, и видъ сцены не заставилъ всѣхъ замолчать и внимательно слушать.

На этотъ разъ, несмотря на нѣсколько недочетовъ въ декораціонныхъ и сценическихъ средствахъ, видъ сцены кажется высшимъ сферамъ, сидящимъ на скамейкахъ, очень живописнымъ и интереснымъ и съ ихъ мнѣніемъ, вѣроятно, согласились бы еще болѣе высокія сферы.

У подножья пальмъ, въ глубинѣ сцены другъ возлѣ друга сидятъ три іудейскіе старца и горько плачутъ о несчастіяхъ своей родины, вызванныхъ жестокой местью филистимлянскихъ властей за уничтоженіе полей ихъ Сампсономъ. На старцахъ длинныя одежды, ихъ бѣлые волосы падаютъ на плечи изъ-подъ большихъ мѣховыхъ шапокъ, только до половины закрывающихъ ихъ лбы, изрытые годами и благородными печалями, бѣлыя бороды покрываютъ ихъ грудь, а въ дрожащихъ отъ горя рукахъ они держатъ большіе посохи и опираются на нихъ, ступая невѣрными колеблющимися шагами.

Голоса ихъ дрожатъ и прекрасно передаютъ патріотическую скорбь и опасенія, мучащія ихъ сердца. Изъ словъ ихъ мы узнаемъ, что царь филистимлянъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ примиренія съ израильскимъ народомъ требованіе, чтобы „Сильный Сампсонъ“ былъ связанъ и выданъ ему.

Іудейскіе старцы рѣшаютъ требовать отъ Самп-

сона, чтобъ онъ принесъ эту жертву и добровольно предался въ руки врага въ качествѣ выкупа за угнетенное отечество. Они рѣшаютъ идти къ нему и умолять его, но... вотъ онъ самъ является на сцену.

Здѣсь слѣдуетъ дѣйствіе, полное трагизма.

Отдаться въ руки врага!... на посмѣяніе, въ унизительное рабство, на страшную смерть!

Шишмель, который, сдѣлавшись Сампсономъ, испытывалъ упоеніе славой и побѣдами, переживаетъ теперь чувства ужаса и печали. Но за то, съ другой стороны, сознаніе своихъ обязанностей и любовь къ отечеству потрясаютъ его душу. Посмотрите, какъ мѣняется его лицо, какая блѣдность покрываетъ его лобъ! какимъ огнемъ страсти и отчаянія сверкаютъ его глаза и вслѣдъ за тѣмъ покрываются влагой отъ чувства состраданія!

— Браво! Браво!

Передъ нами не простой актеръ, а истинный артистъ, который теперь всѣми нервами своего существа чувствуетъ, что онъ герой съ могучими руками и вулканической душой... Онъ долго борется... потомъ вдругъ протягиваетъ къ старцамъ свои руки, а изъ груди его вырывается крикъ: „вяжите“.

Крикъ этотъ, полный высокаго героизма и безбрежнаго горя, раздается по залу: плачутъ іудейскіе старцы, связывая руки и ноги героя, плачутъ и высшія сферы, изъ тьмы слышны стоны и рыданія, а режиссеръ Іосель не обращаетъ на нихъ никакого вниманія — и онъ тоже приложилъ красный платокъ къ лицу и плачетъ.

Вдругъ на сценѣ слышится шумъ, лязгъ и топанье ногъ.

Царь филистимлянъ вбѣгаетъ на сцену со всей

своей свитой и принимаетъ гордый, заносчивый видъ при видѣ связаннаго Сампсона, котораго, не переставая плакать и вздыхать, ведутъ къ нему іудейскіе старцы.

Узникъ стоитъ неподвижно и величественно. Онъ молчитъ и спокойно смотритъ въ лицо врага.

Но лицо это, украшенное великолѣпнымъ носомъ и бородкой „à la Napoléon III“, принимаетъ презрительное и насмѣшливое выраженіе. Забывая о рыцарскихъ правилахъ, предписывающихъ великодушіе, властитель филистимлянъ и его подчиненные начинаютъ осыпать безпомощнаго героя грубыми упреками и неприличными шутками.

Нѣкоторое время Сампсонъ выноситъ все это молча, но потомъ начинаетъ дрожать; видно, какъ на лицѣ его отражается буря чувствъ, замершихъ подъ вліяніемъ покорности судьбѣ, какъ мускулы его надуваются подъ связывающими его веревками . . .

Внезапно весь онъ встряхивается, цѣпи падаютъ, какъ сорванная паутина, и прежде, чѣмъ филистимляне успѣваютъ опомниться, онъ наклоняется и схватываетъ лежащую у его ногъ... ослиную челюсть. Одно широкое движеніе плеча, одинъ мигъ... вся армія филистимлянъ съ грохотомъ падаетъ на землю, а повелитель ихъ исчезъ, спасшись позорнымъ бѣгствомъ...

Тогда опьяненный тріумфомъ и радостнымъ сознаніемъ того, что ему удалось спастись и спасти отечество, Шимшель становится такимъ прекраснымъ, какимъ не видала его даже Цила, постоянно любующаяся его красотой. Со своимъ страннымъ оружіемъ въ поднятой рукѣ, съ улыбкой, дрожащей на губахъ, открывающихъ бѣлоснѣжные зубы, въ

бѣломъ плащѣ, который сползаетъ съ его плечъ, и въ золотистомъ шлемѣ, брилліантовый султанъ котораго бросаетъ на лобъ его радужное сверканіе, — онъ поетъ грудью, переполненной чувствомъ радости, гимнъ хвалы и веселья, и пѣсней этой благодаритъ Іегову за то, что онъ далъ ему возможность покорить эти „могучіе легіоны“.

Дѣйствительно ли у ногъ Сампсона лежали побѣжденные „легіоны“? Было ли оружіе его дѣйствительно ослиной челюстью или только голенью быка? — Все равно: однимъ словомъ, Шишмель былъ въ эту минуту прекрасенъ, могучъ, опьяненъ счастьемъ, а когда занавѣсъ упалъ, то режиссеръ Іосель напрасно кричалъ изо-всей силы: „штиль, шаа!“, но видя, что это не дѣйствуетъ и что одинъ крикъ не поможетъ, онъ вскочилъ со своего мѣста, исчезъ въ темномъ пространствѣ и минуту спустя появился съ какимъ-то мальчикомъ. Онъ тянулъ его за руку вплоть до двери сѣней, въ которыхъ мальчикъ и исчезъ...

Бѣдный мальчикъ никогда въ жизни не видалъ такъ много труповъ. Мертвые филистимляне привели его въ ужасъ; когда же одинъ изъ нихъ (кажется, клевретъ царя) во время длинной аріи Сампсона началъ двигаться, вѣроятно для того, чтобы расположиться болѣе удобно на вѣчный покой, то мальчикъ крикнулъ изо всѣхъ силъ, и ровесники поддержали его. Такимъ образомъ составился хоръ, совершенно непредвидѣнный во время постановки оперы. Однако, Іосель прекратилъ эго неумѣстное народное движеніе, подвергнувъ зачинщика безусловному остракизму.

Едва режиссеръ успѣлъ вернуться на свое мѣсто, какъ занавѣсъ снова медленно поднялся.

На этотъ разъ мы видимъ нѣчто совершенно неожиданное.

Посрединѣ сцены стоитъ... не думайте, что это одинъ изъ тѣхъ кіосковъ, въ которыхъ продаютъ сельтерскую воду: это дворецъ, въ которомъ живетъ очаровательная дѣвица, прекрасная филистимлянка Далила. Двери дворца открыты и украшены фестонами ситцевой занавѣси (края которой вырѣзаны зубцами совсѣмъ, какъ въ кіоскахъ съ сельтерской водой). Съ одной стороны дворца глухая стѣна, съ другой — одно окно.

За занавѣсью на вѣнскомъ стулѣ сидитъ Далила въ голубомъ платьѣ, надѣтомъ на необозримый кринолинъ, съ розовымъ вѣеромъ въ рукахъ. Она сидитъ и своими большими дѣтскими глазами, похожими на незабудки въ букетѣ піоновъ, смотритъ прямо на публику. Потомъ она встаетъ и выходитъ изъ-за занавѣси. Она начинаетъ пѣть.

Басъ очень недуренъ!

Она поетъ о томъ, что ей нужно плѣнить своими прелестями Самсона для того, чтобы коварно вывѣдать у него тайну его чудесной силы.

Далила чувствуетъ себя нѣсколько неловко въ длинномъ платьѣ и поддерживающихъ его желѣзныхъ обручахъ, кромѣ того, ее очень смущаетъ розовый предметъ, который она держитъ въ рукахъ и съ которымъ совершенно не знаетъ, что дѣлать.

Отъ вьющихся локоновъ, падающихъ на лобъ и спину, и устремленныхъ на нее глазъ многочисленной публики ей становится страшно жарко. Басъ ея начинаетъ дрожать и издаетъ такіе звуки, которые совершенно не гармонируютъ съ нѣжной женской грудью, а голубые глаза подергиваются влагой отъ безконечнаго томленія.

Но все это ничего не значитъ.

Шимшель еще ни разу въ жизни не видалъ такой прекрасной женщины, какъ она.

Замѣтилъ ли онъ, входя на сцену, ту Далилу, которая была тамъ на самомъ дѣлѣ? Это неизвѣстно. Впослѣдствіи я слыхала, что Шимшель, входя на сцену, вмѣсто краснаго лица, голубыхъ глазъ и шерстяныхъ локоновъ Меира видѣлъ бѣлое, какъ снѣгъ, лицо, увѣнчанное черной, какъ смоль, блестящей косой, и два пламенные глаза, сверкающіе, какъ двѣ звѣзды.

Въ этихъ черныхъ глазахъ онъ видѣлъ мечтательныя слезы и пылъ страсти, а фигура Далилы казалась ему гибкимъ, стройнымъ женскимъ тѣломъ. Какъ отъ неба, согрѣтаго восточнымъ солнцемъ, вѣяло отъ нея страстными наслажденіями Востока.

Того, что чувствовалъ Шимшель въ эту минуту, онъ не испытывалъ никогда и, вѣроятно не сумѣлъ бы опредѣлить, что это было за чувство; но когда онъ приблизился къ чарующему видѣнію, стоявшему передъ его глазами, и началъ пѣть, то голосъ его принялъ такой страстный и умоляющій оттѣнокъ, что Далила широко раскрыла глаза отъ удивленія, а потомъ, когда ей слѣдовало подать Самсону руку, она сдѣлала это съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Шимшель порывистымъ движеніемъ схватилъ руку (не ту, въ которой былъ вѣеръ, а другую) и, прижимая Далилу къ своей груди, запечатлѣлъ на устахъ ея такой поцѣлуй, что она совсѣмъ испугалась, и, вырвавшись изъ его объятій, усѣлась на одинъ изъ двухъ вѣнскихъ стульевъ, стоявшихъ передъ входомъ въ ея дворецъ.

Нѣсколько опомнившись, Шимшель усѣлся на другой стулъ. Начался дуэтъ.

Въ дуэтѣ этомъ рѣшилась судьба Сампсона.

Онъ былъ скрытенъ и не легко было вывѣдать что-либо отъ него, но прелести Далилы побѣдили упорное сопротивленіе. Напрасно, стоя передъ ней, пѣлъ онъ самымъ умоляющимъ, самымъ убѣдительнымъ тономъ: „Das ist nicht dein Geschäft!“ Коварная кокетка знала, что для нея это было очень важно и до тѣхъ поръ пѣла басомъ (Шимшель вмѣсто баса слыхалъ самое чудное mezzo-soprano), до тѣхъ поръ открывала отъ напряженія свои утомленные глаза (Шимшель видѣлъ не глаза, а два черные, пылающіе брилліанта), — пока, утомленный борьбой и побѣжденный любовью, онъ взялъ въ руки свои огромные волосы и, показывая ихъ чародѣйкѣ, пропѣлъ: „въ нихъ сила моя!“

Далила встала, побѣднымъ жестомъ мотнула розовымъ вѣеромъ, поправила съѣхавшую на лобъ красную розу, отерла крупный потъ съ темно-краснаго лица, плюнула и подала руку побѣжденному герою.

Тутъ послѣдовалъ новый поцѣлуй Шимшеля и новый испугъ Меира, который все никакъ не могъ понять, почему Шимшель съ такой нѣжностью обнимаетъ его станъ и такъ сильно прижимаетъ свои губы къ его губамъ. Послѣ этого влюбленная пара исчезаетъ во дворцѣ чародѣйки, за кисейной занавѣсью . . .

На сценѣ появляются филистимляне. Это тѣ самые, которые въ третьемъ актѣ пали отъ руки Сампсона, а теперь воскресли. Конечно, это обстоятельство только увеличиваетъ ихъ ненависть къ Сампсону. Они поджидаютъ Далилу, подкрадываются къ воротамъ дворца, заглядываютъ черезъ единственное окно и обмѣниваются между собой таинственными знаками . . . Но вотъ и она!

Она выходитъ изъ-за занавѣски, въ одной рукѣ держитъ розовый вѣеръ, а въ другой — длиныя черныя кудри Сампсона, и филистимлянами овладѣваетъ неописуемая радость. Самъ царь въ знакъ благодарности пожимаетъ руку Далилы. Рыцари вынимаютъ мечи изъ ноженъ и съ яростными криками кидаются на Сампсона, выходящаго изъ дворца. Теперь онъ совершенно измѣнился. Безъ шлема, безъ волосъ, безъ бѣлаго плаща... Онъ попадаетъ въ руки враговъ, которые, ни мало не медля, ослѣпляютъ его.

Занавѣсъ падаетъ, среди публики царитъ глухое молчаніе и только во тьмѣ раздаются рыданія...

И не даромъ сострадательные слушатели льютъ слезы: въ театральной уборной Сампсонъ сидитъ на той скамейкѣ, на которой посадили его филистимляне; смертельная блѣдность покрываетъ его лицо, онъ тяжело дышитъ, закрывъ глаза.

— Ребе Шимшель! — говоритъ ему Мовше, — посмотри на этотъ дворецъ, который тебѣ придется опрокинуть на сценѣ... Можетъ быть, онъ слишкомъ тяжелъ... можно будетъ уменьшить его...

Но изъ груди Шимшеля вырывается глухой стонъ.

— Враги отняли свѣтъ у глазъ моихъ! — скорбно шепчетъ онъ, — теперь я слѣпой, и глаза мои никогда не увидятъ созданій Предвѣчнаго!

— Герсте! — говорятъ филистимляне и обмѣниваются удивленными взглядами. — Онъ думаетъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ ослѣпили его.

Въ это время Далила проходитъ черезъ уборную. Шимшель улыхалъ шелесть ея платья и поднялъ глаза.

Изъ глазъ его сыплются молніи гнѣва и отчаянія, темный румянецъ покрываетъ его блѣдное лицо!

— Что ты мнѣ надѣлала? Что ты мнѣ надѣлала? Ты погубила меня! Изъ-за твоего коварства я потерялъ мои глаза, попалъ въ рабство — и погибъ!

Выкрикивая эти слова все громче, онъ сжимаетъ кулаки и бросается къ Далилѣ, которая испуганно роняетъ изъ рукъ розовый вѣеръ и убѣгаетъ въ самый отдаленный уголъ уборной, гдѣ закрывается халатомъ одного изъ іудейскихъ старцевъ. Мовше закрываетъ ее широкой грудью; не смѣя поднять рукъ на ученаго мужа, онъ вытягиваетъ ихъ впередъ и восклицаетъ самымъ убѣдительнымъ тономъ!

— Ребе! Ай вай! Ребе!

Однако, порывъ Шимшеля скоро прекращается и смѣняется глубокой трогательной печалью. Онъ падаетъ на скамейку, опускаетъ руки, закрываетъ глаза и начинаетъ стонать.

— Ой! ой! А я смотрѣлъ на лицо твое, какъ на райскій цвѣтокъ! Уста твои были для меня слаще меду, глаза твои свѣтили для меня, какъ два факела, и сердце мое таяло подъ ихъ взглядомъ! А ты такъ дурно поступила со мной! Вѣдь я погибъ, Далила!

Но уже никто не обращаетъ вниманія на трогательныя жалобы ослѣпленнаго героя, за исключеніемъ Далилы, которая, снимая съ своей головы локоны и розы, съ опасеніемъ поглядываетъ на него.

Теперь на сценѣ стоитъ дворецъ, но уже совершенно иной, чѣмъ прежде. Онъ состоитъ изъ двухъ картонныхъ колоннъ, соединенныхъ вверху картоннымъ же карнизомъ. Около колоннъ пируютъ, радуются и лоютъ филистимляне, а для большаго веселья царь приказываетъ ввести ослѣпленнаго узника. Двое рядовыхъ вводятъ Самсона. Онъ стоитъ съ закрытыми глазами; на лицѣ его отражается не страхъ, а только безконечная печаль.

Присмотритесь къ нему внимательно! Лицо его какъ будто похудѣло за послѣдній часъ. Блѣдныя щеки его какъ будто впали, а подъ закрытыми глазами темные круги. Кто-нибудь могъ бы предположить, что это лицо человѣка, мучимаго страстями, ненавистью и отчаяніемъ...

А филистимляне смѣются надъ нимъ, шутятъ, разсказываютъ объ опустошеніи и мести, которыя теперь они разносятъ по всему отечеству его, а онъ, слѣпой узникъ, безсильный великанъ не можетъ защищать отчизну.

Напрасно плачутъ іудейскіе старцы, напрасно женщины израильскія оглашаютъ воздухъ своими стонами, напрасно храбрѣйшіе мужи орошаютъ своей кровью сожженныя нивы Израиля... Сампсонъ уже не защититъ отечества своей грудью, у которой отнята вся ея сила, и не увидитъ оружія противъ враговъ своихъ глазами, у которыхъ отнятъ свѣтъ.

Шимшель слушаетъ шутки, издѣвательства и торжествующіе разсказы враговъ и медленно поднимаетъ голову... Колеблющимися шагами выходитъ онъ ощупью изъ дворца, останавливается съ другой стороны колоннъ и начинаетъ пѣть. Какой глубокой безграничной скорбью звучитъ его голосъ! какія высокія ноты издаетъ онъ! Какая отчаянная мольба и призывъ слышатся въ немъ! Онъ взываетъ къ Іеговѣ, проситъ у него силы, прежней силы, онъ жаждетъ ея хоть на одну минуту, на одинъ мигъ.

При этомъ онъ поднимаетъ свои дрожащія руки, блѣдное лицо, закрытый ротъ и глаза, обведенные темными кругами.

И въ самомъ дѣлѣ, теперь, когда онъ стоитъ передъ нами въ рамкѣ картонныхъ колоннъ, освѣщенный лампой съ длиннымъ фитилемъ, которую

держитъ передъ его лицомъ одинъ изъ филистимлянъ, — онъ имѣетъ видъ мученика, но такого мученика, который страдаетъ „страданіями милліоновъ“.

Лампа эта, которую филистимлянинъ держитъ около самаго его лица (вѣроятно, для того, чтобы освѣтить картину), страшно жжетъ ему щеку. Энергичнымъ гнѣвнымъ движеніемъ отталкиваетъ онъ ее, обѣими руками хватаетъ за колонны, потрясаетъ ихъ и обрушиваетъ на филистимлянъ, которые тотчасъ всѣ съ большимъ шумомъ падаютъ на землю...

Всѣ убиты... убитъ и Сампсонъ.

Неподвижныя тѣла убитыхъ лежатъ подъ развалинами дворца и подъ лежащими на нихъ колоннами и пестрѣютъ пурпурными, желтыми и зелеными цвѣтами одежды. Занавѣсъ падаетъ... публика разражается безумными криками.

Высшія сферы и ярко освѣщенныя скамейки, и полукруглыя бревна, погруженныя въ мракъ — соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ, хлопаютъ, смѣются, плачутъ, горюютъ, вызываютъ Сампсона, „царя“, Далилу, іудейскихъ старцевъ. Режиссеръ Іосель уже ничего не имѣетъ противъ всего этого шума и не думаетъ укрощать его. Теперь онъ стоитъ, опираясь о край сцены. Лицо его печально — потому что теперь пришелъ конецъ торжеству, мысль о которомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оживляла трудную, однообразную жизнь этихъ бѣдныхъ людей.

* * *

Послѣ спектакля артисты не сняли театральныхъ костюмовъ; напротивъ: дополнили ихъ всевозможными комическими прибавленіями, а такъ какъ они неособенно устали, то уже въ уборной начинаютъ

весело пѣть хоромъ громкую пѣсню. Съ этимъ пѣніемъ выходятъ они на улицы города, направляясь къ квартирамъ богатыхъ купцовъ и зажиточныхъ домовладѣльцевъ. Тамъ ждетъ ихъ гостепріимный пріемъ, тамъ будутъ они танцовать, пѣть и веселиться цѣлую ночь, тамъ въ руки ихъ попадетъ не одна серебряная монета или даже бумажка, а изъ ихъ рукъ — къ неимущимъ, которыхъ уже щедро надѣлили доходами отъ спектакля.

Но Шимшеля нѣтъ среди этой веселой и шумной компаніи, которая какъ разъ теперь съ громкимъ смѣхомъ и пѣніемъ входитъ на лѣстницу купца Розендорфа.

Тамъ по темной улицѣ, кое-гдѣ освѣщенной слабымъ пламенемъ фонаря, одиноко двигается стройная мужская фигура. Когда она проходитъ около рѣдкихъ фонарей, отъ нея отражаются сверканія пурпура, золота и алмазовъ, которыми она покрыта; когда она погружается въ тьму, ея длинный плащъ развѣвается, какъ руки привидѣнія. Фигура эта одинока, но не печальна. Въ ея торжественномъ движеніи чувствуется легкость и сила, а изъ груди ея то тихо, то мощными, громкими аккордами вырывается арія торжества.

Раздавивъ филистимлянъ и самого себя, — онъ воскресъ, прозрѣлъ, забылъ о всѣхъ пережитыхъ мученіяхъ и униженіяхъ, но зато ни на одну минуту не переставалъ быть „Сильнымъ Сампсономъ“. Напротивъ, — переходя теперь изъ улицы въ улицу, между стѣнами домовъ, въ которыхъ кое-гдѣ еще свѣтятся окна, онъ вспоминаетъ о всѣхъ великихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ, и душа его переполняется радостью и гордостью.

По временамъ въ умѣ его мелькаетъ воспомина-

ніе о невѣрной, коварной Далилѣ... Тогда душу его наполняетъ тоска и печаль. Но онъ сейчасъ вспоминаетъ о родной Іудеѣ, которую спасъ отъ крови, слезъ и пожаровъ, высоко поднимаетъ голову, улыбается, поетъ все громче и веселѣй и шагаетъ по неровной поверхности мостовой, какъ по лаврамъ.

Такъ прошелъ Шимшель черезъ бульваръ и вошелъ въ закоулокъ. Машинально, по привычкѣ, направился онъ къ своей квартирѣ и, совершенно не думая о томъ, что онъ дѣлаетъ, дотронулся рукой до дверной ручки и остановился у порога своей квартиры.

Остановился и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, какъ статуя.

На столѣ возлѣ окна горѣла лампочка. Длинный фитиль ея испускалъ желтоватый зловонный дымъ. Дальше виднѣлись сѣрыя низкія стѣны, кровать съ перинами, рваная одежда, разбросанная по полу и на сундукѣ, нѣсколько большихъ и меньшихъ тѣлъ, спавшихъ здѣсь и тамъ — все это складывалось въ какой-то хаосъ, совершенно непонятный для его глазъ и ума. Немного спустя онъ понялъ — проснулся.

Чудный упоительный сонъ покинулъ его. Шимшель понялъ, что онъ не Самсонъ, могучій богатырь и поэтическій герой Библіи, а Шимшель, сынъ Гершона, современный ученый, который провелъ свое прошлое и проведетъ свое будущее въ этой тѣсной сѣрой коморкѣ надъ этой книгой. Вотъ и теперь она лежитъ на столѣ, раскрытая, какъ бы удивляясь своему одиночеству; и длинныя строки, какъ змѣи, вьются подъ свѣтомъ лампочки.

Удивительное дѣло! При видѣ книги блѣдное лицо Шимшеля приняло выраженіе отвращенія. Онъ от-

вернулся отъ нея и, медленно пройдя впередъ нѣсколько шаговъ, сѣлъ на скамейку возлѣ стола. Очевидно, онъ не можетъ смотрѣть на книгу, потому что постоянно отворачиваетъ отъ нея свой печальный и недружелюбный взоръ. Глубокая морщина появляется между его бровями и придаетъ его лицу выраженіе мрачной и какъ бы сердитой задумчивости.

Онъ испыталъ, что значитъ дѣятельная жизнь, пережилъ чувство самопожертвованія, испыталъ мучительную и вмѣстѣ съ тѣмъ роскошную смѣну страданія и счастія, пораженія и торжества. И что же?— Все это былъ только сонъ! И онъ снова долженъ возвратиться къ мертвымъ пожелтѣвшимъ страницамъ, опять будетъ сидѣть, не мѣняя положенія, полумертвый, снова погрузится въ безконечныя размышленія, тонкіе анализы и изученіе книгъ.

— А что пользы отъ всего этого людямъ и мнѣ?

Онъ подумалъ о людяхъ... Что же будетъ онъ дѣлать съ своей горячей любовью къ людямъ, которая тамъ, на театральныхъ подмосткахъ, пылала въ груди Сампсона, а теперь осталась въ слабой груди Шимшеля и — ясно чувствуетъ онъ — останется въ немъ навсегда? Какъ выразитъ онъ ее? Къ чему примѣнитъ ее? Какими дѣлами утолитъ онъ жажду свою къ ней? А что же онъ будетъ дѣлать съ предчувствіемъ той другой любви, трогательной и пылкой, которую пробудили въ немъ пламенные глаза и стройный станъ образа Далилы? что сдѣлаетъ онъ съ предчувствіемъ той любви, которая мелькнула въ великомъ сердцѣ Сампсона, а теперь наполняетъ глаза Шимшеля слезами и душу невыразимой тоской...

Идеалы!

Шимшель не зналъ имени ихъ. Но когда они разъ мелькнули передъ его глазами, то онъ привязался къ нимъ всей душой. Передъ глазами его промелькнули идеалы дѣятельности, любви и славы... Куда же исчезъ теперь, почему сталъ такимъ ничтожнымъ, какъ зерно песку, его прежній, единственный идеалъ, сухой, утонченной и безплодной учености?.. Неужели въ головѣ и въ груди этого еврея съ стройнымъ нервнымъ тѣломъ, тонкими чертами, глубокими глазами и тонкими губами, дрожащими отъ всякаго впечатлѣнія, какъ листъ отъ порыва вѣтра, — неужели въ груди и головѣ этого еврея, который такими нѣжными поцѣлуями покрывалъ щеки своихъ дѣтей, а въ темную ночь видѣлъ ангельскіе лики — существовали незнакомыя области чувствъ, воображенія и способностей, которыя будучи извѣстны и доступны человѣку, даютъ ему возможность привязаться къ идеаламъ и протянуть къ нимъ сильную вдохновенную руку?

Онъ наклонилъ голову и осмотрѣлъ свой костюмъ.

Странная улыбка пробѣжала по его губамъ.

Бѣлый плащъ Самсона обвивалъ его колѣни и падалъ внизъ мягкими складками, пурпурная одежда свѣтилась золотомъ, бусы ожерелья при свѣтѣ лампочки покрывали его грудь сверканіемъ рубиновъ, изумрудовъ и серебра, а на лбу онъ чувствовалъ прикосновеніе султана, свѣшивающагося съ рыцарскаго шлема.

Онъ долго и странно улыбался... Потомъ онъ поднялъ руки и медленно снялъ съ головы золотистый шлемъ съ султаномъ. Онъ поставилъ его на столъ и всматривался въ него пылающими глазами, изъ которыхъ минуту спустя на блѣдныя щеки его скатились двѣ большія слезы.

— Прощай, сильный Самсонъ! Прощай, великій

мужъ, научившій меня, что на свѣтѣ есть геройскіе подвиги, великая любовь къ людямъ, прекрасныя Далилы и... маленькіе, слабые, несчастные Шимшели!

Теперь только онъ понялъ, что никогда не былъ ни великимъ, ни мудрымъ, ни счастливымъ... и руки его сплелись такимъ судорожнымъ жестомъ, что кости его затрещали; потомъ онъ сталъ снимать съ себя ожерелье изъ изумрудовъ, рубиновъ и серебра. Онъ разстегнулъ его, снялъ и нѣкоторое время смотрѣлъ на него и глаза его, наполненные большими слезами, сверкали, разглядывая при скудномъ освѣщеніи эту сѣть блестящихъ шнурковъ.

— Прощай, сильный Самсонъ!.. великій мужъ!..

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза и руки его, державшія ожерелье, опустились на колѣни. Глазамъ его представилось зрѣлище, значенія котораго онъ не могъ сразу понять. Передъ нимъ въ темной глубинѣ комнаты виднѣлись шесть паръ свѣтящихся точекъ. Точки эти были человѣческими глазами и сверкали на различной высотѣ и на различномъ разстояніи другъ отъ друга; но живыя существа, которымъ принадлежали эти глаза, скрывались во тьмѣ.

Всѣ эти глаза были устремлены на Шимшеля и выражали удивленіе, восторгъ и радостное изумленіе. Въ ту минуту, когда онъ опустилъ на колѣни руки съ ожерельемъ, всѣ эти черныя, голубыя, свѣтящіяся точки стали приближаться къ нему. Выше всѣхъ ихъ онъ замѣтилъ двѣ блестящихъ точки, которыя свѣтились, какъ золотыя монеты, а изъ того мѣста, гдѣ онѣ находились, слышалось громкое монотонное мурлыканье.

Это былъ сѣрый котъ, который, сидя на печи смотрѣлъ на своего хозяина и мурлыкалъ. Ниже его находилась вся семья. Когда Шимшель входилъ, всѣ

они спали, теперь проснулись и, сидя каждый на своемъ мѣстѣ, всматривались въ великолѣпное одѣяніе мужа и отца.

Такъ сидѣли они всѣ и смотрѣли, сдерживая дыханіе, чтобы не спугнуть чуднаго видѣнія въ пурпурѣ и золотѣ, которое казалось имъ сномъ. Потомъ Ципа первая стала двигаться и медленно, какъ бы крадучись, придвинулась къ колѣнямъ мужа.

Она присѣла у его колѣнъ, подняла темное сморщенное лицо, обрамленное черным круглымъ чепцомъ, который она одѣвала на ночь вмѣсто парика, сложила руки на ватной юбкѣ, изъ-подъ которой выглядывали ея ноги въ голубыхъ чулкахъ, открыла ротъ и смотрѣла ему въ лицо глазами, полными нѣжности.

За ней изъ темноты вышли огненно-волосыя головки Менделе и Эсѳири. Енохъ протянулъ свое блѣдное и худое лицо, надъ которымъ торчалъ измятый козырекъ шапки, сдвинутой на затылокъ. Либа стояла позади всѣхъ съ Лейзеромъ на рукахъ, коса ея расплелась на свѣтлыя косы.

Всѣ молчали.

И Шимшель долго молчалъ, присматриваясь къ этимъ фигурамъ, которыя теперь окружали его.

Потомъ онъ обнялъ ихъ взглядомъ и, спрятавъ лицо въ ладоняхъ, залился слезами. Онъ плакалъ, стоналъ и раздирающимъ голосомъ причиталъ.

Онъ плакалъ, повторяя: „бѣдныя мои дѣтки! ой, ой, бѣдныя вы мои рыбки, брилліанты! Что я могу сдѣлать для васъ? Я самъ бѣденъ, слабъ, ничтоженъ, невѣжественъ и такой глупый! И вы всегда будете бѣдны, ничтожны, невѣжественны и глупы!“

Вдругъ онъ пересталъ плакать и стонать, вскочилъ со скамейки и, остановившись передъ окномъ, устремилъ глаза въ темноту.

Онъ стоялъ такъ нѣкоторое время и, наконецъ, увидѣлъ опять... большую, золотую полосу, которая на фонѣ черной ночи образовала золотую лѣстницу, ступеньки ея были наполнены ангелами, съ бѣлымъ милосерднымъ ангеломъ молитвы, вьющимъ вѣнки у самой вершины.

Но онъ не взошелъ на эту лѣстницу... Онъ повернулся къ своей семьѣ и изъ рукъ Либы взялъ маленькаго Лейзера...

Если бы въ эту минуту кто-нибудь стоялъ на тѣсномъ дворикѣ за окномъ, въ которомъ блестѣлъ туманный свѣтъ, то глазамъ его представилась бы странная картина.

Въ глубинѣ комнаты на темномъ фонѣ сверкали какъ бы висящіе въ воздухѣ золотые глаза кота. Ближе выдѣлялись въ темнотѣ блѣдныя, худыя лица Либы и Еноха, рты которыхъ были раскрыты отъ изумленія. Еще ближе стояли Эсѳирь и Менделе: они держались за руки и широко раскрыли голубые глаза, почти скрывающіеся подъ падавшей на лобъ широкой волной огненныхъ кудрей. А ближе, возлѣ самого Шимшеля, стояла Ципа въ кругломъ чепцѣ, покрывавшемъ ея голову. Испуганная и опечаленная плачемъ мужа, она сплела на груди свои темныя руки... А этотъ худой, стройный еврей, съ всклокоченными волосами, въ пурпурной одеждѣ, сверкающей золотымъ шитьемъ, стоялъ возлѣ окна, наклонившись надъ столомъ. Въ рукахъ онъ держалъ двухлѣтняго ребенка въ сѣрой рубашечкѣ и, почти прижимая его къ окну, устремилъ умоляющіе скорбные глаза куда-то вдаль, восклицая:

— Сандалфонъ! Сандалфонъ! проси Іегову, чтобы онъ сдѣлалъ его — „Сильнымъ Сампсономъ!“

Гедали.

(Разсказъ.)

Гедали.

Лѣтній вечеръ покрылъ широкую равнину тѣми прозрачными сумерками, въ которыхъ все окутывается тѣнью, но еще различимо. Въ этихъ наступающихъ сумеркахъ нивы не утратили своего желтаго цвѣта и неровной поверхности, дорога выдѣлялась среди полей песчаной линіей, цвѣтущая гречиха мутно бѣлѣла, дикія груши приняли странныя формы, а итальянскіе тополи возвышались, какъ колонны, надъ помутнѣвшими линіями построекъ маленькаго фольварка. На одномъ краю неба еще горѣлъ огненный пурпуръ заката, а на другомъ склубившіяся облака стали такой толстой стѣной, что какъ бы представляли собой воплощеніе вступающей на горизонтъ ночи. Воздухъ былъ тихій и теплый. Во ржи перекликались перепела; надъ бѣлой гречихой иногда чернѣла летучая мышь и, сдѣлавъ полукругъ, исчезала гдѣ-то вдали; съ близкаго пастбища доносилось ржаніе коней. Вообще же животныя, птицы и насѣкомыя спали; людей было не видно, не слышно. О ихъ существованіи говорили только нѣсколько огоньковъ, мигавшихъ въ окнахъ фольварка.

Только одинъ человѣкъ среди мрака и молчанія широкихъ сонныхъ полей шелъ по дорогѣ, надъ ко-

торой съ обѣихъ сторонъ старыя вербы склоняли свои узловатыя, причудливо искривленныя вѣтви. Онъ направлялся не къ фольварку, наоборотъ, прошелъ мимо него и вышелъ изъ аллеи густыхъ вербъ въ чистое поле. Послѣдніе лучи солнца, еще блуждавшіе на горизонтѣ, освѣтили его высокую, тонкую фигуру, сгорбившуюся подъ тяжестью придавившей его плечи ноши. На немъ была длинная одежда, достигавшая земли, старый картузъ съ порваннымъ козырькомъ, тяжелая обувь, бѣлая отъ пыли. Въ рукахъ онъ держалъ палку, на которую опирался при ходьбѣ. Шелъ онъ очень медленно. Царившая уже нѣсколько дней въ этой мѣстности засуха засыпала дорогу пескомъ. Притомъ же на ней попадалось не мало камней. Ноги путника поминутно ударялись о камни или погружались въ песокъ, поднимая массу удушливой пыли. Подъ тяжестью своей ноши ему приходилось склоняться къ землѣ, пыль наполняла его легкія и его тяжелое прерывистое дыханіе свистѣло и хрипѣло въ ночной тиши, иногда заглушаемое крикомъ перепела, заливавшагося веселыми, звонкими тонами. Одинъ разъ слабый, блуждающій лучъ заката скользнулъ по его лицу. Оно было продолговатое, окруженное темною растительностью. Оно напоминало своей бѣлизной облатку, пропитанную воскомъ; скулы сильно выдавались, губы были полуоткрыты, глаза устремлены въ землю.

Онъ остановился, чтобы отдохнуть немного, но выпрямиться не смогъ, такъ какъ не снялъ съ плечъ своей ноши. Онъ стоялъ сгорбившись, опершись на палку, и, поднявъ вверхъ глаза, смотрѣлъ на густѣвшую пелену мрака, перерѣзанную вверху полосой бѣлаго тумана. На него повѣяло свѣжестью

обильно выпавшей росы, смѣшанной съ бодрящимъ ароматомъ обильной растительности. Въ чащѣ кустовъ раздался тихій шелестъ, точно промчался заяцъ или котъ, а, можетъ быть, то затрепетала крыльями въ низкомъ гнѣздѣ проснувшаяся птица. Онъ посмотрѣлъ на поле. Свѣжесть росы и ароматъ неслись съ поля, покрытаго густою зеленью гороха, въ которой сонно шумѣло множество живыхъ существъ. То тутъ, то тамъ на пушистой поверхности бѣлѣли запоздалые цвѣты; длинные спутанные стебли давили другъ друга и ложились на землю подъ тяжестью большихъ зрѣлыхъ стручковъ.

У края песчаной дороги человѣкъ, сгорбившійся подъ тяжестью ноши, склонился еще ниже. Черезъ минуту палка выпала изъ его рукъ, и обѣ эти руки, какъ бы толкаемыя невѣдомой силой, протянулись къ зеленому полю. Но онъ отдернулъ ихъ обратно и, казалось, что хотѣлъ продолжать путь, но ноги его какъ бы вросли въ землю.

— Ай, ай, ай! охъ!

То были вздохи желанія. Онъ покачалъ головой, прищелкнулъ языкомъ, сбросилъ ношу на дорогу и, упавъ на колѣни, погрузилъ свои руки въ густой горохъ. Теперь слышенъ былъ только скрипъ обрываемыхъ стручковъ и громкое хрустѣніе ихъ въ жадныхъ зубахъ. Онъ ползъ на колѣняхъ все дальше. Челюсти его быстро работали, а руки летали отъ густой зелени къ губамъ и отъ губъ къ зелени. Стручки гороха были покрыты росой, и трудно было бы сказать, что утолялъ жадно пожиравшій ихъ человѣкъ, — голодъ или жажду. Вѣрнѣе, онъ ѣлъ и пилъ одновременно. Скорѣе даже пилъ, чѣмъ ѣлъ. Лобъ его былъ обожженъ солнечнымъ зноемъ, ротъ полонъ пыли. Онъ такъ низко склонился къ гороху,

что утонулъ лицомъ въ мокрой зелени, переставъ ѣсть, онъ, казалось, отдыхалъ въ тиши.

Въ это время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него поднялся съ зелени другой человѣкъ; съ минуту онъ вслушивался и всматривался въ мрачное пространство, а потомъ, поднявъ палку, бросился къ межѣ и, сдѣлавъ нѣсколько эластичныхъ прыжковъ, схватилъ за воротникъ стоявшаго на колѣняхъ человѣка.

Свѣжій и молодой голосъ крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь тутъ, воръ, бродяга? Ѣшь и топчешь нашъ горохъ, да еще, вѣрно, и карманы набиваешь имъ? Наконецъ-то я поймалъ тебя, собачья душа! Подымайся и иди за мной на расправу, не то такъ хвачу дубиной, что, какъ конь, поскачешь за мной!

Смогъ ли бы усталый путникъ скакать даже подъ страхомъ палки, — еще вопросъ. Но онъ моментально вскочилъ съ земли, весь трясясь отъ страха. Такъ внезапно застигли его и въ такой блаженный мигъ! Онъ низко согнулся и, безпрерывно кланяясь, охрипшимъ голосомъ безтолково заговорилъ:

— Ой, ой! вельможный паничъ, отпустите меня. Я иду на ночлегъ къ шинкарю въ Шумную! Ай, ай этотъ горохъ... такъ себѣ у дороги... такой прекрасный горохъ... Я только себѣ немножечко... Вельможный паничъ, простите, не серлитесь... Развѣ это большой убытокъ, или что?

Почти не слушая его, юноша кричалъ:

— Развѣ это большой убытокъ? А ты думаешь, не убытокъ? можетъ быть, это прибыль для насъ, когда такіе воры, какъ ты, весь горохъ съ краю объѣдаютъ? Накопалъ бы еще нашей картошки... Было бы чѣмъ бадабустесъ въ шабашъ угостить.

Изъ за васъ человѣкъ долженъ, какъ собака, ночевать въ полѣ, сторожить свое добро, а тутъ еще отецъ бранится, что я ни одного вора не поймалъ. Вотъ и поймалъ! вотъ и поймалъ! Иди ка къ отцу на расправу! Достанется тебѣ! Попомнишь!...

Онъ широко размахивалъ руками и кричалъ такъ громко, что его крикъ разносился по всему полю. Тихій, хриплый голосъ отвѣчалъ ему:

— Ой, ой! вельможный паничъ, отпустите меня. Я иду къ шинкарю въ Шумную ночевать... Ой, судъ, расправа. Этотъ горохъ такъ растетъ при дорогѣ? Я вашего вельможнаго отца знаю... чтобы онъ такъ счастливъ былъ, какъ я того ему желаю... чтобы онъ купилъ себѣ другой фольваркъ... чтобы онъ, ну! сто такихъ прекрасныхъ сыновей, какъ паничъ, имѣлъ.

Въ сумеркахъ нельзя было разобрать выраженія его лица, но онъ поминутно изгибался въ низкихъ поклонахъ, а коренастый юноша въ короткой сермягѣ, видимо, по натурѣ своей не суровый, уже остылъ отъ гнѣва и разсмѣялся веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ пожеланіе! — заговорилъ онъ. — Сто сыновей! Ловко бы это вышло, если бы я имѣлъ девяносто девять братьевъ! Ну, невѣрующая душа, ты ничего не добьешься отъ меня своими причитаніями! Маршъ впередъ, а я за тобой, какъ солдатъ за арестантомъ. Къ отцу на расправу! Eins, zwei, drei, маршъ!

Подражая конвойнымъ, юноша вскинулъ палку на плечо и наступалъ на еврея, который, тяжело вздыхая и кряхтя, поднялъ съ земли свою ношу. Нѣсколько ободренный смѣхомъ юноши, онъ самъ съ тихимъ смѣхомъ говорилъ ему:

— Ну пойду, пойду! Отчего же мнѣ не пойти?

развѣ я не знаю вашего отца, развѣ я не знаю, что онъ бѣдному Гдалю ничего плохого не сдѣлаетъ? Я зналъ пана Игнатія Корейбу тогда еще, когда онъ жилъ въ Корейбахъ..., въ своей околицѣ... а теперь уже пять лѣтъ, какъ онъ купилъ себѣ этотъ фольваркъ,.. Дай Боже, чтобы онъ пошелъ ему на здоровье! Я его не боюсь! онъ милосерлный человѣкъ!

Но въ дрожаніи его голоса и въ тихомъ смѣхѣ чувствовалось, что онъ боится. Еврей снова зашагалъ впередъ, согнувъ спину и устремивъ глаза въ землю. Только дыханіе его стало еще болѣе громкимъ, голосъ болѣе хриплымъ, нѣсколько разъ онъ даже откашливался. Юноша шелъ сзади него. Вскорѣ они оба очутились у входа въ вербовую аллею.

— Направо, маршъ! — громко командовалъ сынъ владѣльца фольварка.

Пойманный хрипло засмѣялся: — Хи, хи, хи, хи! какой паничъ веселый! Дай Боже здоровья паничу!

— Пожелаешь ты мнѣ здоровья тогда, когда отецъ за горохъ сдеретъ тебѣ халатъ со спины!

— Хи, хи, хи, хи!

Онъ снова закашлялся и на минуту остановился.

— Ну, иди же скорѣе, а то въ шею дамъ!

Юноша поднялъ кулакъ вверхъ и потрясъ имъ надъ согнутой спиной еврея, но не ударилъ.

Въ глубокой тѣни вербовой аллеи раздался протяжный вздохъ.

— Охъ, охъ, охъ!

* * *

Небольшой жилой домъ Игнатія Корейбы, крытый соломой, былъ раздѣленъ сѣнями на двѣ поло-

вины; въ одной половинѣ помѣщалась челядь и домашняя птица, а въ другой жилъ самъ хозяинъ фольварка вмѣстѣ со своимъ семействомъ.

Дневныя работы были только что окончены. Въ людской готовили въ большой печи ужинъ для работниковъ, пастуховъ и дѣвушекъ. Оттуда слышенъ былъ шумъ грубыхъ голосовъ, смѣхъ женщинъ, иногда раздавался веселый лай щенка, рѣзкое кудахтанье куръ, проснувшихся отъ блеска огня и шума людскихъ голосовъ. На другой половинѣ тоже пылалъ веселый огонь но не въ большой печи, какъ въ людской, а въ высокомъ и широкомъ каминѣ, и освѣщалъ большую комнату съ бѣлымъ деревяннымъ поломъ, чисто выбѣленными стѣнами и нѣсколько почернѣлымъ отъ дыма потолкомъ. Здѣсь тоже варилось что-то въ большомъ горшкѣ; яркій огонь освѣщалъ висѣвшіе на стѣнахъ образки, красныя скамейки, столы и стулья, занимавшія цѣлый уголъ комнаты ткацкія кросна и, заглядывая черезъ открытыя двери въ сосѣднюю комнату, неясно обрисовывалъ застланныя кровати, окованные желѣзомъ сундуки, мѣшки, съ шерстью, или мукой кошолки, мотки нитокъ и образки на стѣнѣ. Послѣдняя комната служила спальней и кладовой, столовой и отчасти кухней.

Игнатій Корейба только четверть часа тому назадъ вернулся съ поля, гдѣ онъ съ рабочими нагружалъ телѣги сжатымъ ячменемъ и, снявъ отъ жары сюртукъ, въ одной полотняной жилеткѣ сидѣлъ за столомъ, на которомъ лежалъ свѣжій хлѣбъ и были разставлены тарелки и разложены цинковыя ложки. Панъ Корейба былъ невысокій, крѣпкій, широкоплечій мужчина, съ круглымъ лицомъ, точно мѣсяцъ въ полнолуніе, съ головой, покрытой сѣдыми, коротко

подстриженными волосами. Загорѣвшія лицо и шея вишневаго цвѣта, лобъ, испещренный морщинами, и загрубѣлыя руки съ искривленными пальцами и съ странными узлами на суставахъ, говорили, что этотъ маленькій, но доходный фольваркъ, достался ему не даромъ, но стоилъ цѣлаго моря кроваваго пота и множества лишеній. Несмотря на то отъ всей фигуры этого мелкаго шляхтича вѣяло недюжинной силой и цвѣтущимъ здоровьемъ, а на лицѣ сіяло веселье и искреннее довольство собой и всѣмъ тѣмъ, что онъ сумѣлъ добыть своими руками.

Совершенно иначе выглядѣлъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ за столомъ высокій и худой экономъ изъ Шумной, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ длинными ногами и длиннымъ лицомъ, съ бѣгающими глазами и колючими черными усами надъ лукавымъ ртомъ. На немъ былъ черный сюртукъ и красный галстукъ, повязанный бантомъ. Всѣ знали, что онъ человѣкъ легкомысленный, но весьма ловкій и вѣчно надъ всѣмъ и всѣми насмѣхающійся. Сегодня, возвращаясь изъ сосѣдней деревушки, гдѣ онъ нанималъ рабочихъ, онъ привязалъ къ забору своего откормленаго коня и зашелъ къ Корейбамъ поговорить и отвѣдать молодой картошки, варившейся на огнѣ. Ведя съ хозяиномъ дома разговоръ о сельскомъ хозяйствѣ, онъ часто стрѣлялъ глазами въ ту сторону, гдѣ стояла молоденькая дочь Корейбы. Хотя Ядвисѣ едва минуло пятнадцать лѣтъ, и она уже была причиной частаго пріѣзда гостей, однако этотъ гость былъ ей, повидимому, не особенно пріятенъ.

Маленькая Ядвися, въ ситцевомъ платьѣ, не закрывавшемъ ни ея босыхъ ногъ, ни загорѣлой шеи, стояла около огня и, повернувшись профилемъ къ ухаживателю, водила пальцемъ по неровной поверх-

ности камина. Огонь золотилъ ея лицо, напоминавшее румяное яблоко, блестѣлъ въ синихъ глазахъ и освѣщалъ красную ленточку, обхватывавшую свѣтло-золотистые волосы, распущенные по плечамъ.

Около огня, присматривая за горшкомъ и не вмѣшиваясь въ разговоръ мужчинъ, стояла мать семейства, высокая, костлявая, со лбомъ, изборожденнымъ, какъ и у мужа, морщинами, но не такая, какъ онъ сильная и здоровая, а наоборотъ, нѣсколько болѣзненная, запуганная, съ постоянно открытымъ ртомъ. Долгіе годы она проработала дома и въ полѣ, народила много дѣтей и много ихъ похоронила на приходскомъ кладбищѣ. Только трое остались въ живыхъ: вотъ эта румяная дѣвочка, водившая пальцемъ по камину, и два сына.

Именно о сыновьяхъ и разговаривалъ въ эту минуту Игнатій Корейба. Его мучили тяжелыя заботы и непріятности. Стефану, который теперь на полѣ сторожитъ горохъ и картошку, на святого Петра и Павла кончилось двадцать лѣтъ. Черезъ годъ ему надо отбывать воинскую повинность. А какъ онъ безъ него справится съ хозяйствомъ? Онъ уже старѣетъ, тяжело ему. И на такой долгій срокъ! Когда Стефанъ былъ ребенкомъ, дѣла шли у нихъ не такъ хорошо, какъ теперь. Читать и писать онъ учился только дома и никакой льготы не имѣетъ. На шесть лѣтъ пойдетъ въ солдаты. — Можетъ быть, послѣ и не увидишь его... Можетъ случиться война... а тутъ тебѣ точно правую руку отрѣзали...

Мать повернулась лицомъ къ огню и рукавомъ рубахи отерла слезы на глазахъ. Экономъ изъ Шумной съ умиленіемъ спросилъ своего тестя in spe:

— Ну, а Янекъ? Тотъ уже не пойдетъ въ солдаты, когда школу окончитъ?

Красное лицо Корейбы просіяло, точно его освѣтилъ лучъ солнца.

— Янекъ, пане добродѣю! ого! и онъ пойдетъ, навѣрно пойдетъ, но только не въ солдаты, но въ адвокаты... ха, ха, ха! Способный, храни его Богъ, а къ книжкамъ тянетъ его, какъ жида къ библіи! „Я, — говоритъ онъ, — какъ школу кончу, такъ въ университетъ поѣду". „Поѣзжай, сынокъ, — говорю я, — учись; королемъ будешь". А онъ: „не королемъ, отецъ, а только адвокатомъ"! Пусть хоть одинъ Корейба въ люди выйдетъ. Слава Богу! теперь у меня хватитъ средствъ на воспитаніе сына... Стефекъ не получилъ образованія. Что дѣлать? Другое время было. Зато, если Стефекъ счастливо кончитъ военную службу, то онъ получитъ земли больше... по справедливости... Я ни одного изъ моихъ дѣтей обижать не хочу и всѣхъ троихъ ровненько надѣлю... ровненько.. у меня и дѣвушка — родное дитя, и она получитъ столько же, сколько братья... вотъ.

Странное физіологическое явленіе: красныя уши эконома изъ Шумной быстро задвигались, когда Корейба заговорилъ о своемъ намѣреніи раздѣлить имѣніе поровну между всѣми дѣтьми. Его бѣгающіе глаза сдѣлались масляными и сладкими и повернулись къ стоявшей у камина дѣвочкѣ. Совершенно неожиданно, голосомъ такимъ громкимъ, что старый Корейба широко раскрылъ глаза, онъ сказалъ:

— Бужу васъ, панна Ядвига!

Это былъ весьма ловкій способъ завязать разговоръ съ молоденькой возлюбленной. Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить вопросомъ: „Въ какомъ цвѣтѣ?" возлюбленная сорвалась съ мѣста, какъ стрѣла промчалась черезъ комнату и уже была у порога, какъ

вдругъ раздался глухой стукъ, а потомъ взрывъ веселаго, звучнаго смѣха! Это столкнулись двѣ молодыя головы. Но ничего! Дѣвушка, держась за голову, покатывалась со смѣху, громко смѣялся и шестнадцатилѣтній мальчикъ въ полотняной блузѣ, съ ружьемъ за спиной, вбѣжавшій въ комнату. Одной рукой онъ сорвалъ съ головы шапку съ гимназическимъ гербомъ, а другой бросилъ на столъ двухъ убитыхъ птицъ. За нимъ вбѣжалъ и радостно запрыгалъ по комнатѣ небольшой песъ, помѣсь лягавой съ дворняжкой, забрызганный до того, что трудно было распознать цвѣтъ его шерсти. По одеждѣ мальчика ясно было видно, что онъ возвращается съ охоты. Обувь его была вся въ грязи, одежда пропиталась луговой сыростью. Лицо его, такое же круглое, какъ и у сестры, но только болѣе худощавое, было залито крупными каплями пота и сіяло торжествомъ. Первый разъ на каникулахъ отецъ позволилъ ему снять со стѣны ружье и пойти на охоту.

И вотъ теперь онъ убилъ двухъ бекасовъ! Ради генія семьи задвигалось все, что было живого въ комнатѣ. Корейба осматривалъ и ощупывалъ грубыми руками принесенныхъ птицъ.

— Смотрите, бекасы! какіе жирные, какъ масломъ облитые; полюбуйтесь-ка, какъ этотъ повѣса научился стрѣлять ... ха, ха, ха!

Онъ громко смѣялся, а экономъ изъ Шумной вторилъ ему басомъ, разспрашивая Янка, на какихъ лугахъ онъ охотился, совѣтуя ему отправиться на другіе, предлагая свою собаку, настоящую — „честное слово“, настоящую лягавую — пойнтера.

Мать взяла у сына ружье и передникомъ отерла ему потъ съ лица. Ядвися, все еще смѣясь, броси-

лась къ стоящему въ каминѣ горшку. Молодой охотникъ вышелъ изъ дому послѣ полудня и, должно быть, былъ голоденъ.

Моментально на столѣ появились тарелки съ простоквашей и цѣлая миска дымящейся картошки. Какъ стало за столомъ весело, свѣтло!

Огонь въ каминѣ пылалъ яркимъ пламенемъ, а мать поставила на столъ еще и свѣчу въ тяжеломъ подсвѣчникѣ. Вынутыя изъ шкафа, ради гостя, цинковыя ложки блестѣли, какъ серебряныя, и издавали веселый звонъ, ударяясь о фаянсовыя тарелки, когда ими черпали простоквашу, покрытую слоемъ розовой сметаны.

Корейба чокался съ сосѣдомъ вишневкой домашняго приготовленія. Хозяйка съ веселой, ласковой улыбкой подливала и накладывала пищу гостю и дѣтямъ. Экономъ изъ Шумной, поминутно отирая рукой, украшенной золотымъ кольцомъ, простоквашу съ торчащихъ усовъ, бросалъ умильные взгляды на Ядвисю, которая, упершись колѣнями въ скамейку и перегнувшись на столъ, ѣла изъ одной тарелки съ братомъ. Босыми ногами она выбивала о край скамьи веселый мотивъ и наконецъ рѣшилась съ нѣсколько сердитой шаловливостью отвѣчать на заигрыванья непріятнаго жениха.

— Панна Ядвися сегодня что-то сердитая.

— Я не сердитая, это вамъ такъ кажется.

— А вы знаете, что злость вредитъ красотѣ . . .

— Ну, такъ вы никогда не сердитесь, а то подурнѣете . . .

— Долженъ ли я понять это такъ, что сейчасъ въ вашихъ глазахъ я кажусь красивымъ? . . .

Присутствующіе смѣялись, только Янекъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на перестрѣлку сестры

съ Томкевичемъ, ни на минуту не переставалъ разсказывать о своей сегодняшней охотѣ. Его звучный, тонкій, полудѣтскій голосъ покрывалъ всѣ другіе голоса. Онъ ѣлъ, жестикулировалъ и болталъ. Чаще всего онъ обращался съ своими разсказами къ отцу, который слушалъ его съ глазами, блестящими отъ удовольствія.

— Смотрю я!... Трезоръ стоитъ... Бери! — кричу. — Стоитъ, какъ столпъ! Навожу ружье... иду... Иди дальше! — говорю — Трезоръ идетъ дальше! Иду и я! бекасъ фуурръ! пифъ, пафъ!... упалъ...

Трезоръ, услыхавъ свое имя, бѣгалъ вокругъ стола, радостно визжа; ему дали тарелку простокваши.

— Ха, ха, ха, ха! — громко смѣялся Корейба. — Какъ этотъ повѣса на все ловокъ, и на книжку, и на ружье... Только себя не подстрѣли...

Въ этотъ моментъ отворились двери сѣней и, втолкнутый чьей-то рукой, въ комнату влетѣлъ человѣкъ въ длинной, рваной одеждѣ, въ сапогахъ, бѣлыхъ отъ пыли, съ узломъ на плечахъ, съ палкой и шапкой въ рукахъ. Повидимому, его сильно толкнули, такъ какъ на порогѣ онъ зашатался, какъ пьяный, и остановился только тогда, когда уперся рукой въ стѣну. Онъ сталъ между дверьми и каминомъ, въ тѣни, нѣсколько сгорбившись подъ тяжестью своего узла.

Эта худая фигура, покрытая лохмотьями, изогнувшаяся въ низкомъ поклонѣ, съ узломъ на плечахъ, палкой въ рукахъ, растрепанными волосами, выдающимися скулами, едва обтянутая кожей, похожая на желтую облатку, въ весело освѣщенной комнатѣ, среди здоровыхъ, загорѣвшихъ лицъ, крѣпкихъ и

полныхъ тѣлъ, громкаго смѣха и скромнаго достатка, казалась какъ бы внезапно выросшимъ изъ земли духомъ страданія.

— Во имя Отца и Сына ... — поднимая руку къ лбу начала жена Корейбы.

— Всякая душа, да славитъ Бога! — съ насмѣшливымъ смѣхомъ крикнулъ Томкевичъ.

— Іисусе, Марія! — застонала Ядвися и спряталась за брата, который, положивъ ложку въ тарелку, устремилъ свой горящій весельемъ взглядъ въ блестящіе, запавшіе и испуганные глаза прибывшаго.

Къ столу размашистыми шагами подошелъ крѣпкій, сильный юноша въ короткой сермягѣ и высокихъ сапогахъ. Это былъ вылитый портретъ отца. Такъ, вѣрно, выглядѣлъ когда-то старый Корейба. Голубые глаза юноши блестѣли, загорѣлое лицо оттѣняло бѣлизну лба, волосы его были такого же свѣтло-золотистаго цвѣта, какъ и у сестры, а руки загрубѣли отъ полевой работы, какъ у стараго Корейбы. Онъ небрежно кивнулъ головой экономуизъ Шумной и заговорилъ съ отцомъ:

— Я привелъ вора, отецъ ... Горохъ нашъ жралъ, такъ что за ушами трещало, а, можетъ быть, и въ карманы набралъ. Ну-ка отецъ расправься ты съ нимъ! Я свое сдѣлалъ.

Онъ еще не кончилъ говорить, а мать уже подала ему полную тарелку картошки съ саломъ. Игнатій Корейба поднялся со скамьи и ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что запрыгали всѣ тарелки и ложки. На низкомъ лбу стараго земледѣльца жилы вздулись, какъ голубые шнурки, глаза загорѣлись, щеки покрылись пурпуромъ. Было видно, что онъ можетъ быть страшнымъ, если разсердится.

— О, проклятая собака! ты будешь у меня красть мое добро, добытое кровавымъ потомъ!

Крикъ его былъ похожъ на рычанье льва, какъ ругательства Стефана напоминали ворчаніе молодого медвѣженка. Хоть они уже были, что называется, въ достаткѣ, но ни отецъ, ни сынъ не переставали собственными руками пахать, сѣять, косить и потому защищали свое добро, какъ защищаютъ волки тяжко доставшуюся добычу. Но вдругъ старый Корейба пересталъ кричать и, какъ всѣ близорукіе люди, прикрывъ ладонью глаза, сталъ всматриваться въ пойманнаго.

— Кто это? — спросилъ онъ. — Гедали, что ли? Ты, Гедали изъ Волпы? Но, говори же! Ты онѣмѣлъ, что ли?

Спрошенный нѣсколько разъ пошевелилъ губами и черезъ нѣсколько секундъ, низко кланяясь, пробормоталъ.

— Гедали, вельможный пане! Я ... Гедали изъ Волпы ... тотъ самый, къ которому вельможный панъ когда-то ѣздилъ за солью и желѣзомъ ... Тотъ самый, который имѣлъ бричку и пару прекрасныхъ лошадей ... вы знали, пане ... ой! ...

Гедали уже нѣсколько успокоился отъ своего страха и жалобно качалъ головой. Корейба, видимо, хорошо припомнилъ его. Тяжело дыша, онъ опустился на лавку и все еще сердито, но уже значительно тише, крикнулъ:

— Хорошъ же ты вышелъ ... сталъ воромъ, что ходитъ по чужимъ полямъ и крадетъ ...

Гедали ударилъ себя худой рукой въ грудь.

— Вельможный пане! Я не краль ... чтобы мнѣ горе приключилось, если я краль! Чтобы я не дождался завтрашняго дня ...

— А что же ты дѣлалъ? — подскочилъ къ нему Стефанъ, въ одной рукѣ держа тарелку, а другую сжавъ въ кулакъ. — А что же ты дѣлалъ, нехристь, когда я поймалъ тебя тамъ въ горохѣ? А?

— Ну, извините!... вельможный паничъ, не сердитесь... я этого гороха не кралъ.

— А что же ты дѣлалъ? — вскипѣлъ снова Корейба.

Томкевичъ, смотрѣвшій на еврея съ презрительной улыбкой, пошутилъ.

— Онъ навѣрно смотрѣлъ, не растутъ ли въ горохѣ рубли...

Гедали тихо отвѣтилъ:

— Я его ѣлъ... это правда...

Корейба снова вспыхнулъ:

— Что же ты себѣ думаешь, что я сѣю горохъ для того, чтобы каждый бродяга объѣдался имъ? Подожди... я не прощу тебѣ... ты долженъ будешь заплатить мнѣ за него, или я тебя къ мировому потащу...

Гедали снова низко поклонился.

— Ой! — простоналъ онъ, — пусть вельможный панъ сто лѣтъ живетъ и здравствуетъ и проститъ Гедали... Я шелъ въ Шумную на ночлегъ и встрѣтилъ этотъ горохъ... Онъ у самой дороги растетъ! зачѣмъ онъ у самой дороги растетъ? Ай, много я съѣлъ тамъ его? немножечко...

Томкевичъ, видимо хотѣвшій ослѣпить своимъ остроуміемъ свою избранницу, лукаво посмотрѣлъ на Ядвисю и, грубо разсмѣявшись, сказалъ:

— Вѣдь вамъ, жиды, честное слово, ваша вѣра не позволяетъ много красть, но немножко взять она позволяетъ? а?

Гедали странно блеснулъ глазами на говорив-

шаго и нѣкоторое время молчалъ, крѣпко сжавъ губы. Потомъ, угрюмо смотря въ землю, онъ отвѣтилъ:

— Причемъ тутъ вѣра? Она никому красть не позволяетъ.

И еще тише онъ добавилъ:

— Я былъ голоденъ...

— Если ты былъ голоденъ, то нужно было просить, но не брать безъ позволенія... — началъ Корейба.

Но Томкевичъ прервалъ его и, подражая еврейскому акценту, спросилъ:

— А если этотъ горохъ былъ трефный, то что теперь будетъ?

Желтыя губы Гедали безпокойно задвигались. Видимо, Томкевичъ затронулъ щекотливую струну его совѣсти. Смотря въ землю и наморщивъ увядшій лобъ, на который падали густые сѣдые волосы, Гедали думалъ. Но вдругъ онъ выпрямился, насколько позволяла ему тяжелая ноша, въ отчаянной рѣшимости всплеснулъ руками, повернулъ лицо къ потолку и, впервые возвысивъ голосъ, воскликнулъ:

— Ай, ай! если бы самъ раввинъ проходилъ около этого гороха, то и онъ бы его съѣлъ... такой горохъ!...

Въ этомъ возгласѣ было столько увлеченія, которымъ проникся къ прекрасному гороху голодный желудокъ, что никто изъ присутствующихъ не засмѣялся, а старый Корейба и его сыновья даже нѣсколько нахмурились. Одинъ Томкевичъ имѣлъ желаніе снова выпалить какую-нибудь шутку, но удержался, замѣтивъ, что его возлюбленная соскользнула со скамейки и, ставъ у камина, съ интересомъ и серьезно смотрѣла на еврея своими большими синими глазами.

— Смотрите-ка! — черезъ минуту заговорилъ хозяинъ дома — Такъ ты такъ обѣднѣлъ, Гедалекъ! Я тебя не видѣлъ ужъ лѣтъ десять, пожалуй, но въ былое время я часто бывалъ въ Волпѣ и хорошо помню, что ты жилъ тамъ очень недурно ...

— Обѣднѣлъ я, пане, обѣднѣлъ ...

Томкевичъ не могъ выдержать.

— А чтобы такъ слѣпой голаго обокралъ, — буркнулъ онъ, — какъ правда то, что онъ бѣдный! Кто изъ нихъ бѣдный? Всѣ они піявки, напившіяся человѣческой крови ... честное слово.

Гедали медленно повернулъ свое лицо къ говорившему и, смотря на него не гнѣвнымъ, но задумчивымъ и неподвижнымъ взглядомъ, выпустилъ палку изъ рукъ, поднялъ обѣ руки къ груди и раскрылъ лохмотья своего халата. Подъ этими лохмотьями видна была рубаха, такая рваная, что сквозь дыры свѣтилось темное, худое тѣло; грудь его затряслась отъ короткаго, хриплаго кашля. Изъ порванныхъ рукавовъ халата виднѣлись голыя, худыя руки.

— Неряшество! — буркнулъ Томкевичъ и плюнулъ на полъ.

Стоявшая у камина жена Корейбы отвернулась, шепча: „Матерь Божія!“ Корейба забарабанилъ по столу грубыми пальцами, а Янекъ неожиданно замѣтилъ своимъ звонкимъ, дѣтскимъ голосомъ:

— Почему вы не снимете своего узла? Будьте добры, снимите съ себя эту тяжесть.

Томкевичъ разсмѣялся:

— Вы! вы! Ха, ха, ха, ха! Честное слово, съ тѣхъ поръ, какъ живу на свѣтѣ, не слышалъ, чтобы кто-нибудь такихъ лапсердаковъ на вы величалъ. Видно, что панъ Янъ научился въ городѣ всякой вѣжливости.

Янекъ покраснѣлъ, какъ вишня, и, поднявъ голову съ гордостью шестнадцатилѣтняго гимназиста, отвѣтилъ:

— Можетъ быть, вы, пане Томкевичъ, о многихъ вещахъ еще не слыхали, но мы уже давно знаемъ, что цивилизованный человѣкъ долженъ быть вѣжливъ къ каждому.

— Тише, Янекъ, тише! — остановилъ Корейба своего любимца, но самъ ласково добавилъ:

— Ну, сними ужъ, Гедалю, мѣшокъ съ плечъ и выпрямись, если паничъ такъ хочетъ.

Гедали, видимо утѣшенный, сталъ снимать черезъ голову толстыя веревки своего узла. Но ему трудно было сдѣлать это сразу, руки его дрожали, и онъ сильно закашлялся.

— Ядвися! помоги ему! — замѣтилъ Янекъ.

Дѣвочка, стоявшая ближе всѣхъ къ Гедали, подбѣжала къ нему и моментально распутала своими сильными руками толстую веревку. Томкевичъ возмутился.

— Іисусе, Марія! — крикнулъ онъ, — не хватало еще, чтобы панна Ядвися пачкала свои ручки жидовскими лапсердаками! Это уже слишкомъ; ими, честное слово, даже и свиньи брезгаютъ.

Но Ядвися, послушная по отношенію къ брату-гимназисту, для всѣхъ другихъ имѣла въ запасѣ острый язычекъ.

— Не заботьтесь о моихъ рукахъ, пане Томкевичъ! Если я ихъ запачкаю, то и вымою, а воды у васъ не попрошу.

— Что у васъ въ этомъ мѣшкѣ? вы, вѣрно, милостыню собираете? — протяжнымъ тономъ, широко открывая ротъ, спросила мать семьи.

Гедали отрицательно покачалъ головой.

— Я не нищій.

— А что же у васъ тамъ въ мѣшкѣ?

— Я торговецъ ... хожу по дворамъ и по шляхетскимъ околицамъ, ну и по деревнямъ хожу, товары продаю.

— Однакоже, — началъ Корейба, — какъ ты могъ такъ обѣднѣть, Гдалекъ? Вѣдь я хорошо помню, что твоя жена держала въ Волпѣ лавку, торговала солью, желѣзомъ и разной мелочью, а ты имѣлъ свой домъ и былъ извозчикомъ. Я помню, хорошо помню тѣ времена, когда я еще ѣздилъ въ лаптяхъ въ Волпу и заходилъ къ вамъ. Я покупалъ у твоей жены все, что мнѣ было нужно. Умная и красивая еврейка была твоя Мерка ... А на твоей бричкѣ я разъ ѣздилъ къ двоюродному брату за самый Слонимъ. Что случилось съ тобой?

Гедали стоялъ, выпрямившись, опираясь о каминъ, уже вполнѣ увѣренный, что теперь никто не сдѣлаетъ ему ничего худого. На вопросъ Корейбы онъ отвѣтилъ:

— Что? Вотъ что ... Господь Богъ допустилъ. Мой домъ въ Волпѣ сгорѣлъ.

— Жаль! Жаль! — съ сочувствіемъ сказалъ Корейба.

— И хорошо! — крикнулъ Томкевичъ. — Ѣлъ волкъ всѣхъ, а теперь съѣли волка. Мало развѣ жиды сожгли людскихъ построекъ? Въ Кшевнѣ въ этомъ году подожгли винный складъ, въ Павловскѣ корчму.

Слегка пожавъ плечами, Гедали тихо отвѣтилъ:

— Я не поджигалъ.

— Потому, что не могъ, а если бы могъ, то поджегъ бы.

— Не поджегъ бы, — запротестовалъ Корей-

ба. — Я раньше его хорошо зналъ, онъ былъ человѣкъ мирный, спокойный. А твоя Мерка какъ поживаетъ? Развѣ и она уже не имѣетъ лавки въ Волпѣ?

— Умерла.

— Смотрите! Умерла! — широко открыла ротъ жена Корейбы, — ай ай ай! и не старая еще вѣдь была женщина! А отчего она умерла?

Гедали смотрѣлъ въ землю.

— Господь Богъ попустилъ ... не къ мѣсту бы здѣсь говорить, отъ злой болѣзни ...

— Значитъ, отъ холеры, — сказалъ Корейба.

Экономъ задвигалъ косматыми усами и стремительно повернулся къ еврею:

— Ну, жидъ! — заговорилъ онъ, — какъ будешь завтра проходить черезъ Шумную, честное слово, дамъ тебѣ цѣлый гарнецъ свѣжаго гороха, только ты мнѣ скажи сейчасъ, здѣсь, какъ называется та болѣзнь, отъ которой умерла твоя жена! Ха, ха, ха, ха!

Гедали безпокойно задвигалъ губами.

— Нѣтъ, здѣсь нельзя говорить объ этомъ, это плохая болѣзнь ...

— Но ты мнѣ скажи, какъ она называется?

— Какъ она называется? А зачѣмъ говорить вамъ, какъ она называется!

— Ни за что, бестія, не скажетъ! Хоть колесуй его, не скажетъ, — разразился смѣхомъ Томкевичъ.

— Такой ужъ у нихъ глупый предразсудокъ, — сказалъ Стефанъ.

Янекъ снова весь покраснѣлъ и рѣзко, сентенціозно сказалъ:

— Безчеловѣчно безъ всякой надобности при-

нуждать кого-нибудь къ тому, что для него непріятно.

Видимо, онъ начиналъ принимать къ сердцу дѣло еврея.

Его интересовала также и судьба лошадей, которыхъ когда то имѣлъ Гедали.

— А лошади? — спросилъ онъ.

— Одна издохла, а другая ослѣпла, и я продалъ ее за пятнадцать рублей.

— Но, вѣдь, у тебя было много дѣтей? — вспомнилъ Корейба: — я помню, что когда я у васъ бывалъ, пятеро бебеховъ, кажется, увивалось около твоей Меры.

— Семеро ... поправилъ Гедали.

— О, Іисусе! — застонала жена Корейбы, — семерыхъ выкормить, воспитать, это не шутка!

Подперевъ голову загрубѣлой рукой, она печально качала головой. Она хорошо знала, что значитъ вскормить и воспитать дѣтей, даже при хорошихъ средствахъ, а каково же, если нѣтъ никакихъ? Въ голосѣ ея звучало какъ бы уваженіе къ родительскимъ заботамъ и горестямъ, когда она обращаясь къ Гедали, мягко спросила:

— А сколько имъ лѣтъ?

Медленно, не то съ горькой, не то съ радостной улыбкой, онъ разсказалъ, что взрослыхъ дѣтей у него одна лишь дочь, которая послѣ смерти матери прмсматривала и воспитывала остальныхъ; одинъ сынъ его учится у сапожника, другой ходитъ въ талмудъ-тору — еврейскую школу для бѣдныхъ мальчиковъ, третій ничему не учится, потому что ему Богъ разума не далъ, четвертый, Хаимекъ, очень умный ребенокъ, но еще очень малъ. Что касается двухъ младшихъ дочерей, то онѣ хотѣли бы пойти въ услу-

женіе, но не могутъ, потому что онѣ ничего не знаютъ и совсѣмъ слабы.

— Сидятъ въ хатѣ и вяжутъ чулки на продажу. Одной изъ нихъ, Малкѣ, уже пятнадцать лѣтъ, и она очень красивая, но такая блѣдная, какъ бумага, и никогда ничего не говоритъ. Почему она ничего не говоритъ? Развѣ я знаю! Можетъ быть, отъ печали или нужды; ей бы нало побольше ѣсть и набраться веселости, да откуда? Въ одной хатѣ всѣ восьмеро живемъ на три рубля въ недѣлю, тѣ три рубля, которые я зарабатываю своей торговлей. Отъ всего имущества у меня осталось только восемьдесятъ рублей. На эти деньги я накупилъ товару. Каждую недѣлю на шабашъ я возвращаюсь домой, къ дѣтямъ и приношу имъ три рубля ... ну, какъ Богъ дастъ, такъ иногда и четыре или пять, но рѣдко ... чаще всего три. Чтобы хорошо жить, нужно бы имѣть восемь рублей въ недѣлю. Охъ! Охъ! Имѣй я восемь рублей въ недѣлю, какое бы это было счастье для меня и для моихъ дѣтей!..

Онъ продолжалъ бы еще дальше, но закашлялся. Прошелъ на цыпочкахъ черезъ комнату и, сплюнувъ въ уголъ, вернулся на прежнее мѣсто. Всѣ молчали. Казалось, что ангелъ состраданія пронесся надъ всѣми и своимъ крыломъ слегка коснулся этихъ загрубѣлыхъ лицъ.

Корейба барабанилъ пальцами по столу и думалъ ... О чемъ? Можетъ быть, о временахъ своей убогой молодости, когда онъ еще въ лаптяхъ заходилъ въ домъ Гедали и весело болталъ съ его женой Мерой. Жена Корейбы, подперевъ голову рукой, можетъ быть, тоже думала объ одной изъ своихъ дочерей, которая за годъ передъ смертью такъ же, какъ дочь Гедали, стала бѣлой, какъ бумага и

молчаливой, какъ задавленный птенецъ. Стефанъ сидѣлъ у окна, подперши голову руками и, наморщивъ бѣлый лобъ, думалъ. У него были свои заботы и горе: черезъ годъ придется разстаться съ домомъ, идти въ солдаты. И вотъ, слушая разсказъ о чужихъ горестяхъ, онъ также задумался. Ядвися, еще не знавшая никакихъ печалей, присѣла на полу и, отбросивъ на плечи свои золотистые волосы, поднявъ лицо, смотрѣла на еврея большими удивленными глазами. Одинъ только Томкевичъ, видимо недовольный и кислый, снова разразился остротой:

— А кто жъ тебѣ велѣлъ, жидъ, столько дѣтей наплодить.

Гедали отвѣтилъ:

— Извѣстно... у бѣдняковъ всегда много дѣтей.

Снова раздался звучный, увѣренный голосъ Янка:

— Садитесь, пане, садитесь, пане Гдалю, прошу васъ.

Гедали поклонился, а Корейба задумчиво замѣтилъ:

— Однако, какіе случаи бываютъ на свѣтѣ! Вотъ Гедали, человѣкъ тихій, честный, работящій, разорился, а шельма Мендель изъ Шумной, такой пройдоха, что Боже упаси, такъ разбогатѣлъ, что просто страшно! Я слыхалъ, что онъ уже Шумную въ аренду беретъ.

Глаза Корейбы приняли слегка ядовитое выраженіе, и онъ искоса посмотрѣлъ на эконома. Ходили слухи, что Томкевичъ велъ дѣла съ богатымъ Менделемъ не въ пользу владѣльца Шумной. Экономъ слегка сконфузился, Корейба же повторилъ:

— Отчего это такъ? Этотъ ничего плохого не сдѣлалъ и въ нищетѣ, а тотъ негодяй богачемъ сталъ ... Вотъ, какъ оно на свѣтѣ: хорошему худо, худому хорошо.

Гедали сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и робко заговорилъ:

— Простите, вельможные господа, у насъ есть объ этомъ притча.

Ядвися сдѣлала живое движеніе. Она весьма любила всякіе разсказы.

Гедали выпрямился и заговорилъ:

— Въ нашихъ книгахъ написано такъ. Когда Богъ захотѣлъ дать міру библію, то онъ повелѣлъ, чтобы всѣ горы пришли къ нему. Горы, конечно, послушались Бога и пришли, но большія горы стали впереди, гордясь тѣмъ, что онѣ большія, и ждали, которой изъ нихъ Богъ дастъ библію. Богъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и подозвалъ къ себѣ самую меньшую гору, такую маленькую, что она стояла, спрятавшись за большими горами, и думала, что ужъ ей то Богъ конечно не дастъ библіи и даже не замѣтитъ ее. Но Богъ подозвалъ ее къ себѣ и сказалъ: „Я даю библію тебѣ, ибо хоть ты и мала, но въ моихъ глазахъ ты дороже тѣхъ большихъ горъ. А почему ты дороже ихъ? Потому, что онѣ гордятся, а ты не гордишься, потому, что съ нихъ падало на людей много камней, а съ тебя не упалъ ни на кого ни одинъ камень. И далъ Богъ библію самой меньшей горѣ. А одинъ нашъ великій раввинъ, Бенъ-Іегуда, говорилъ, что эта притча показываетъ намъ, какъ иногда маленькій человѣкъ можетъ быть дороже великаго человѣка, если онъ не гордый, никому не вредитъ, а тотъ былъ гордый и причинилъ много зла людямъ.

Ударяя рукой объ столъ, старый Корейба, блеснувъ глазами, заговорилъ:

— Это правда! Вотъ, напримѣръ, знаешь что, пане Томкевичъ, когда меня панъ Палицкій душилъ

процессомъ, желая во что бы то ни стало несправедливо отнять у меня мое добро, я такъ мучился, что едва не заболѣлъ съ горя. А все-таки я часто думалъ: хотя онъ и великій панъ, а я убогій шляхтичъ, лапотникъ, но я лучше его. Онъ обидчикъ и гордый Иродъ, а я никому воды не замутилъ ... Своимъ собственнымъ, кровавымъ трудомъ я добился всего, что имѣю, а кое-кому я еще и помогъ ...

— Простите, вельможный пане, — заговорилъ Гедали, — то, что вы теперь сказали, это такой виноградъ, который растетъ на колючемъ кустарникѣ ... Я не знаю, какъ называется тотъ кустъ, что такъ колется ...

Онъ обвелъ лица всѣхъ пытливымъ взглядомъ.

— Можетъ быть, терновникъ? — подсказала Ядвися.

— Ага! паненка хорошо знаетъ ... терновникъ! терновникъ! У насъ и объ этомъ есть красивая притча.

Ядвися захлопала въ ладоши. Гедали посмотрѣлъ на нее своимъ тусклымъ взглядомъ и, улыбаясь, началъ:

— Ай! какая паненка веселая! какъ пріятно смотрѣть, когда кто-нибудь такой веселый! Охъ! если бы моя Малка была когда-нибудь такая веселая! Ей столько же лѣтъ, сколько паненкѣ, и она такого же роста, только бѣлая, какъ бумага, и никогда ничего не говоритъ. Если вы, паненка, хотите, то я разскажу вамъ и эту притчу ... У насъ въ книгахъ написано такъ: когда евреи были въ Вавилонскомъ плѣну, жилъ среди нихъ одинъ очень ученый и набожный человѣкъ, который назывался Уріель. Онъ былъ очень добрый. И потому, что онъ былъ такой добрый, онъ никакъ не могъ спокойно перено-

сить этотъ плѣнъ. Когда онъ видѣлъ, что евреевъ обижаютъ, онъ такъ плакалъ, что все его сердце съ великой болью выливалось черезъ глаза. Онъ шелъ къ тѣмъ, кто страдалъ отъ несправедливости, и отдавалъ имъ все, что имѣлъ. Одному онъ давалъ немножко своего разума, другому немного денегъ, а третьяго гладилъ по лицу, какъ гладитъ мать свое больное дитя. Но ему самому ничто не помогало, и печаль такъ тяжело придавила его, что онъ сталъ кричать Богу: „дай мнѣ поскорѣе смерть!“ Но Богъ не далъ ему смерти, а только наслалъ на него сонъ. И приснилось ему, что онъ попрежнему находится въ вавилонскомъ плѣну вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, и что одинъ изъ его народа пришелъ къ нему и говоритъ ему: „Равви Уріель, посовѣтуй, какъ мнѣ лучше поступить въ этомъ дѣлѣ“. Онъ хотѣлъ совѣтовать, но не могъ, языкъ сталъ у него коломъ въ горлѣ.

Пришелъ другой человѣкъ и говоритъ: „Равви Уріель, научи ты моего сына читать въ святыхъ книгахъ“. Онъ хотѣлъ учить его, но не могъ, потому что самъ забылъ, какъ надо читать. Третій человѣкъ пришелъ къ нему и говоритъ: „Равви Уріель, дай мнѣ чего-нибудь поѣсть“. Онъ хотѣлъ дать, но не могъ, все его имущество куда-то пропало. Наконецъ Равви Уріель страшно крикнулъ, проснулся и почувствовалъ, что въ головѣ у него тотъ же самый разумъ, что и раньше, и что все его имущество попрежнему находится у него. Тогда онъ палъ лицомъ ницъ передъ Господомъ Богомъ и молился: „Не посылай мнѣ еще, Господи, смерти; хотя я и очень несчастенъ, но я счастливъ тѣмъ, что могу приносить радость тѣмъ, кто печаленъ! Одинъ нашъ великій раввинъ, Бенъ-Акиба, говоритъ, что эта

притча показываетъ, что если кто несчастенъ и очень мучится, то пусть онъ только посмотритъ вокругъ себя; и тогда онъ навѣрно увидитъ, что на томъ тернистомъ кустѣ, на которомъ онъ самъ сидитъ, растетъ сладкій виноградъ.

— Посмотрите! — сказалъ Корейба, — какой ты, Гдалю, мудрый! знаешь столько исторій наизусть!.. И всѣ твои исторіи хороши, ей Богу, хороши, хоть и еврейскія. Садись-ка, садись, теперь поговоримъ немного объ этомъ горохѣ!

Успокоенный оказаннымъ ему вниманіемъ, но опять встревоженный упоминаніемъ о горохѣ, Гедали улыбнулся, безпокойно блеснулъ глазами и, низко кланяясь, бормоталъ, что ничего, пустяки ... онъ постоитъ ... Но Ядвися вскочила съ пола, схватила табуретку и, поставивъ ее рядомъ съ Гедали, съ ласковой улыбкой на румяныхъ губахъ сказала:

— Пожалуйста, садитесь! у васъ уже, вѣрно, ноги устали стоять!

— Ну, что тамъ, пожалуйста, садитесь.

Это „что тамъ“ относилось къ тому движенію, какое сдѣлалъ Гедали, чтобы поцѣловать красную ручку, подавшую ему стулъ.

— Садись же! — нетерпѣливо крикнулъ Корейба.

Гедали вздрогнулъ отъ страха и моментально сѣлъ. Теперь онъ очутился у самаго огня, и ясно было видно, что его руки и ноги дрожатъ, грудь поднимается отъ быстраго дыханія, а глаза впали такъ глубоко, что на желтомъ лицѣ казались двумя черными, горящими искрами.

— Но плохо же ты выглядишь. Краше въ гробъ кладутъ, — началъ Корейба. — Ты боленъ, что ли?

— Боленъ, вельможный пане, боленъ!

Гедали разсказывалъ, что со времени пожара и

смерти жены онъ сталъ кашлять и терять силы, а послѣдніе два года ему становится все хуже и хуже. Что-то такое страшно давитъ грудь, и онъ такъ ослабѣлъ, просто страхъ! Если бы онъ не былъ боленъ, то могъ бы ходить скорѣе и зарабатывать больше, — можетъ быть, надумалъ бы какое-нибудь другое, болѣе выгодное дѣло. Но это такая болѣзнь, что отнимаетъ у него всѣ силы ...

Маленькіе глаза Корейбы, полускрытые щетинистыми бровями, увлажнились. Онъ ясно вспомнилъ хорошую жизнь Гедали, его лавку въ Волпѣ, вспомнилъ свое путешествіе въ Слонимъ въ его будѣ — и пожалѣлъ его. Выросши въ бѣдности и тяжеломъ трудѣ, онъ хорошо зналъ все горе и муки нужды и въ своемъ крѣпкомъ, грубомъ тѣлѣ имѣлъ мягкую нѣжную душу.

— Чахотка, что ли? — вполголоса проговорилъ Корейба. — Почему ты не лечишься?

— Я былъ у доктора.

— И что же тебѣ сказалъ докторъ?

— Что онъ сказалъ? онъ сказалъ, чтобы я каждый день ѣлъ мясо, пилъ много молока, поменьше ходилъ и каждую недѣлю ставилъ себѣ банки.

Улыбка скользнула по губамъ Гедали, освѣтила его лицо и лобъ, весь въ глубокихъ морщинахъ.

— Ѣсть мясо и пить молоко я не могу, это очень дорого стоитъ ... Ходить я долженъ много, въ этомъ весь мой заработокъ ... Я только въ одномъ послушался доктора ... каждую недѣлю ставлю себѣ банки ... Онѣ дешево стоятъ, только одинъ злотый ...[1] ну ... злотый въ недѣлю я могу истратить на свое леченіе ...

---

[1] Злотый — 15 коп.

— Іисусе! — ужаснулась жена Корейбы, — но какъ же вы можете такъ много ходить при такой болѣзни? . .

Гедали пересталъ улыбаться и отвѣтилъ:

— Хожу!

Въ эту минуту Ядвися, на нѣсколько секундъ выбѣжавшая въ сѣни, вернулась съ большимъ бѣлымъ горшкомъ въ рукахъ и подошла къ еврею.

— Можетъ быть, выпьете молока? — сказала она, подавая ему горшокъ.

Глаза Гедали блеснули. Онъ посмотрѣлъ на горшокъ, наполненный свѣжимъ парнымъ молокомъ, и, покачавъ головой, отвѣтилъ:

— Спасибо, паненка, мнѣ этого нельзя.

— Что? трефное?—со смѣхомъ сказалъ Томкевичъ.

— Мнѣ этого нельзя.

— Такъ, можетъ быть, кусокъ хлѣба съ масломъ? — предложилъ Янекъ.

Гедали ничего не отвѣтилъ, только опять покачалъ головой.

— Съѣшьте хоть нѣсколько картошекъ съ солью, а то вы совсѣмъ ослабѣете! — предложила хозяйка, показывая на миску, гдѣ еще оставалось немного картошки.

Видимо смущенный и нѣсколько отвернувъ лицо въ сторону, Гедали отвѣтилъ:

— Спасибо вамъ, вельможные паны, за все ... Ужъ я завтра у шинкаря въ Шумной поѣмъ.

— Ну, живи съ этими людьми! — крикнулъ экономъ, — когда они изъ христіанской руки не возьмутъ даже кусочка хлѣба, какъ будто бы все наше зачумленное! А! честное слово, собачья у нихъ вѣра! Чортъ возьми ихъ вмѣстѣ съ ихъ трефнымъ и бахорами!

— Это правда! — подтвердилъ Корейба. — Вотъ напримѣръ, ему ѣсть нечего, лечиться не на что, а если добрый человѣкъ хочетъ его немножко покормить, то какіе то тамъ предразсудки не позволяютъ ему воспользоваться этимъ. Изъ-за этого какъ бы человѣкъ ихъ ни жалѣлъ, онъ въ концѣ концовъ теряетъ къ нимъ сочувствіе ...

Гедали внимательно слушалъ, склонивъ голову и тяжело вздыхая. Когда онъ, наконецъ, поднялъ свое лицо, на немъ выражалась глубокая задумчивость. Умъ и даже проницательность заблестѣли въ робкомъ взглядѣ. Своимъ обычнымъ, слегка хриплымъ и глухимъ голосомъ онъ началъ:

— Правду вы говорите, вельможные паны. На свѣтѣ есть столько несчастій, сколько песку въ великомъ морѣ. Одно несчастіе происходитъ отъ бѣдности, другое отъ болѣзни, третье отъ ссоръ, а четвертое оттого, что человѣкъ не имѣетъ въ себѣ разума. Но не вѣчно такъ будетъ на свѣтѣ. Наступитъ такое время, когда все будетъ хорошо. А отъ кого, когда это время наступитъ? У насъ есть объ этомъ прекрасная притча.

Гедали выпрямился, положивъ руки на колѣни, и поднялъ лицо. На него, очевидно, нашло вдохновеніе. Можетъ быть, эта притча была его самой любимой притчей, а можетъ быть, тепло огня и привѣтливость людей согрѣли его душу и тѣло.

— Въ нашихъ книгахъ написано такъ: Въ старомъ городѣ Ешурумъ сидѣлъ въ великой школѣ на высокомъ креслѣ знаменитый раввинъ Моисей Бенъ-Маймонъ, а вокругъ него сидѣло сто, а можетъ, и тысяча, а, можетъ, и десять тысячъ его учениковъ. Онъ говорилъ съ ними по-арабски и по-гречески и по разному, это былъ такой раввинъ, который не

питалъ ненависти ни къ какому народу и, гдѣ только онъ находилъ разумъ, онъ поклонялся ему такъ же, какъ если бы то былъ еврейскій разумъ. Когда онъ пересталъ говорить, всталъ съ мѣста его лучшій ученикъ, Бенъ-Іегуда, и сказалъ: „Равви, я не понимаю въ библіи одной вещи! Можетъ, ты мнѣ скажешь что-нибудь такое, что я пойму ее“. — „А чего ты не понимаешь?“ — спросилъ его Бенъ-Маймонъ. — Бенъ-Іегуда отвѣтилъ: „Я не понимаю того, кто тѣ ангелы, что снились нашему предку Іакову, которые поднимались на небо по лѣстницѣ и снова спускались на землю?“ — Бенъ-Маймонъ подумалъ и началъ говорить такъ: „Эти ангелы — великіе люди, которые становятся все болѣе и болѣе совершенными и мудрыми, поднимаются все выше и выше. Имъ трудно подниматься вверхъ, но они все-таки поднимаются. Ужъ такую силу имѣютъ они въ себѣ и такъ велико ихъ желаніе подняться туда, гдѣ можно набрать много нѣжности. Пусть они называются пророками, или учеными, или людьми съ милосердымъ сердцемъ, или съ великимъ голосомъ, но всѣ они тѣ ангелы, что по высокой лѣстницѣ поднимаются на небо“. — Такъ говорилъ Бенъ-Маймонъ. Но Бенъ-Іегуда все еще не успокоился и спрашивалъ: „А почему, равви, они идутъ то вверхъ, то внизъ? Если они такъ жаждутъ быть наверху, то почему они не остаются тамъ, а снова возвращаются назадъ на землю?“ — Бенъ-Маймонъ, какъ левъ, потрясъ бѣлыми волосами и отвѣтилъ: „Если бы они оставались тамъ наверху и не возвращались больше на землю, то они не были бы ангелами! Но они вверху набираютъ много свѣта и нѣжности и возвращаются внизъ, чтобы разсѣивать эти сокровища по землѣ. И гдѣ они усѣютъ ими

землю, тамъ она родитъ лучшій хлѣбъ, изъ нея не растетъ больше распрей и злобы, но растетъ миръ, и люди меньше плачутъ и больше радуются. Вотъ почему они возвращаются на землю, хотя имъ трудно возвращаться, и потому то, Бенъ-Іегуда, эти люди — ангелы". — Бенъ-Маймонъ пересталъ говорить, а Бенъ-Іегуда и всѣ, кто тамъ были, радовались и благодарили его за то, что онъ подалъ имъ такую прекрасную надежду. Бенъ-Маймонъ спросилъ: „Какую надежду далъ я вамъ?". А Бенъ-Іегуда отвѣтилъ: „Эти ангелы, равви, когда-нибудь сдѣлаютъ такъ, что на свѣтѣ не будетъ больше ни голода, ни распрей, ни неразумія, ни плача и жалобъ на то, что людямъ очень плохо живется".

Повидимому, не только Бенъ-Іегуда изъ Ешурумъ, но и его далекій потомокъ — Гедали изъ Волпы — весьма радовался надеждѣ, заключавшейся въ словахъ равви Маймона. Съ нимъ произошла удивительная перемѣна. Онъ крѣпко уперся въ полъ ногами въ искривленныхъ и запыленныхъ сапогахъ, поднялъ вверхъ руки, съ которыхъ спадали порванные рукава, голову поднялъ къ потолку, и его острая, почти сѣдая борода торчала надъ тонкой, обнаженной шеей, какъ серебристое крыло. Мерцающій огонь падалъ на его лобъ, освѣщая на немъ безчисленныя борозды и морщины, въ разгорѣвшихся глазахъ и восторженной улыбкѣ сіяла нѣжность мистическаго экстаза.

Вдругъ эту обнаженную, тонкую шею обняла молодая, крѣпкая рука, и румяныя губы, склонившись надъ изборожденнымъ морщинами лбомъ, отпечатлѣли на немъ звучный поцѣлуй. То былъ Янекъ, который, потихоньку вставъ изъ-за стола и подойдя къ камину, съ блестящими глазами и напряженнымъ

вниманіемъ слушалъ притчу Гедали, а теперь, остановившись около него, въ безсознательномъ, дѣтскомъ порывѣ, обнялъ его за шею и поцѣловалъ. Сконфуженный и раскраснѣвшійся, онъ немедленно отошелъ въ сторону и, опершись спиной о каминъ, стоялъ, низко опустивъ голову. Что-то загорѣлось въ мальчикѣ: не то великое состраданіе къ этому истощенному человѣку, съ такимъ жаромъ грезившему о спасителяхъ міра, не то восторгъ передъ людьми - ангелами, — не то жгучая надежда, что и самъ онъ когда-нибудь станетъ такимъ ангеломъ...

Въ дверяхъ, ведущихъ въ сѣни, показалась женская голова, покрытая поверхъ рыжихъ волосъ краснымъ платкомъ, и о чемъ-то пошепталась съ Ядвисей, которая, замѣтивъ ее, весело подбѣжала къ дверямъ.

— Папа! дѣвушки и парубки хотятъ посмотрѣть товары Гедали. Можно?

— Можетъ быть, и можно, но вѣдь ты-то, наверно, очень не хочешь этого? — пошутилъ старый Корейба?

Ядвися опустила руки и умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на отца. Ей очень холѣлось посмотрѣть товары.

— Есть у тебя мужскія жилетки? — вставъ изъза стола, спросилъ Стефанъ.

— Развязывай, жидъ, свой узелъ, если панна Ядвига такъ хочетъ! — крикнулъ Томкевичъ.

О, Гедали не нужно было просить объ этомъ. Проворный, будто сбросилъ съ плечъ половину прожитыхъ лѣтъ и горя, сильный, будто никогда не болѣлъ, онъ вскочилъ съ мѣста и, присѣвъ на полъ, дрожащими отъ радости руками сталъ развязывать

веревки мѣшка. Что за счастіе! Онъ пришелъ сюда, пойманный какъ воръ, думалъ, что его поколотятъ и выругаютъ, а, можетъ быть, и въ судъ потащатъ! А здѣсь, немного покричавши на него, попросили его сѣсть и по-человѣчески разговаривали съ нимъ, а теперь еще велятъ ему показать свои товары... Можетъ, продастъ что нибудь, заработаетъ. Сегодня среда, послѣзавтра надо возвращаться къ дѣтямъ... а тутъ еще не хватаетъ рубля къ недѣльному заработку. Заработокъ! Заработокъ! на хлѣбъ и банки для него, на хлѣбъ, картошку и кое-какія лохмотья для его дѣтей!

Мистикъ, грезившій о будущемъ земномъ раѣ, невѣдомый поэтъ, хранящій въ памяти старинныя притчи, истощенный, чахоточный, съ апатичнымъ смиреніемъ терпящій голодъ и носящій свои лохмотья, — исчезли, а на ихъ мѣстѣ явился сельскій торговецъ, услужливый, живой, съ бѣгающими отъ лица къ лицу глазами, съ говорливымъ языкомъ.

— Мужскія жилетки? конечно, есть! чего бы имъ не быть? Для паненки голубую ленточку? а паничу запонки для рукавовъ? Иглы, шпильки, пуговки, разные платки, прекрасные ситцы, золотыя кольца, наперстки, нитки, тесемки... кружева...

Даже дрожаніе ногъ и хрипѣніе въ груди куда-то пропали.

— Гей! Гдалекъ! — полусерьезно, полушутливо заговорилъ Корейба, — а что же будетъ съ тѣмъ горохомъ, который ты съѣлъ? а? можетъ быть, мы поговоримъ объ этомъ?

О! теперь ужъ Гедали совершенно не боялся! Эластичными шагами, но тяжело дыша, онъ подбѣжалъ къ столу и, кланяясь хозяину дома, съ лукавой улыбкой заговорилъ:

— Извините, вельможный пане, у насъ и на это есть притча: Царь Соломонъ имѣлъ очень большія богатства, а Іозе, пастухъ, былъ очень бѣденъ. Однажды Іозе пришелъ въ шабашъ во дворецъ царя, оглянулся, не видитъ ли его кто-нибудь, и взялъ со стола кусочекъ кугеля. Но одинъ пріятель царя, увидя, какъ онъ бралъ этотъ кусочекъ кугеля, привелъ его къ Соломону...

Но Корейба, смотря на неподвижное лицо еврея и помирая со смѣху, прервалъ его:

— Ого, ого! Гдалекъ! эту притчу ты уже самъ выдумымаешь, я вижу это по твоему лицу... Этого не написано въ вашихъ книгахъ... А въ твоей головѣ написано: царь Соломонъ не наказалъ Іозе за кусокъ кугеля, но далъ еще ему муки на хлѣбъ. Правда, такъ?

— Правда, вельможный пане!

— Ну, такъ ужъ буду я сегодня царемъ Соломономъ, пусть ужъ мое пропадаетъ... ради нашего стараго знакомства. Ничего за этотъ горохъ я тебѣ не сдѣлаю, а осенью, когда будетъ удобный случай, пошлю въ Волпу твоимъ дѣтямъ полъ-бочки картошки.

Гедали бросился цѣловать руки Корейбы и, полный радости, бормоталъ:

— Чтобы вельможный панъ былъ счастливъ такъ, какъ я того вамъ желаю! чтобы вы купили себѣ другой такой фольваркъ! чтобы вы еще сто такихъ сыновей и дочерей выростили...

Жена Корейбы отъ души разсмѣялась послѣднему пожеланію Гедали:

— А чтобъ тебя, жидъ! а чтобъ тебя! Вотъ плететъ! Такой больной, а языкомъ сыплетъ, какъ рѣшетомъ.

Около камина стало шумно и тѣсно. Чтобы было свѣтлѣе, подбросили еще дровъ. Вспыхнулъ яркій, ослѣпительный огонь, стало жарко, какъ въ аду. Но никто не обращалъ на это вниманія, всѣ привыкли къ тому. Два молодыхъ работника, двѣ дѣвушки и старая прислуга тихонько вошли въ комнату и вмѣстѣ съ семьей хозяина составили одну веселую, шумную группу.

Посрединѣ комнаты сидѣлъ на полу надъ грудой пестрыхъ и блестящихъ вещей Гедали, оживленный, проворный, поворачиваясь во всѣ стороны, развертывая яркіе ситцы и платки, вертя двумя пальцами передъ огнемъ тяжелые наперстки, стальныя пуговицы, серебряныя кольца. Ядвися и Янекъ тоже сидѣли на полу, копаясь въ товарахъ, выбирая то то, то другое и весело болтая. Мать и Стефанъ стояли сзади Гедали, разсматривая мужскія жилетки и женскіе платки. Дѣвушки и работники вытягивали впередъ къ огню широкія спины и красныя лица. Даже старая кухарка просовывала между Ядвисей и Янкомъ свое сморщенное, беззубое и смѣющееся лицо, спрашивая у Гедали два локтя ситца на передникъ.

Трезоръ вылѣзъ изъ угла и присоединился къ людямъ. Поминутно отпихиваемый и отгоняемый, онъ съ веселымъ лаемъ пытался ходить по разбросаннымъ товарамъ своими грязными лапами.

* * *

Была уже темная ночь, сіявшая безчисленными звѣздами, когда Гедали снова вышелъ въ поле. За воротами его привѣтствовало стрекотанье полевыхъ кузнечиковъ. Въ придорожной травѣ и зелени холмовъ они стрекотали цѣлымъ хоромъ, рѣзко, прон-

зительно и такъ быстро, какъ будто торопились во что бы то ни стало спѣть свою пѣсню до полуночи и потомъ умолкнуть. На дорогѣ подъ раскидистыми вербами было совершенно черно, по широкимъ полямъ вѣтеръ шумѣлъ тихо и монотонно. У риги, вытянувшейся тутъ же за воротами длинной, низкой тѣнью, стоялъ, не шевелясь, стройный тополь. Гедали подошелъ къ тополю, снялъ со спины мѣшокъ и нѣкоторое время тихимъ шепотомъ считалъ заработокъ сегодняшняго вечера. Онъ продалъ немало, — заработалъ полтинникъ и былъ очень доволенъ. Только ему было холодно и хотѣлось ѣсть. Ничего, пустяки! Завтра онъ согрѣется на солнцѣ и поѣстъ у шинкаря въ Шумной. Онъ пересталъ считать и посмотрѣлъ на звѣзды. Подъ тихимъ тополемъ, поднявъ вверхъ руки, онъ прошепталъ вечернюю молитву:

— Благодарю Тебя, владыка вселенной, что ты избралъ мой народъ среди всѣхъ народовъ!

Кашель потрясъ имъ. По исхудалому тѣлу, едва покрытому дырявой рубашкой, пробѣжала дрожь.

— Благодарю Тебя, владыка міра, что Ты создалъ меня такъ, какъ хотѣлъ!

Нѣсколько минутъ спустя, Гедали лежалъ навзничь на землѣ, положивъ голову на свои товары и опустивъ руки на мокрую траву.

Издалека, съ поля, доносилось насвистыванье Стефана, снова сторожившаго горохъ и картошку. Въ темномъ мракѣ вербовой аллеи застучали копыта лошади, на которой Томкевичъ уѣзжалъ домой, и умолкли въ дали. Фольваркъ былъ погруженъ въ сонъ. Гдѣ-то далеко играла пастушья свирѣль. Сверчки перестали стрекотать.

Гедали не спалъ. Онъ думалъ о неожиданномъ заработкѣ, который былъ виноградной кистью на его терновомъ кустѣ. А, можетъ быть, между звѣзднымъ небомъ и его безсонными глазами лихорадочное воображеніе чахоточнаго видѣло людей-ангеловъ, поднимавшихся на небо и спускавшихся на землю, чтобы сѣять на ней нѣжность и свѣтъ, — на землю, на которой когда-нибудь не будетъ мѣста ни распрямъ, ни злобѣ, ни нищетѣ, не будетъ такихъ людей, которые плачутъ и въ сердцѣ своемъ кричатъ, что имъ очень плохо...

Дай цвѣтокъ.

Дай цвѣтокъ.

На улицѣ города Онгрода шумно и людно. По ней ѣдутъ, ѣдутъ, спѣшатъ, разговариваютъ и шумятъ на всевозможные лады. Посрединѣ улицы съ грохотомъ катятся экипажи, по бокамъ, по узкимъ тротуарамъ обходятъ другъ друга и толпятся прохожіе, изъ которыхъ каждый спѣшитъ и торопится къ кому-нибудь и зачѣмъ-нибудь...

Замѣчаете ли вы среди этой сутолоки старую женщину, медленно идущую по самому краю тротуара, около самыхъ стѣнъ каменныхъ домовъ, которыя она часто вытираетъ лохмотьями своей изорванной одежды? Иногда ради короткаго отдыха она прислоняется къ этимъ стѣнамъ своими сгорбленными плечами, тяжело дыша и съ каплями пота на морщинистомъ лицѣ. Она, повидимому, страшно измучена, но не однимъ сегодняшнимъ путешествіемъ. Дни, мѣсяцы, годы, всю свою долгую жизнь она провела подобнымъ образомъ, среди толпы, сталкивавшей ее на самыя неудобныя мѣста, на острые камни мостовой, къ стѣнамъ городскихъ домовъ, холоднымъ въ морозные дни, накаленнымъ въ лѣтнюю жару. Посмотрите, какъ сгорбилась, согнулась въ дугу ея фигура, какъ исхудало, сморщилось и пожелтѣло ея лицо, покрытое загрубѣвшею кожей,

какъ пожелтѣли и глубоко впали ея губы, какъ выцвѣли ея нѣкогда черные глаза, какъ дрожатъ надъ выцвѣтшими глазами лишенныя рѣсницъ вѣки! А сколько морщинъ на низкомъ потемнѣвшемъ лбу! Онъ похожъ на листъ бумаги, долго валявшійся въ сыромъ и мрачномъ мѣстѣ, который чья-то суровая, неумолимая рука мяла и сгибала на всѣ лады. Волосъ ея совершенно нельзя разглядѣть, потому что голова старухи покрыта платкомъ, несмотря на ветхость, еще сохранившимъ желтый цвѣтъ. Концы платка, завязаннаго на затылкѣ, падаютъ на плечи, широкая кофточка имѣетъ пестрыя заплаты на рукавахъ, спинѣ и груди. Ноги старухи, ступающія по острымъ камнямъ мостовой, обуты въ низкіе башмаки и синіе чулки, часто показывающіеся изъ-подъ юбки, такой обтрепанной, что она кажется украшенной бахромой, тяжелой отъ накопившейся въ ней долгими годами уличной грязи и пыли.

Вы не знаете, читатели, этой женщины? Я хорошо знаю ее. Ея имя — Хаита, профессія — старьевщица... Великій Боже! Простите ли вы меня, читатели, за то, что я осмѣливаюсь познакомить васъ съ особой, занимающей столь низкое общественное положеніе? Не скажете ли вы, что это совершенно излишне и неприлично? Ибо что же общаго можетъ быть между вами и старьевщицей?

Простите! Но я люблю старую Хаиту и когда смотрю на нее, мнѣ всегда кажется, что между мной и ею есть одно великое, неразрывное общее. Я и она одинаково принадлежимъ къ той великой и несчастной семьѣ, которая называется человѣчествомъ! И такимъ образомъ Хаита — моя родственница, а, слѣдовательно, еще разъ прошу у васъ извиненія, уважаемые читатели, — и ваша также. Что же ка-

сается ея низкаго общественнаго положенія, то если бы общественное положеніе людей соотвѣтствовало перенесеннымъ ими трудамъ и страданіямъ, то я могу васъ увѣрить, что старьевщица Хаита на склонѣ дней своихъ на общественной лѣстницѣ стояла бы высоко, очень высоко!..

Она не всегда была старьевщицей. Ея прошлое... Я обладаю удивительно страннымъ стремленіемъ разузнавать и отгадывать прошлое подобныхъ созданій, съ лицами, изборожденными морщинами, съ дрожащими пожелтѣвшими вѣками, прикрывающими глаза, покрасиѣвшіе отъ пролитыхъ слезъ, выцвѣтшіе отъ времени, долго смотрѣвшаго въ нихъ и впитавшаго въ себя ихъ цвѣтъ и блескъ. Помню, какъ-то разъ въ одной заграничной картинной галлереѣ я увидала на картинѣ такое лицо. Забывъ о прекрасныхъ пейзажахъ и чудесныхъ портретахъ дамъ въ бархатныхъ платьяхъ, долго стояла я передъ этимъ старымъ, измятымъ лицомъ, смотрѣла въ его блѣдные, выцвѣтшіе глаза, улыбалась жалкимъ увядшимъ и впавшимъ губамъ, мысленно спрашивала: какая ты была въ молодости? гдѣ жила? кого любила? какія страданія, радости, разочарованія, труды отмѣтили твой долгій жизненный путь, приведшій тебя къ могилѣ, въ которую скоро ляжешь ты, такая измученная!

Вѣрьте мнѣ, господа, что ничего въ жизни я не желала бы такъ сильно, какъ знать всю исторію, отъ начала до конца, всѣхъ униженныхъ, бѣдныхъ, помятыхъ рукою судьбы и времени, сгорбленныхъ, покрытыхъ морщинами, измученныхъ. Это желаніе не заключаетъ въ себѣ ничего альтруистическаго, и оно вовсе не такъ безкорыстно. Ибо знаніе многихъ подобныхъ жизней составляетъ для человѣка —

богатство сердца, для писателя — живой источникъ мудрости. Я даже осмѣливаюсь сожалѣть такого писателя, который не знаетъ и не интересуется подобными жизнями. Бѣдны, должно быть, струны его лиры и бѣдны краски на его палитрѣ...

Хаита не всегда была старьевщицей. Въ молодости, — повѣрите ли вы мнѣ, читатели? — она была стройной, красивой дѣвушкой, съ яркимъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ, съ густой волнистой косой и черными глазами, глядя въ пламенную глубину которыхъ невольно вспоминались сіяніе и блескъ восточнаго неба. Хаита родилась въ деревнѣ, въ корчмѣ. То была маленькая корчма, мрачная, тѣсная, съ покривившимися стѣнами и прогнившей крышей. Но вокругъ нея разстилались великолѣпные ковры дивныхъ зеленыхъ луговъ. Зимою широкія поля бѣлѣли пушистымъ покровомъ непорочно бѣлаго снѣга, а лѣтомъ колыхались золотистыми волнами колосьевъ. Вблизи извивался среди незабудокъ ручей, день и ночь звенѣвшій, какъ серебро, а нѣсколько дальше дубовые лѣса скрывались вечеромъ за вуалью бѣлаго тумана, а утромъ вставали, залитые розовымъ сіяніемъ зари... Былъ тамъ еще, недалеко отъ корчмы, всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, великолѣпный, старый, тѣнистый садъ. Онъ принадлежалъ помѣщику, какъ и бѣдная маленькая корчма, которую арендовалъ отецъ Хаиты. Убога была эта корчма, и бѣденъ былъ снимавшій ее шинкарь еврей. Много дѣтей было у него, сыновей онъ женилъ, дочерей повыдавалъ замужъ, какъ могъ, — не особенно блестяще, конечно. Хаиту, когда она достигла пятнадцати лѣтъ, просватали въ городъ Онгродъ, и она стала женой Лейбы, человѣка тоже довольно бѣднаго. Все его имущество заключалось въ телѣгѣ и лошади.

На нихъ онъ возилъ съ мельницы тяжелые мѣшки съ зерномъ и мукой. Благодаря мукѣ, онъ всю свою жизнь выглядѣлъ какимъ-то альбиносомъ съ бѣлымъ лицомъ и одеждой, съ бѣлыми волосами и бровями. При каждомъ его движеніи мука сыпалась съ него, какъ снѣгъ съ человѣка, долгіе часы проведшаго въ вихрѣ мятели.

Вступивъ на городскую мостовую, Хаита разъ навсегда разсталась съ идилліей своего дѣтства. Разсталась съ зелеными лугами, въ высокой травѣ которыхъ она такъ часто спала, согрѣваемая майскимъ солнцемъ и прикрываемая вѣтвями раскидистаго боярышника. Разсталась съ ручьемъ, въ струяхъ котораго плакучія березы топили свои поникнувшія вѣтви, а она, повиснувъ на одной изъ нихъ, медленно колыхалась вмѣстѣ съ ней надъ водою... вода все плыла и плыла впередъ, журча серебрянымъ звономъ, и точно черныя звѣзды отражались и мигали въ ея зыби глаза заглядѣвшейся въ нее дѣвушки. Разсталась съ золотистыми нивами, въ высокихъ колосьяхъ которыхъ она съ громкимъ смѣхомъ пряталась отъ своевольныхъ братьевъ, и со старымъ помѣщичьимъ садомъ, куда ее иногда пускали чинно походить подъ сводами вѣковыхъ аллей. Разсталась съ бѣдной отцовской корчмой, гдѣ въ сараѣ блеяло нѣсколько козъ, ея сердечныхъ друзей, гдѣ въ темныхъ, тѣсныхъ комнаткахъ цѣлый день суетилась ея работящая мать съ увядшимъ лицомъ, гдѣ на порогѣ часто сиживалъ ея старшій братъ и въ вечерней тиши извлекалъ изъ скрипки какіе-то печальные, протяжные звуки. Хаита, бывало, подсаживалась къ брату на скамейку и слушала его игру, обвивъ руками его шею, утопая взоромъ въ бѣломъ туманѣ надъ лугами, напоминав-

шемъ колыхаемыя вѣтромъ воды. Когда братъ игралъ, слезы стояли у него въ глазахъ, и Хаита спрашивала его, отчего онъ плачетъ? Онъ никогда не отвѣчалъ ей. Оба они не знали, отчего имъ такъ тоскливо на душѣ. Темны они были, не знали ничего... Но оба тосковали о чемъ-то, чего имъ было и жаль, и страшно... Братъ Хаиты игралъ все заунывнѣе, все печальнѣе, маленькіе братья и сестры собирались вокругъ него и поднимали вверхъ внимательныя и вдумчивыя личики, мать громко вздыхала въ темныхъ сѣняхъ, а отецъ съ рыжей бородой и угрюмыми глазами молился въ комнатѣ передъ окномъ все горячѣе, ревностнѣе, выкрикивая слова молитвы протяжнымъ и жалобнымъ голосомъ.

Со всѣмъ этимъ, а, можетъ быть, и кой съ чѣмъ еще, разсталась Хаита, какъ только вступила на городскую мостовую... Можетъ быть, когда-нибудь, въ жаркій лѣтній полдень, ея огненные глаза увидали въ серебристой зыби ручья, надъ которымъ она колыхалась на вѣтвяхъ плакучей березы, красиваго юношу, съ нѣжными руками, съ лицомъ, сіявшимъ мудростью великихъ старыхъ ученыхъ Израиля, о которыхъ разсказывалъ отецъ ея братьямъ...

Быть можетъ... вѣдь не надо быть непремѣнно принцессой, чтобы грезить о счастьи...

Счастьи! Quel animal est ça? („Что это за звѣрь“?) могла бы теперь спросить Хаита, если бы знала по французски. Но она не знаетъ по французски и на своемъ родномъ, весьма некрасивомъ жаргонѣ каждый день утромъ, становясь у окна своего жилища, она начинаетъ свою обычную молитву словами: „Владыка міра! благодарю Тебя, что Ты создалъ меня такъ, какъ была Твоя воля!“

Городъ поглотилъ ее, — какъ мелкій атомъ она

потонула въ конгломератѣ тысячей другихъ атомовъ, вмѣстѣ съ ними захваченная неумолимымъ водоворотомъ, въ которомъ ноги завидуютъ ногамъ въ каждой пяди добытой земли, грудь старается отнять у другой груди каждую частицу воздуха, ротъ вырываетъ у рта малѣйшую крупинку пищи, голова горитъ отъ зноя, сердце ожесточается и вянетъ, постоянно видя жесткіе камни и истощенныя лица...

. . Надъ ними не прозвучатъ и не пролетятъ никакіе успокаивающіе, хотя бы даже и непонятные голоса, имъ не видать ласки привольной, прекрасной природы...

Что дѣлать, чтобы прожить, чтобы помочь въ тяжеломъ трудѣ мужу, образа котораго ей, правда, не показывала серебристая зыбь ручья, чтобы пропитать и воспитать дѣтей, окружавшихъ ее все тѣснѣе и тѣснѣе? Хаита дѣлала многое. Она торговала въ разносъ мелкими товарами, уложенными въ нѣсколько небольшихъ коробокъ, и такъ обвѣшивала себя ими, что издали имѣла видъ женщины съ горбомъ спереди и сзади. Торговала овощами и фруктами и носила ихъ по городу въ большихъ корзинахъ, подъ тяжестью которыхъ она оступалась то въ ту, то въ другую сторону, какъ будто бы родилась хромою. Потомъ еще...

Но я не стану разсказывать дальше, чѣмъ была и что дѣлала Хаита въ теченіе всей своей долгой жизни. Я должна сказать еще только одну вещь. Хаита очень часто ходила на кладбище — на еврейское кладбище, находившееся въ верстѣ отъ города, гдѣ на песчаной почвѣ, среди низкой ограды возвышается цѣлый лѣсъ красноватыхъ камней. Хаита часто ходила на этотъ песчаный пригорокъ, а когда она шла туда, то предъ нею ѣхала и вздрагивала

по неровной мостовой телѣга съ длиннымъ деревяннымъ ящикомъ. Иля за телѣгой, Хаита захлебывалась отъ рыданій, и когда она потомъ возвращалась домой изъ этой прогулки, на песчаномъ пригоркѣ становилось еще однимъ камнемъ больше. На этихъ камняхъ надписывались потомъ различныя имена: мужа Хаиты; брата, всегда такъ хорошо и сердечно относившагося къ ней; матери, подъ старость лѣтъ жившей вмѣстѣ съ нею; сына, бывшаго брилліантомъ ея заплаканныхъ глазъ; дочери, расцвѣтшей розой въ терновомъ вѣнцѣ ея жизни...

Какъ то часто бываетъ со многими старыми людьми, Хаита, благодаря смерти или разлукѣ, растеряла всѣхъ своихъ близкихъ... Одни умерли, другіе уѣхали далеко, третьи позабыли про нее, стали чужими...

Теперь она живетъ одна. Скупаетъ старую одежду, а часто даже собираетъ въ мусорѣ старыя тряпки, и носитъ все это на спинѣ въ большой ивовой корзинѣ. Свой странный товаръ она продаетъ еще болѣе страннымъ покупателямъ и — живетъ.

И неужели она живетъ безъ всякихъ радостей и утѣхъ? Неужели уже ничто на свѣтѣ не можетъ зажечь сверкающихъ искръ въ ея угасшихъ глазахъ, вызвать на увядшихъ губахъ ласковую или радостную улыбку? Взгляните на нее теперь, когда, согнувшись подъ тяжестью своей ноши, она идетъ по краю панели и вытираетъ стѣны домовъ своей обо-рванной кофтой... Вотъ она подняла голову въ желтомъ платкѣ, блеснула глазами, улыбнулась и дрожащимъ голосомъ крикнула:

— Хаимке! ну! Хаимке!

Маленькій шестилѣтній мальчикъ, перебѣгавшій улицу, услышавъ призывъ, подбѣжалъ къ Хаитѣ,

обнялъ руками ея склоненную шею, громко поцѣловалъ сморщенное лицо и, моментально повернувшись, съ веселымъ смѣхомъ и крикомъ помчался за толпою старшихъ мальчиковъ, галопомъ мчавшихся въ ту сторону, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ повѣсили громадную вывѣску съ нарисованнымъ на ней великаномъ въ розовыхъ штанахъ и зеленой блузѣ. За входъ въ помѣщеніе, гдѣ показывали великана, нужно было платить, а его портретомъ, вывѣшеннымъ на стѣнѣ дома, Хаимка и его товарищи любовались безплатно цѣлыми часами.

Итакъ, Хаита была не одна. Хаимка былъ ея внукомъ, сыномъ ея младшей дочери, той именно, которая короткое время, какъ роза, цвѣла въ терновомъ вѣнкѣ ея жизни. Смерть унесла съ земли розу старой тряпичницы, но Хаита любовалась и утѣшалась ея живымъ портретомъ, оставленнымъ ею ребенкомъ. У Хаимки волосы матери, рыжевато-каштановые, вьющіеся безчисленными кольцами, а глаза такіе, какіе нѣкогда были у бабушки, большіе, черные, широко открытые на блѣдномъ, худощавомъ лицѣ.

Хаимка красивый ребенокъ. Одежда его весьма выразительнымъ образомъ говоритъ о профессіи его бабушки. Уже годъ, какъ онъ носитъ жилетку, куртку и бѣлый ситцевый картузъ съ черными полосками. Къ картузу пришитъ кожаный козырекъ, весьма помятый, но Хаимка рѣдко носитъ его, чаще всего онъ оставляетъ его дома и показывается въ рыжей ермолкѣ, едва прикрывающей самую макушку его курчавой головки.

Хаита всегда сама шьетъ для Хаимки. Правда, это бываетъ довольно рѣдко. Но всегда хватаетъ за душу видъ этой старой женщины, когда она въ большихъ очкахъ, края которыхъ доходятъ до сере-

дины ея изборожденнаго морщинами лба, и въ желтомъ платкѣ, плотно облегающемъ ея голову, сидитъ на низенькомъ стулѣ и при слабомъ свѣтѣ лампочки съ высокимъ стекломъ, кроитъ смуглыми руками, примѣряетъ, сшиваетъ полинявшія лохмотья. Дѣлаетъ она это съ величайшимъ напряженіемъ мысли и зрѣнія и отъ времени до времени что-то бормочетъ про себя вполголоса. Говорить съ собой стало ея постоянной привычкой. „Кто-то тамъ живетъ теперь?“ шепчетъ она иногда. Она думаетъ о маленькой корчмѣ, въ которой родилась и выросла.

— Ай! Ай! какія они были красивыя!..

Это Хаита вспоминаетъ о старыхъ деревьяхъ господскаго сада, подъ тѣнью которыхъ она гуляла когда-то въ дѣтствѣ и юности.

Порой она улыбается и качаетъ головой съ видомъ шутливой угрозы. Предъ нею съ серебрянымъ звономъ плыветъ вода ручья и мелькаетъ отраженіе черныхъ глазъ заглядѣвшейся въ него дѣвушки.

Иногда же Хаита вздыхаетъ.

— Когда онъ умеръ, — говоритъ она, — то былъ бѣлѣе муки, которую онъ всегда носилъ на себѣ! Онъ умеръ молодымъ. Всю свою жизнь онъ таскалъ на телѣгу тяжелые мѣшки... измучился и... ушелъ...

Потомъ она добавляетъ: — Владыка міра! Воссоедини его душу съ душами Авраама, Исаака и Іакова и всѣхъ угодныхъ Тебѣ!

Или:

— Человѣкъ подобенъ дыханію! Дни его исчезаютъ, какъ тѣнь!

Въ такія минуты Хаита думаетъ о своей молодой дочери, матери Хаимки, о розѣ, которую унесла смерть...

Но бываютъ минуты, когда изъ рукъ Хаиты выскользаетъ толстая иголка, она съ злобой сжимаетъ кулаки, а глаза ея гнѣвно сверкаютъ.

— Ай! ай! плохая женщина! воровка! негодяйка! она меня обворовала! она меня надула! Взяла съ меня два злотыхъ за такую рвань! А кто мнѣ за нее столько дастъ? О, несчастная я! она меня погубитъ.

Потомъ Хаита задумывается, успоканвается и добавляетъ: — Ну, кто мнѣ за нее столько дастъ? Дѣвушка, что служитъ у тѣхъ богачей! Она ни въ чемъ толку не понимаетъ, постоянно только смѣется и скачетъ. Я пришью къ этой кофточкѣ блестящія пуговицы, а показывать буду не съ той стороны, гдѣ дыры, но съ той, гдѣ будутъ блестѣть пуговки. Можетъ быть, она мнѣ дастъ три злотыхъ! Будетъ злотый прибыли! То то бы счастье было!..

Въ мечтахъ о громадномъ заработкѣ — цѣломъ злотомъ, лукаво улыбаясь при мысли о блестящихъ пуговицахъ, которыми она завтра ослѣпитъ вѣчно-веселую и прыгающую молодую горничную, Хаита начинаетъ дремать. Ноги ея страшно болятъ отъ камней, по которымъ она ходила цѣлый день, она рада бы уже лечь спать. Хаита встаетъ съ мѣста, но вдругъ чувствуетъ подъ ногами какое-то тѣло. Дрожащими руками Хаита беретъ лампочку и склоняется къ полу. Оказывается, это Хаимка, который сначала сидѣлъ у ея ногъ и, болтая, присматривался къ сшиваемымъ для него лохмотьямъ. Теперь онъ лежитъ на полу, скорчившись, и крѣпко спитъ, сжимая въ рукѣ кусокъ недоѣденной баранки.

Впалыя, увядшія губы Хаиты улыбаются широкой улыбкой. Она ставитъ лампу на столъ, беретъ внука на руки и, покрывая звонкими поцѣлуями его разрумянившееся отъ сна лицо, говоритъ:

— Ты, маленькій соня! Я изъ-за тебя едва не упала!

При послѣднихъ словахъ она до того смѣется, что почти задыхается. Хаимка просыпается, открываетъ сонные глаза и какъ можно скорѣе несетъ ко рту недоѣденную баранку. Бабушка укладываетъ его спать, укрываетъ периной.

— Бобе? [1] — говоритъ ребенокъ.

— Ну? — спрашиваетъ его Хаита, занятая раздѣваніемъ.

— А гдѣ тотъ пятачокъ, что я сегодня получилъ отъ пурица [1].

Этотъ вопросъ производитъ на Хаиту весьма пріятное впечатлѣніе.

— Гдѣ этотъ пятачокъ? — говоритъ она. — Я выбросила его за окно. Ты его выпросилъ! а развѣ я тебѣ не говорила, чтобы ты не просилъ милостыни! Если ты опять меня не послушаешься, то я тебя розгой выдеру!

Хаимка уже не слышитъ ни упрековъ, ни угрозъ бабушки. Онъ снова спитъ съ баранкой въ кулачкѣ, закинувъ надъ головой руку въ грязномъ рваномъ рукавѣ. Темныя рѣсницы бросаютъ на его розовыя щеки длинную тѣнь, а маленькія губы ласково улыбаются. Старая бабушка еще нѣкоторое время сердится, но потомъ достаетъ изъ кармана выпрошенный внукомъ пятачокъ и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, точно желая сама убѣдиться въ томъ, что она не сдѣлала такой глупости, — не выбросила его за окно. При этомъ Хаита тяжело вздыхаетъ, печально качаетъ головой, наконецъ суетъ его подъ перину и говоритъ:

---

[1] Бабушка.
[2] Пурицъ — значитъ богатый баринъ, панъ

— Ну! что же дѣлать — и добавляетъ: — Бѣда!

Иногда внукъ и бабушка очень весело забавляются вдвоемъ. Это случается чаще всего тогда, когда Хаита возвращается домой позднимъ вечеромъ и приноситъ на спинѣ корзину, полную купленныхъ и найденныхъ тряпокъ. Лачуга Хаиты находится въ самой глухой части того лабиринта, который представляютъ улички и дома еврейской части города Онгрода. Это такая низенькая избушка, что Хаита легко можетъ достать рукой до почернѣлыхъ балокъ потолка, и такая тѣсная, что глиняная печь занимаетъ большую половину ея. За единственнымъ окномъ этой избушки, составленнымъ изъ маленькихъ кусочковъ стекла, совсѣмъ нѣтъ никакой улицы. Домикъ находится среди цѣлой массы построекъ и двориковъ. Ихъ вокругъ него такое множество, что человѣку, незнакомому съ мѣстностью, было бы страшно трудно оріентироваться. Эти дворики съ прогнившими заборами и маленькими домиками, клонящимися къ землѣ, путаются между собой, имѣютъ различную форму: то узкіе, длинные и извилистые, точно корридоры, то квадратные или круглые, застроенные черными хлѣвами и амбарами, всѣ съ кучами мусора, съ вѣчными лужами, неподвижно стоящими среди острыхъ камней, съ грудой старыхъ досокъ, на которыхъ днемъ постоянно качаются дѣти, и которыя ночью скрипятъ и стучатъ отъ порывовъ вѣтра.

Случается, что Хаимка опередитъ бабушку и первый вернется домой изъ странствованій по городу. Хаимка расторопный мальчикъ. Среди царящей въ избушкѣ темноты, онъ находитъ спички, зажигаетъ маленькую лампочку и ставитъ ее на окошко, чтобы она свѣтила бабушкѣ, когда та будетъ проходить по

дворику, имѣющему форму длиннаго извилистаго коридора. Все это Хаимка дѣлаетъ серьезно, медленно, осторожно, потомъ начинаетъ производить въ комнатѣ географическія изслѣдованія. Прежде всего погружается въ мракъ за печкой, и по производимому имъ шороху можно догадаться, что онъ разгребаетъ наваленныя тамъ старыя бумаги; потомъ онъ заглядываетъ подъ столъ, подъ перину и подушки бабушки и подъ свою перину, лежащую въ углу, на полу. Иногда всѣ эти поиски оказываются совершенно безрезультатными, но чаще всего за печью или подъ периной Хаимка находитъ зачерствѣлую булку или баранку, кусокъ хлѣба или сыру. Тогда онъ садится съ своей добычей въ уголъ и, съ аппетитомъ поѣдая найденное лакомство, ожидаетъ прихода бабушки.

Вскорѣ за окномъ по мостовой раздается шлепанье старыхъ стоптанныхъ башмаковъ Хаиты. Низенькія двери избушки широко раскрываются, и въ нихъ появляется сначала ярко-желтый платокъ, покрывающій голову старухи, потомъ ея сгорбленныя плечи, а потомъ и большая корзина, полная разноцвѣтныхъ тряпокъ, то тутъ, то тамъ поблескивающая металлическими пуговками, украшающими какую-нибудь изношенную одежду. Хаимка срывается съ мѣста, подбѣгаетъ къ бабушкѣ и помогаетъ ей снять съ плечъ корзину, а потомъ протягиваетъ къ ней ручки съ недоѣденнымъ кускомъ баранки или сыра и говоритъ: „Ѣшь, бобе!“ Иногда Хаита беретъ протягиваемую ей пищу, но чаще всего она бываетъ такъ измучена, что съ громкимъ стономъ садится на землю рядомъ съ корзиной и безсильно опускаетъ руки. Хаимка снимаетъ лампу съ окна и ставитъ ее на полъ, а самъ садится противъ

бабушки и жадно погружаетъ обѣ руки въ ея корзину. Какая радость! Сколько криковъ восторга! Изъ корзины выходятъ на свѣтъ сокровища за сокровищами. Иногда любопытныя и нетерпѣливыя руки Хаимки съ трудомъ вытаскиваютъ изъ корзины большое длинное платье изъ лиловаго муслина, все въ оборкахъ. Платье все въ пятнахъ и дырахъ, но Хаимка ихъ не замѣчаетъ, онъ видитъ только прекрасный лиловый цвѣтъ платья и, разинувъ ротъ, любуется вѣтками на матеріи. За платьемъ выступаетъ на сцену соломенная шляпа, измятая, съ порваннымъ донышкомъ, но за то украшенная большой розой и опоясанная розовой лентой. При видѣ розы Хаимка отъ восторга хватается обѣими руками за голову, потомъ — вѣроятно, для того, чтобы лучше присмотрѣться къ ней, — надѣваетъ шляпу на голову бабушки; Хаита не запрещаетъ ему это дѣлать, напротивъ, глаза ея блестятъ и улыбаются изъ-подъ розы, оттѣняющей ея желтый лобъ. Счастливый Хаимка любуется ею и, склоняя голову то на одну, то на другую сторону, восхищенно говоритъ:

— Шейнэ бобе! а шейнэ бобе! [1].

За шляпой слѣдуютъ башмаки, маленькіе дѣтскіе башмаки, порванные, запачканные, но изъ краснаго сафьяна. Хаита не купила ихъ, а подняла съ земли на большомъ дворѣ, у окна какого-то богатаго дома. Въ одно мгновеніе красные сапожки очутились на ногахъ Хаимки. Онъ прыгаетъ въ нихъ по избушкѣ, ежеминутно останавливаясь, и, низко нагнувшись, съ восторгомъ разсматриваетъ ихъ. Хаита отдыхаетъ, смотря на обрадованнаго ребенка.

— Хаимка, ты сегодня ничего не добылъ въ го-

---

[1] Красивая бабушка, красивая бабушка!

родѣ? — При этихъ словахъ губы ея безпокойно дрожатъ, неспокойно бѣгающіе глаза прячутся подъ вѣки. Хаита видимо стыдится своего вопроса.

Если Хаимка отвѣчаетъ, что ничего не добылъ, Хаита ничего не говоритъ ему, только что-то тихонько бормочетъ про себя, качаетъ головой и тяжело вздыхаетъ; но если только Хаимка засунетъ руку въ карманъ и достанетъ оттуда мѣдную или серебряную монету, старая бабушка вырываетъ деньги у него изъ рукъ, швыряетъ ихъ на полъ и впадаетъ въ бѣшенство.

— Ты опять попрошайничалъ? — кричитъ она, вскакивая съ пола и грозно протягивая къ ребенку руки. — А что я тебѣ говорила? Развѣ я тебѣ не говорила, что просить милостыню стыдъ и грѣхъ? Я тебя за это розгой высѣку.

И когда Хаита кричитъ это, то выраженіе ея глазъ бываетъ такое сердитое, а голова и руки такъ дрожатъ, что, хотя подобныя сцены повторяются часто, все-таки Хаимка каждый разъ сильно труситъ и прячется подъ свою перину весь, съ головой. Изъ подъ перинки видны только его маленькія ножки въ красныхъ ботинкахъ, а съ другой стороны выглядываютъ въ маленькую щелочку его черные глазенки, лукаво поглядывающіе на бабушку. Хаита долго стоитъ надъ парой красныхъ башмачковъ и говоритъ имъ длинную рѣчь о стыдѣ и грѣхѣ попрошайничества. Наконецъ, она сердито кричитъ:

— Сними башмаки! я не для тебя принесла ихъ сюда.

— Бобе! — отзывается изъ подъ перинки испуганный голосокъ.

— Сейчасъ же сними башмаки, ну!

— Бобе, позволь мнѣ проспать въ нихъ только эту ночь!

Голосокъ прозвучалъ на этотъ разъ такими умоляющими нотками, что Хаита дѣлаетъ рукой снисходительный жестъ и отходитъ къ своей кровати. Оглянувшись оттуда еще разъ, она замѣчаетъ голову ребенка со спутанными каштановыми кудрями, выглядывающую изъ-подъ перинки, улыбается ей и шепчетъ:

— Фишеле (рыбка)!..

На другой день, когда Хаимка открываетъ заспанные глазенки, за окошкомъ, на узкомъ дворикѣ, уже разсвѣтаетъ. Голубоватый свѣтъ ранняго утра наполняетъ избушку, и на туманномъ фонѣ еще рѣзче выдѣляется обращенная къ окну, сгорбленная фигура молящейся Хаиты, одѣтой въ синюю кофту — безрукавку. Быстро и низко кланяясь, она шепчетъ вполголоса:

— Будь благословенъ, Владыка міра, выпрямляющій согбенныхъ!

— Будь благословенъ, Владыка міра, дающій силы измученнымъ!

— Будь благословенъ, Владыка вселенной, отгоняющій сонъ отъ моихъ очей и дремоту отъ моихъ вѣкъ!

Хаимка вылѣзаетъ изъ-подъ перины и, ставъ позади бабушки въ сѣрой рубашкѣ и въ пунцовыхъ башмакахъ, начинаетъ кланяться такъ же, какъ она, и говоритъ:

— Будь благословенъ, Владыка міра, за то, что ты не сотворилъ меня ни рабомъ, ни идолопоклонникомъ!

— Будь благословенъ, Владыка міра, за то, что ты сотворилъ меня мужчиной!

И онъ продолжаетъ дальше всю утреннюю молитву, которой научилъ его, сжалившись надъ бѣднымъ заброшеннымъ ребенкомъ, ученый Шимшель, отецъ его сердечнаго друга, маленькаго Менделя.

Старая бабушка ничему не могла научить его, ибо помимо того, что по цѣлымъ днямъ ея не было дома, она сама не знала ничего.

* * *

Налюбовавшись досыта намалеваннымъ на вывѣскѣ великаномъ, Хаимка направился въ сторону городской площади, окруженной низкой оградой и усаженной тощими деревцами; она носитъ въ Онгродѣ громкое названіе бульвара. Остальныя дѣти направились туда же, но такъ какъ они были старше, то и убѣжали впередъ. Хаимка вмѣстѣ съ сердечнымъ своимъ другомъ Менделемъ, на годъ моложе его, шли мелленно, держась за руки. По дорогѣ они останавливались передъ витринами нѣкоторыхъ магазиновъ, въ одномъ мѣстѣ разсматривали блестящія золотыя издѣлія, въ другомъ восторженно улыбались булкамъ и кренделямъ, украшающимъ окна булочной. Къ послѣднимъ маленькій Мендель, въ розовой курткѣ и неизмѣнно болтающихся изъ-подъ нея бѣлыхъ тесемкахъ, даже протянулъ свои руки. Но Хаимка, будучи на годъ старше его, объяснилъ ему, что этихъ булокъ и кренделей трогать нельзя, а если бы они даже и попали къ нимъ въ руки, то все равно имъ бы они не пригодились, такъ какъ они трефные. Мендель еще не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое трефъ. Хаимка зналъ о самомъ фактѣ, но объяснить его пріятелю не умѣлъ. Онъ только обѣщалъ своему другу, что когда они встрѣтятъ Еноха, девятилѣтнго брата Менделя, который уже пять лѣтъ, какъ учится, очень много знаетъ и очень набоженъ, то они спросятъ его объ этомъ.

Когда они вошли на бульваръ, то увидѣли на

скамейкѣ подростка въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ и низко надвинутой на лобъ шапкѣ. Это былъ Енохъ, сынъ ученаго Шимшеля, братъ Менделя. Вокругъ него собралось нѣсколько мальчиковъ одного съ нимъ возраста, которые постоянно обращались къ нему, точно къ судьѣ или учителю. Видно, маленькій Енохъ, славившійся своей ранней ученостью и набожностью, занималъ среди своихъ ровесниковъ такое же положеніе, какое занималъ среди взрослыхъ его отецъ, ученый Шимшель. Принимая во вниманіе молодость Еноха, это положеніе было блестящимъ и сулило ему прекрасное будущее. Но только продолговатое, съ красивыми, правильными чертами, лицо молодого мудреца было блѣдно и исхудало, а его черные, большіе, глубоко запавшіе глаза, смотрѣли на міръ съ какимъ-то удивительно страдальческимъ и серьезнымъ выраженіемъ!.. Казалось, что великая масса познаній, накопившаяся въ его головѣ, поглотила всю его кровь, и великая набожность, такъ рано проявившаяся въ немъ, сковала всю его худенькую, маленькую фигуру безжизненной неподвижностью и обвѣяла смутной печалью.

Хаимка остановился около Еноха, обѣими локтями оперся о его колѣни и, поднявъ вверхъ къ серьезному лицу старшаго товарища свое круглое подвижное личико, окруженное шаловливыми каштановыми кудрями, спросилъ:

— Енохъ! объясни ты намъ, мнѣ и Менделю, что такое трефъ и кошеръ? почему намъ нельзя ѣсть тѣхъ булокъ, которыхъ такъ много лежитъ на окошкѣ булочной?

При этомъ вопросѣ лицо Еноха нѣсколько просіяло, и онъ уже началъ было объяснять двумъ стоящимъ предъ нимъ мальчикамъ значеніе трефа и

кошера, какъ другіе мальчики, сидѣвшіе на скамейкѣ и стоявшіе вокругъ, дружно закричали, что они объ этомъ уже давно знаютъ, и потому не хотятъ слушать, а убѣдительно просятъ, чтобы Енохъ разсказалъ имъ лучше какую-нибудь интересную исторію. Енохъ знаетъ много интересныхъ исторій. Выучился имъ въ хедерѣ; онъ прошелъ уже Пятикнижіе и теперь изучаетъ начатки Талмуда съ коментаріемъ Раше. Въ короткихъ словахъ объяснивъ Хаимкѣ значеніе трефа и кошера, Енохъ съ плавными, серьезными движеніями сталъ разсказывать объ египетскихъ казняхъ предъ исходомъ израиля изъ дома неволи. Это была одна изъ самыхъ страшныхъ исторій Еноха. Казнь за казнью слѣдуютъ длинной вереницей, одна другой страшнѣе. Въ нѣмомъ остолбенѣніи слушаютъ дѣти разсказъ о глубокой тьмѣ, покрывшей весь Египетъ. Гораздо меньшее впечатлѣніе производятъ на нихъ тучи саранчи, спустившейся на Египетъ, зато превращеніе Моисеева жезла въ змѣю занимаетъ ихъ чрезвычайно. Что бы это было, если бы каждый изъ нихъ также могъ бы превращать во что вздумается разные предметы! Маленькій Мендель, напримѣръ, сейчасъ же превратилъ бы лежащій у его ногъ камешекъ въ прекрасную пухлую халу (булку), а Хаимка велѣлъ бы высохшей вѣткѣ, которую онъ держитъ въ рукахъ, превратиться въ такую же прекрасную розу, какая украшала старую шляпу, найденную имъ однажды въ бабушкиной корзинѣ.

Но какъ ни занимаетъ толпу маленькихъ слушателей живой разсказъ Еноха, все же отъ времени до времени его прерываютъ мелкіе эпизоды, не имѣющіе съ нимъ никакой связи. Такъ, напримѣръ, Мордка, желая быть поближе къ разсказчику, толкнулъ Менделя до того сильно, что тотъ запутался

въ своихъ тесемкахъ и упалъ. Хаимку возмутила обида, нанесенная его другу. Горя глазами, онъ нѣсколько разъ ударилъ сжатымъ кулакомъ Мордку по спинѣ, потомъ наклонился, поднялъ Менделя, поцѣловалъ его въ лобъ, запачканный пескомъ, погладилъ по щекамъ, залитымъ слезами, и, крѣпко обнявъ его, прижалъ къ себѣ. Мендель пересталъ плакать, но среди мальчиковъ поднялся шумъ; Енохъ, впрочемъ, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и, не замѣчая, что его слушаютъ только на половину, продолжалъ дальше свой разсказъ.

Это спокойствіе Еноха оказало свое обычное умиротворяющее дѣйствіе, и когда разсказъ достигъ кульминаціоннаго пункта, а именно одновременной смерти всѣхъ египетскихъ первенцовъ, вниманіе слушателей снова всецѣло вернулось къ разсказчику. Одновременная смерть всѣхъ первенцовъ возбудила общій ужасъ. О ней слушали съ широко открытыми ртами, съ выраженіемъ тревоги и глубокаго сожалѣнія въ глазахъ. Видно, эти дѣти еще не дѣлали различія между національностями, населяющими міръ, и ничего не знали о томъ, что одна изъ этихъ національностей можетъ ненавидѣть другую и радоваться ея несчастью. Ихъ мудрость еще не достигла до ступени познанія ненависти и мести. Они жалѣли египетскихъ первенцовъ точно такъ же, какъ жалѣли бы израильскихъ. Но Енохъ уже приблизился къ упомянутой ступени и не чувствовалъ ни малѣйшаго сожалѣнія къ египетскимъ первенцамъ.

Съ блестящими глазами и оживленной жестикуляціей, онъ уже сталъ разсказывать о рыданіяхъ и стонахъ, наполнившихъ Египетъ послѣ рокового событія, какъ вдругъ всѣ его слушатели закричали: „Смотрите! смотрите!“, протягивая указательные

пальцы въ одномъ направленіи, а Хаимка даже задрожалъ отъ радости.

На бульваръ вошла дама въ бѣломъ, легкомъ, какъ облако, платьѣ, съ темными волнами шелковистыхъ волосъ и громаднымъ букетомъ прекрасныхъ цвѣтовъ въ маленькихъ рукахъ, обтянутыхъ перчатками. Эту красивую стройную даму, сопровождали двое мужчинъ, тоже красивыхъ и стройныхъ.

Енохъ сидѣлъ на скамейкѣ одинъ, покинутый всѣми, но, не обращая на это вниманія, съ большимъ жаромъ продолжалъ разсказывать свою исторію двумъ деревцамъ, меланхолически покачивавшимъ надъ нимъ тощими вѣтками. Проходившая по бульвару прекрасная дама и ея чудные цвѣты не могли возбудить въ немъ никакого интереса, — уже давно суета и блескъ свѣта перестали привлекать его къ себѣ. Онъ весь потонулъ умомъ и чувствами въ серьезныхъ занятіяхъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ той стремительностью, съ какой болѣе легкомысленные и суетные товарищи Еноха погнались за явленіемъ, возбудившимъ ихъ восторгъ. Они цѣлой толпой бѣжали вслѣдъ за дамой въ бѣломъ платьѣ. Туча пыли поднималась изъ подъ ихъ ногъ, а крики ихъ наполняли воздухъ. Въ особенности Хаимка не въ силахъ былъ оторвать глазъ отъ прекраснаго букета. До сихъ поръ онъ видалъ цвѣты лишь на старыхъ платьяхъ изъ корзины старой Хаиты или измятые и полинялые цвѣты, украшавшіе старыя дырявыя шляпы, подобранныя въ мусорѣ. Никогда въ жизни онъ не видѣлъ живыхъ цвѣтовъ. Теперь онъ увидѣлъ и весь задрожалъ отъ восхищенія. Въ своемъ увлеченіи онъ забылъ о маленькомъ Мендлѣ, который, будучи не въ силахъ поспѣть за нимъ, сѣлъ

посрединѣ бульвара и ревмя ревѣлъ, пронзительно крича. Другіе мальчики, менѣе смѣлые, или, можетъ быть, менѣе воспріимчивые къ прекрасному, бѣжали за дамой въ бѣломъ платьѣ на почтительномъ разстояніи, только издали показывая пальцами на нее и ея букетъ. Но Хаимка перебѣгалъ ей дорогу и, протянувъ обѣ руки къ цвѣтамъ, умоляюще смотрѣлъ на нее. Сначала она не обращала вниманія ни на ребенка, ни на его полуробкіе, полунастойчивые жесты, но вдругъ Хаимка схватилъ ее за платье и слегка потянулъ къ себѣ. Тогда она остановилась и съ улыбкой посмотрѣла на ребенка. Ея бархатные спокойные глаза встрѣтились съ сверкающими, какъ черные брилліанты, глазами ребенка. Нагнувшись къ нему, она спросила:

— Чего ты хочешь, малютка?

Хаимка робко коснулся пальцемъ ея букета. Дама засмѣялась и ласково положила руку на густыя кудри ребенка.

— Хорошенько попроси, — сказала она.

Хаимка стоялъ неподвижно и смотрѣлъ ей въ глаза нѣсколько испуганнымъ взглядомъ; губы его задрожали, какъ бы онъ собирался заплакать. Неудивительно: языка, на которомъ заговорила съ нимъ прекрасная дама, онъ не понималъ.

— Скажи: „дай цвѣтокъ!“.

Хаимка догадался, что женщина учитъ его какимъ-то неизвѣстнымъ словамъ. Въ его широко раскрытыхъ глазахъ блеснули умъ и вниманіе.

Онъ пробормоталъ сначала что-то непонятное, но черезъ минуту, со взрывомъ радости и по дѣтски путая трудныя слова, громко крикнулъ:

— Дай цвѣтокъ!

Тогда женщина въ бѣломъ платьѣ весело загля-

нула ему глубоко въ глаза и, отдѣливъ отъ букета немалую часть цвѣтовъ, дала ихъ ребенку.

Хаимка схватилъ ея руку и покрылъ ее страстными поцѣлуями.

Спустя минуту онъ бѣжалъ вдоль улицы, ведущей въ еврейскую часть города. Въ высоко поднятыхъ рукахъ онъ держалъ цвѣты и бѣжалъ быстро, не слушая призывовъ гнавшихся за нимъ товарищей. Если тѣ его догоняли, то онъ отмахивался отъ нихъ и руками, и ногами. Такъ онъ пробѣжалъ нѣсколько узкихъ улицъ, нѣсколько двориковъ и вбѣжалъ въ свою избушку.

Солнце заходило. Его косые лучи освѣщали маленькія окна и истлѣвшія рамы. О, благословенно будь солнце, золотящее иногда черныя стѣны такихъ низкихъ избушекъ, украшающее пурпуровыми полосами глиняныя печи и кладущее теплые поцѣлуи на сморщенное лицо старой, сгорбленной и измученной тряпичницы.

Весь освѣщенный розовыми лучами заходящаго солнца, съ цвѣтами въ высоко поднятой рукѣ, задыхающійся Хаимка остановился передъ Хаитой, сидѣвшей на низкомъ стулѣ и дрожащей рукой перебиравшей старыя тряпки. Бѣлоснѣжныя лиліи, пышныя розы, голубыя, какъ небо незабудки, высокая трава съ серебристой каймой блеснули на солнцѣ, точно упавшая съ неба радуга. Ихъ упоительный ароматъ наполнилъ избушку отъ чернаго потолка, до глинянаго пола. Хаита всплеснула руками и отъ удивленія широко раскрыла ротъ и глаза.

— Хаимке! — воскликнула она, — ай! ай! Хаимке! — а откуда ты взялъ такую красоту? Гдѣ ты нашелъ эти брилліанты? Дай ты мнѣ ихъ сюда, я нагляжусь на нихъ! Ай! какъ они пахнутъ!

Чувство невыразимаго блаженства разливалось по лицу Хаиты, когда она, взявъ въ руки прекрасные цвѣты, любовалась ими, то поднося ихъ къ себѣ, то отдаляя, прищуривала глаза и почти цѣликомъ погружала въ нихъ носъ, украшенный большими очками, нѣжно ласкала рукой широкую траву съ серебристой каймой, будто любимое дитя и поминутно повторяя:

— Ай! ай, какъ это красиво! какъ это пахнетъ! какъ это блеститъ!..

И трудно было бы рѣшить, кто изъ этихъ двухъ существъ, ребенокъ или старуха, больше радовался дивнымъ твореніямъ природы, внезапно засіявшимъ въ ихъ темной и душной житейской тюрьмѣ, освѣтившимъ предъ ними на мигъ блескомъ роскоши мракъ нищеты. Они оба радовались наивно, громко, весело, но радость ребенка продолжалась дольше. Черезъ четверть часа Хаита покачала головой и какъ-то печально вздохнула.

— Когда я была молода ... — прошептала она, — и долго потомъ шептала о чемъ-то, качая головой, а Хаимка сидѣлъ въ уголкѣ на перинѣ и разсказывалъ бабушкѣ о прекрасной дамѣ, о томъ, какимъ образомъ онъ получилъ отъ нея цвѣты, и ежеминутно цѣловалъ розы и лиліи. Но послѣ прилива радости бабушка какъ-то опечалилась, а ночью часто просыпалась, стонала, вздыхала и слышала, какъ въ темнотѣ, дѣтскій голосокъ умоляюще, сквозь сонъ говорилъ:

— Дай цвѣтокъ!

Хаимкѣ снилась женщина въ бѣломъ платьѣ и цвѣты. Ничего удивительнаго, ибо онъ спалъ, обвѣянный ихъ ароматомъ. Въ эту ночь онъ, точно второй Геліогабалъ, спалъ на цвѣтахъ. Боясь, чтобы

они не исчезли, Хаимка положилъ ихъ къ себѣ подъ подушку, подъ свою тоненькую полушечку въ синей полотняной наволочкѣ.

Горестное пробужденіе! На другой день Хаита, говоря, какъ обычно, на разсвѣтѣ утреннія молитвы, услыхала позади себя громкое рыданіе. Она повернулась, перелъ ея глазами предстала такая картина:

На вязанкѣ соломы, прикрытой тонкой перинкой, сидѣлъ Хаимка съ растрепавшимися во снѣ волосами, а его колѣни, едва прикрытыя старой рубашкой, и маленькія голыя ноги были осыпаны разлавленными и увядшими цвѣтами.

Проснувшись, онъ сейчасъ полѣзъ подъ подушку и извлекъ оттуда свои сокровища, но въ какомъ видѣ! Атласные лепестки лиліи пожелтѣли и были разорваны, отъ розъ, на половину лишившихся лепестковъ, сохранились лишь увялшіе стебли, широкая зеленая трава измѣнилась до неузнаваемости ... Это уже были не цвѣты, а едва слабое воспоминаніе о нихъ. Хаимка, опустивъ руки, смотрѣлъ на нихъ и громко плакалъ. Напрасно утѣшала его бабушка, напрасно она бранила его, угрожая высѣчь розгой ... Хаимка ничего не слышалъ, не видѣлъ. Крупныя жгучія слезы ручьемъ лились по его щекамъ и, капая на завядшіе цвѣты, покрывали ихъ обильной росой. Одна только вѣтка незабудокъ еще сохранила немного свѣжести и красокъ. Голубыя звѣздочки съ золотистыми глазами, казалось, нѣжно и ласково смотрѣли на плачущаго ребенка ...

Однажды былъ печальный осенній вечеръ. За окнами Хаитиной избушки по узкому дворику съ жалобнымъ свистомъ проносился вѣтеръ, а когда онъ умолкалъ, то слышался шумъ дождевыхъ капель, уда-

рявшихся о мостовую. Хаита лежала на кровати, стонала и вздыхала. Слабый огонь лампочки скользилъ по лицу спавшаго рядомъ съ ней Хаимки. Хаита устремила на его лицо неподвижные глаза и по привычкѣ вполголоса разговаривала сама съ собой:

— Ой! мое ты бѣдное, несчастное дитя, что станется съ тобой, когда моя душа разлучится съ тѣломъ? Что съ тобой будетъ, когда Предвѣчный призоветъ мою душу, чтобы она ушла отсюда и соединилась въ вѣчномъ свѣтѣ съ душами моей матери и моего отца, моего мужа Лейбы и моего брата Авраама, двухъ моихъ сыновей и дорогой моей дочери Малки? А что я скажу моей Малкѣ, когда она меня спроситъ: „Матуля, что ты сдѣлала съ моимъ маленькимъ сыномъ Хаимкой? оставила ли ты при немъ кого-нибудь, кто дастъ хлѣба его тѣлу и разума его душѣ“? Когда спроситъ она меня такъ, такъ я отъ великаго стыда не смогу и глазъ поднять на нее, на мою любимую, ненаглядную Малку, и только зальюсь вся слезами, ибо я ея милаго Хаимку одного одинешенькаго оставлю на свѣтѣ... Онъ такой маленькій и самъ себѣ не сможетъ ничѣмъ помочь... У него такія маленькія руки, что онъ ими себѣ ничего не заработаетъ, а голова его такая глупая, что приведетъ его къ великимъ несчастіямъ! Ой! бѣдная, несчастная голова моя!..

Такъ раздумывала и сѣтовала старая Хаита. Въ этотъ вечеръ ею овладѣли мысли о смерти, потому что на дворѣ было печально и темно, жалобно стоналъ вѣтеръ, у нея болѣли кости, болѣла голова, окутанная желтымъ платкомъ, а на сердцѣ становилось такъ тяжело, что ей казалось, будто съ каждымъ вздохомъ улетаетъ изъ тѣла частица ея души.

И къ тому же уже нѣсколько дней ее мучили тяжелыя заботы. Потому ли, что у нея уже не хватило силъ и энергіи для бѣготни, или потому, что ея конкурентка Ента, какъ болѣе молодая и здоровая, всюду поспѣвала раньше ея, но уже почти цѣлую недѣлю Хаитѣ не удавалось ничего заработать. Раза два она уже почти прямо говорила Хаимкѣ: „Ну, выпроси сегодня тамъ у пурицовъ нѣсколько копѣекъ“.

Былъ поздній вечеръ, и давно уже пора было раздѣться и лечь подъ перину, но старая Хаита долго еще лежала на постели одѣтая и долго вполголоса бормотала что-то про себя, глядя на спящаго внука. Потомъ съ трудомъ поднялась съ кровати, набросила на себя дырявый платокъ и, не обращая вниманія ни на ночной мракъ, ни на дождь и вѣтеръ, вышла изъ дому. Съежившись, сгорбившись, вытянувъ руки впередъ, хлестаемая дождемъ, проникавшимъ насквозь ея порванную одежду, она пробиралась черезъ извилистые дворики и узкія улицы. Ноги ея ежеминутно спотыкались и скользили по острымъ камнямъ или попадали въ глубокія лужи. Шла она очень медленно. Наконецъ Хаита достигла цѣли своего путешествія и, войдя въ темныя сѣни какого-то низенькаго домика, постучала въ двери.

— Кто тамъ? — спросилъ извнутри мужской голосъ.

— Хаита робко назвала свое имя.

— Войдите!

Комната, въ которую вошла Хаита, была довольно большая, но бѣдная. Въ глубинѣ ея, на простой табуреткѣ сидѣлъ у стола, на которомъ лежала большая раскрытая книга, человѣкъ въ длинной потертой одеждѣ до земли, съ смуглымъ лицомъ, почти

совершенно обросшимъ темными волосами. Человѣкъ этотъ вчитывался въ лежавшую передъ нимъ книгу, очевидно, съ большимъ напряженіемъ умственныхъ и душевныхъ силъ, ибо, когда онъ обратилъ свои глаза на входящую женщину, то зрачки его были затуманены, какъ бываетъ съ тѣми, кто съ трудомъ можетъ оторваться отъ предмета своихъ мыслей. Онъ не разсердился, что помѣшали его занятію, и ласковымъ голосомъ спросилъ:

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ такъ поздно? Развѣ у васъ случилось какое-нибудь несчастье?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я покинула домъ моихъ родителей, несчастіе стало спутникомъ всѣхъ моихъ дней, — прошептала женщина.

— Такова значитъ воля Предвѣчнаго, — нѣсколько сурово отвѣтилъ мужчина и спросилъ: — Чего вы хотите отъ меня?

Хаита нагнулась и, схвативъ его темную руку, прижала ее къ губамъ.

— Ребе! — сказала она, — я пришла просить тебя за моего внука, за невиннаго ребенка, который можетъ стать очень несчастнымъ, если ты не сжалишься надъ нимъ!

И Хаита стала разсказывать о тревогахъ и безпокойствахъ, которыми наполняла ее будущая судьба ребенка.

— Ребе, — говорила она, — я открою тебѣ мое сердце. Я совершила великій грѣхъ, я сама учила этого ребенка нищенству ... Ребе! пусть твои глаза не смотрятъ на меня съ гнѣвомъ ... мнѣ тяжело жить ... Но я страшно боюсь за ребенка. Онъ научился просить милостыню, а это наука худая ... она можетъ привести его къ тому, что онъ начнетъ красть! Ай! ай! Ребе! я этого не хочу! Я очень боюсь этого!

И дѣйствительно Хаита дрожала всѣмъ тѣломъ, точно ее трясла лихорадка.

— Ребе! не одинъ грѣхъ лежитъ на моей совѣсти! Не разъ случалось, что я продавала худую одежду за хорошую, а, покупая хорошую вещь, платила за нее, какъ за ничего не стоющую тряпку. Случалось, что я показывала людямъ мой товаръ не съ той стороны, гдѣ онъ былъ дырявый, а съ той, гдѣ онъ былъ цѣлый. Дырявую сторону я всячески прятала отъ ихъ взгляда. Бывало, я питала въ сердцѣ моемъ великую ненависть и зависть къ Ентѣ, которая тоже торгуетъ старьемъ. Я ссорилась и дралась съ нею изъ-за ничтожнаго заработка. Видишь, Ребе, я открываю тебѣ всю мою душу, но ты не смотри на меня съ гнѣвомъ и презрѣніемъ за то, что я дѣлала это все, потому... потому что мнѣ такъ тяжело жить!.. Но ты, Ребе, понимаешь, что я не хочу, чтобы моему Хаимкѣ пришлось грѣшить такъ же, какъ грѣшила я! Я боюсь этого! Сжалься надъ маленькимъ невиннымъ ребенкомъ! Онъ такой красивый и умный и еще такой маленькій!.. Возьми ты моего внука подъ свою опеку, какъ не разъ уже ты бралъ бѣдныхъ дѣтей. Сдѣлай такъ, чтобы онъ могъ учиться и набирать разума въ свою голову, и чтобы, когда моя душа разведется съ моимъ тѣломъ, и для него нашелся кусокъ хлѣба! Ты добрый, ребе, ты всегда жалѣешь бѣдныхъ людей! Твое милосердіе, какъ и твоя мудрость, извѣстно всему свѣту! Пусть же и для меня найдется милость въ твоихъ глазахъ и состраданіе въ сердцѣ твоемъ!

Ребе молча и со вниманіемъ слушалъ взволнованную рѣчь старой женщины. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Будь спокойна! Я исполню твою просьбу и займусь твоимъ внукомъ! Я возьму его въ свой домъ и устрою для него сборъ. Я буду посылать его въ Талмудъ-Тору и самъ буду его учить!

Страдальческое и умоляющее лицо Хаиты просіяло радостью и глубокой благодарностью. Она громко заплакала.

— О чемъ ты плачешь? — спросилъ ее ребе.

— О, ребе! прости мнѣ мои слезы! это глупыя слезы, но онѣ идутъ изъ моего сердца къ глазамъ моимъ, и я не могу ихъ удержать въ себѣ ... У меня никого нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ, только онъ одинъ ... До сихъ поръ я и онъ жили вмѣстѣ, какъ двѣ капли воды, брошенныя вѣтромъ на песокъ и постоянно смотрящія другъ на друга. Когда ты, ребе, возьмешь моего Хаимку къ себѣ въ домъ, я останусь безъ него, какъ глазъ безъ зрачковъ, какъ тѣло безъ души. Позволь мнѣ, ребе, по крайней мѣрѣ, почаще приходить въ твой домъ, и, глядя на него, тѣшить свои старые глаза ...

На другой день въ лачугу Хаиты пришелъ ребъ Нохимъ и, взявъ за руку испуганнаго и плачущаго Хаимку, увелъ его въ свой домъ.

Кто же такой ребъ Нохимъ? Ребъ Нохимъ широко извѣстенъ израильской бѣдностѣ своей ученостью и милосердіемъ. Онъ большой знатокъ Талмуда и неутомимо изучаетъ науку каббалы. Говорятъ что для его взгляда нѣтъ ничего скрытаго ни на небѣ, ни на землѣ, но я не берусь утверждать это съ увѣренностью. Зато я имѣю неопровержимыя доказательства его великаго состраданія къ людямъ, ибо послѣдствія его видѣла собственными глазами. Я часто видѣла, какъ онъ цѣлыми толпами собиралъ вокругъ себя бѣдныхъ, оборванныхъ, голодныхъ

израильскихъ дѣтей. Я видѣла, какъ его рука служила опорой сгорбленнымъ, немощнымъ старикамъ... Но объ этомъ говорить еще не время ... Я укажу лишь на одну только черту характера ребъ Нохима, которая, какъ мнѣ кажется, можетъ оказать сильное вліяніе на будущее нравственное и умственное развитіе Хаимки. Ребъ-Нохимъ, кромѣ древне-еврейскаго языка и жаргона, никакой другой рѣчи, никакихъ другихъ выраженій не понимаетъ и ни разу въ жизни не произнесъ ... Цѣликомъ углубившись въ изученіе религіи, въ изслѣдованіе тайнъ каббалы, — трудъ повѣрьте мнѣ, вовсе не шуточный, онъ не имѣлъ времени научиться языку страны, которая уже для его прапрадѣдовъ была родной страной. Я полагаю, однако, что помимо недостатка времени это незнаніе ребъ-Нохима имѣетъ и другую причину ...

Но, можетъ быть, тѣ бѣлыя лиліи, на которыхъ Хаимка проспалъ одну ночь, можетъ быть, тѣ незабудки своимъ голубымъ взоромъ будутъ говорить ему: „помни!“ ..

... Хаимка живетъ у ребъ-Нохима и посѣщаетъ Талмудъ-Тору, а по вечерамъ ребъ-Нохимъ учитъ его самъ. Онъ ведетъ съ ребенкомъ долгіе разговоры, разсказываетъ ему много исторій изъ священныхъ книгъ Израиля, а это немалая жертва съ его стороны, ибо эти бесѣды отнимаютъ у него драгоцѣнное время, отрываютъ его отъ излюбленныхъ занятій и молитвъ. Но чего не сдѣлаетъ ребъ-Нохимъ, когда онъ видитъ, что кто-нибудь нуждается въ его помощи, или что онъ можетъ въ чьемъ-нибудь маленькомъ сердцѣ зажечь великую любовь къ израильскому народу и его вѣрѣ!

Однажды вечеромъ ребъ-Нохимъ училъ Хаимку.

Оба они сидѣли въ низкой, бѣдной комнатѣ другъ противъ друга: мужчина съ темнымъ лицомъ и густой бородой опирался локтемъ о столъ, а руку поднялъ вверхъ; ребенокъ съ умнымъ личикомъ сидѣлъ на высокомъ стулѣ, не доставая ногами до земли, положивъ на столъ маленькія сплетенныя руки, выпрямившись и устремивъ въ лицо учителя большіе серьезные глаза.

Ребъ-Нохимъ мистикъ. Онъ вѣритъ во всѣхъ сверхъестественныхъ существъ, о которыхъ говорятъ священныя книги, но къ нѣкоторымъ ангеламъ онъ питаетъ особенную любовь. Именно этой любовью онъ и хочетъ подѣлиться со своимъ ученикомъ. Онъ разсказываетъ ему объ ангелѣ Сандальфонѣ, который, стоя у небесныхъ вратъ, ловитъ молитвы, несущіяся съ земли къ небу, превращаетъ ихъ въ цвѣты дивной красоты, сплетаетъ изъ нихъ вѣнки и кладетъ ихъ у стопъ Іеговы.

Хаимка слушалъ объ ангелѣ молитвы съ чрезвычайнымъ восторгомъ и, словно желая его увидѣть, поднялъ глаза вверхъ. Тогда въ его воображеніи внезапно воскресла женщина въ бѣломъ платьѣ, видѣнная имъ когда-то на бульварѣ. Онъ увидѣлъ ея нѣжное лицо, склонившееся надъ нимъ, сверкающіе серебромъ глаза и, заглядѣвшись, громко, съ улыбкой, сказалъ:

— Дай цвѣтокъ!

Ребъ Нохимъ былъ весьма удивленъ этими незнакомыми ему словами, сказанными ребенкомъ ...

25 pyr

25=

